

РАССКАЗЫ О ПОТОМКАХ
А. С. ПУШКИНА

В. М. Русаков

РАССКАЗЫ
О ПОТОМКАХ
А. С. ПУШКИНА

В. М. Русаков

ЛЕНИЗДАТ

РАССКАЗЫ
О ПОТОМКАХ
А. С. ПУШКИНА

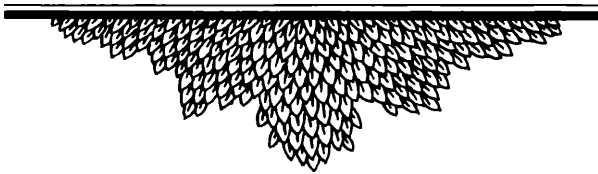

В. М. Русаков

РАССКАЗЫ
О ПОТОМКАХ
А. С. ПУШКИНА

ББК 63.2
P88

Редактор Э. Ф. Кузнецова

Р $\frac{4603020101-081}{M171(03)-92}$ 96-92

ISBN 5-289-01238-9

© В. М. Русаков, 1992

*Светлой памяти моей сестры
Надежды Михайловны
посвящаю*

ОТ АВТОРА

В последние годы заметно повысился интерес советских людей к истории страны и народа, к истокам отечественной и мировой культуры. Этот живой, непреходящий интерес распространился и на область генеалогии, в первую очередь пушкинской. Труды о предках, семье и потомках А. С. Пушкина пользуются особой популярностью.

Мои научно-художественные книги о потомках великого поэта, трижды — в 1974, 1978 и 1982 годах — вышедшие в Лениздате, а также в издательстве «Советская Россия» (1987), получили единодушное признание выдающихся советских литературоведов М. П. Алексеева, Д. Д. Благого, Н. В. Измайлова, И. Л. Фейнберга, видного английского ученого-слависта, профессора Оксфордского университета Джона Симмонса, многих других известных деятелей науки, искусства и литературы, миллионов читателей-пушкинолюбов не только в нашей стране, но и за рубежом.

В предлагаемом вниманию читателей труде прослеживается более чем полуторазековая история потомства Пушкина. Судьбы потомков рассматриваются в тесной связи с жизнью и творчеством поэта, с русской и мировой историей. Книга содержит немало ценных в научном и познавательном отношении документальных сведений о рукописях и библиотеке Пушкина, его портретах и вещах, длительное время находившихся у потомков поэта, а иногда и по сей день хранящихся у них.

В рассказах-исследованиях, включенных в это издание, много нового материала, касающегося в первую очередь тех потомков Пушкина, которые в годы массовых репрессий в нашей стране разделили трагическую участь миллионов честных людей. Существенно расширена, дополнена новыми данными, уточнена родословная роспись, прежний обширный тематический перечень литературы заменен кратким списком основных научных трудов по пушкинской генеалогии.

За помощь в работе над книгой приношу сердечную благодарность советским и зарубежным потомкам А. С. Пушкина — Н. С. Шепелевой, Н. Е. Воронцовой, И. Е. Гибшман, С. Е. Клименко, В. М. Воронцову-Вельяминову, М. С. Данилевской, М. С. Чалик, Н. С. Савельевой, Г. А. Галину, С. Б. Пушкину,

М. Г. Пушкину, А. А. Кологривову, О. А. Бунеевой, В. О. Кологривову, Л. В. Савельевой, В. В. Сванидзе, Т. И. Лукаш, А. Г. Тури, Г. С. Усовой, М. С. Пушкиной, Е. М. Пушкиной, Т. А. Якуниной, А.-А. Аберкорн, Ф.-М. Бернет оф Лиз и М.-Д. Кроли, всем членам семейств Филипс и Баттер (Великобритания), А. Г. Сванидзе. Я признателен также писательнице и переводчице Т. М. Вольф (Лондон), коллекционерам И. И. Потоцкому и Н. И. Потоцкой, фотографу В. В. Чубукову (Москва), кандидату филологических наук М. Ш.-Файнштейну и переводчику В. Н. Борисову (С.-Петербург), барону А. Н. Гревеницу (Брюссель), фотокорреспонденту В. И. Жарносекову (Вильнюс), учительнице русского языка и литературы В. М. Злобиной (с. Новая Усмань Воронежской обл.), переводчику Д. И. Дёмину (Москва), фотокорреспонденту И. П. Потемкину (С.-Петербург), сотрудникам научных учреждений, центральных и местных архивов, содействовавшим рождению моих произведений о потомках великого русского поэта.

«...Дорожу именем моих предков»

А. С. Пушкин относился к своему родословию с неослабевающим интересом. По мысли великого поэта, хроника жизни его предков тесно переплелась с героическим прошлым Русского государства, а деяния многих из них оставили заметный след в истории отечества. По праву благодарного потомка доблестных пращуров он писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

В письмах, биографических заметках и стихах поэта мы находим его высказывания о собственной родословной. Так, в одном из писем 1831 года Пушкин подчеркивал: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них».

В «Начале автобиографии» Александр Сергеевич с удовлетворением сообщал: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории». Там же читаем: «Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых...»*

В драме «Борис Годунов» одним из действующих лиц является думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин, который обрисован, по собственному признанию Пушкина, «соп атоге**, но безо всякой дворянской спеси». В наброске предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал о Гавриле Григорьевиче: «...я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик». Гаврила Пушкин показан неукротимым врагом царя Бориса. Последний с негодованием

---

*Ученые выяснили впоследствии, что фактически грамоту об избрании царем Михаила Федоровича Романова подписали семеро представителей пушкинского рода (всего под грамотой стояло 277 подписей выборных). См.: *Муравьев М. В.* Родословие А. С. Пушкина//Пушкинский сборник (В память столетия дня рождения поэта).— СПб., 1899.— С. 658—660.

**С любовью (*ит.*).

А. С. Пушкин. С портрета
худ. О. А. Кипренского.
1827 г.

воскликает: «Противен мне род Пушкиных мятежный...» Другой Пушкин, Афанасий Михайлович, также выведенный в драме,— лицо исторически нереальное, вымышленное.

Особенно ярко проявилось отношение великого классика к истории своего рода в стихотворении «Моя родословная» (1830). Непосредственным поводом для создания его послужили выступления в печати литераторов Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого, обвинявших Пушкина в аристократизме, то есть в стремлении причислить себя к привилегированному сословию. Поэт противопоставляет своих предков так называемой новой знати — тем, кто сделал или делает карьеру путем угодничества перед монархами.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...

Автор этих едких строчек намекает на прошлое известных царских фаворитов — сына придворного конюха А. Д. Меншикова, ставшего государственным и военным деятелем, сподвижником Петра I; бывшего камердинера Павла I И. П. Кутайсова, благодетельствованного царем (сын Кутайсова впоследствии стал сенатором); А. Г. Разумовского, простого певчего, впоследствии мorganатического супруга императрицы Елизаветы Петров-

ны (племянник его, А. К. Разумовский, в пушкинское время был министром народного просвещения); сына безвестного малороссийского писаря А. А. Безбородко, получившего по воле Екатерины II графское достоинство, а позднее и княжеский титул.

Предки А. С. Пушкина были людьми независимыми, уважаемыми («Бывало, нами дорожили», — читаем в «Моей родословной»). Их бескорыстие в служении родине восхищало и радовало пламенного певца свободы. И он гордился тем, что ведет свой род из глубины веков — от легендарного Ратши (Рачи), «мужа честна», который «мышцей бранной святому Невскому служил»*.

На фоне больших исторических событий, оживших во многих произведениях Пушкина, поэт с присущей ему беспристрастностью показал и сложные, подчас драматические судьбы своих предков.

Упрямства дух нам всем подгадил.
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

«Пращур» — это Федор Матвеевич Пушкин, казненный в 1697 году за участие в стрелецком заговоре против Петра I. А дед поэта, Лев Александрович Пушкин, был среди тех, кто открыто противодействовал восшествию на престол Екатерины II, отказался присягнуть ей.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.

В постскриптуме к «Моей родословной», парируя мышления Булгарина, намекавшего в одной из своих гаденьких заметок (Северная пчела, 1830, 7 августа) на то, что прадед Пушкина по материнской линии Абрам Петрович Ганнибал был куплен шкипером за бутылку рома, поэт с достоинством заявлял:

Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Прадеду своему Абраму Ганнибалу, сыну владетельного абиссинского князя, а затем «птенцу гнезда Петро-

---

* Позднее было установлено, что Ратша прибыл «из немец» в Новгород в первой половине XII века.

ва», Пушкин посвятил оставшийся незавершенным роман «Арап Петра Великого», писал о нем и в автобиографических заметках.

Мысли и слова Пушкина о своей родословной проникнуты бережным, любовным отношением к памяти предков, к их делам и заслугам. С уважением относился поэт и к ближайшим родственникам: матери, отцу, сестре, брату, бабушке, дяде — людям своеобразной индивидуальности.

Мать поэта, Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал (1775—1836), унаследовала от своего деда Абрама Ганнибала смуглый цвет лица и курчавые волосы, за что современники называли ее «прекрасной креолкой». Она получила хорошее по тому времени образование, знала французскую литературу и музыку. От деда же, «арапа Петра Великого», мать Пушкина унаследовала и африканский характер, вспыльчивый и раздражительный. Воспитанием детей она тяготилась, нередко бывала несправедлива к ним, особенно к старшему сыну Александру. Его поведение Надежде Осиповне казалось необъяснимо странным: мальчик был то слишком замкнут, сосредоточен, то, напротив, чересчур резв. А это не отвечало сложившимся в семье представлениям о том, каким должно быть воспитанное дворянское дитя. Поэтому в отношениях Пушкина с матерью не было сердечности, дружеского тепла.

Лишь в последние месяцы жизни Надежда Осиповна поняла наконец, какое доброе, великодушное сердце у ее старшего сына. Пушкин окружил тяжелобольную мать таким вниманием, ухаживал за нею с такой трогательной нежностью, что, по воспоминаниям близкой приятельницы поэта баронессы Е. Н. Вревской (урожд. Вульф)*¹, Надежда Осиповна «узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавая, что она не умела его ценить».

После смерти Н. О. Пушкиной, писала Е. Н. Вревская, Александр Сергеевич «был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу», которая дала ему «такое короткое время пользоваться нежностью материнской».

Отец поэта, Сергей Львович Пушкин (1770—1848), дружил с крупнейшими писателями и поэтами своего времени — Н. М. Карамзиным, К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским, И. И. Дмитриевым, П. А. Вяземским. Он имел хорошие актерские данные, участвовал в до-

---

* Примечания даны в конце книги.

машних спектаклях, мастерски читал французских авторов, из которых особенно любил Мольера. Писал стихи и экспромты.

Отношения Пушкина с отцом, как и с матерью, были напряженными. Но особенно тягостными они стали осенью 1824 года, в первые месяцы михайловской ссылки поэта, когда Сергей Львович увидел в Александре опасного проповедника «афеизма»— безбожия, он считал, что тот дурно влияет на младшего брата и сестру. Родственные связи отца и сына несколько укрепились, потеплели только в 1830-е годы. К тому времени Сергей Львович постарел, здоровье его заметно ухудшилось, а хозяйственные дела семьи пришли в полное расстройство. Поэт вынужден был взять на себя все хлопоты по управлению имениями в Михайловском и Болдине.

В жизни Пушкина, особенно в детские годы, добрый след оставила бабушка Мария Алексеевна Ганнибал (урожд. Пушкина) (1745—1818). По воспоминаниям сестры поэта Ольги Сергеевны, она была человек «ума светлого и по своему времени образованного». Саша общался с нею и в московском доме родителей, и в ее подмосковном селе Захарово, где Пушкины жили каждое лето с 1805 по 1810 год.

Именно у бабушки да еще у верной няни своей Арины Родионовны мальчик учился живому русскому языку, старинным народным речениям. Не случайно в творчестве Пушкина образы этих двух прекрасных русских женщин, пестовавших его, иногда сливаются воедино. Мария Алексеевна рассказывала внуку семейные предания, которые волновали его юное воображение, давали пищу уму. Услышанные от бабушки эпизоды из ее собственной жизни, а также из истории древнего знатного рода Ржевских, славившегося колоритными людьми (к нему Мария Алексеевна принадлежала по материнской линии), Пушкин использовал частично в «Арапе Петра Великого». Воспоминаниями о бабушке навеяно его стихотворение «Наперсница волшебной старины...» (1822). Ей посвящены и нежные благодарные строки в стихотворении «Сон» (1816):

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...

Благотворное влияние на раннее творчество Пушкина, на формирование его необычайно яркой писательской судьбы оказал дядя поэта Василий Львович Пушкин (1767—1830). Он в совершенстве знал несколько европейских языков, был большим мастером на каламбуры и всякого рода литературные экспромты.

О своем путешествии в Германию, Францию и Англию, предпринятом в 1803—1804 годах, Василий Львович интересно рассказал в путевых письмах (адресованы Н. М. Карамзину), опубликованных в «Вестнике Европы».

Литературную известность В. Л. Пушкину принесли его стихотворные повести, басни, сказки, мадригалы и эпиграммы. Но особенно большим и даже шумным успехом пользовалась у читателей его комическая поэма «Опасный сосед», написанная в 1811 году, быстро и широко распространившаяся в списках*. В 1816 году Василия Львовича приняли в литературное общество «Арзамас», членом которого через год стал и А. С. Пушкин.

Кстати сказать, именно В. Л. Пушкин летом 1811 года отвез двенадцатилетнего племянника Александра из Москвы в Царское Село для поступления в Лицей. А три года спустя он же передал в «Вестник Европы» стихотворение юного Пушкина «К другу стихотворцу», которое появилось в тринадцатом номере журнала за 1814 год. Это было первое напечатанное произведение поэта.

Некоторые юношеские стихи Пушкина адресованы дяде («Городок», 1815; «Дяде, назвавшему сочинителя братом», 1816; «В. Л. Пушкину», 1816, и др.). В романе «Евгений Онегин» он упоминает Буянова — героя «Опасного соседа».

В литературной жизни России конца XVIII и первых десятилетий XIX века Василий Львович Пушкин был, безусловно, явлением не только незаурядным, но и весьма своеобразным, особенно в области литературы так называемых малых жанров. Жизнь и творчество его — заметная страница в летописи пушкинского рода.

В детстве Пушкина связывала нежная дружба с сестрой Ольгой (1797—1868). Кроме общих игр и забав, их соединяло и нечто более серьезное. Оля была первой слушательницей стихов Пушкина-мальчика и первой зрительницей сочиненных им в детстве комедий-миниатюр.

---

* При жизни В. Л. Пушкина «Опасный сосед» был опубликован только один раз, в 1815 году, в Мюнхене. Также один раз, в 1822 году, Василий Львович издал сборник своих стихотворений.

тюр на французском языке, которые он ставил на домашней сцене. Одна из пьес — явное подражание Мольеру — называлась «Похититель». Оле пьеса не понравилась...

В 1814 году Пушкин, пятнадцатилетний лицеист, посвятил Ольге большое стихотворное послание «К сестре». Оно было вызвано переездом семьи из Москвы в Петербург. Пушкин не видел сестру почти три года и искренне желал встречи с нею:

Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клубук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

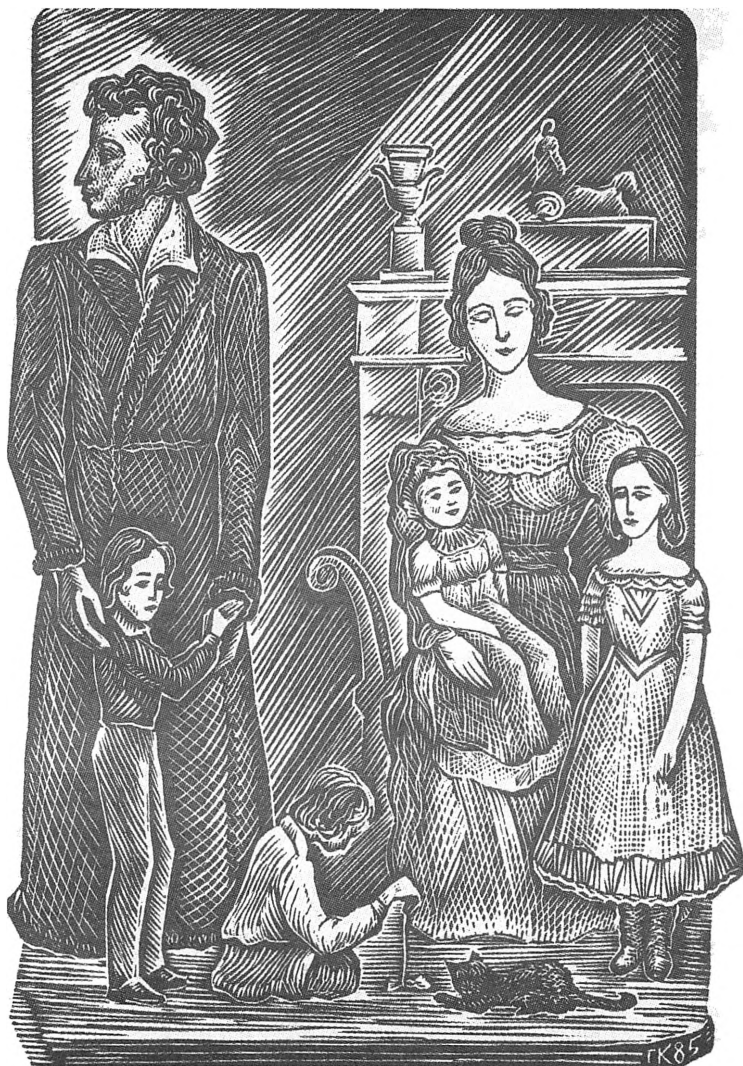
Во время серьезной ссоры Пушкина с отцом в Михайловском осенью 1824 года Ольга Сергеевна была на стороне брата и даже хотела, вопреки воле родительской, остаться с Александром в псковском имении, чтобы скрасить его одиночество.

А когда в январе 1828 года О. С. Пушкина без согласия отца и тайком от него обвенчалась с Николаем Ивановичем Павлищевым, Александр Сергеевич, по просьбе матери, встретил и благословил молодоженов в квартире лицейского друга А. А. Дельвига (там они временно поселились).

Брат Пушкина — Лев Сергеевич (1805—1852) был наделен значительными литературными способностями, острым умом и феноменальной памятью. Еще в марте 1821 года в письме к Дельвигу Пушкин делился своими мыслями о шестнадцатилетнем брате: «...он человек умный во всем смысле слова — и в нем прекрасная душа. <...> Я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови».

Перу Л. С. Пушкина принадлежит остроумная эпиграмма на брата, в ту пору жениха: «Он прикован, очарован, он совсем огончарован». В кругу друзей Лев Сергеевич охотно читал наизусть стихи брата. Причем, как гласит семейное предание, декламировал произведения Александра Сергеевича «лучше, чем делал это Пушкин»². Лев Сергеевич и сам сочинял стихи, некоторые из них увидели свет уже после его смерти. После кончины Льва Сергеевича был опубликован и его очерк «Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года» (Москвитянин, 1853, № 10), значение которого в исто-

А. С. Пушкин с семьей. Гравюра Г. А. Кулишова. 1985 г.

рии исследования жизни и творчества поэта трудно переоценить.

При жизни Льва Сергеевича в печати появилось лишь одно его стихотворение. И на него сразу обратил внимание В. Г. Белинский. В начале июля 1842 года он общал В. П. Боткину: «Славные стихи в 7 № «Отечественных записок» «Петр Великий»... читаю и перечитываю их с наслаждением — есть в них что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смелого, как, например, 16-й куплет»³. Белинский имел в виду строки:

Таков был ум его глубокий.
Но что чудесней: ум в Петре
Иль гражданина дух высокий
В самовластительном царе?

Правда, великий критик не знал, кто написал понравившееся ему стихотворение (под ним стояли лишь инициалы Л. П.). Авторство «Петра Великого» было установлено позднее И. С. Тургеневым, который вспоминал: «Белинский часто читал между друзьями стихотворение Льва Пушкина, брата поэта, «Петр Великий»...»⁴

Л. С. Пушкин поэтом себя не считал, к собственному творчеству относился равнодушно-пренебрежительно, хотя стихи писал со свойственной ему страстью. Зато он всю жизнь был ревнителем славы своего великого брата, свято хранил память о нем.

Льва Сергеевича связывало короткое знакомство не только с литераторами пушкинского круга, но и с поэтами младшего поколения — М. Ю. Лермонтовым, Я. П. Полонским, Н. Ф. Щербиной... Все, кто знал Льва Пушкина, любили его за независимость суждений и остроумие, за беспечно-добродушный нрав и необыкновенную общительность. Участник многих военных кампаний, он восхищал всех отменной храбростью и неприхотливостью в походной жизни.

В том злосчастном тридцать седьмом году, вернувшись из очередной экспедиции против чеченцев, он узнал, что любимого брата не стало. Смерть Александра была для Л. С. Пушкина тяжелым потрясением, долго не заживавшей раной.

Через полгода после гибели Пушкина Лев Сергеевич писал М. В. Юзефовичу: «...смерть брата для меня была ужасным ударом... Несправедлива тут судьба, его жизнь была необходима семейству, полезна отечеству, а моя лишняя, одинокая и о которой, кроме тебя и бедного отца моего, никто бы и не вздохнул»⁵.

Когда в июле 1841 года погиб на дуэли Михаил Юрьевич Лермонтов, потрясенный Лев Пушкин снял с руки мертвого поэта-друга перчатку, которую хранил потом, как святыню...

Шли годы, но не менялся Лев Сергеевич Пушкин. Получая чины и награды, он по-прежнему нисколько не заботился о карьере как военной, так и гражданской. И в этом отношении был похож на старшего брата.

* * *

В 1831 году А. С. Пушкин женился на Наталье Николаевне Гончаровой. Через год у них родилась дочь Мария, затем появились на свет сыновья Александр и Григорий и еще одна дочь, названная в честь матери Натальей. Глубоко и нежно любил поэт жену и детей, заботился о них, тревожился за их будущее...

Сегодня на родословном древе Пушкина появляются все новые и новые побеги. Некоторые потомки поэта сохраняют несомненное портретное сходство с ним. В других проявляются отдельные черты его характера. А кто-то из потомков Александра Сергеевича обнаружил и яркий талант, хоть и не в области литературы.

„ МОЕ СЕМЕЙСТВО
УМНОЖАЕТСЯ,
РАСТЕТ...“

Она смеялась по-пушкински звонко...

Ранним сентябрьским утром 1968 года я приехал на кладбище бывшего Донского монастыря в Москве, чтобы разыскать могилу старшей дочери А. С. Пушкина Марии Александровны Гартунг. Дежурный служитель кладбища не очень охотно пояснил:

— Могилу Пушкиной ищите слева от центрального проезда в крематорий...

И вот я медленно хожу по узким опрятным дорожкам. Редкие багряно-желтые листья, первые вестники золотого листопада, плавно и бесшумно ложатся к ногам на влажный асфальт. А в памяти оживают пушкинские строки:

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей.
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах...

Имена, имена, имена умерших... Внимательно вглядываюсь в начертанные на надгробиях слова, боясь пропустить имя той, ради которой пришел сюда; терпеливо ищу место последнего земного пристанища дочери великого поэта, восьмидесятисемилетняя жизнь которой как бы связывала «век нынешний и век минувший».

...Мария Пушкина, первенец Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных, родилась 19 мая

1832 года* в Петербурге, на Фурштатской улице (ныне участок дома № 20), в доме Алымовых, где Пушкин и его жена жили с начала мая до декабря 1832 года. Их квартира находилась во втором этаже.

В метрической книге Сергиевского «всей артиллерии» собора была сделана запись под № 50, в которой говорилось, что девочку крестили 7 июня и что при крещении ее восприемниками (крестными) были дед Сергей Львович Пушкин, бабушка Наталья Ивановна Гончарова, прадед Афанасий Николаевич Гончаров и тетка Н. Н. Пушкиной — Екатерина Ивановна Загрязская¹. Имя дочери Пушкины дали в честь покойной бабки поэта — Марии Алексеевны Ганнибал.

За три дня до крестин Маши Пушкин не без гордости писал В. Ф. Вяземской: «... представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы».

По преданию, вскоре после рождения дочери Пушкин сказал жене: «Вот тебе мой зарок: если когда-нибудь нашей Маше придет фантазия хоть один стих написать, первым делом выпори ее хорошенько, чтобы от этой дурри и следа не осталось!»²

Очень любил Александр Сергеевич свою «Машку», свою «беззубую Пускину». В письме к Н. Н. Пушкиной из Москвы от 22 сентября 1832 года он заботливо спрашивал: «А Маша-то? что ее золотуха..?» В другом письме (к П. А. Осиповой, май 1833 года) поэт делился своими переживаниями: «Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданыца эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страдания».

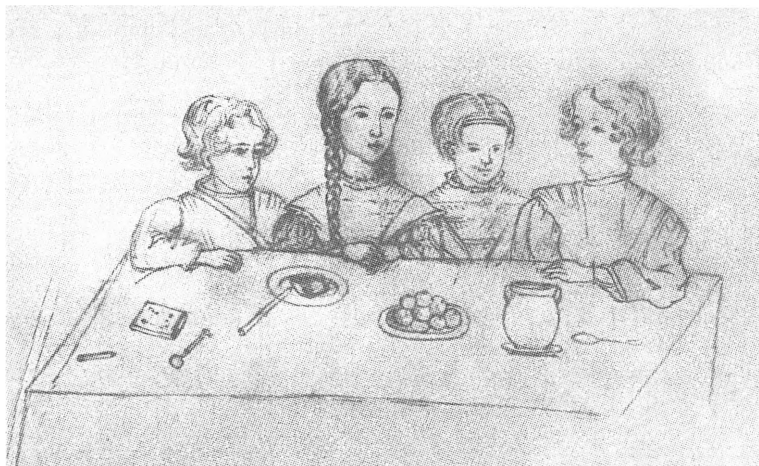
Отправившись в путешествие по пугачевским местам, чтобы собрать материал для будущей книги о предводителе крестьянской войны 1773—1775 годов, Пушкин 21 августа 1833 года писал жене из Тверской губернии: «...помнит ли меня Маша, и нет ли у ней новых затей?»

Через шесть дней он сообщал ей из Москвы: «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью».

Еще неделю спустя, 2 сентября, поэт с тревогой спрашивал Наталью Николаевну из Нижнего Новгорода:

---

*Даты до 1918 года здесь и далее приводятся по старому стилю.

Дети А. С. Пушкина (слева направо): Григорий, Мария, Наталья, Александр. Рисунок Н. И. Фризенгоф. 1841 г.

«...что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна?»

В письме к теще Н. И. Гончаровой от 14 июля 1835 года Александр Сергеевич шутил: «Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста».

Из Михайловского 14 сентября того же года Пушкин писал жене: «Прощай, душа; целую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя».

Четвертого мая 1836 года поэт сообщал Наталье Николаевне из Москвы: «Домик Нащокина* доведен до совершенства — недостает только живых человечиков. Как бы Маша им радовалась!»

Маше шел пятый год, когда погиб Пушкин. Она помнила отца, его голос, его смех. И сама — взрослой — смеялась по-пушкински звонко. По словам пушкиниста П. И. Бартенева, «выросши, она заняла красоты у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний задушевный смех, о котором А. С. Хомяков

---

* Речь идет об известной миниатюрной копии квартиры П. В. Нащокина, выполненной в начале 1830-х годов по его заказу. В этой квартире останавливался Пушкин. В настоящее время «Нащокинский домик» находится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи»³.

Современник, видевший семилетнюю дочь Пушкина, когда ее угощал конфетами дед Сергей Львович Пушкин; отмечал, что она была «премилая и бойкая девочка»⁴.

Когда Маша была еще совсем малюткой, родители поэта души в ней не чаяли. Так, в письме к дочери от 8 мая 1833 года Сергей Львович писал, что его «маленькая... хороша, как ангелок... Хотел бы я, дорогая Оленька, чтоб ты ее увидела, ты почувствуешь соблазн нарисовать ее портрет, ибо ничто, как она, не напоминает ангелов, писанных Рафаэлем».

В том же году, 17 июня, Надежда Осиповна сообщала дочери: «Маленькая очень мила, никого она так не любит, как своего деда; он от того, разумеется, в восторге, я не ревную, ибо она и меня любит, когда его не видит».

Правда, слабое здоровье внучки нередко внушало Н. О. Пушкиной тревожные мысли. Маше было около трех лет, когда Надежда Осиповна писала О. С. Павлицевой: «Мари... слабенькая, едва ходит... не думаю, чтоб она долго прожила»⁵.

К счастью, бабушкины опасения оказались напрасными: уже указывалось, что старшая дочь Пушкина прожила жизнь долгую и здоровье у нее было отменное.

В молодые годы Мария Александровна была очень хороша собой. «Что касается Маши,— читаем в письме ее матери, Н. Н. Пушкиной-Ланской, к П. П. Ланскому от 28 августа 1849 года,— то могу тебе сказать, что она... произвела впечатление у Строгановых. Графиня мне сказала, что ей понравилось и ее лицо, и улыбка, красивые зубы...» Продолжая вспоминать о недавнем обеде в доме своих родственников Строгановых, Наталья Николаевна в том же письме к мужу делилась собственной радостью: «Признаюсь тебе, что комплименты Маше мне доставляют в тысячу раз больше удовольствия, чем те, которые могут сделать мне»*. Пушкинист Н. О. Лернер в 1916 году писал, что в дочери Пушкина «соединялись красота матери с оригинальным экзотизмом отца»⁶. И даже в преклонном возрасте, по свидетельству правнучки А. С. Пушкина Н. С. Шепелевой, «она была вид-

---

* Здесь и далее письма Н. Н. Пушкиной-Ланской, а также А. Н. и Г. Фризенгофов цитируются по кн.: *Ободовская И., Деметьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам.*— 2-е изд.— М., 1987; *После смерти Пушкина: Неизвестные письма.*— М., 1980.

ная, стройная, очень эффектная женщина; при этом была умна».

Т. Н. Галина, правнучка поэта, считала, что внешнее сходство с Пушкиным у Марии Александровны особенно ярко выражалось в лобной части лица. Эту портретную черту Александра Сергеевича унаследовали и некоторые его потомки младших поколений.

Дочь поэта горячо любила русскую литературу, обладала незаурядными музыкальными способностями, хорошо играла на фортепьяно и рисовала. Близко знавшая ее с 1880 года Е. А. Регекампф, автор мемуаров «Из мира теней», отмечала, что в Марии Александровне «было симпатично то, что она часто говорила про отца»⁷.

В детские годы Маша Пушкина, как и остальные дети поэта, получила хорошее домашнее воспитание. Уже в девять лет она свободно говорила по-немецки и по-французски, писала и читала на этих языках.

Затем Мария училась в столичном Екатерининском институте — привилегированном женском учебном заведении. После окончания его в декабре 1852 года была принята ко двору — фрейлиной императрицы.

В апреле 1860 года М. А. Пушкина вышла замуж за поручика лейб-гвардии конного полка Леонида Николаевича Гартунга. Его отец, Николай Иванович Гартунг (1783*—1859), родом из Лифляндии, тоже был военным. В год рождения сына (1832) генерал-майор Н. И. Гартунг командовал резервными батальонами 24-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Киеве. Там же жила его жена — Екатерина Николаевна (1806—1884)⁸. В 1845 году он в чине генерал-лейтенанта был начальником 1-й гренадерской дивизии.

В начале 1850-х годов Леонид Гартунг воспитывался в Пажеском е. и. в. корпусе, где в это время обучались и сыновья Пушкина. В августе 1852 года Леонид Николаевич получил назначение в тот самый лейб-гвардии конный полк, куда за год до того был выпущен из Пажеского корпуса старший сын поэта Александр, а годом позже Гартунга пришел и младший сын Пушкина — Григорий. Через братьев Пушкиных, своих однокашников, а затем сослуживцев, Л. Н. Гартунг, вероятно, и познакомился с Марией Пушкиной, их сестрой.

За два года до женитьбы Леонид Николаевич был назначен исправляющим должность полкового казначея, в августе 1862-го его, уже штаб-ротмистра, отчислили от

---

* По другим источникам — 1802.

этой должности во фронт, а через два месяца утвердили полковым ремонтером. С той поры Л. Н. Гартунг в течение 15 лет, вплоть до смерти, занимался «пополнением убыли лошадей» в войсках.

В 1864 году Леонид Николаевич получил чин полковника. В это время он уже возглавлял коннозаводский округ в Тульской губернии. Здесь Гартунг и поселился с женой. Под Тулой ему принадлежало имение Федяшево, которым ранее (вероятно, с середины 1840-х годов) владел его отец⁹.

В «Адрес-календаре Тульской губернии на 1868 год» на с. 44 указано, что Леонид Николаевич Гартунг, почетный мировой судья, гвардии полковник, проживал в Туле на Дворянской улице, в доме г. Хрущева¹⁰.

Высочайшим приказом, отданным по военному ведомству в ноябре 1868 года, Л. Н. Гартунг «назначен управляющим московскими заведениями государственного коннозаводства с зачислением по армейской кавалерии»; с апреля 1869-го наряду с исполнением этих служебных обязанностей он заведует и 1-м коннозаводским округом*.

Семнадцатого апреля 1870 года Л. Н. Гартунг «за отличие по службе» произведен в генерал-майоры с назначением членом совета Главного управления государственного коннозаводства.

За 25 лет безукоризненной военной карьеры он стал кавалером пяти орденов — св. Станислава 1-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-й степени с императорской короной, св. Станислава 2-й степени с императорской короной и св. Станислава 3-й степени, имел бронзовую медаль в память войны с Англией, Францией и Турцией 1853—1856 годов.

А в начале января 1877 года генерал-майору Гартунгу «за успешно выполненную... 13 военно-конским участком г. Москвы поставку лошадей от населения по случаю приведения на военное положение части армии»** объявлено «высочайшее государя императора благоволение».

...В начале 1868 года Мария Александровна Гартунг познакомилась с Л. Н. Толстым. Это произошло в Туле, в доме генерала А. А. Тулубьева. Вот что рассказывала свояченица Толстого Т. А. Кузминская:

---

* В 1875 году переименован во 2-й коннозаводский округ.

** В апреле 1877 года Россия начала войну с Турцией за укрепление своего влияния на Балканах.

Мария Александровна Гартунг, дочь А. С. Пушкина. С портрета худ. И. К. Макарова. Середина 1860-х гг.

«...Дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

— Кто это?— спросил он, подходя ко мне.

— М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да-а,— протянул он,— теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»¹¹.

В экспозиции Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, в разделе, посвященном истории создания романа «Анна Каренина», помещен портрет М. А. Гартунг, выполненный в 1860-х годах академиком живописи И. К. Макаровым¹². Есть портретное изображение старшей дочери поэта — кисти того же художника — и в яснополянском доме-музее Толстого.

Интересно отметить, что в черновом варианте «Анны Карениной» главная героиня этого произведения но-

сит имя Анастасии (Наны), а фамилия у нее... Пушкина.

Достаточно прочитать несколько отрывков из романа, где описывается внешность Анны Аркадьевны Карениной, чтобы убедиться, как тонко и точно переданы писателем в ее облике черты наружности Марии Александровны Гартунг, запечатленные на портрете Макарова и в воспоминаниях Кузминской.

Толстой писал: «Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза ее улыбались... Он (Вронский.— В. Р.) пожал маленькую ему поданную руку и, как чему-то особенному, обрадовался тому энергическому пожатию, с которым она крепко и смело тряхнула его руку. Она вышла быстрою походкой, так странно легко носившею ее довольно полное тело».

«Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу».

Правнучка Пушкина С. П. Вельяминова вспоминала:

— Марию Александровну Гартунг я знала на протяжении последних двадцати лет ее жизни. Последний раз видела ее в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Она жила тогда на Арбате. Однажды тетя Маша пригласила меня в ресторан «Прага» пообедать... А в тысяча девятьсот первом году она подарила мне и моей сестре Маше, только что окончившим женский институт, белые шелковые зонтики с фарфоровой ручкой. В годы нэпа я продала свой зонт в коммерческий магазин. Надо сказать, что лицом Мария Александровна была вылитый дед — Сергей Львович Пушкин. До глубокой старости она очень внимательно относилась к своей внешности: изящно одевалась, следила за красотой рук... Тетя Маша обладала какой-то торжественной красотой. У нее были звонкий, молодой голос, легкая походка, маленькие руки...

По другим воспоминаниям, Мария Александровна «отличалась своевольным характером», чем «напоминала мать Пушкина Надежду Осиповну»¹³.

Леонид Николаевич Гартунг,
муж М. А. Пушкиной (Гартунг).
Фотография конца 1850-х — на-
чала 1860-х гг.

...13 октября 1877 года в семье М. А. Гартунг произошло трагическое событие — самоубийство ее мужа Леонида Николаевича, опутанного интригами бесчестных людей и отданного под суд. Человек доверчивый и крайне неопытный в подобных делах, Л. Н. Гартунг имел неосторожность взять на себя обязанности душеприказчика ростовщика В. К. Занфтлебена, вскоре умершего. Коварные родственники Занфтлебена обвинили Леонида Николаевича в краже вексельной книги, долговых обязательств и других бумаг покойного процентщика.

Ф. М. Достоевский подробно рассказал об этом в «Дневнике писателя за 1877 год»: «Все русские газеты толковали недавно (и до сих пор толкуют) о самоубийстве генерала Гартунга, в Москве, во время заседания окружного суда, четверть часа спустя после прослушания им обвинительного над ним приговора присяжных». Когда судьи, объявив перерыв, удалились из зала суда, чтобы составить приговор, Л. Н. Гартунг, по словам Достоевского, «выйдя в другую комнату... сел к столу и схватил обеими руками свою бедную голову; затем вдруг раздался выстрел: он умертвил себя принесенным с собою и заряженным заранее револьвером, ударом в сердце. На нем нашли тоже заранее заготовленную записку, в которой он «клянется всемогущим богом», что ничего в этом деле не похитил и врагов своих прощает».

Хорошо знавший Гартунга князь Д. Д. Оболенский (в свое время он принял от Леонида Николаевича должность вице-президента общества рысистых бегов в Туле) вспоминал впоследствии, что после суда над Гартунгом «прокурор преспокойно отправился в театр, где, однако, ему была враждебная манифестация». Оболенский свидетельствует: «Вся Москва была возмущена исходом гартунговского дела. Московская знать на руках переносила тело Гартунга в церковь, твердо убежденная в его невинности. Да и высшее правительство не верило в его виновность, не отрешая его от должности, которую он занимал и будучи под судом. Владелец дома, где жил прокурор, который благодаря страстной речи считался главным виновником гибели Гартунга, Н. П. Шипов, приказал ему немедленно выехать из своего дома на Лубянке, не желая иметь, как он выразился, у себя убийц. Последствия оправдали всеобщую уверенность в невинности Гартунга. Один из родственников Зафтлибена был вскоре объявлен несостоятельным должником, да еще злостным, и он-то оказался виновником гибели невинного Гартунга»¹⁴.

Девятнадцатилетняя Е. Н. Дьякова, коротко знакомая с М. А. и Л. Н. Гартунгами; а также с семейством Шипова, о котором упоминает Оболенский, присутствовала на длившемся ровно неделю судебном процессе над Леонидом Николаевичем и оставила обширные, на 77 листах, воспоминания об этом «самом пасмурном» событии в ее жизни.

Она характеризует Гартунга как человека, умевшего всякому «оказать услугу, сказать ласковое слово»; даже за два дня до смерти он «не забыл в записке, которую оставил, завещать нашему Арсентию свою шинель». Е. Н. Дьякова восхищается и тем, как «скромно, просто, с достоинством» держался Леонид Николаевич на суде. Елизавета Николаевна отмечает: «Его обвиняли в воровстве, а у него ничего не осталось после смерти кроме 2-х рублей в кармане да 100 р. в столе... жена его теперь нищая...»

Там же читаем: «Его мучили, оскорбляли, унижали... Его называли вором, мошенником, подлёмом перед целой Москвой, потому что он носил генеральские погоны». Отчаявшийся Гартунг, по словам Е. Н. Дьяковой, говорил: «Лучше бы я был под Плевной, чем здесь. Если дело кончится благополучно, я уеду на войну».

Мемуаристка с возмущением пишет, что, хотя председатель суда Орловский «клонится в сторону Гартунга», в пользу последнего и показания свидетелей, даже «один молодой банкир (свидетель) доказывал, что уничтожение

вексельной книги было в выгодах наследников Занфтлебена, а не Гартунга», — прокурор Муравьев цинично признался: «Даже если они оправдают Гартунга... уж я его ошельмую». Е. Н. Дьякова заключает: «Все уловки (Муравьева) были употреблены в пользу обвинения».

Воспоминания юной современницы «дела Гартунга» свидетельствуют и о том, сколь мучительными оказались нравственные терзания Леонида Николаевича для его жены Марии Александровны. Она явилась в суд в шляпе с густой вуалью и села «в безбилетных местах, у самой решетки», но, заметив, что все «обратили на нее внимание», растерялась и, «не дождавшись конца речи мужа, уехала»¹⁵.

Для Дьяковой, как видно из ее записок, не было тайной, что супружеские отношения Гартунгов оставляли желать лучшего, и она, явно симпатизируя Леониду Николаевичу, с некоторым осуждением относится к Марии Александровне, в том числе к ее поведению во время судебного процесса.

Об этом скандальном судебном деле знал, безусловно, и Лев Николаевич Толстой. В драме «Живой труп»¹⁶, в сцене самоубийства Федора Протасова, писатель воспроизвел детали гибели генерала Гартунга, с которым был знаком более четверти века.

Как и муж старшей дочери Пушкина, Федор Васильевич Протасов отказывается от последнего слова в суде, не делает никакой попытки защитить себя, сохраняет высокое человеческое достоинство до конца. Как и Гартунг, герой Толстого «вынимает пистолет и стреляет себе в сердце». Подобно Гартунгу, Протасов кончает самоубийством в помещении окружного суда перед вынесением несправедливого судебного приговора.

По сообщениям тогдашних газет, похороны генерала Гартунга «состоялись при громадном стечении публики». На панихиде присутствовали вдова Леонида Николаевича, его старая мать, родные и близкие, высшие военные и гражданские чины во главе с московским губернатором. За гробом, который несли на руках от церкви до кладбища Симонова монастыря, через всю Москву, «следовали погребальная колесница, его конь, покрытый траурной попоной, далее большая процессия экипажей и батальон местных войск с оркестром».

Через неделю после погребения мужа Мария Александровна Гартунг отправила в Ярополец дяде своему Ивану Николаевичу Гончарову и его жене, Екатерине Николаевне (урожд. Васильчиковой), большое письмо с траурной

каймай. Письмо это, чрезвычайно ценное во многих отношениях, привожу почти полностью.

«Москва, 24 октября 1877.

Дорогой Дядюшка, моя славная Катрин. Я получила ваше письмо, оно меня глубоко тронуло. Спасибо за выраженное мне сочувствие и ваше предложение оказать мне гостеприимство, я бы воспользовалась им с благодарностью, если бы уже не приняла предложение Васильчиковых...

Сестры* приехали на похороны моего бедного мужа и хотели увезти меня с собою, но я отказалась, потому что сейчас жизнь в Петербурге казалась бы мне ужасной. Аннета**, которая тоже приезжала, предложила мне Лопасню как временное пристанище, и я приняла его с благодарностью, тем более что было решено, что я буду жить у Александра, и хотела бы до его возвращения быть там, где его дети.

Ужасная смерть моего мужа была страшным ударом для меня. Когда я приехала в Окружной суд, надеясь еще увидеть его живым, и когда я увидела только бездыханное тело, я забыла все наши ссоры. Я помнила только хорошие дни, потому что они у нас были, как и у всех других, и в тот момент я отдала бы все, чтобы его снова воскресить, хотя бы на одно мгновение. Вся эта печальная история была только отвратительными подлыми кознями; Моносеинов*** и Муравьев дадут отчет богу в несчастье, которое они причинили. Я была с самого начала процесса убеждена в невиновности в тех ужасах, в которых обвиняли моего мужа. Я прожила с ним более 17 лет и знала все его недостатки; у него их было много, но он всегда был безупречной честности и с добрейшим сердцем. Умирая, он простил своих врагов, но я, я им не прощаю.

Прощайте, мои дорогие Дядюшка и Катрин. Я уезжаю в Лопасню через несколько дней. Нежно целую вас, а также детей, и надеюсь зимой мы увидимся.

Преданная вам М. Гартунг»¹⁷.

...После смерти Л. Н. Гартунга Мария Александровна осталась почти без средств к существованию. Она обратилась с письмом к Александру II, но небольшую пенсию назначили ей лишь много лет спустя. И только в мае

---

* Дочери Натальи Николаевны Пушкиной от второго брака, с П. П. Ланским.

** Анна Николаевна Васильчикова.

*** Лицо неустановленное; может быть, следовательно.

1899 года, к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, размер пособия был увеличен до 300 рублей в год.

Похоронив Леонида Николаевича, М. А. Гартунг вела полускитальческий образ жизни. Некоторое время она продолжала занимать квартиру в «Доме коннозаводства» на Поварской улице (теперь улица Воровского, 25а)¹⁸. Потом, как видно из приведенного выше письма, уехала к своим родственникам Васильчиковым в Лопасню. Вскоре, однако, Мария Александровна поселилась — снова ненадолго — в тульской усадьбе мужа. Затем, вернувшись в Москву, сняла скромную меблированную комнату на Кисловке, в доме Базилевских. Оттуда переехала на Арбат, где в одном из переулков занимала небольшую квартиру.

Длительное время дочь Пушкина жила у овдовевшего брата Александра Александровича Пушкина. Она помогала ему воспитывать детей. «Не знаю, знаешь ли ты, что у меня с осени гостит сестра Маша,— писал А. А. Пушкин брату Г. А. Пушкину.— Для меня это такая благодать, что ты и вообразить себе не можешь. Есть с кем душу отвести, и для девочек моих это большое счастье, что она у меня»¹⁹.

В последние годы жизни брата Мария Александровна нередко — особенно зимой — проводила вечера в его московской квартире. Собирались обычно в кабинете Александра Александровича, играли в карты, пили чай. Вспоминали детство... Сестру и брата связывали не только теплые родственные чувства, которые оба сумели сохранить до конца жизни, но и большая, искренняя дружба.

А в летнее время они, случалось, вместе отдыхали у своей сестры по матери — Александры Петровны Араповой (урожд. Ланской) в усадьбе Лашма Пензенской губернии²⁰. По воспоминаниям бывшего управляющего имением М. И. Лаже, они многие часы проводили вдвоем, «отдавая досуг чтению, разговорам», а Мария Александровна — и «дамскому рукоделью»: она «была по этой части искусная мастерица».

В Лашму навевались и соседи, особенно молодежь, из окрестных русских и мордовских сел. «Мария Александровна... выходила к приезжим гостям в неизменном темном костюме без всякого следа украшений, скромно усаживаясь в тени, принимала участие в общей беседе, вносила в споры примиряющее начало».

М. И. Лаже отмечал, что облик М. А. Гартунг и в старости не был лишен «известной привлекательности». В то же время она была «до крайности суеверна, пугалась совино-

го крика, избегала тринадцатого числа, а если выплата пенсии из нарочатовского казначейства приходилась на пятницу*, задерживала поездку нарочного с оказией на несколько дней»²¹.

После смерти Александра Александровича острое одиночество заставило М. А. Гартунг покинуть Москву. Долгое время она жила в Лашме — у овдовевшей к тому времени А. П. Араповой (И. А. Арапов скончался летом 1913 года).

Хорошо знавшая Марию Александровну Гартунг бывшая учительница из города Чехова** Антонина Ивановна Коняева рассказывала мне:

— Многие годы Мария Александровна жила летом в Лопасне. Помню, как дочь Пушкина давала нам с сестрой орехи, пряники. Вместе с Марией Александровной мы собирали грибы в окрестностях Лопасни. Она любила их. Очень любила и зеленые щи из крапивы, и куличи, которыми нас угощала... Когда я в январе семнадцатого года начинала работать в школе, она говорила: «Надо так учить детей, чтобы им было все понятно, просто. Чтобы ребятам было радостно учиться».

Антонина Ивановна помнила, как М. А. Гартунг без отдыха переплывала — туда и обратно — большой пруд в господском парке, ей шел тогда уже восьмой десяток.

«Она была... величавая и очень моложавая седая дама, жизнерадостная, приветливая... Она располагала к себе молодежь и нас, детей» — такой запомнилась старшая дочь поэта правнучке Пушкина Татьяне Николаевне Галиной.

А Софья Николаевна Данилевская, сестра Т. Н. Галиной, отмечала, что в Марии Александровне Гартунг было то редкостное радушие, благорасположение к людям, которым в такой высокой степени обладал Пушкин.

— У нас в Полтаве, — рассказывала она, — Мария Александровна никогда не бывала. Но по праздникам присылала нам теплые, ласковые письма, которые всегда кончались словами: «Целую. Ваша бабушка Маша». Мы, дети, очень любили читать эти письма и берегли их. Позже, когда я уже кончала женский институт, мне довелось провести одно лето в Лопасне. Это было после девятисотого года. Там отдыхала тогда и Мария Александровна. А потом я не раз бывала у нее в Москве. Одна из наших встреч особенно запомнилась. В тот раз на тете Маше было темно-зеленое бархатное платье, красиво облежавшее ее

*День смерти Пушкина.

** До 1954 года — поселок Лопасня Московской области.

статную фигуру. Ее одежда всегда отличалась аккуратностью и каким-то скромным изяществом. Я никогда не видела ее в халате. И теперь с волнением вспоминаю, как тетя Маша, положив свои красивые руки мне на плечи, сказала: «Соня, какая ты большая выросла!»

Другая правнучка поэта, Мария Павловна Клименко, жившая во время первой мировой войны в Лопасне, летом 1916 года привезла в Москву своих старших девочек Наташу и Иришу, чтобы представить их «тете Маше Гартунг». Спустя 60 лет Наталья Евгеньевна Воронцова, вспоминая об этой незабываемой встрече с дочерью Пушкина, писала мне: «Я помню только, что Мария Александровна Гартунг была высокая, стройная, вся в черном, на голове, как мне представляется, какие-то кружева. Мы были там недолго, и она разговаривала с нашей матерью...»

Когда 2 мая 1900 года в Москве открылась городская аудитория-читальня (ныне библиотека имени А. С. Пушкина на Спартаковской улице, 9*), Марию Александровну пригласили быть ее попечительницей. Эту почетную обязанность она исполняла до 1910 года и отказалась от нее исключительно по причине нездоровья.

У Н. С. Шепелевой хранится записная книжка М. А. Гартунг. Первая запись в ней сделана в конце 1900 года, последняя — в начале января 1906-го. Часть листов вырвана. На сохранившихся страницах рукой Марии Александровны зафиксированы суммы расходов. Деньги, которые городская управа выделяла на содержание библиотеки, М. А. Гартунг выдавала под расписку заведующему читальней и аудиторией М. А. Васильевскому. Так, с 26 октября по 7 декабря 1905 года он получил от нее 1841 рубль 50 копеек, 5 января 1906 года — 176 рублей 40 копеек.

...В конце 1917 года М. А. Гартунг приехала в Петроград, к А. П. Араповой, жившей тогда на Французской набережной (ныне набережная Кутузова). Здесь старшая дочь поэта провела около полугода. В мае 1918-го она навсегда покинула город на Неве, где прошли ее детство и молодые годы, где трагически оборвалась жизнь отца...

По воспоминаниям правнучки Н. Н. и П. П. Ланских, Марии Петровны Араповой, М. А. Гартунг и в последние годы жизни, несмотря на почтенный возраст и всякого рода трудности, вызванные гражданской войной, «была всегда подтянутой, веселой, неунывающей».

---

* До недавнего времени — площадь Баумана, 9.

Могила М. А. Гартунг на кладбище бывшего Донского монастыря в Москве. Фотография 1982 г.

автографом Марии Александровны, сочинения Фридриха Шиллера...

Кое-что из вещей старшей дочери Пушкина до сих пор хранится у Н. С. Шепелевой, Г. Г. Пушкина и других потомков поэта. Большинство же их оказалось в руках разных лиц еще при жизни М. А. Гартунг. Так, острая нужда заставила ее продать московскому коллекционеру С. А. Мухину дорогую семейную реликвию — подсвечник, которым пользовался А. С. Пушкин, а задолго до него — его прадед Абрам Петрович Ганнибал. Последним он и изготовлен собственноручно в 1770-х годах.

...Могила М. А. Гартунг, которую я наконец разыскал, оказалась очень скромной. Нежно обрамляли ее мелкие кустики. В двух небольших вазах отцветали неяркие осенние цветы. На серой гранитной доске — надпись и небольшой овальный портрет дочери Пушкина с известного ее изображения кисти И. К. Макарова.

С портрета смотрели на меня прекрасные, пронизательные, чуточку грустные глаза Марии Александровны. Лучи солнца, ласково коснувшись ее задумчивого лица, золотом загорались в тихо падавших на землю листьях клена...

Вся жизнь — служение России

В письмах А. С. Пушкина последних лет, начиная с 20 августа 1833 года, часто встречается имя старшего сына — «Сашки рыжего».

«Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил, — писал Пушкин жене в апреле 1834 года, намекая на Александра I и на будущего царя Александра II, тогда наследника престола. — Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Иногда Александр Сергеевич просто озорно шутил: «Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича».

В одном из писем к П. В. Нащокину (середина декабря 1833 года) Пушкин по-будничному скромно сообщал другу: «Все мои здоровы — крестник твой тебя целует; мальчик славный».

Многие письма поэта, в которых он размышляет о будущем семьи, о дальнейшей судьбе Натальи Николаевны и детей, нельзя читать без сердечной боли за него, Пушкина...

Когда Саше едва исполнился год (он родился 6 июля 1833 года; обряд крещения совершен в Предтеченской церкви, на Каменном острове, 20 июля; крестными были П. В. Нащокин и Е. И. Загряжская), А. С. Пушкин с горечью писал жене: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах».

Ей же адресованы взволнованные строки поэта (июнь 1834 года): «Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теряют меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не так ли?»

Еще обнаженнее, острее беспокойство Пушкина в его письме к шурина Дмитрию Николаевичу Гончарову¹, отправленном незадолго до появления на свет старшего сына: «...не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия* мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние».

Душевной тревогой за судьбу детей проникнуто и письмо Пушкина к отцу, Сергею Львовичу, написанное за три месяца до гибели: «Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни за чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они все равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет».

В письмах родителей Пушкина середины 1830-х годов часто упоминается, что «Сашка большой любимец отца». Об этом говорится, в частности, в письме Н. О. Пушкиной к дочери от 13 февраля 1835 года.

Не скрывает своих горячих отцовских чувств к сыну и сам Александр Сергеевич. «Мне кажется,— пишет он

---

* Имеется в виду изучение архивных документов и печатных источников для написания истории Петра I.

Наталье Николаевне 14 июля 1834 года,— что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься».

В другом послании к жене — в двадцатых числах сентября 1834 года — поэт с грустью признается: «Читаю Вальтер Скотта и Библию, а все об вас думаю. Здоров ли Сашка?..»

Через год, 2 октября 1835 года, ей же: «Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи».

В письмах-раздумьях Пушкина нередка и ласковая отцовская шутка. «Вот тебе анекдот о моем Сашке,— писал поэт 27 мая 1836 года П. В. Нащокину.— Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду». Или вдруг мелькнут по-мальчишески задорные строки о том, например, что у него, Пушкина, в Михайловском «белые сливы... не чета тем», которые Саша «крадет» у матери.

В письмах последних трех лет жизни, столь многообразных по содержанию, настроению, стилю, Пушкин предстает перед нами не только гениальным поэтом и великим гражданином России, но и трогательно-нежным, заботливым отцом, человеком непосредственным и мудрым, страдающим и любящим.

Когда в январе 1837 года на Черной речке прозвучал страшный выстрел Дантеса, Саше шел четвертый год. Мальчик навсегда запомнил умиравшего отца. В зрелые годы он бережно хранил перешедшие к нему после смерти матери рукописи поэта, его портрет работы О. А. Кипренского, многие другие семейные реликвии.

В начале 1860-х годов Александр Александрович спас от постепенной гибели прекрасную библиотеку отца. После смерти А. С. Пушкина его книги хранились вначале в кладовой Гостиного двора, затем долгие годы — в сырых подвалах казарм полка П. П. Ланского, отчима детей поэта, откуда и были вывезены А. А. Пушкиным в имение Ивановское Бронницкого уезда (ныне входит в Ступинский район Московской области)*.

Часть же библиотеки, как рассказывала в 1886 году редактору «Русской старины» М. И. Семевскому младшая дочь Пушкина Наталья Александровна Меренберг, «рас-

---

* О дальнейшей судьбе библиотеки А. С. Пушкина см. в главе «...Не любил визиты к царю».

хитил и продал» Н. И. Тарасенко-Отрешков, один из опекунов детей А. С. Пушкина².

О недобросовестном отношении Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрешкова к своим опекунским обязанностям стоит рассказать несколько подробнее.

Третьего февраля 1837 года над малолетними детьми Пушкина была учреждена опека. Юридически Опекунский совет в составе председателя графа Г. А. Строганова и членов М. Ю. Виельгорского, В. А. Жуковского и Н. И. Тарасенко-Отрешкова владел всем имуществом погибшего Пушкина, в том числе его библиотекой и автографами сочинений.

В отличие от других членов Опекунского совета Тарасенко-Отрешков, пользовавшийся тайным покровительством Бенкендорфа, по словам той же Н. А. Меренберг, «действовал весьма недобросовестно». Когда вдова Пушкина 16 февраля 1837 года уехала с детьми в Полотняный Завод — калужское имение Гончаровых, он, хозяйничая в квартире покойного поэта, присвоил записную рабочую тетрадь Пушкина в 66 листов, в которой были тексты поэмы «Кавказский пленник» и ряда стихотворений, а также два листа приходо-расходных записей поэта за 1834—1835 годы³.

Только в середине 1840-х годов, когда Наталья Николаевна была уже женой П. П. Ланского, ей удалось добиться отстранения Тарасенко-Отрешкова от опеки над детьми. Опекуном назначили Ланского.

В течение восемнадцати лет Тарасенко-Отрешков держал похищенные им пушкинские рукописи у себя, а в 1855 году принес их в дар императорской публичной библиотеке, утверждая при этом, что автографы подарил ему крепостной дядька поэта — Никита Тимофеевич Козлов. Поступок Тарасенко-Отрешкова вызвал законное возмущение Н. Н. Пушкиной-Ланской. В письме на имя директора библиотеки М. А. Корфа от 31 октября 1855 года она писала: «Мои сыновья, люди еще молодые, кипя негодованием, желают разоблачить действия Тарасенко-Отрешкова и подвергнуть его справедливой каре закона, силою которого надеются возвратить свою фамильную драгоценность».

Однако, несмотря на настойчивые требования Натальи Николаевны, автографы поэта, подаренные публичной библиотеке «похитителем чужой собственности», семье Пушкина возвращены не были. Не помогло и заверение вдовы поэта в том, что «дети Пушкина за счастье почтут принести в дар... библиотеке те же самые автографы, но только от своего имени»⁴.

Основная часть рукописей поэта, долгие годы находившихся у Александра Александровича Пушкина, была передана им в Румянцевский музей в Москве, то есть стала благодаря старшему сыну Пушкина достоянием общества.

Но уважения Александр Александрович достоин не только за это. У сына поэта, талантливого военачальника, одного из самых честных людей старой России, большие личные заслуги перед русской армией и русским народом.

...После смерти отца Саша, как и другие дети поэта, воспитывался матерью, Н. Н. Пушкиной, а когда она 16 июля 1844 года вышла замуж за генерал-майора П. П. Ланского⁵ — в семье отчима.

Домашние учителя обучали Сашу и других детей Пушкина иностранным языкам — французскому и немецкому, русской литературе, истории. Вдова поэта и сама по совету П. А. Плетнева «разговорами и чтением развивала... мыслящую способность»⁶ старшего сына. В ноябре 1845 года Наталья Николаевна определила его во 2-ю Петербургскую гимназию (ныне школа № 232 по улице Плеханова)*, где Саша был «вольноприходящим». Здесь он изучал русский язык, историю, географию, чистописание, рисование, арифметику, алгебру, геометрию, иностранные языки — латынь, французский и немецкий, закон божий...

Еще в марте 1843 года Н. Н. Пушкина писала брату Дмитрию Николаевичу Гончарову: «...я решила отдать своих мальчиков экстернами в гимназию, то есть они будут жить дома и ходить туда только на занятия. Но Саша еще недостаточно подготовлен к поступлению в третий класс... Поэтому я хочу заставить Сашу много заниматься в течение года, что мне остается, потому что он будет поступать в августе будущего года... я беру ему учителей, которые подготовят его к сдаче экзамена. Это будет тяжелый год в отношении расходов, но в конце концов меня вознаградит убеждение, что это решение будет полезно моему ребенку».

В 1848 году пятнадцатилетнего Александра Пушкина по приказу Николая I отдали в Пажеский корпус, который он и окончил в августе 1851 года. Выпущенный корнетом в гвардию, он был, как свидетельствует запись в послужном списке, «в уважение примерной нравствен-

---

* Позднее в стенах этого учебного заведения учились многие знаменитые в будущем люди — юрист А. Ф. Кони, этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай, основатель Ленинградского ТЮЗа А. А. Брянцев, дирижер Е. А. Мравинский...

ности признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве внесен под № 5 в особую книгу»⁷.

С декабря 1853 года сын поэта — поручик, в марте 1858-го ему присваивается воинское звание штаб-ротмистра, с апреля следующего года он — ротмистр, с января 1861-го — полковник.

Первые четыре года А. А. Пушкин служил в лейб-гвардии конном полку, командиром которого был П. П. Ланской. В марте — июле 1854 года Александр Александрович «находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии». Затем он вернулся в полк Ланского. 11 июля 1855 года А. А. Пушкина назначают адъютантом командира гвардейского резервного кавалерийского корпуса. А в апреле следующего, 1856-го, по собственному желанию он «обращен во фронт». И вновь прибыл для прохождения службы в лейб-гвардии конный полк.

Александр Александрович Пушкин, как и другие дети поэта, искренне уважал отца, человека умного и порядочного. «Мы любили нашу мать, чтли память отца и уважали Ланского», — вспоминал он⁸.

Даже через тринадцать лет после кончины матери, в феврале 1877 года, А. А. Пушкин с тревогой писал об опасно больном отчине брату Григорию Александровичу: «Не знаю, был ли ты в Петербурге и видел ли ты бедного Петра Петровича, который очень плох, долго вред ли он протянет, у него рак»⁹.

Еще при жизни Николая I командир конногвардейского полка П. П. Ланской получил «высочайшее позволение» быть погребенным в полковой Благовещенской церкви. Но Ланской так любил Наталью Николаевну, так был предан ей, что завещал своим близким похоронить его рядом с женой на Лазаревском кладбище Александрово-Невской лавры. Воля Петра Петровича была исполнена.

Истинно родственное, душевное расположение к себе со стороны сыновей и дочерей Пушкина П. П. Ланской заслужил своим участливым отношением к ним в пору их детства. Петр Петрович любил не только Наталью Николаевну, которая, по воспоминаниям ее родственников, до конца жизни «сохранила большую доброту и незлобивость», но и детей ее от Пушкина.

Поэт Николай Доризо посвятил ему стихи, в которых есть строки: «Он не был гением-творцом, в стихах и в бронзе не был славен. В одном он Пушкину был равен — он стал его детей отцом. Растил их нежно генерал, любовь

к усопшему внушая. Как будто Пушкин, умирая, его им, детям, завещал. Он как бы был предсказан им вдове, рыдавшей безутешно: „Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим!“¹⁰.

П. П. Ланской управлял нижегородскими пушкинскими деревнями, а когда в конце 1840-х годов Михайловское перешло в полную собственность детей Пушкина (брат и сестра поэта отказались от своих частей имения в пользу сирот), он проявил немало заботы и об этой усадьбе.

Постоянным вниманием окружали Наталью Николаевну все ее дети. Но с особым обожанием относился к матери старший сын Александр.

Наталья Сергеевна Шепелева рассказывала:

— Мой дедушка, Александр Александрович Пушкин, очень любил мать. В молодости, офицером, даже в ту пору, когда он был уже женат, сын поэта каждую субботу проводил у Натальи Николаевны. Суббота была для них днем памяти Пушкина. Вдова Александра Сергеевича делилась с сыном своими душевными невзгодами, печальными воспоминаниями о последних днях Пушкина. Она была предельно откровенна с Александром. Вот почему он знал об отце гораздо больше, чем другие дети поэта.

Об этом же писала и А. П. Арапова, дочь Н. Н. Пушкиной от второго брака: «...все как-то полагали, что сердце ее особенно лежит к нему (Александрю.— В. Р.). Правда, что и он, в свою очередь, проявлял к ней редкую нежность, и она часто с гордостью заявляла, что таким добрым сыном можно похвалиться»¹¹.

Александр Александрович признавался Е. Н. Бибиковой, своей племяннице по матери, что преждевременная, на пятьдесят втором году, смерть Натальи Николаевны «была самым тяжким горем в его жизни»¹².

В 1913 году, незадолго до пятидесятилетия со дня смерти Н. Н. Пушкиной-Ланской, в Москве и Петербурге распространился слух о том, что жена поэта вела дневники, о судьбе которых ничего не известно, и поэтому, дескать, надо искать их. Корреспондент «Петербургской газеты» обратился за разъяснениями по этому поводу к А. А. Пушкину. Сын поэта авторитетно заявил: «Я сомневаюсь, чтобы слух о дневниках моей матери был верен. Когда мать умирала, я был уже в чине полковника; несомненно, если бы после нее остались какие-нибудь дневники, я бы знал о них, а может быть, и сам бы их имел среди груды всяких других наших семейных реликвий...

Это, так сказать, сторона фактическая, но есть и другая — чисто «психологическая». У матери моей был не такой характер, чтобы она проеживала над дневниками и сообщала им свои сокровенные думы. Все, что она переживала, а пережила она, как вам известно, много, она скрывала в глубине своей души»¹³.

Этот рассказ сына Пушкина свидетельствует о том, что до глубокой старости в сердце Александра Александровича сохранились горячие, благодарные чувства к матери. «Дедушка,— вспоминала Софья Павловна Вельяминова,— очень болезненно переживал нападки на мать», которая «сама никогда никому не говорила о своей жизни с Пушкиным... она только очень страдала от травмы... Главным образом травила ее тогда пресса»¹⁴. Н. Н. Пушкина, продолжала С. П. Вельяминова, жила в постоянных хлопотах по хозяйству, в тревоге «за детей, которых, вот о ком заботиться, было десятеро!...»*

О сердечном отношении Натальи Николаевны к детям убедительнее всего говорят ее письма. 22 мая 1838 года она писала в Опеку: «Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, с своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой... Я говорю о селе Михайловском... Оно для нас драгоценнее всего на свете». А вот отрывок из письма к П. П. Ланскому от 29 июня 1849 года: «Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными».

В этих бесхитростных строчках душа Н. Н. Пушкиной, которую Александр Сергеевич, по собственному признанию, любил больше, чем ее прекрасное лицо, выражается во всей своей нравственной чистоте.

Дорожа памятью о матери, Александр Александрович пресекал, когда это было в его силах, попытки некоторых литераторов говорить о ней неуважительно. Так, 11 мая 1899 года он писал брату: «Еще нынешней зимой мне удалось остановить представление безобразнейшей драмы в стихах какого-то Михневича, в которой наша мать представлена была в возмутительном виде, да и отец выведен каким-то грубым и даже невоспитанным

---

* Четверо детей А. С. Пушкина, три дочери от брака с П. П. Ланским — Александра (15.V 1845—1.II 1919), Софья (20.IV 1846—?), Елизавета (17.III 1848—?). Кроме того, в семье воспитывались малолетние племянники Ланского Павел, Петр и Софья.

Александр Александрович Пушкин, сын А. С. Пушкина. Фотография 1858—1859 гг.

человеком. Эту пьесу театральная цензура запретила для представления»¹⁵.

В том же письме старший сын поэта с тревогой писал о печатавшейся тогда в Киеве драме «Пушкин», в которой трактовка образа Пушкина была во многом неверной, тенденциозной, а для его семьи и обидной, оскорбительной.

За два с половиной года до смерти А. А. Пушкин говорил корреспонденту «Петербургской газеты»: «С грустью мне приходится констатировать, что, к великому моему огорчению, за последнее время имя отца стали в России забывать. Его отодвинули появившиеся за последнее время в таком множестве молодые поэты. Не всегда, впрочем, талантливые...»¹⁶

...8 января 1858 года А. А. Пушкин женился на племяннице отчима Софье Александровне Ланской. Воспитываясь в одной семье, Александр и Софья полюбили друг друга. Узнав об этом, Наталья Николаевна была счастлива: к Соне она относилась, как к родной. В цитированных выше мемуарах А. П. Арапова писала, что «этот брак являлся для матери исполнением заветной мечты».

Но большую семейную радость на некоторое время омрачило неожиданное осложнение. Незадолго до свадьбы священник конного полка, в котором служил

А. А. Пушкин, объявил, что он отказывается совершить обряд венчания «из-за родственных отношений» жениха и невесты. Оставалось одно: прибегнуть к помощи царя...

Нежные, истинно материнские чувства к невестке Н. Н. Пушкина-Ланская сохранила до конца жизни. И она всячески подчеркивала свою любовь и уважение к ней, проявляла трогательное внимание. Так, когда в октябре 1863 года в семье А. А. и С. А. Пушкиных, живших в то время в Московской губернии, родился четвертый ребенок — сын Саша, Наталья Николаевна в день крестин внука подарила невестке золотую брошь с бриллиантом на аметисте и пару золотых же серег, инкрустированных бриллиантиками по аметисту. После смерти С. А. Пушкиной эти драгоценности перешли к ее дочери Марии, а ныне они хранятся в семье одного из московских потомков Пушкина.

...Скромная, застенчивая, душевная Софья Александровна, став спутницей жизни старшего сына поэта, все свои силы отдавала семье, детям, которых было одиннадцать: Наталья, Софья, Мария, Александр, Ольга, Анна, Григорий, Петр, Надежда, Вера и Сергей. Она даже любимым делом — живописью — занималась нерегулярно, урывками, хотя была хорошей художницей. Писала и акварелью, и маслом. Несколько ее работ сохранилось. Например, в Полтавском художественном музее находится портрет Н. Н. Пушкиной-Ланской. Это вольная копия с оригинального портрета Натальи Николаевны, который, как всегда считали в семье Н. Н. Пушкиной-Ланской и продолжают считать ее потомки, создан художником И. К. Макаровым.

Такой же точки зрения придерживаются научные работники Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Петербурге, где портрет и находится¹⁷. Однако в Полтавском художественном музее и Государственном музее А. С. Пушкина в Москве полагают, что он написан художником Тимолеоном Карлом Неффом (1805—1876). Так думают и некоторые искусствоведы.

Наталья Николаевна, изображенная С. А. Пушкиной, выглядит моложе своих лет, в ее облике больше мягкости и душевной доброты, чем на портрете, служившем художнице моделью. Лучше, отчетливее прорисованы глаза, выразительнее другие черты лица, детали фигуры. Этим портретом особенно дорожил А. А. Пушкин. Видимо, потому, что с ним была связана память и о матери, и о жене.

Софья Александровна
Пушкина (Ланская), жена
А. А. Пушкина. Фотогра-
фия начала 1860-х гг.

После смерти Александра Александровича семейная реликвия принадлежала его дочери Марии Александровне Быковой. Уже в советское время она передала портрет в музей.

У Н. С. Шепелевой сохранился акварельный портрет Натальи Федоровны Ланской (урожд. Петрово-Солово-во), матери художницы. У других московских потомков Пушкина имеются еще два произведения С. А. Пушкиной — живописное изображение ее отца Александра Петровича Ланского и незаконченный портрет любимой няни ее детей, которую они с нежностью называли Ани-сенькой.

У кого Софья Александровна училась живописи, выяс-нить не удалось. Зато известно, что в семье Ланских художественный талант не был редкостью. Прекрасно рисо-вал, например, Николай Павлович Ланской, двоюрод-ный брат С. А. Пушкиной. Об этом можно судить по порт-ретам детей А. С. Пушкина, выполненным Н. П. Лан-ским в 1851—1852 годах, и другим его работам, став-шим в последние годы широко известными благодаря воспроизведению их в ряде пушкиноведческих трудов.

Художественное дарование Софьи Александровны унаследовали ее дочери Наталья и Вера: обе очень хоро-шо рисовали. У последней большие способности к рисо-

ванию заимствовал ее младший брат (по отцу) Николай, а позднее и сын — Александр Мезенцов¹⁸.

Обремененная большой семьей, заботами о детях и муже, С. А. Пушкина рано подорвала здоровье. В начале 1874 года она прошла курс лечения в Карлсбаде (вместе с нею приезжал на курорт и А. А. Пушкин), но это уже не помогло. 8 апреля 1875 года Софья Александровна скончалась от воспаления легких, не дожив до сорока лет. Из Вильно, где стоял тогда его полк, Александр Александрович, взяв месячный отпуск, отвез тело жены в Лопасню для погребения. Мраморные розы для памятника на ее могиле А. А. Пушкин заказывал в Италии.

По семейным преданиям (в передаче Н. С. Шепелевой), за гробом Софьи Александровны в Вильно до самого вокзала шла огромная толпа городской бедноты. Эту добрую женщину провожали в последний путь «все, кому при жизни она оказывала свою помощь».

После смерти жены А. А. Пушкин и детей отправил в Лопасню. Там они воспитывались некоторое время у двоюродной сестры их матери — Анны Николаевны Васильчиковой (1825—1904). В Лопасне в те годы жили или бывали Васильчиковы, Ланские, Пушкины, Гончаровы, связанные между собой родством¹⁹.

Анна Николаевна собственной семьи не имела. Женщина властная, гордая, но в то же время умная и добрая, она заменила мать малолетним детям Александра Александровича. Они очень любили ее и всегда вспоминали с благодарностью. И даже позже, когда сыновья и дочери А. А. Пушкина стали взрослыми, А. Н. Васильчикова, невзирая на слабое здоровье (у нее отнимались ноги), толково вела хозяйство, умела быть полезной для всех, кто был рядом с нею.

...Когда позволяла служба, А. А. Пушкин навещал детей в Лопасне. Старожилы города Чехова с любовью вспоминали А. А. Пушкина и его семью. Вот что сообщила, например, мне А. И. Коняева:

— Когда я еще училась, Александр Александрович Пушкин часто приходил к нам в школу, угощал ребят арбузами, яблоками. Дарил книги, чаще всего это были сочинения его знаменитого отца. Рассказывал о походах, в которых сам участвовал.

Временами Александр Александрович увозил детей к себе — в города, где стоял его полк. Это бывало обычно тогда, когда сестра, М. А. Гартунг, приезжала к нему на длительный срок и брала на себя часть забот о его многочисленной семье. Потом дети А. А. Пушкина снова

Александр Александрович
Пушкин, сын А. С. Пушки-
на. Фотография начала
1860-х гг.

возвращались в Лопасню. Поэтому лопасненская усадьба и стала для них родным кровом. Дом, в котором они жили, сохранился до наших дней. Сохранилась и Зачатьевская церковь, построенная в конце XVII века. В ней в 1883 году А. А. Пушкин венчался со второй женой — Марией Александровной Павловой. Теперь возле церкви находятся могилы потомков Пушкина.

По свидетельству правнучек Пушкина С. П. Вельяминовой и С. Н. Данилевской, их матери Н. А. Воронцова-Вельяминова и М. А. Быкова (старшие дочери А. А. Пушкина) рассказывали, что Александр Александрович женился на М. А. Павловой «в надежде, что она заменит мать младшим его дочерям Наде и Вере, но надежда эта не оправдалась: они ходили вечно в заплатках», и что «бог допустил ошибку, вложив все достоинства и совершенства в Софью Александровну, а все недостатки — в мачеху». О том, что вторая жена А. А. Пушкина была «неприятной женщиной», говорили мне и другие потомки Пушкина. А Е. Н. Бибикова в уже приводившихся воспоминаниях писала: «Мария Александровна... часто жаловалась на старика мужа — разогнала его детей от первого брака и не принесла ему покоя на старости лет»²⁰.

...В январе 1861 года ротмистр Александр Александрович Пушкин по семейным обстоятельствам вышел в отставку в чине полковника. А в следующем году он принял должность мирового посредника третьего участка Бронницкого уезда Московской губернии. Этот пост сын Пушкина занимал до 1866 года. Затем он пробыл год председателем уездного мирового съезда.

Позднее, 1 августа 1888 года, время работы Александра Александровича мировым посредником (с 24 июля 1862 года по 21 марта 1866 года) было официально зачтено ему в действительную государственную службу.

За плодотворную деятельность на поприще мирового посредника сын поэта был награжден специальными знаками отличия: в 1863 году — «за успешное введение в действие положения 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», в 1865 году — «за введение в действие такого же положения 1863 года». А шесть лет спустя он получил и знак отличия «за поземельное устройство бывших государственных крестьян».

В феврале 1867 года А. А. Пушкин снова поступил на военную службу и в чине подполковника²¹ был командирован в распоряжение командующего Виленским военным округом. Здесь с марта 1868 по февраль 1869 года Александр Александрович принимал самое деятельное участие в работе комиссии по крестьянским делам при виленском генерал-губернаторе. В память об этих заслугах старшему сыну поэта в 1911 году — в связи с 50-летием отмены крепостного права — вручили орден Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

Первого января 1869 года А. А. Пушкин произведен в полковники, а через месяц уволен от должности члена комиссии по крестьянским делам «вследствие объявленного желания продолжать строевую службу». Александра Александровича прикомандировывают к 14-му драгунскому Малороссийскому полку. С 13 февраля по 13 апреля 1869 года за отсутствием командира полка он командовал этой воинской частью.

Пятнадцатого июля 1870 года его назначают командиром 13-го гусарского Нарвского полка. В боевую летопись полка вписано немало ратных подвигов. Сформированный еще при Петре I, Нарвский полк в 1709 году штурмовал Выборг, Кексгольм и Гельсингфорс, участвовал в польской кампании 1733—1735 годов, а во время Семилетней войны (1756—1763) — в сражении под Грос-Егерсдорфом.

Весть о назначении командиром полка сына Пушкина была воспринята гусарами с радостью: полковник слыл человеком гуманным, справедливым.

Гусары Нарвского полка любили и уважали А. А. Пушкина, потому что сам он с неизменной любовью и уважением относился к «нижним чинам». Не случайно историк Нарвского полка А. Н. Тихановский писал: «Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин являл собой идеал командира-джентльмена, стоявшего во главе старинного гусарского полка. Память о нем в полку еще настолько свежа, что в каких-нибудь комментариях не нуждается, а поэтому мы ограничимся приведенной оценкой этого уважаемого командира»²².

И для большинства офицеров полка А. А. Пушкин был образцом просвещенного командира. А двое из них — Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов и Николай Владимирович Быков* (племянник Н. В. Гоголя) — породнились с Александром Александровичем, женившись на его дочерях Наталье и Марии.

* * *

В памяти русского и болгарского народов живы подвиги героев Тырнова, Плевны** и Шипки. Полк А. А. Пушкина в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов также отличился во многих боях за освобождение Болгарии от османского ига.

Гусарам Нарвского полка доводилось встречаться с турецкими завоевателями и раньше. Например, еще в 1739 году они отличились в сражении под крепостью Хотин.

Когда 12 апреля 1877 года царским манифестом было объявлено, что Россия вступает в войну с Турцией, полк А. А. Пушкина получил приказ выступить в поход в составе 13-й кавалерийской дивизии.

«Пятого мая,— говорится в письме А. А. Пушкина к брату Григорию Александровичу от 30 апреля 1877 года,— наш полк выступает и идет прямо за границу... Теперь, любезный брат, уходя в поход, не мешает мне подумать и о будущем. Все мы под богом ходим, и придется ли вернуться — еще неизвестно. Во всяком случае те-

---

* П. А. Воронцов-Вельяминов командовал одним из подразделений 13-го гусарского Нарвского полка, затем его назначили полковым казначеем; Н. В. Быков был адъютантом А. А. Пушкина.

** По болгарски: Плевен.

бе поручаю я детей моих и в случае чего прошу тебя быть их опекуном». В том же письме Александр Александрович сообщает, что его дети «едут в Лопасню под охраной сестры Маши и там будут ожидать событий»²³.

Полк выступил в поход из города Янова Люблинской губернии. 15 июня он уже подошел к переправе через Дунай у города Зимницы.

По преданию, сохранившемуся во многих русских и болгарских печатных источниках, полковник Пушкин, когда его полк достиг берега Дуная, остановил коня и, приподнявшись на стременах, протянул правую руку в сторону реки.

— Кавалеристы! — сказал он. — Посмотрите: это Болгария, священная славянская земля. Там гибнут наши братья и сестры...

В начале войны численность действующих частей русской армии достигала 185 тысяч*, а у турок в Болгарии было до 220 тысяч солдат и офицеров. Русское командование планировало нанести турецкой армии решающий удар в направлении Систово**, Тырново***, Адрианополь и завершить войну выходом к Константинополю.

Успешно форсировав Дунай у Зимницы, русские войска овладели плацдармом у болгарского города Систово. Оттуда наступление шло в трех направлениях — восточном (на Рушук), западном (на Никополь, Плевну) и южном (на Тырново).

В начале Балканской кампании 13-й гусарский Нарвский полк входил в состав передового рушукского отряда, перед которым командование действующей русской армии поставило задачу — сдерживать наступление стотысячной армии турок, не вступая, однако, в серьезные сражения.

Рушукский отряд (до 45 тысяч человек) продвинулся за реку Янтру, где и развернулся, скользя силы врага, сконцентрированные в Рушуке.

Нарвский полк выполнял важные разведывательные поручения. С середины июля он поддерживал связь между рушукским и осман-базарским отрядами русских войск, ведя постоянное наблюдение за противником.

---

* Через полгода за Дунаем русская армия насчитывала 300 тысяч человек. Навечно остались лежать в болгарской земле 220 тысяч русских воинов. Благодарный народ Болгарии воздвиг около 450 памятников на могилах российских «братушек», навсегда сохранил память об их подвиге.

** По-болгарски: Свищов (читается: Свиштов).

*** С 1965 года Велико-Тырново.

Полк участвовал во многих ожесточенных боях. Так, еще в конце июня гусары полковника Пушкина активно действовали в составе осман-базарского отряда под Тырновом. Они уничтожили большой турецкий отряд, захватили много пленных и богатые трофеи под деревней Турога. Прославились и в сражениях, развернувшихся в сентябре — ноябре того же года у населенных пунктов Турна-Дере, Ново-Село, Кесарево, Тотлас. В боях против турок под командованием А. А. Пушкина сражались и две роты 43-го пехотного полка с приданными им четырьмя орудиями 11-й артиллерийской бригады.

Кровопролитными были бои при городе Елене, который турки защищали с упорством фанатиков, обреченных на гибель. В этом важном стратегическом пункте они сосредоточили большие силы. Турки надеялись овладеть переправами через Дунай и поставить тем самым русских в крайне трудное положение. Кроме того, стремились отвлечь русскую армию от Плевны, которая находилась уже в осаде. 28 ноября турецкий гарнизон Плевны капитулировал.

В начале декабря, почувствовав, что Елену удержать не удастся, турки подожгли город. Гусары Нарвского полка, рискуя жизнью, потушили пожар. Преследуя неприятеля, они освободили город Беброво, сожженный турками еще в августе. В декабре же полк взял с бою село Ахметли²⁴. 28 декабря до нарвцев дошла радостная весть о победе русских войск на Шипке.

В январе 1878 года штаб действующей русской армии принял решение перекрыть дорогу на город Сливно*: по ней двигались к Константинополю многочисленные турецкие отряды. Эта ответственная боевая задача была возложена на отряд генерал-майора Н. Г. Столетова, в состав которого кроме 13-го гусарского Нарвского и русского пехотного полков входили семь болгарских дружин народного ополчения, насчитывавших около пяти тысяч добровольцев. А всего в русско-турецкой войне 1877—1878 годов действовало до полутора десятков болгарских дружин, количество ополченцев в них достигало почти 10 тысяч. По свидетельству Н. Г. Столетова, «болгары могут биться и умирать, как герои».

...В операции под Сливно гусары Александра Александровича Пушкина снова проявили мужество и стойкость, а их командир — находчивость и высокое воинское искусство.

---

* По-болгарски: Сливен.

Однажды разведка доложила, что неприятель, захватив село Чатака, расположенное севернее города Кóтела, намерен учинить там резню болгарского населения. Освободить это село поручили А. А. Пушкину. В его подчинение поступили и две дружины болгарских волонтеров. Под командованием сына поэта они бесстрашно сражались бок о бок с русскими солдатами, освобождая родную землю.

В одном из докладов высшему командованию генерал-майор Столетов писал «о полной боевой годности, отличном усердии и храбрости всех чинов Нарвского гусарского полка»²⁵.

Хлебом-солью, цветами и радостными улыбками встречали болгары русских братьев-освободителей в каждом городе, в каждом селе...

Упорные бои с турками в окрестностях города Котела в январе 1878 года были последними боевыми действиями гусарского Нарвского полка в Балканской кампании. Враждебная по отношению к России позиция западных держав и ввод английской эскадры в Мраморное море заставили русского царя воздержаться от занятия Константинополя.

Девятнадцатого января в Адрианополе было заключено перемирие с Турцией, а ровно месяц спустя подписан Сан-Стефанский мирный договор, по которому Болгария стала самостоятельным княжеством. В период перемирия полк А. А. Пушкина охранял демаркационную линию между селами Чатака и Черкесли, а сам Александр Александрович был начальником этой линии.

Во всех боевых операциях за освобождение братской Болгарии полковник Пушкин показал себя не только талантливым, отлично знавшим военное дело командиром, но и мужественным, бесстрашным воином, истинным героем Балканской кампании. За личные боевые заслуги сын поэта по высочайшему приказу в декабре 1878 года был награжден золотой георгиевской саблей с надписью «За храбрость», а в ноябре 1879-го — орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За годы военной службы Александр Александрович Пушкин стал кавалером четырех других российских орденов (св. Станислава 1-й степени, св. Анны 2-й степени, св. Анны 2-й степени с императорской короной, св. Владимира 3-й степени), получил три иностранных (австрийский — Франца Иосифа 1-й степени, большой крест ордена Итальянской короны, черногорский — князя Даниила 1-й степени). Он награжден также бронзовыми медалями: в память войны 1853—1856 годов, в

Александр Александрович Пушкин.
Фотография конца 1900-х гг.

память войны 1877—1878 годов, в память «священного коронования его императорского величества» Александра III.

В 1902 году в связи со 100-летием Пажеского корпуса А. А. Пушкин был приглашен на торжества, где ему вручили восьмиугольный мальтийский крест из белой эмали. Сын поэта до конца жизни носил этот знак отличия и дорожил им не меньше, чем боевыми наградами. Сейчас мальтийский крест Александра Александровича находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, куда передан Н. С. Шепелевой.

За участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов удостоились наград и солдаты полковника Пушкина. Уже после окончания боевых действий царским указом от 17 апреля 1878 года каждому гусару Нарвского полка был пожалован особый знак чести на кокарду с надписью «За отличие в турецкой войне 1877 и 1878 гг.». Эта почетная награда давалась лишь воинам, особо отличившимся в сражениях²⁶.

Когда 1 июля 1880 года А. А. Пушкина произвели в генерал-майоры и назначили командиром первой бригады

13-й кавалерийской дивизии и в свиту царя, офицеры 13-го гусарского Нарвского полка при прощании поднесли ему настольные часы, на циферблате которых вместо цифр стояли названия болгарских городов и сел, освобожденных полком. Часы периодически играли марш 13-го Нарвского...

Этот знак уважения и признательности подчиненных тронул сердце храброго командира — в его памяти ожили картины недавних боев на болгарской земле...

Имя старшего сына поэта и сегодня весьма популярно в Болгарии. Внуки и правнуки болгар, сражавшихся за свою свободу вместе с бесстрашными русскими воинами, знают, что одним из тех, кто вызволил болгарский народ из почти 500-летнего турецкого рабства, был Александр Александрович Пушкин.

Любопытный эпизод произошел лет двадцать назад в Кишиневе. На митинге болгаро-советской дружбы кто-то из гостеприимных хозяев сказал: «Мы приготовили вам подарки. Вы видели их и радовались им. Но есть ли такой подарок, о котором вы мечтали, которого ждали, а мы, кишиневцы, не догадались преподнести его?» И один из гостей назвал таким желанным подарком фоторепродукцию портрета А. А. Пушкина, который находится в Кишиневском музее А. С. Пушкина²⁷.

А вот что писали в 1973 году поэты Дора и Минко Лалева из болгарского города Габрова: «Пушкина мы любим... Прекрасно, что он русский, что он славянин. Глубоко любим мы Пушкина и по другой причине: старший сын поэта воевал в Болгарии в 1877—1878 годах, освобождая нашу страну от турецкого ига. Он сражался совсем недалеко от Габрова, около старинного маленького города Елены»²⁸.

* * *

Двадцать девятого января 1887 года, в день 50-летней годовщины гибели А. С. Пушкина, старший сын поэта отслужил панихиду в церкви придворного Конюшенного ведомства, где было совершено отпевание Пушкина. На этой панихиде среди других литераторов присутствовал И. А. Гончаров.

Панихиду отслужили по просьбе А. А. Пушкина и у Черной речки, на месте дуэли Пушкина с Дантесом. Достоин удивления тот факт, что к 50-летию со дня смерти поэта еще не было точно определено место этого рокового поединка. После панихиды Александру Александровичу

заявили от имени земства, что «производятся самые тщательные исследования с целью точно определить место, где был смертельно ранен поэт, и тогда земство предполагает войти с ходатайством об отчуждении этого места и об открытии подписки на постановку здесь памятника»^{*29}.

В том же 1887 году, 29 января, окончилось пятидесятилетнее право собственности наследников А. С. Пушкина на издание его сочинений. По закону оно кончалось еще в 1862 году, то есть через 25 лет со дня смерти поэта, но, уважая ходатайство Н. Н. Пушкиной-Ланской, поданное ею в 1856 году, министерство народного просвещения продлило это право на 25 лет. В течение 1887 года появились два полных семитомных издания сочинений Пушкина (одно — под редакцией П. А. Ефремова, изд. В. В. Комарова; другое — под редакцией П. О. Морозова, изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) и множество других изданий трудов поэта — собраний сочинений, отдельных и избранных произведений. Если в 1886 году сочинения поэта печатались всего 11 раз, то в 1887 году количество изданий увеличилось до 150 (в 14 раз!).

...Тридцатого августа 1890 года высочайшим приказом генерал-майор А. А. Пушкин «за отличие по службе произведен в генерал-лейтенанты с зачислением в запас армейской кавалерии». Ему, «как прослужившему на действительной службе 34¹/₂ года», из государственного казначейства назначена была пенсия в размере полного оклада, то есть 1145 рублей в год.

А через полгода, 28 февраля 1891 года, пятидесятилетний Александр Александрович Пушкин вышел в отставку «с мундиром и с пенсией». С июня 1895 года он заведовал учебной частью императорского мужского коммерческого училища в Москве, одновременно являясь почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии. Тогда же он был переименован в тайные советники.

Однако за три с половиной десятилетия армейской службы Александр Александрович так привык к военной форме, что, по свидетельству его внучки С. П. Вельяминовой, после выхода в отставку «быть штатским тяготился и просил вернуть ему военный мундир». И 25 марта 1898 года

---

* Обелиск на месте дуэли А. С. Пушкина был воздвигнут только в советское время, в 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта. А в подземном вестибюле станции метро «Черная речка» 10 февраля 1983 года установлено бронзовое изваяние Пушкина, выполненное М. К. Аникушиным. Поэт стоит на постаменте из белоснежного мрамора, скорбно скрестив руки...

А. А. Пушкин среди воспитанниц и преподавателей Александровского женского института в Москве. Фотография начала 1910-х гг.

почетному опекуну А. А. Пушкину высочайшим приказом по военному ведомству возвратили «прежний чин генерал-лейтенанта, с зачислением по армейской кавалерии и в списки 39-го драгунского Нарвского полка* и с оставлением в настоящей должности»³⁰.

Все годы, пока сын поэта находился на гражданской службе, его никогда не видели в штатском платье. И до конца своих дней он сохранил отличную выправку кадрового военного. Об этом свидетельствуют все, кто оставил воспоминания об А. А. Пушкине в его преклонном возрасте.

Шестнадцатого сентября 1898 года А. А. Пушкина назначили членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов. Эту должность он занимал до 1913 года. А в последние годы жизни генерал от кавалерии А. А. Пушкин (звание присвоено ему в 1908 году) был также председательствующим в Московском присутствии Опекунского совета.

На этих общественных постах Александр Александрович проявил себя человеком кристальной честности, неутомимым поборником женского образования в России.

---

* Так с 1882 года назывался бывший 13-й гусарский Нарвский полк. В 1907 году было восстановлено прежнее наименование полка.

Многие слушательницы Екатерининского и Александровского женских институтов до глубокой старости тепло, сердечно вспоминали А. А. Пушкина, восхищались его благородством и душевной щедростью, бережно сохраняли фотопортреты Александра Александровича с его дарственными надписями. Свои фотографии А. А. Пушкин дарил воспитанницам институтов, как правило, в день, когда они после выпускных торжеств наносили ему прощальный визит.

Жительница Кишинева Е. Я. Данилова, окончившая институт в 1910 году, почти шестьдесят лет спустя рассказывала: «В институте... я воспитывалась бесплатно, как дочь офицера русской армии, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В этой войне мой отец, Яков Николаевич Данилов, командовал отрядом разведчиков. Он умер от ран, когда я была шестимесячным ребенком...

Александр Александрович был ко мне очень добр, дарил конфеты, хвалил за учебу, приглашал с подругами к себе в дом. Он всегда был очень приветлив. По большим праздникам и после выпускных экзаменов он обедал в институте за общим столом с нашими наставниками и с нами, провозглашая тосты, шутил»³¹.

Подаренную ей сыном поэта фотографию Елена Яковлевна в 1967 году передала в Кишиневский музей А. С. Пушкина³².

Видный советский ученый, доктор филологических наук Н. В. Измайлов писал автору книги: «...моя двоюродная сестра София Сергеевна Бартенева, внучка Петра Ивановича, издателя «Русского архива», воспитывавшаяся в Екатерининском институте, часто видела А. А. Пушкина, когда он, как попечитель, приезжал в институт, где теперь помещается Дом Советской Армии, а также и у своего деда, Петра Ивановича, и рассказывала мне о нем с большой теплотой».

М. А. Новикова-Каллаш, также учившаяся в Екатерининском институте и часто видевшая там А. А. Пушкина, вспоминала на склоне лет: «Это был среднего роста породистый старик... с характерным ртом, напоминавшим его великого отца на портретах. Его короткие, очень густые волосы, как и аккуратно подстриженная с обеих сторон борода, в это время уже были снежно белы... О своем отце, насколько помнится, А. А. Пушкин никогда не говорил, но на экзаменах по литературе, когда темой было творчество Пушкина, заметно волновался». Портрет А. А. Пушкина с его автографом она много лет назад передала в Онегинский музей в Париже³³.

Сослуживец А. А. Пушкина по Московскому присутствию Н. Г. Ураноссов, с октября 1907 года до середины декабря 1908 года находившийся в прямом служебном подчинении у старшего сына поэта, оставил обстоятельные воспоминания о нем:

«А. А. Пушкин, кроме председательствования, имел еще другие посты, вероятно, потому, что был мягок и вышшему начальству, очевидно, легко было возложить на него больше дел, чем на других...

Внешне он, конечно, имел некоторое сходство с отцом: у него были голубые глаза, горбатый нос и несколько выдающаяся нижняя губа. Он был лысый, совершенно седой и носил бороду. Роста он был среднего, но, несмотря на свой возраст, держался прямо. Носил он постоянно очки и много курил. Была у него привычка во время разговора смотреть на того, с кем он говорил, поверх очков. Голос у него был хрипловатый, должно быть, от постоянного курения.

Как настоящий аристократ и человек очень благовоспитанный, держал себя А. А. Пушкин очень просто и поэтому пользовался в училище и институте популярностью. Никакой начальственности в его отношении к подчиненным совершенно не чувствовалось... Носил он обычную серую офицерскую шинель, а зимой шинель с бобровым воротником. Форма его была хорошо знакома Москве...

Ал. Ал. запросто, иногда неожиданно, появлялся в помещении канцелярии, со всеми здоровался, следовал за глухую перегородку с окошечком, через которое производились денежные выдачи, и садился за письменный стол, стоявший у окна. За этим столом ему делались доклады и он подписывал бумаги...

Ал. Ал. было свойственно в некоторой мере чувство юмора... Я приехал к нему на квартиру с довольно толстой книгой журналов совета по личному составу (о назначении и увольнении учителей, классных дам и т. п.). Увидав, что я вынимаю ее из портфеля, Ал. Ал. сказал: «Я вижу, вы ташите эту толстую книгу, придется много подписывать...», а потом, подписав ряд приказов и продолжая подписывать, сказал, улыбаясь: «Своя собственная фамилия надоест...»

А. А. Пушкин был... всегда спокоен и корректен, и только один раз я видел его потерявшим равновесие на заседании совета в Александровском институте, когда начальница М. В. Веселкина вывела его из себя своими, по-видимому, неверными утверждениями...

Когда разговор почему-то зашел об открытии педагогических классов... она сказала: «Ал(ександр) Ал(ексан-

дрович), это вы были против открытия педагогических классов в моем институте...» Я не знаю, было ли это верно или неверно, но только генерал Пушкин, этот мягчайший и милейший старик, сначала было сказал довольно спокойно: «Наоборот, я просил об открытии педагогических классов в институте...», а потом, когда она продолжала говорить то же самое, вдруг вспыхнул, встал и сказал: «М(атильда) В(алерьяновна), вы говорите совершенно неправильно... Я не могу оставаться там, где меня оскорбляют...» И Александр Александрович, по словам Ураносова, «вышел, ни с кем не простившись»³⁴.

Может быть, именно за сочетание в своем характере исключительной корректности и столь же исключительной принципиальности, верности собственным убеждениям, своему долгу и пользовался Александр Александрович всеобщим уважением и почетом. И, возможно, вовсе не случайно (так, по крайней мере, считала правнучка Пушкина С. П. Вельяминова, и это вполне согласуется с воспоминаниями других современников А. А. Пушкина) именно в годы его опекунства в Екатерининском и Александровском институтах работали многие прогрессивные педагоги. Среди них будущий видный советский государственный и партийный деятель, историк и дипломат, действительный член АН СССР В. П. Потемкин (1874—1946), известный в дальнейшем советский литературовед, академик П. Н. Сакулин (1868—1930), историк литературы, критик П. С. Коган (1872—1932) и другие.

Иногда сын поэта находил хороших учителей в провинции. Так, в 1907 году он пригласил М. М. Дмитриевского, директора Пермского реального училища, занять должность заведующего учебной частью Екатерининского института. И Михаил Михайлович, переехав в Москву, в течение семи лет, вплоть до кончины Александра Александровича, успешно работал на новом поприще в непосредственном контакте с А. А. Пушкиным.

Далекий от политики, Александр Александрович тем не менее резко осуждал царское правительство, когда оно потопило в крови мирную демонстрацию рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. Престарелая жительница Веневского района Тульской области Аграфена Иосифовна Баранова, с десяти лет жившая в доме Пушкиных, вспоминала: «После расстрела рабочих в Питере мы ходили в церковь. Обедню по убитым заказал Александр Александрович Пушкин, и на ней были все Пушкины и вся их прислуга. Александр Александрович все возму-

шался: «Не могу понять... никак не могу понять, почему стреляют в безоружных людей...»³⁵.

* * *

Современники отмечали, что чем старше становился Александр Александрович Пушкин, тем больше он внешне походил на отца. Так, автор статьи «Пушкинские реликвии», напечатанной без подписи в № 41 журнала «Нива» за 1913 год, писал: «Лицо Александра Александровича поражает сходством с лицом отца — не только в общем типе, но и в отдельных чертах. Александру Александровичу теперь восемьдесят лет, а его отец скончался на тридцать восьмом году, но, несомненно, доживи поэт (а на это ему позволяло рассчитывать его прекрасное здоровье) до таких же преклонных лет, его старческий облик близко подходил бы к наружности Александра Александровича».

В детстве, на четвертом году, Марина Цветаева, будущая поэтесса, видела А. А. Пушкина в доме своего отца в Трехпрудном переулке в Москве. Об этом ярком эпизоде из собственного детства она вспомнила, работая над книгой «Мой Пушкин».

«— А зовут его Александр Александрович,— продолжал отец,— и он очень похож на отца. Ты ведь знаешь, кто его отец?»

— Мама сказала: Памятник — Пушкина.

— Ну, положим, не памятник Пушкина, а Александр Сергеевич Пушкин, наш великий русский поэт. Сколько, впрочем, голубка, Муся лет?

— Три года, четвертый.

— Ну, значит, время еще есть. А все-таки, Муся, запомни, что ты трех лет от роду видела сына А. С. Пушкина. Потом внукам своим будешь рассказывать»³⁶.

Многие, кому доводилось встречать Александра Александровича, хотели видеть в нем живую копию Пушкина. И когда не находили в сыне полного портретного сходства с отцом, разочарованно вздыхали.

По поводу таких курьезных «требований» А. А. Пушкин полушутя-полусерьезно жаловался сыновьям Л. Н. Толстого: «Плохо нам с вами. Чувствую, что от меня требуют, чтобы я был с баками, как от вас — чтобы вы непременно носили окладистую седую бороду. Иначе все обижаются: какие ж это Пушкин и Толстой!»³⁷

А дочери своей Анне Александр Александрович признавался: «В глазах встречных я читаю разочарование. Они ожидают увидеть в сыне великого поэта какую-то исклю-

чительную личность. А я — самый обыкновенный, ничем не примечательный человек. Публика и обижается: «Помилуйте, Пушкин — и не пишет!»³⁸.

Подобная же «обида» чувствуется и в воспоминаниях известного советского пианиста и композитора народного артиста СССР А. Б. Гольденвейзера (1875—1961), в молодости видевшего А. А. Пушкина на музыкальных вечерах в Екатерининском институте. Он признает, что Александр Александрович «был необычайно похож на своего отца», но тут же добавляет: «Каких-нибудь значительных или интересных слов он при мне не произносил, да, кажется, и не представлял собой ничего особенного...»³⁹

Позволю себе не согласиться с мнением авторитетного музыканта. Вряд ли справедливо по случайным впечатлениям от мимолетных встреч с сыном поэта судить столь категорично о его личности. И разве можно немногословие А. А. Пушкина, которое, вне всякого сомнения, было одним из внешних проявлений исключительной скромности Александра Александровича, расценивать как нечто определяющее его достоинства?

* * *

В 1848 году, после кончины Сергея Львовича Пушкина, село Большое Болдино — центральное имение нижегородских владений Пушкиных — перешло к брату поэта Льву Сергеевичу, а сыновья Пушкина, Александр и Григорий, стали владельцами Кистеневки. С 1852 года их собственностью была и Львовка. Позднее эти деревни принадлежали — по соглашению между наследниками — А. А. Пушкину. Однако формально Александр Александрович не был введен во владение Кистеневкой и Львовкой до осени 1900 года. Когда ему понадобилось продать 34 десятины кистеневских земель, оставшихся от надела крестьян этой деревни, старший сын Пушкина писал брату Григорию Александровичу: «...мне за них (34 десятины земли. — В. Р.) предлагают 6660 руб., но совершить купчую я не могу, так как я лично не введен во владение и данная тобой доверенность меня не уполномочивает на это»⁴⁰.

В том же письме А. А. Пушкин просит брата прислать ему постановление Псковского окружного суда, по которому их раздел утвержден⁴¹, чтобы он «мог окончательно вступить в полное владение своим имением». На всякий случай Александр Александрович напоминает, что «Кистенево состоит в Сергачском уезде, а Львово в Лукояновском».

Не ограничиваясь письмом, А. А. Пушкин несколько дней спустя отправляет брату телеграмму следующего содержания: «Нижегородский суд для ввода во владение требует подлинный раздельный акт или вышли или укажи где находится»⁴².

Требуемые документы Г. А. Пушкин отправил старшему брату в Москву 5 октября 1900 года. И вскоре Александр Александрович стал юридическим владельцем двух нижегородских деревень, которыми фактически распорядился с середины XIX века.

Точно так же хозяином Михайловского несколько десятилетий был Г. А. Пушкин, хотя формально это пушкинское имение, деревни и земли, к нему относящиеся, принадлежали обоим сыновьям Пушкина.

С конца 1870-х годов и Малое Болдино числилось за старшим сыном поэта: он купил малоболдинскую «ненаселенную землю» (669 десятин) со всеми «господскими строениями» у двоюродной тетки О. М. Сонцовой (умерла в 1880 году).

В Большом Болдине до 1903 года жил племянник А. С. Пушкина Анатолий Львович Пушкин (1846—1903). После смерти Анатолия Львовича хозяином имения стал его сын Лев Анатольевич Пушкин (1870—1918). У него в разные годы бывал старший сын поэта, неоднократно приезжавший на отдых во Львовку. Болдинская усадьба была особенно дорога А. А. Пушкину. Ведь здесь его отец провел три осени — в 1830, 1833 и 1834 годах, причем первые два приезда оказались для поэта необычайно плодотворными: теперь весь мир восхищается пушкинскими произведениями, написанными на болдинской земле.

По воспоминаниям крестьянина Степана Вострышева — в записи И. В. Киреева⁴³, — Александр Александрович говаривал: «Болдино мне родное. Здесь и дед мой жил, и отец по этим улицам ходил. Во Львовке я как на квартире живу. Нет там такой широты, простора. Вот почему меня всегда влечет в Болдино. Вижу, что здесь память отца чтут. Иду в Лучинник и думаю, что по этой дороге проезжал отец. Около листовницы постою, и кажется мне, будто я с отцом наговорился. Как мне скучно станет во Львовке, я и еду в Болдино хоть на несколько часов»⁴⁴.

Старший сын Пушкина еще в 50-х годах прошлого века построил во Львовке двухэтажный дом на каменном фундаменте, с балконом и колоннами по фасаду; нижний этаж кирпичный, верхний — из липового леса.

Дом хорошо сохранился до наших дней. До 1972 года в нем была школа.

Старейший житель Львовки Максим Иванович Куликов, до 1963 года колхозный ветфельдшер, вспоминал:

— Впервые я увидел Александра Александровича в тысяча девятьсот четвертом году. Мне было тогда шестнадцать лет. И я очень ясно помню его, старого, седобородого, в генеральском мундире. Был он всегда спокойный, приветливый. Любил прогулки по парку, подолгу сидел где-нибудь в глубине сада на скамейке. Самому мне не приходилось разговаривать с Александром Александровичем: стеснялся я. Но в доме господском бывал. А в зиму двенадцатого — тринадцатого года даже кормил двадцать лошадей в его имени. Во Львовке генерал бывал только наездами: поживет у нас летом месяц-полтора и снова уедет в Москву, к семье. Жена и дети Александра Александровича никогда во Львовку не приезжали. Управлял же имением в те годы арендатор Иван Иванович Кундров*, из немцев. Жил он во Львовке постоянно. Строгий человек был, не то что Александр Александрович... В один из приездов Александра Александровича Пушкина во Львовку наши старики ходили к нему просить место для школы. И он разрешил построить на своей земле, рядом с усадьбой, четырехклассную церковноприходскую школу, в которой год спустя начались занятия. А в десятом году сын поэта позволил жителям деревни построить невдалеке от барского дома деревянную церковь. Она тоже сохранилась.

Генерал Пушкин,— продолжал Максим Иванович,— очень сердечно относился к крестьянам. Как сейчас помню, львовские старики облюбовали для церкви полянку, где стоял господский каретник, были там и другие хозяйственные постройки. Так он, верите ли, согласился перенести эти строения на другое место, лишь бы угодить людям. И никакой помощи от крестьян не потребовал...

По словам М. И. Куликова, в последний раз А. А. Пушкин приезжал во Львовку в 1912 году.

И сам Максим Иванович Куликов, и другие его односельчане в 1917—1918 годах, «зная их, Пушкиных, любовь к народу», сохранили дом А. А. Пушкина и часть имущества, находившегося в усадьбе.

В 1926 году Лукояновский уездный исполком постановил перевезти «помещичий» дом из Львовки в село Уду,

---

* Имеется в виду управляющий И. И. Кундрат, прослуживший у А. А. Пушкина свыше 30 лет.

чтобы построить там школу. Но львовские крестьяне рассудили иначе...

Максим Иванович так рассказывал об этом:

— Приехали в деревню на шестидесяти подводах. Вижу, дело неладно. Я и послал двух мальчишек за стариками: один побежал по одному порядку*, другой — по другому. Собрались люди. Начали стыдить приезжих мужиков. «Разве можно,— спрашивают,— исторические дома ломать?» Они только плечами пожимают: нас, мол, начальство послало. Так и отстояли мы пушкинский дом. В тридцать четвертом году в этом доме открыли школу. В ней учились и дети мои, и внуки, и правнуки. Как видите, дом Александра Александровича и сейчас стоит целехонек, хотя ему давно уже за сто лет перевалило. Теперь усадьбу генерала болдинскому музею Пушкина отдали. И очень правильно сделали. Значит, не зря мы тогда взяли под защиту пушкинское имя. Оно еще долго будет служить людям, которые в наши края приезжают, чтобы болдинскими да львовскими просторами любоваться, в гостях у Пушкина побывать...

В 1890-х и 1900-х годах А. А. Пушкин нередко приезжал и в село Малое Останкино Каширского уезда, принадлежавшее его жене М. А. Пушкиной (Павловой)⁴⁵. Александр Александрович построил в Останкине дом, где и проводил с семьей лето.

Там 19 июля 1914 года сына поэта застало известие о вступлении России в войну с Германией.

— В этот день,— рассказывала мне Н. С. Шепелева,— дедушка узнал о начавшейся мобилизации, понял все сложившееся военное положение, и это его сильно взволновало. Конечно, он понимал, что для действующей армии уже негоден и стар, и на войну идти не собирался. Предание о том, будто Александр Александрович надел мундир и сел к столу писать прошение на имя государя, чтобы ему разрешили поехать на фронт, кем-то придумано. Не верьте ему... От жившей в семье Пушкиных и очень уважавшей дедушку Груши Барановой, теперь покойной, знаю, что расстроенный Александр Александрович даже не стал обедать, раньше обычного ушел в спальню, лег, вскоре потерял сознание и, не приходя в себя, скончался на ее руках. Аграфена Иосифовна находилась в тот вечер при нем неотлучно. Вот как все было...⁴⁶

Александр Александрович хотел, чтобы его похорони-

---

* Сторона улицы (обл.).

ли в Лопасне, рядом с первой женой, С. А. Пушкиной, и детьми Софьей и Сергеем. Но его волю не могли исполнить из-за начавшейся войны, и он был погребен в селе Марыгино (в нескольких верстах от Малого Останкина) бывшего Веневского уезда. Там, в церкви, в семейном склепе Павловых гроб с забальзамированным телом А. А. Пушкина и находился почти столетия.

В июне 1963 года по ходатайству потомков Пушкина Московский и Тульский облисполкомы вынесли решение о перенесении останков старшего сына поэта в город Чехов. В церемонии нового захоронения Александра Александровича участвовали сотни местных жителей...

* * *

Александр Александрович Пушкин, умевший, по словам Н. О. Лернера, «ценить превыше всяких званий и титулов завещанное ему славное имя»⁴⁷, внес значительный вклад в отечественное пушкиноведение.

В начале июня 1880 года в Москве был открыт памятник А. С. Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина*. Незадолго до празднества Общество любителей российской словесности организовало в двух залах Благородного собрания (ныне Дом союзов) Пушкинскую выставку. А. А. Пушкин, которому по семейному разделу имущества принадлежал архив поэта, доставил туда многочисленные рукописи отца.

Когда выставка была открыта, П. И. Бартеневу и первому хранителю отделения рукописей Румянцевского музея (позднее Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина) Алексею Егоровичу Викторову удалось убедить А. А. Пушкина в том, что эти бесценные пушкинские бумаги надо наконец поместить в надежное государственное хранилище.

И вот 9 мая 1880 года Александр Александрович Пушкин обратился к директору Московского Публичного и Румянцевского музея В. А. Дашкову с письмом следующего содержания:

«Милостивый государь Василий Андреевич!

В ознаменование торжественного дня открытия в Москве памятника отцу моему Александру Сергеевичу Пушкину, предполагая передать в общественную собст-

---

* 7 августа 1884 года в Петербурге также состоялось открытие памятника Пушкину, отлитого по модели А. М. Опекушина и сооруженного в небольшом сквере на Новой (в прошлом Компанейской) улице, которая с тех пор стала называться Пушкинской. Среди именитых участников этого торжественного акта был и А. А. Пушкин.

венность сохранившиеся у меня подлинные рукописи его сочинений, я избрал местом хранения их на вечные времена находящийся под Вашим управлением Московский Публичный и Румянцевский музей, куда эти рукописи и будут доставлены из Общества любителей российской словесности, которому временно я их передал, вместе с правом воспользоваться ими для особого литературного сборника.

Уведомляя о сем Ваше превосходительство, прошу принять уверение в моем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга Александр Пушкин»⁴⁸.

На торжества по случаю открытия памятника в Москву приехали все дети поэта — Мария Александровна Гартунг и Александр Александрович Пушкин из города Козлова Тамбовской губернии (там с 9 апреля 1879 года⁴⁹ находился на постоянных квартирах 13-й гусарский Нарвский полк), Григорий Александрович Пушкин — из Михайловского, Наталья Александровна Меренберг — из Висбадена. Они первыми возложили венок к подножию памятника их отцу. В те дни дети и внуки Пушкина были самыми почетными гостями Москвы. На торжественных собраниях в Московском университете, в Обществе любителей российской словесности и в Благородном собрании их восторженно приветствовали и ректор университета Н. С. Тихонравов, и городской голова С. М. Третьяков*, и пушкинист П. И. Бартенев...

Очевидец Д. Н. Любимов, вспоминая заседание в университете, писал: «Когда ректор, говоря речь, упомянул о том, что Пушкин где-то сказал, что его более всего трогает, когда чествуют потомков за заслуги их знаменитых предков, ввиду полного бескорыстия и искренности этих чествований, весь совет профессоров, сидевших на эстраде, а за ними вся зала, как один человек, встала со своих мест и, обратившись в сторону Пушкиных, разразилась долго не смолкавшими рукоплесканиями. Пушкины страшно смутились от внезапности и искренности всех в зале охвативших чувств»⁵⁰.

Детей поэта пригласили на парадный обед, устроенный Обществом любителей российской словесности. На нем присутствовали 223 человека. На меню, украшенном виньеткой работы художника К. А. Трутовского, были начертаны пушкинские стихи:

---

* Собиратель западноевропейской живописи, младший брат П. М. Третьякова — основателя Третьяковской галереи, в которой сосредоточены произведения русского реалистического искусства. Коллекции Третьяковых переданы в дар Москве в 1892 году.

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Когда Бартенев предложил тост за членов семьи Пушкина, его дружно поддержали все собравшиеся, в том числе писатели И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков, А. Н. Островский, поэты А. Н. Майков и Я. П. Полонский.

В октябре 1880 года архив Пушкина, бывший у его старшего сына, поступил почти полностью в Румянцевский музей. Здесь находились четырнадцать «рабочих тетрадей», содержащих преимущественно черновые тексты различных произведений Пушкина. Они отражают едва ли не весь его творческий путь — от лицейских стихотворений и «Руслана и Людмилы» до знаменитого стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», помеченного 21 августа 1836 года, то есть написанного поэтом за пять месяцев до гибели.

Кроме этих «рабочих тетрадей», в архив поэта, переданный А. А. Пушкиным Румянцевскому музею, входили несколько десятков самодельных тетрадок, в которые Пушкин переписывал набело такие крупные произведения, как «Медный всадник», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Маленькие трагедии». Из тетрадок были сброшюрованы авторизованные копии «Бориса Годунова», «Истории Пугачева», материалы к ней и другие тексты.

После смерти Пушкина все рукописи поэта, черновые и беловые, были просмотрены жандармами, прошиты, пронумерованы полистно красными чернилами и припечатаны жандармской печатью на сургуче. А отдельные листки, которые трудно было сшить в тетради, сложили — небрежно и безграмотно — в пакеты. Только в 1930-х годах «жандармские тетради» были расшиты и рукописям Пушкина возвращен тот порядок, какой они имели до «посмертного обыска» в квартире поэта, что значительно облегчило их изучение.

Помимо рукописей А. А. Пушкин передал в Румянцевский музей большое количество писем к поэту, входивших в его личный архив и бывших в квартире Пушкина в момент его смерти.

Через два года А. А. Пушкин принес в дар музею письма Пушкина к жене, Н. Н. Пушкиной, находившиеся до того у их младшей дочери Н. А. Меренберг.

При передаче рукописей отца в музей А. А. Пушкин предоставил право пользоваться ими исключительно П. И. Бартеневу. Поскольку многие тетради Пушкина

находились тогда еще в городе Козлове, Петр Иванович, получив разрешение публиковать из рукописей поэта все, «что найдет в них нового», ездил за ними в Козлов, а затем, по мере использования тетрадей, передавал их в Румянцевский музей. Уже в 1880 году, начиная с третьего номера «Русского архива», Бартенев публиковал тексты Пушкина, не вошедшие в собрания сочинений поэта, подготовленные в свое время к изданию В. А. Жуковским и П. В. Анненковым⁵¹.

С осени 1882 года бумаги Пушкина, поступившие в Румянцевский музей, стали доступны всем, кто занимался изучением творчества поэта.

В преддверии 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина председатель Пушкинской комиссии по проведению юбилейных торжеств в Москве А. И. Кирпичников обратился к А. А. Пушкину с просьбой предоставить для временной выставки, посвященной поэту, принадлежавшие ему вещи. Александр Александрович ответил согласием. Таких вещей, как сообщалось тогда в печати⁵², у него было около пятнадцати. Среди них — чернильница поэта со статуэткой негра, подаренная Александру Сергеевичу П. В. Нащокиным; серебряные туалетные принадлежности, которыми пользовался Пушкин; портрет его матери — Надежды Осиповны; грамота (диплом) на звание члена Российской академии, выданная Пушкину в 1833 году, и официальное извещение об этом избрании; портрет поэта работы О. А. Кипренского; пушкинская конторка красного дерева; картина Н. Г. Чернецова, изображающая Дарьяльское ущелье (написана художником в 1832 году и подарена Пушкину, висела в последней квартире поэта на набережной Мойки, 12)...

Выставка была открыта в Ивановском зале картинной галереи Румянцевского музея 14, 16 и 23 мая для учащихся, с 24 по 29 мая — для общего обозрения. Она состояла из двух отделов: первый (144 номера) — пожертвованные А. А. Пушкиным в 1880 году Румянцевскому музею собственноручные рукописи и рисунки поэта; второй (428 номеров) — издания его сочинений.

В «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музея за 1899 год» приведены данные о количестве посетителей Пушкинской выставки. Оказывается, за три дня на ней побывали 216 (!) воспитанников и воспитанниц учебных заведений, а за шесть дней, отведенных для общего обозрения, всего 816 человек⁵³. Как мизерны, как ничтожно малы эти цифры! Сегодня пушкинские вы-

ставки и музеи страны ежегодно посещают миллионы людей.

Незадолго до пушкинского юбилея 1899 года А. А. Пушкин просил брата прислать ему на время фотографии видов Михайловского для картины, «которую хочет составить учитель рисования» коммерческого училища (там Александр Александрович заведовал учебной частью),— «нечто вроде портрета отца и кругом виды Михайловского для раздачи в виде цинкографии ученикам училища»⁵⁴.

По-видимому, просьбу эту Г. А. Пушкин выполнил.

День рождения А. С. Пушкина отмечался торжественно. 26 мая в Святых Горах потомки возложили на могилу поэта венок, на лентах которого были слова: «В память столетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина от семьи»⁵⁵.

Теплыми овациями встретила публика в Святогорском монастыре сыновей поэта и его племянника Л. Н. Павлищева. Участник торжеств свидетельствует: «А. А. Пушкин, растроганный, благодарил за внимание, а публика махала платками, хлопала, и казалось, еще момент — и всякому захочется подойти и пожать руку сыну бессмертного отца»⁵⁶. В Святых Горах Александру Александровичу был вручен диплом почетного члена Румянцевского музея «за драгоценнейшее пожертвование... в 1880 г. рукописей его отца и с целью укрепить нравственную связь просветительного учреждения Москвы с потомками великого поэта»⁵⁷. В юбилейные дни старшему сыну поэта был пожалован также орден св. Владимира 2-й степени.

При жизни А. А. Пушкин не расставался лишь с дневником отца 1833—1835 годов, с портретами отца и матери, печаткой Пушкина из дымчатого топаза и некоторыми личными вещами Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных. Дневник отца он хранил особенно ревниво, так как считал публикацию его преждевременной.

В апреле 1899 года старший сын Пушкина, давая интервью корреспонденту газеты «Сын отечества», сказал, что дневниковые записи отца он не публикует «ввиду того, что там говорится о некоторых лицах недостаточно почтительно».

«Мемуары эти,— подчеркнул А. А. Пушкин,— незадолго до смерти передала мне моя мать. Как-то раз она разбирала в столе и наткнулась на тетрадь. Она пере-

дала ее мне. После знакомства с мемуарами я решил их оставить пока в тайне»⁵⁸.

Даже пушкинист П. И. Бартенев, по свидетельству его внуки Н. Яшвили, «просидел однажды несколько дней, закрытый на ключ в комнате, выписывая из дневника Пушкина нужные ему данные, так как только при этом условии сын поэта Александр Александрович позволил ему ими воспользоваться»⁵⁹.

И все-таки, несмотря на предосторожности А. А. Пушкина, содержание дневниковых записей его отца к концу XIX столетия для многих уже не было секретом: в печати постепенно появлялись все новые и новые страницы дневника.

Еще П. В. Анненков, снявший копию с рукописи дневника, использовал отдельные цитаты из него в своем труде «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (СПб., 1855). Ссылался на дневник Пушкина и В. А. Соллогуб в «Воспоминаниях», появившихся в печати в 1866 году.

В 1880 году Александр Александрович Пушкин разрешил председателю Общества любителей российской словесности С. А. Юрьеву напечатать отрывки из дневника в «Русской мысли» (1880, № 6, с. 1—10). В том же году и почти в том же виде фрагменты из дневника были опубликованы во втором номере «Русского архива», который издавался П. И. Бартевым (с. 488—499). Год спустя Бартенев напечатал в этом журнале еще один, правда небольшой, отрывок из дневника поэта (1881, № 2, с. 495).

Племянник Пушкина Л. Н. Павлищев в своих записках «Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине», опубликованных в сентябре 1890 года в журнале «Русское обозрение», поместил «Дополнение к отрывкам «Дневника» А. С. Пушкина». Несколько не обнародованных до тех пор выдержек из дневника дал в 1899 году В. Е. Якушкин.

В 1903 году дневник напечатал П. А. Ефремов, причём он сделал это, по словам М. Н. Сперанского, «в объеме, превышающем все до сих пор бывшие его издания».

Были изданы дневниковые записи Пушкина и в шестом томе Полного собрания сочинений поэта под редакцией П. О. Морозова (книгоиздательское т-во «Просвещение». СПб., 1904). Но самым полным дореволюционным изданием дневника был текст его в пятом томе Сочинений А. С. Пушкина под редакцией С. А. Венге-

рова (СПб., 1911, изд. Брокгауза и Ефрона). Из него исключили в основном те места, которые редактору казались «неудобными» для опубликования. Текст дневника не был свободен от ряда ошибок и неточностей, связанных с тем, что редактор пользовался не подлинной рукописью Пушкина, находившейся в те годы по-прежнему у старшего сына поэта, а копией со списка, сделанного П. В. Анненковым еще в 1850-х годах. Полную же копию дневниковых записей отца А. А. Пушкин разрешил снять только в 1903 году, когда к нему с просьбой об этом обратился президент Академии наук великий князь Константин Константинович.

Хранитель Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Г. П. Георгиевский так вспоминал об этом в беседе с Т. Г. Цявловской в 1931 году: «Когда он (А. А. Пушкин.— В. Р.) давал дневник читать, он говорил: «Только, чтобы Уваровы не знали, что там есть». Получает Ал. Ал. рескрипт от великого князя Константина Константиновича, что тот желает прочесть дневник Пушкина. Ал. Ал. просто не знал, что делать, был в отчаянии, за голову хватался... Рескрипт второй: «Будьте покойны, все, что вас смущает, останется в тайне»...

Дневник попал к Константину Константиновичу, тот дал Саитову снять копию. Мало того, в Историческом музее собрали Пушкинское заседание, где был и Ал. Ал. и где В. Е. Якушкин прочел вслух весь дневник в копии. Когда Ал. Ал. услышал те слова, которые его так мучили, он сорвался с места и демонстративно вышел, хлопнув дверью»⁶⁰.

Копия дневника, снятая пушкинистом В. И. Саитовым, как и подлинник его, Венгеру была недоступна.

Поэтому первыми действительно полными и, главное, научными публикациями дневника считаются два издания его 1923 года по рукописи, поступившей в 1919 году в Румянцевский музей. Одно издание осуществлено под редакцией Б. Л. Модзалевского, другое — В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского⁶¹.

В разное время в Румянцевский музей поступили рукописи Пушкина из личных архивов С. А. Соболевского, М. П. Погодина, С. Д. Полторацкого, П. В. Анненкова и многих других лиц. Так постепенно в Румянцевском музее сосредоточилось самое большое собрание пушкинских рукописей.

Как же сложилась дальнейшая судьба рукописного наследия Пушкина?

На Всесоюзную пушкинскую выставку, открывшуюся в Москве в 1937 году, накануне 100-летия со дня смерти Пушкина, были представлены рукописи поэта не только из Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, но и из других музеев, библиотек и архивов страны, где они начали концентрироваться в середине XIX века. Особенно большое количество пушкинских бумаг было сосредоточено, помимо Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в Пушкинском Доме АН СССР, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в бывшем Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи и в Государственном литературном музее в Москве.

В марте 1938 года советское правительство приняло постановление, по которому Пушкинская выставка была реорганизована в Государственный музей А. С. Пушкина. В нем должны были храниться рукописи поэта, документы, связанные с его жизнью и творчеством, а также изобразительные материалы о Пушкине и его эпохе, издания его сочинений, литература о поэте. Музей находился в ведении Института мировой литературы имени А. М. Горького.

После Великой Отечественной войны, накануне 150-летия со дня рождения Пушкина, все материалы музея по распоряжению президиума Академии наук СССР были переданы в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, созданный при Петербургской Академии наук еще в 1905 году «в благоговейную память великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина». И в июле 1948 года рукописи Пушкина из Москвы поступили в город на Неве.

Некоторые автографы поэта есть еще у частных лиц, имеются они и за границей. Но преобладающее большинство рукописей Пушкина вот уже более сорока лет сосредоточено в Рукописном отделе Пушкинского Дома — центра советского пушкиноведения. На 1 января 1988 года здесь находилось 1759 автографов поэта, около 12 тысяч страниц. И основную часть пушкинского фонда по-прежнему составляют рукописи, переданные А. А. Пушкиным Румянцевскому музею свыше ста лет назад.

...Пушкиноведы и все почитатели русского поэта благодарны Александру Александровичу Пушкину и за то, что он в конфиденциальной беседе с двоюродным братом Анатолием Львовичем Пушкиным сообщил интересные сведения о своем отце. Запись рассказов сына по-

эта сделана по-английски рукой Анатолия Львовича на тридцати трех страницах шестого — последнего — тома Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного в 1869—1871 годах в Петербурге Я. А. Исаковым.

Основная часть заметок — отзывы о поэте, исходившие из царской семьи и услышанные А. А. Пушкиным, вероятно, от Александра II в пору, когда Александр Александрович был флигель-адъютантом царя и некоторое время находился в его свите.

А. Л. Пушкин зафиксировал эти сведения «дословно по пунктам». Среди них встречаем, например, такие: «Пушкин и Лермонтов были неизменными противниками трона и самодержавия и в этом направлении действовали на верноподданных России». Или: «Будучи наследником престола, я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора»; «Мы сожалеем о гибели поэтов Пушкина и Лермонтова: они могли быть украшением двора и воспеть самодержца»...

Записи племянника поэта, сделанные со слов А. А. Пушкина, содержат и воспоминания В. А. Жуковского о Пушкине, которыми он поделился с Александром Александровичем в начале 1850-х годов, то есть незадолго до собственной кончины.

Новонайденные семейные бумаги Пушкиных — еще одно подтверждение того, как много сделал для пушкиноведения старший сын поэта⁶².

В тишине деревенского уединения

В семье Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных 14 мая 1835 года родился сын Григорий. Через два дня поэт сообщал Н. И. Гончаровой в Ярополец: «Милостивая государыня матушка

Наталья Ивановна,

Имею счастье поздравить Вас со внуком Григорьем и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя, слава богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил, и вчера она прорадавала; сегодня ей легче. Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному».

Вскоре Наталья Ивановна прислала внуку подарок. Ему были рады и Пушкин, и Наталья Николаевна. 14 июля

Александр Сергеевич писал теще: «Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень кстати. Мы ждали Дмитрия Николаевича на крестины, но не дождались. Он пишет, что дела задержали его...»

При крещении Гриши, состоявшемся 22 мая в Предтеченской церкви на Каменном острове, восприемниками его были друг Пушкина Василий Андреевич Жуковский и Екатерина Ивановна Загряжская.

Имя сыну поэт дал не случайно — в память о своем непокорном предке Григории Пушкине. Вот что писала об этом А. П. Арапова: «Мать рассказывала, что, когда родился второй сын, она хотела назвать его Николаем, но он пожелал почтить память одного из своих предков, казненных в Смутное время, и предоставил ей выбор между двумя именами: Гавриила и Григория. Она предпочла последнее»¹.

По свидетельству Надежды Осиповны Пушкиной, после рождения младшего сына Наталья Николаевна «стала красива, как никогда»².

В день, когда Грише исполнился год, Александр Сергеевич писал жене из Москвы: «...сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы?* погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе».

Строки эти датированы 14 мая 1836 года. А через восемь с половиной месяцев случилось непоправимое: Россия потеряла Пушкина. Младшему сыну поэта шел тогда второй год, отца он не помнил и знал его только по рассказам матери да по воспоминаниям других родственников.

В три года мальчик серьезно заболел, чем доставил Наталье Николаевне много беспокойства и переживаний. 15 мая 1838 года она писала брату Д. Н. Гончарову: «Ты будешь удивлен, увидев на моем письме московский штемпель,—я здесь уже несколько дней из-за здоровья Гриши, и как только консультации закончатся, снова вернусь в Ярополец... я здесь только для того, чтобы посоветоваться с врачами, никого не вижу, кроме них, и нахожусь в постоянной тревоге. Надеюсь, однако, что болезнь Гриши не будет иметь серьезных последствий, как я опасалась вначале».

...В 1848 году тринадцатилетнего Гришу по ходатайству Н. Н. Пушкиной зачислили пансионером во 2-ю Пе-

---

* В мае 1836 года Пушкины ждали четвертого ребенка. 23 мая Наталья Николаевна родила дочь Наташу.

тербургскую гимназию. К тому времени его брат Саша, проучившись в гимназии три года, был переведен для продолжения образования в Пажеский корпус. Через год и Гришу приняли в это привилегированное закрытое военно-учебное заведение.

Судя по письму Натальи Николаевны к П. П. Ланскому от 29 сентября 1849 года, «Гриша находится под влиянием брата, хочет ему подражать, и им все довольны». А в других ее письмах того же года читаем: «Там (в Пажеском корпусе.— *В. Р.*) я имела счастье узнать, что мой Гага* отличается: по-французски получил 10**, без ошибки написал диктант... Саша тоже имеет хорошие отметки» (10 сентября), «...в корпусе все находят, что Гриша очень красивый мальчик, гораздо красивее своего брата, и по этой причине он записан в дворцовую стражу, честь, которой Саша никогда не мог достигнуть, потому что он числился в некрасивых. Когда Гриша появился в корпусе, все товарищи пришли сказать Саше, что брат на тебя ужасно похож, но сравнения нет лучше тебя» (2 сентября).

Н. Н. Пушкину радовали не только успехи детей в учении. Ей доставляли ни с чем не сравнимое удовольствие их живость, озорство, шалости, например, когда «Гриша и Паша (племянник П. П. Ланского.— *В. Р.*) переоделись женщинами и разыгрывали разные комические сценки, очень хорошо, особенно Гриша, у которого в этом отношении замечательный талант».

В 1853 году восемнадцатилетний Григорий Пушкин окончил Пажеский корпус с чином корнета. Началась его служба в лейб-гвардии конном полку, которым командовал отчим П. П. Ланской и где служил уже старший брат Александр.

В 1860 году ротмистра Г. А. Пушкина назначили адъютантом командира отдельного гвардейского корпуса. А два года спустя его перевели в распоряжение министра внутренних дел «с зачислением по армейской кавалерии подполковником».

Оставив службу в 1866 году, сын поэта, переименованный в надворные советники, «будучи беден, но горд, предпочел не тягаться со знатью»³ в Петербурге и переселился в Псковскую губернию, где в свое время отец «провел изгнанником два года незаметных».

В Михайловском сыновья и дочери Пушкина бывали еще в детстве. Впервые приехали туда 19 мая 1841 года.

---

* Так Н. Н. Пушкина-Ланская называла иногда Гришу.

** В то время успеваемость оценивалась по 10-балльной системе.

В память об отце они в то лето собирали травы и цветы в окрестностях усадьбы (альбом с их михайловским гербарием сохранился). Сопровождаемые матерью, посетили могилу Пушкина в Святогорском монастыре...

Четверть века спустя Г. А. Пушкин без сожаления променял суетный Петербург «на мирный шум дубров, на тишину полей» Михайловского. Чванливому великосветскому обществу он предпочел дорогой для него уголок псковской земли — на века прославленный отцом-поэтом «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Согласно семейным преданиям, в Петербурге Г. А. Пушкина не только «тяготила роль бедного офицера», но и обошло личное счастье. «Сделав предложение какой-то петербургской красавице и получив отказ, — пишет Е. Н. Бибилова, — он вышел в отставку и уехал навсегда»* из столицы. Но отправился в деревню не один. «За ним, — продолжает мемуаристка, — поехала его любовница французенка, скромная девушка, и посвятила ему всю жизнь... Моя мать** венчалась с моим отцом в Михайловском, и ее собирала под венец его подруга (французенка. — В. Р.)»⁴.

О том, что «Гриша смущал» мать «продолжительной связью с одной французенкой», упоминает А. П. Арапова в своих воспоминаниях о Н. Н. Пушкиной-Ланской⁵.

По словам правнучки Пушкина С. П. Вельяминовой, Григорий Александрович почти двадцать лет состоял в неофициальном браке с французенкой, у которой родились от него три дочери***. Г. А. Пушкин и его подруга, пи-

---

* В дальнейшем Г. А. Пушкин жил временами в Петербурге, посещал Париж и Вену, но родным домом для него всегда было Михайловское.

** Е. П. Бибилова (урожд. Ланская), дочь П. П. и Н. Н. Ланских.

*** Согласно данным Т. Н. Галиной (их подтвердила и Н. С. Шепелева), старшая из них, Полина Георгиевна (!) Генар, была замужем за Михаилом Сергеевичем Шереметевым (р. 1861), у них дочь Наталья; вторая, Нина (Анна?) Георгиевна Генар, — за Александровским. Имени третьей дочери французенки Татьяна Николаевна не знала, как не знала и фамилии ее мужа. И вообще она считала, что «три дочери французенки неизвестно от кого». Иначе относилась к этому С. П. Вельяминова. В 1963 году она писала, а семь лет спустя рассказывала мне, что «дочери Г. А. Пушкина от первого брака были замужем за аристократами — Шереметевым, Безобразовым... фамилию третьего забыла». Таким образом, Т. Н. Галина не помнила фамилии Безобразова, С. П. Вельяминова — Александровского. Несколько лет назад, просматривая (совсем с иной целью!) «Сборник биографий кавалергардов», составленный под редакцией С. Панчулидзева и изданный в Петербурге в 1908 году, на с. 345—346 я неожиданно встретил биографические сведения... о Сергее Васильевиче Александровском (1863—1907), дворянине Пензенской губернии (1 июля 1906 года назначен губернатором в Пензу, через

сала Софья Павловна, «разошлись по-хорошему, так как она была неизлечимо больна», и сын поэта «горестно оплакивал» ее.

В октябре 1883 года сорокавосемилетний Г. А. Пушкин женился на Варваре Алексеевне Мельниковой, в первом замужестве Мошковой, с которой познакомился на балу в Петербурге в начале 1880-х годов. Венчание их состоялось в Вильно (старое название Вильнюса) — городе, где в сохранившейся до наших дней православной Пятницкой церкви Петр I в 1705 году крестил Абрама Ганнибала, прадеда Пушкина...

Вскоре после свадьбы Григорий Александрович и Варвара Алексеевна Пушкины уехали на Псковщину. В Михайловском они жили почти безвыездно до лета 1899 года.

Еще в 1867 году Григорий Александрович был произведен в коллежские советники. В декабре 1875-го его утвердили почетным мировым судьей по Опочецкому уезду. Эти общественные обязанности он исполнял в течение многих лет. Был также присяжным заседателем Петербургского окружного суда. В феврале 1896 года сын поэта получил чин статского советника.

В середине 1860-х годов, когда Г. А. Пушкин переехал в Михайловское, старый ганнибаловский дом, в котором жил А. С. Пушкин, стал совсем ветхим, и сын поэта продал его на своз, а себе построил на старом фундаменте новый, сильно отличавшийся от прежнего — пушкинского. Зато Григорий Александрович неустанно заботился о сбережении «домика няни»: его он считал «единственной постройкой, сохранившейся со времени отца в Михайловском»⁶.

Г. А. Пушкин бережно хранил многие вещи отца. Среди них были турецкая сабля, подаренная поэту генералом И. Ф. Паскевичем в память об арзрумском походе 1829 года (на юбилейной Пушкинской выставке 1899 года она экспонировалась в специально изготовленном для нее футляре, была сделана и серебряная дощечка к ней с гравированной надписью); карандашный портрет Пушкина, выполненный жившим в России французским художни-

---

шесть месяцев погиб от руки убийцы), который «был женат на французской гражданке Евлалии Генар. У них сын Сергей». Эта запись существенно уточняет данные, которыми располагали С. П. Вельяминова, Т. Н. Галина и Н. С. Шепелева. Во-первых, теперь известны имена всех трех дочерей француженки. Во-вторых, Нина (Анна?) Генар была замужем не за Александровским, как полагала Т. Н. Галина, а за Безобразовым (если довериться памяти С. П. Вельяминовой). К сожалению, выяснить что-нибудь о судьбе внебрачных детей Г. А. Пушкина мне так и не удалось. Может быть, кто-то из читателей поможет?!

ком Жаном Вивьеном⁷ в 1826 году (точнее говоря, авторское повторение портрета, которое поэт подарил М. И. Осиповой, а от нее это изображение Пушкина перешло впоследствии к его младшему сыну); другие портреты поэта; жестяная масляная лампа, при свете которой Пушкин работал в Михайловском...

По свидетельству К. Я. Грота, 19 октября 1880 года — в очередную годовщину открытия Царскосельского лицея (в 1843 году переведен в Петербург и переименован в Александровский) — бывшие лицеисты первых семи выпусков устроили торжественный обед. Они пригласили и Г. А. Пушкина⁸. Григорий Александрович с благодарностью принял приглашение на обед, потому что все, связанное с памятью об отце, для него было священо.

Близко знавший Григория Александровича Ю. М. Шокальский*, внук А. П. Керн, писал о нем: «В тишине своего деревенского уединения он интересовался многим и, между прочим, постоянно следил за всем, что появлялось в литературе об его отце. У него имелась полная коллекция разных изданий сочинений А. С. Пушкина, а в последние годы жизни он несколько раз высказывал мне свое удовольствие по поводу появления хороших новых изданий трудов его отца. Видно было, что он с ними знаком обстоятельно»⁹.

Однако публикация пушкинских сочинений приносила детям поэта, в том числе и Григорию Александровичу, не только радость и удовлетворение. Нередко издатели, руководствуясь самыми благими намерениями — представить на суд читателей новые страницы великого наследия Пушкина, — действовали слишком бесцеремонно, чем глубоко огорчали его ближайших родственников.

Так, еще в начале 1858 года двадцатидвухлетний Григорий Пушкин вынужден был обратиться с жалобой к А. С. Норову — министру народного просвещения, возглавлявшему цензурное ведомство. Поводом для недовольства послужило обнародование в первом номере «Библиографических записок» за 1858 год ранее не публиковавшихся писем А. С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу, переданных в журнал С. А. Соболевским.

От имени всех наследников поэта Григорий Александрович добивался, чтобы «цензура, как здесь, так и в других городах России, не одобряла к печати записок, писем

---

* Юлий Михайлович Шокальский (1856—1940) — в будущем знаменитый советский океанограф и картограф, почетный член АН СССР, профессор Военно-морской академии и Ленинградского государственного университета, президент Географического общества СССР.

и других литературных и семейных бумаг отца моего без ведома и согласия нашего семейства»¹⁰.

В феврале министр сделал надлежащее замечание издателю журнала и московскому цензору за публикацию писем Александра Сергеевича, «в коих многое не должно было являться в печать, как оскорбляющее чувство приличия и самое чувство уважения к памяти великого поэта... и за оказавшиеся там же неуместные шутки и отзывы об отце и родственниках Пушкина, личности, неблагопристойности и многие другие неуместности»¹¹.

Но принятые А. С. Норовым «меры» не принесли успокоения Г. А. Пушкину и его близким: во втором номере «Библиографических записок» публикация писем поэта к брату была продолжена, а в четвертом — завершена*, и по-прежнему без необходимых купюр.

В 1880-х годах Г. А. Пушкин писал псковскому губернатору и в духовную консисторию о том, что необходимо наконец привести в порядок могильный холм в Святогорском монастыре; в противном случае он вынужден будет перевезти прах отца в Михайловское.

Дело в том, что, хотя Григорий Александрович каждый год ремонтировал могилу Пушкина, небольшая площадка у стены Успенского собора, на которой покоились останки поэта, а также его родителей, деда и бабки, постоянно оползала: в зимнюю стужу земля давала глубокие трещины, осенью и весной ее размывало дождями. Нужно было основательно укрепить скаты Синичьего холма, чтобы предотвратить полное разрушение фамильного кладбища Пушкиных. Это требовало значительных средств, которыми Г. А. Пушкин не располагал.

В Михайловском, где сейчас все дышит памятью о Пушкине, многое напоминает и о его младшем сыне. Еще в 1890-х годах перед домом в центре зеленого газона Г. А. Пушкин посадил вяз, который давно уже стал могучим, раскидистым, гармонично вписавшимся в михайловский пейзаж. Сохранился и построенный Григорием Александровичем в 1870-х годах каменный амбар для хранения льна**.

Когда буря сломала последнюю из трех сосен, росших «на границе владений дедовских», Григорий Александрович приказал срубить ее, так как, по его словам, она стала

---

* В третьем номере журнала печатались письма А. С. Пушкина к Н. В. Гоголю.

** Теперь в нем, после реконструкции здания, размещены хранилище музейного фонда, научная библиотека и архив Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина.

опасной для людей. Но предварительно пригласил фотографа, и тот сделал снимок покалеченного дерева.

Из ствола сосны сын поэта нарезал около десятка брусочков, к которым прикрепил серебряные пластинки с памятной надписью. Эти сувениры Г. А. Пушкин послал брату Александру, сестре Наталье, свояченице М. А. Философовой, Ю. М. Шокальскому, Александровскому лицу, Академии наук, поэту К. К. Случевскому...

Через несколько лет, переезжая в Вильно, сын поэта взял с собой и часть ствола сосны, до того хранившуюся в его кабинете. Правда, большой кусок сосны он оставил Псковскому пушкинскому комитету, в ведение которого Михайловское перешло в 1899 году. Эту пушкинскую реликвию и сейчас можно видеть в доме-музее поэта в Михайловском. Там же находится экземпляр сувенира, принадлежавший М. А. Философовой.

Памятный брусок исторической сосны, который был у А. А. Пушкина, в настоящее время хранится в семье брусельских потомков поэта. К этому экземпляру пластины-пресса, как свидетельствует писатель М. Л. Поляновский, прикреплены две металлические дощечки разного формата. На большей из них выгравированы строки из стихотворения Пушкина «...Вновь я посетил»:

...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

На меньшей дощечке пояснительная надпись: «Часть последней сосны, сломанной бурей 5 июля 1895 года. Село Михайловское»¹².

К брусочку, подаренному Случевскому, Григорий Александрович прикрепил свою визитную карточку, поставил на ней дату «28 мая 1899 г.», ниже которой приписал: «...просит многоуважаемого Константина Константиновича принять на память кусок последней сосны, воспетой его отцом».

Теперь эта реликвия, как и брусок, подаренный сыном поэта Ю. М. Шокальскому, хранится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

В воспоминаниях Ю. М. Шокальского подчеркивается благотворное нравственное влияние младшего сына Пушкина на окружавших его людей. По словам автора, все, кто общался с Григорием Александровичем, «невольно

подтягивались в его обществе». «Влияние это,— пишет Шокальский,— сказывалось даже в мелочах: достаточно ему было раз сказать мне на привале: «Никогда не пейте водки», чтобы я отказался от нее и — уже навсегда».

О дружеском расположении сына поэта к Юлию Шокальскому писала последнему мать — Екатерина Ермолаевна Шокальская (урожд. Керн): «...меня посетил Григорий Александрович, который очень нежно о тебе справлялся, ждет тебя с нетерпением и велит тебе сказать, что к твоему приезду будет дома»¹³.

Люди простого звания, помнившие младшего сына Пушкина и его жену, рассказывали об их душевной щедрости, добром, сердечном отношении к каждому, кто нуждался в помощи и поддержке.

Например, бывший слуга Г. А. Пушкина Федор Иванович Иванов (жил в деревне Бустыги, в нескольких километрах от Михайловского, умер девяноста шести лет от роду в 1967 году) в глубокой старости вспоминал о давно минувшем: «Если кто-либо из крестьян не мог возратить долг в течение года-двух, Григорий Александрович говорил: „Иван*, нужно простить человеку долг, раз он не может его вернуть“»¹⁴.

Ценные сведения о взаимоотношениях Г. А. Пушкина с крестьянами содержатся в очерке журналиста С. Яблоновского, побывавшего в Михайловском незадолго до 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина: «...крестьяне арендуют землю очень дешево... по мнению местных купцов, они платят впятеро меньше того, что можно было бы с них взять...»¹⁵ По словам Яблоновского, Григорий Александрович опасался того, что в связи с его отъездом в Вильно «арендная плата будет повышена» и положение окрестных крестьян резко ухудшится.

Любопытен и рассказ жительницы Севастополя Раисы Сергеевны Копыловой (урожд. Федоровой), детство и юность которой прошли на Псковщине: в предвоенные годы (1936—1941) семья жила в городе Опочке. Ее бабушка, Анна Евстигнеевна** Романова, 1867 года рождения, длительное время служила горничной у жены Г. А. Пушкина — вначале в Михайловском, позднее в Маркучае. По семейным воспоминаниям, у Пушкиных

---

* Иван Поликарпович — отец Ф. И. Иванова, повар в селе Михайловском, через которого крестьяне обращались к Г. А. Пушкину во всех затруднительных для них случаях.

** Так по сохранившимся документам, но Р. С. Копылова писала мне, что отчество бабушки было — Естимиевна.

она была единственной из прислуг, «кто допускался в господские покои».

А. Е. Романова неоднократно говорила внучке о том, что, хотя Варвара Алексеевна и отличалась капризным, своенравным характером, она и Григорий Александрович «были люди честные и добрые. Всех кормили, поили и всем помогали». Единственного ее сына Сережу (будущего отца Р. С. Федоровой) они послали учиться на свой счет в военно-медицинское училище¹⁶.

Многие современники Г. А. Пушкина отмечали в своих воспоминаниях гостеприимство, любезность, радушие последнего владельца Михайловского, называли его талантливым рассказчиком-импровизатором, остроумным собеседником, тонким ценителем природы. У Ю. М. Шокальского читаем: «Он искренно любил природу и всегда любовался ею; как настоящий художник в душе — он умел находить красоту во всех проявлениях ее, чувствовать и оценивать ее». Н. Л. Павлищев рассказывал: «Григорий Александрович не был чужд поэзии; он... написал несколько юмористических стихотворений, но произведений своих никогда не печатал, находя их неподходящими для печати»¹⁷.

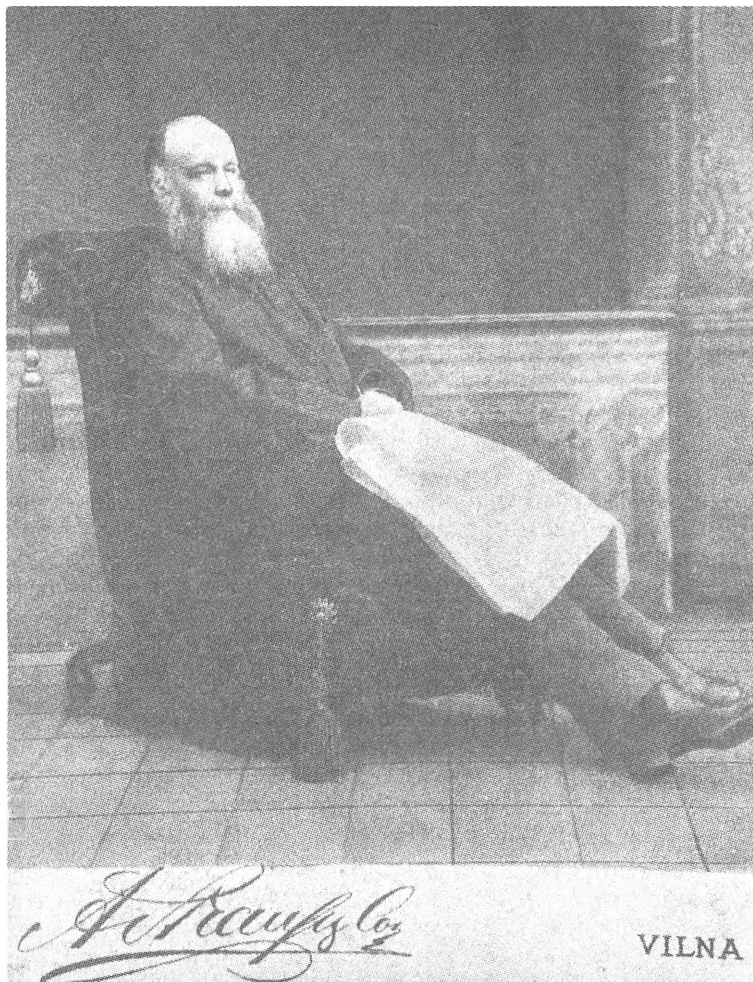
Писали и о портретном сходстве сына с отцом. Так, С. Яблоновский сообщал: «...я невольно поразился огромным сходством Григория Александровича с отцовскими портретами: такой же нос, такой же лоб, тот же склад лица, только волосы не вьются да длинная седая борода».

Яблоновский подчеркивал, что вопреки всяким небылицам и сплетням, распространившимся корреспондентами газет о младшем сыне Пушкина, о его нелюдимости и равнодушии в отношении памяти отца, Григорий Александрович оказался «изысканным джентльменом и утонченным европейцем», хлебосольным хозяином Михайловского, достойным наследником знаменитого отца.

«Вылитым отцом» называли Г. А. Пушкина многие его современники. «Африканские черты» лица Григория Александровича, «поразительно похожего на Александра Сергеевича», отмечали и его двоюродный брат Л. Н. Павлищев, и известный антрополог, профессор Д. Н. Анучин¹⁸.

Другие без труда находили в сыне поэта черты личности его матери. Например, С. П. Вельяминова в беседе с автором говорила:

— Григория Александровича я никогда не видела,

Григорий Александрович Пушкин, сын А. С. Пушкина. Фотография конца 1890-х — начала 1900-х гг.

хотя, когда он умер, мне было уже двадцать лет. Но, по рассказам моей матери, Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой, и ее сестры, Анны Александровны Пушкиной, знаю, что он, человек мягкий, очень спокойный, характером был в Гончаровых.

О том, что Григорий Александрович «в молодости был красавцем и лицом, как и характером, напоминал свою мать», писала мне и Наталья Сергеевна Шепелева. Она же рассказывала, что Г. А. Пушкина очень любили его племянницы Анна Александровна и Вера Александровна. Они подчеркивали, что дядя Гриша был человек славный, умный и чуткий и что после петербургского «надлома» он жил «скромно, незаметно, не на виду», несколько не заботясь о карьере, памятью отца дорожил, но никогда не афишировал этого.

Познакомившийся с Г. А. Пушкиным в 1880-х годах Г. М. Ладыженский, внук Е. Н. Вревской, детство и молодость которого прошли в имении Голубово, находившемся неподалеку от Михайловского, отмечал в своих записках «Знакомство с Григорием Александровичем Пушкиным» (1926), что «младший сын поэта не только внешностью, но и характером был очень похож на отца. Те же живость, подвижность, здоровая нервность, быстрая восприимчивость и отзывчивость, жизнерадостность, пожалуй, такая же страстность»¹⁹. На охоте же, по словам Ладыженского, «живость его характера сказывалась еще больше». «Яростным охотником» называл Григория Александровича Д. В. Философов, относивший к самым светлым воспоминаниям своего детства «длинные вечера в селе Богдановском», в 60 верстах от Михайловского, куда «приезжали, конечно с ночевкой, приятели и родственники отца» и где сын поэта также «принимал иногда участие» в интересных беседах²⁰.

Говоря о Г. А. Пушкине — страстном и умелом охотнике, — хочется еще раз сослаться на воспоминания Ю. М. Шокальского. «К своему любимому развлечению — охоте, — писал Юлий Михайлович, — он относился, как и ко всему, — серьезно... Охоту он любил и знал ее в совершенстве».

Предметом особой гордости Григория Александровича была его псарня. Она славилась на всю округу. Не менее, чем собак, любил он и лошадей.

В уже цитированном очерке С. Яблоновского говорится: «Григорий Александрович большой садовод, и стараниями его в Михайловском заведены превосходные

парники, оранжереи и насажен фруктовый сад из самых дорогих и редких пород. Сад содержится по-европейски, в образцовом порядке...»

Передовые русские люди понимали, что «счастливый домик» Пушкина в Михайловском, его «малый сад, и берег сонных вод, и сей укромный огород» нужно непременно сохранить для будущих поколений, сделать их заповедным пушкинским уголком. Вот почему перед 100-летием со дня рождения Пушкина сын поэта внял настоятельным просьбам писателей, ученых, общественности о продаже михайловской усадьбы в казну.

В Михайловском решено было устроить богадельню для престарелых литераторов, а в Святых Горах — библиотеку-читальню.

За десять месяцев до 100-летия поэта, 12 июля 1898 года, предводитель дворянства Опочецкого уезда Г. Ф. Карпов обратился к Г. А. Пушкину (как, вероятно, и к другим детям поэта) с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Мною получен утвержденный... устав богадельни и читальни в Святых Горах в память Александра Сергеевича Пушкина, по которому Вы, супруга Ваша Варвара Алексеевна, Александр Александрович Пушкин, графиня Наталья Александровна Меренберг и Мария Александровна Гартунг считаются почетными членами попечительства с правом решающего голоса по всем вопросам, могущим возникнуть как по содержанию богадельни и читальни, так и другим, касающимся памяти А. С. Пушкина, на что необходимо Ваше согласие...»²¹

Незадолго до юбилейных торжеств Григорий Александрович снова возвращается к остро волновавшей его мысли: надо перенести останки Пушкина в Михайловское. «Раз здесь будет учреждение имени моего отца, — говорил он С. Яблоновскому, — раз из Михайловского хотят создать, так сказать, вечный памятник отцу, то само собой очевидно, что и прах его должен покоиться здесь же, а не в Святых Горах... Сверх того, и приглядеть за могилой здесь будет совершенно иной».

Трудно сказать, как решил бы вопрос о новом месте погребения Пушкина, если бы Григорий Александрович и после пушкинского юбилея продолжал оставаться владельцем родового имения...

В дни праздника Г. А. Пушкин пожертвовал 1000 рублей на богадельню имени отца, дал денег и на обед бедным. Вместе с братом А. А. Пушкиным и другими родственниками Григорий Александрович участвовал в

возложении серебряного венка на могилу отца. Сыновья поэта оставили свои автографы в книге «В память Александра Сергеевича Пушкина», учрежденной в 1897 году в Михайловском.

А вскоре после пушкинского юбилея Г. А. Пушкин уехал с женой в ее имение Маркучай под Вильно, где и провел последние шесть лет своей жизни.

По словам очевидца, Григорий Александрович, навсегда покидая Михайловское, «много плакал и убивался, а как пришло время садиться в карету, стал на колени, перекрестился, поклонился до земли дедовской усадьбе, рощам и саду и сказал: «Прощайте, милые мои, навсегда!»²²

Маркучай, упоминаемый в архивных документах уже в XIV веке,— окраина нынешнего Вильнюса. Усадьба отделена от старых районов города причудливо извивающейся речкой Вильняле. Места здесь красивые, живописные. На высоком холме раскинулся старый парк, по-домашнему уютный, светлый. Уже издали видна центральная часть окруженного вековыми липами и кленами одноэтажного, с антресолями и верандой, дома. Справа, чуть в стороне от него, небольшая часовня, построенная в 1902—1903 годах. Возле нее, на семейном кладбище Мельниковых, в августе 1905 года похоронили Григория Александровича Пушкина. Многие газеты извещали читателей о кончине младшего сына поэта²³.

Имение Маркучай В. А. Пушкина (Мельникова) получила в наследство от отца — Алексея Петровича Мельникова. Он и его брат Павел Петрович окончили Петербургский институт инженеров путей сообщения. Профессор П. П. Мельников (1804—1880) был видным ученым, основоположником науки об изыскании и проектировании железных дорог, автором проекта и строителем железнодорожной линии Петербург — Москва²⁴. А инженер-полковник (позднее инженер-генерал) Алексей Петрович Мельников занимался строительством железной дороги Петербург — Вильно. В 1867 году он купил у некоего доктора Годлевского дачный участок Маркучай, в течение короткого времени построил там дом и благоустроил всю усадьбу...

Варвара Алексеевна, человек разносторонних интересов, проявляла трогательное внимание ко всему, что было связано с Пушкиным. В Виленской русской гимназии, носившей имя великого поэта, она нередко при-

Варвара Алексеевна Пушкина (Мельникова), жена Г. А. Пушкина. Фотография 1890-х гг.

существовала на экзаменах, приезжала и на гимназические вечера, ко всем делам этого учебного заведения относилась с живейшим участием. А сам Григорий Александрович был членом судебной палаты.

По преданию, В. А. Пушкина уже в почтенном возрасте часто повторяла: «Я — счастливейшая из женщин России, мне выпала редкостная судьба быть невесткой Пушкина»²⁵.

И даже много лет спустя после смерти мужа она ежегодно в начале июня устраивала в своем доме традиционный бал в память Пушкина. Бал совпадал с днем рождения Александра Сергеевича. И на нем нередко бывали литераторы Литвы и Польши, поклонники двух великих поэтов — Пушкина и Мицкевича, страстно мечтавших «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Осенью 1935 года Варвара Алексеевна предлагала полномочному послу СССР в Литве приобрести хранившиеся у нее пушкинские реликвии, в том числе четыре кресла, две книжные полки и акварельный портрет Н. Н. Пушкиной. Однако вещи эти куплены не были из-за скорой кончины В. А. Пушкиной.

Сохранились они не все. Так, из двух книжных полок красного дерева, о которых упоминала вдова сына поэта, уцелела лишь одна. После Великой Отечественной войны научные работники Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Михайловском обнаружили ее в Маркучае на чердаке дома-музея. Отреставрированную полку вернули в кабинет Пушкина в Михайловском.

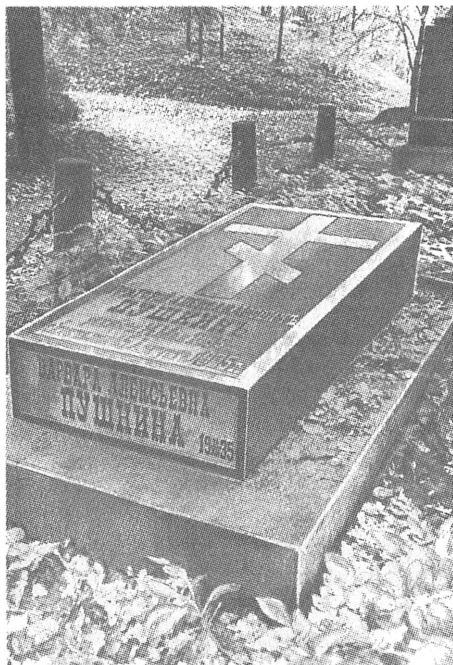
В завещании В. А. Пушкиной говорилось: «Дом в Маркучай не может отдаваться внаймы или в аренду, а всегда должен быть в таком состоянии, в каком находится теперь, при моей жизни, дабы в имении Маркучай сохранялась и была в попечении память отца св<етлой> п<амяти> моего мужа, великого поэта А. С. Пушкина, и дабы равно центр им<ения> Маркучай, как и находящийся в нем жилой дом, в доказательство его памяти всегда служили культурно-просветительной цели»²⁶.

Учитывая волю Варвары Алексеевны, Совет Министров Литовской ССР в середине августа 1940 года принял решение, по которому «усадьба и инвентарь имения Маркучай в предместье Вильно» передавались Государственному музею А. С. Пушкина в Москве²⁷. Однако из-за вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года Маркучай так и не стал тогда филиалом музея А. С. Пушкина.

Вильнюсский музей поэта был открыт через три года после победы над фашистской Германией, а год спустя, в 1949-м, у дома-музея был установлен бюст Пушкина (работы скульптора Бронюса Вишняускаса).

Шесть нижних комнат особняка — мемориальная часть музея. Обстановка дома уцелела едва ли не полностью²⁸. Здесь все напоминает о бывших владельцах усадьбы. Драпировка кабинета сохранилась со времен Григория Александровича Пушкина. Находящиеся в кабинете письменный стол, книжный шкаф, два карниза, полочки с гербом рода Пушкиных и инициалами Варвары Алексеевны Пушкиной сделаны виленскими мастерами в 1884 году из дубов маркучайских окрестностей. На стене висят два охотничьих рожка — остатки богатой коллекции охотничьих принадлежностей Григория Александровича.

В библиотеке, обитой обоями, изготовленными по старым образцам, — свыше 600 книг и других изданий, принадлежавших сыну поэта. Среди них многочисленные комплекты журналов «Природа и охота», «Новое слово», «Русская старина», «Научное обозрение», судебные

Могила Г. А. и В. А. Пушкиных в Маркучае. Фотография 1980 г.

руководства, сочинения Шекспира, Шиллера, Карамзина...

Есть здесь и первые издания произведений Пушкина: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила» и другие.

В «Уголке Пушкина» (так называется одна из комнат дома-музея) стены и потолок задрапированы полотном, вытканым и вышитым михайловскими крепостными рукодельницами пушкинской поры. У окон стоят два кресла орехового дерева, которыми поэт пользовался в Михайловском. Между ними, во всю ширину простенка,— его же ломберный столик. В этой же комнате находятся фотокопия картины Н. Н. Ге «Пушин в гостях у Пушкина в Михайловском» с автографом художника «Григорию Александровичу Пушкину от Николая Ге. 1875» и два рисунка с посмертной маски Пушкина (работы профессора скульптуры Академии художеств С. И. Гальберга), выполненные бывшей хозяйкой усадьбы. До 1939 года в «Уголке Пушкина» были и другие памятные вещи: еще два кресла, кушетка, двухметровый ствол сосны из Михайловского, три вышитые двер-

ные портьеры оттуда же... Потом они исчезли и по сей день не обнаружены²⁹.

На стене гостиной — художественные вышивки, искусно сделанные руками В. А. Пушкиной. В фондах музея хранятся десятки рисунков и портретов ее работы.

В настоящее время музей А. С. Пушкина в Вильнюсе располагает почти двумя тысячами экспонатов, связанных с поэтом и семьей его младшего сына. В Маркучае проводятся экскурсии, беседы и лекции о великом поэте, его творчеству посвящаются тематические выставки. А в последние годы проходят и праздники поэзии, на которые собираются сотни почитателей Пушкина.

* * *

...Сам А. С. Пушкин никогда в Вильно не был. Но в столице Литвы скрестились две тропинки к Пушкину. По одной из них в начале XVIII века прошел его знаменитый прадед Абрам Ганнибал, по другой — через двести лет — младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин.

«Прекрасная дочь прекрасной матери...»

...Наступил 1836 год. Пушкины ждали прибавления семейства. В середине января А. С. Пушкин писал П. В. Нащокину: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».

Наташа родилась в Петербурге на Каменном острове 23 мая. Через четыре дня Александр Сергеевич сообщал Павлу Воиновичу: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, все идет хорошо».

После рождения Таши (так звали девочку в семье) жена Пушкина долго болела, да и новорожденная чувствовала себя неважно. Поэтому крестины пришлось от-

Наталья Александровна Пушкина, дочь А. С. Пушкина. С портрета худ. И. К. Макарова. 1850-е гг.

ложить на целый месяц. Они состоялись в Предтеченской церкви только 27 июня. Крестными младшей дочери Пушкина были друг поэта композитор Михаил Юрьевич Виельгорский и Екатерина Ивановна Загряжская.

От Пушкина Наталья Александровна унаследовала порывистость движений, страстность. Иван Сергеевич Тургенев, познакомившийся с дочерью поэта, когда ей было уже более сорока лет, писал старшему брату Николаю о том, что она, «как две капли воды»¹, похожа на отца.

Младшая дочь Пушкина поражала современников своей необыкновенной привлекательностью. Ее называли «прекрасной дочерью прекрасной матери», «очень красивой, эффектной брюнеткой», «экзотически красивой женщиной», «вылитой матерью»...

Современники утверждали, что «красота Натальи Александровны... еще обаятельнее красоты ее матери», что дочь Пушкина «в свои молодые годы яркой звездочкой сияла в столичном свете»².

Сын известного романиста С. М. Загоскин рассказывал в 1856 году: «В жизнь мою я не видал женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на малоправильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла назваться совер-

шенною красавицей, и если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как Н(аталья) А(лександровна) была окружена на великосветских балах и как около нее увивалась вся щегольская молодежь в Петербурге»³.

Пожалуй, восторженнее всех отзывалась о Наталье Александровне ее близкая знакомая Е. А. Регекамф: «Про красоту ее скажу лишь одно: она была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В большой зале становилось светлее, когда она входила, осанка у нее была царственная, плечи и руки очертаний богини... К тому же она была до того моложава, что когда вывозила старшую дочь, мою приятельницу, то на каком-то общественном балу к ней стал приставать молодой офицер, приглашая ее на вальс... «Танцуйте с моей дочерью». — «Как, неужели у вас дочь?» — воскликнул он, удивленный. Все мы засмеялись»⁴.

Французский писатель Луи Леже, встречавшийся с младшей дочерью поэта в 1880 году в Москве на открытии памятника Пушкину, писал, что она, «элегантная и величественная... напоминала свою мать, Наталью Гончарову, красота которой была гордостью и бедой поэта»⁵.

В характере Натальи Александровны, добром и в то же время непреклонном, гордом, было много пушкинского. Отца она не помнила, но дорожила всем, что было связано с ним. «Все, что знаю об отце, это уже по рассказам моей матери... Квартира, где он умер, была матерью покинута, но в ней впоследствии жили мои знакомые... и я в ней часто бывала», — говорила редактору «Русской старины» М. И. Семевскому дочь Пушкина, «высокая, видная дама, с каштановыми волосами, синими глазами и с громким голосом».

«Она очень приветлива в своем обращении», — подчеркивал Михаил Иванович в «Заметках о виденном и слышанном дома и за границей», рассказывая об этой встрече с Натальей Александровной, которая состоялась в Висбадене в самом конце 1886 года или в начале января 1887-го. А через полгода Семевский еще раз побывал в семье дочери поэта, и опять в Висбадене.

И снова долго разговаривали о Пушкине, о том, какое благотворное влияние на умы и сердца людей оказывает его поэзия, пробуждающая «души прекрасные порывы». Наталья Александровна, охваченная живыми воспоминаниями о бесконечно дорогом отце, в состоянии глубокой печали (совсем недавно исполнилось 50 лет со времени

гибели Александра Сергеевича) вписала в альбом М. И. Семевского первые две строфы грустного стихотворения Пушкина «Что в имени тебе моем?» (впервые напечатано в «Литературной газете» 6 апреля 1830 года):

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Выше восьми стихотворных строчек Пушкина его дочь расписалась, поставила дату — 17 июня 1887 года...⁶

...В ранней молодости, по свидетельству С. М. Загоскина, Н. А. Пушкина была влюблена в князя Николая Алексеевича Орлова (1827—1885), в будущем посланника в Брюсселе, Вене и Париже, а с 1884 года посла в Берлине: Он также полюбил Наташу и хотел жениться на ней. Однако отец его, князь А. Ф. Орлов, в те годы шеф жандармов, не допустил этого, заявив, что брак сына с Пушкиной был бы мезальянсом для княжеской семьи.

В феврале 1853 года шестнадцатилетняя Наталья Пушкина становится женой подполковника Михаила Леонтьевича Дубельта, сына того самого начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта, которого продажный Фаддей Булгарин льстиво называл «отцом командиром» и который 29 января 1837 года опечтал по высочайшему повелению кабинет умершего поэта и разобрал потом его бумаги.

Об истории замужества дочери поэта А. П. Арапова вспоминала: «Отец мой недолго любил Дубельта. Его сдержанный, рассудительный характер не мирился с необузданным нравом, с страстным темпераментом игрока, который жених и не пытался скрыть. Будь Наташа родная дочь, отец никогда не дал бы своего согласия, ясно предвидя горькие последствия; но тут он мог только ограничиться советом и предостережениями»⁷.

Н. Н. Пушкина-Ланская благосклонно, с симпатией относилась к будущему зятю. Ей импонировали его ум и красноречие. Сообщая о предстоящей свадьбе Наташи и Михаила Дубельта С. А. Соболевскому, Наталья Николаевна 23 декабря 1852 года писала: «Партия подходящая во всех отношениях, она дает мне уверенность в счастье моей дочери, так как я знаю в течение многих

Наталья Николаевна
Ланская (в первом браке
Пушкина). С фотогра-
фии 1861 г.

лет этого молодого человека, принятого в моей семье как родной сын, любимого и уважаемого всеми нами»⁸.

Однако и Наталья Николаевна — так гласят семейные предания, подтверждаемые документально, — длительное время противилась браку дочери с Дубельтом. От согласия на замужество Наташи ее удерживало, вероятно, то, что и у Михаила Леонтьевича, и у юной дочери нрав был одинаково крутой, неуступчивый. Но Наташа настояла: «Одну* замариновала. И меня хочешь замариновать?»⁹

«Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелой возраст, — говорится в письме Н. Н. Пушкиной-Ланской к П. А. Вяземскому от 6 января 1853 года, — но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась воле божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх — ее молодость, иначе сказать — ребячество».

---

* Речь идет о Марии Александровне Пушкиной, которой шел тогда двадцать первый год (она вышла замуж только в 1860 году, двадцати восьми лет).

Вскоре после свадьбы М. Л. Дубельт был произведен в полковники. С декабря 1854 года по май 1857-го он — начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса. 26 августа 1856 года пожалован флигель-адъютантом. С середины 1857 года Дубельт состоял при министерстве внутренних дел. 23 апреля 1861 года получил чин генерал-майора и был назначен в свиту царя. В июне того же года снова возглавил штаб Сводного кавалерийского корпуса. 16 июля 1862 года Михаил Леонтьевич отчислен от этой должности, а в декабре уволен в бессрочный отпуск. В июне 1886 года он назначен комендантом в Александрополь. С 21 апреля 1897 года генерал-лейтенант. Умер в 1900 году в Петербурге¹⁰.

Замужество дочери Пушкина оказалось неудачным, несчастливым. С первых же дней между супругами наметился разлад, который «загубил навек душевный покой матери»¹¹. Наталья Николаевна лишилась того «нравственного затишья», которое с таким трудом обрела в последние годы.

Заядлый карточный игрок, Михаил Дубельт промотал все состояние, даже приданое Натальи Александровны (28 тысяч серебром). Он бешено ревновал жену, всячески издевался над ней, даже бил ее. В цитированных выше воспоминаниях Е. А. Регекампф говорится: «По ее (Н. А. Дубельт.— В. Р.) собственным словам, у нее на теле остались следы его шпор, когда он спьяну, в ярости топтал ее ногами. Он хватал ее за волосы и, толкая об стену лицом, говорил: „Вот для меня цена твоей красоты“». Совместная жизнь супругов стала невыносимой, и в 1862 году они разъехались.

Объективности ради следует еще раз отметить, что и у Натальи Александровны характер был далеко не ангельский. Покладистостью она не отличалась. С. П. Вельяминова считала, что дочь Пушкина и замуж за Дубельта вышла «по своенравию», и конфликт между ними «произошел во многом из-за ее трудного характера». Изученные автором архивные документы, касающиеся бракоразводного процесса Н. А. и М. Л. Дубельтов, также показывают, что в этой горестной семейной истории не так-то просто назвать виновного...

В ожидании окончания дела о разводе (а оно затянулось надолго) Наталья Александровна со старшими детьми уехала в Венгрию, к тетке баронессе Александре Николаевне Фризенгоф (урожд. Гончаровой), где находилась тогда и Н. Н. Пушкина-Ланская с дочерьми от второго брака.

Тяжело больная Наталья Николаевна уже второй год жила за границей. Лето 1861 года она провела на немецких курортах Швальбах и Висбаден, осень — в Женеве, затем всю зиму лечилась в Ницце. Весной 1862 года П. П. Ланской, у которого кончался одиннадцатимесячный отпуск, предоставленный ему в связи с болезнью жены, отвез Наталью Николаевну и детей к свояченице Александре Николаевне в Бродзяны и, устроив их там, уехал на несколько месяцев в Россию, чтобы затем снова вернуться к семье. Там, в Бродзянах, и застала Н. Н. Ланскую ее дочь, Наталья Александровна.

Михаил Леонтьевич Дубельт, согласившийся было на развод, неожиданно переменял свое решение. Вслед за женой он приехал в Венгрию, как свидетельствует А. П. Арапова, «с повинной, а когда она оказалась безуспешной, то он дал полную волю своему необузданному, бешеному характеру». В конце концов барон Густав Фризенгоф попросил Дубельта покинуть имение.

Осенью возвратился из Петербурга Петр Петрович. И Ланские всей семьей отправились в Ниццу. Вместе с ними поехала туда и Наталья Александровна Дубельт. «Сестра (Наталья Александровна.— В. Р.),— писала впоследствии Александра Петровна Арапова,— не унывала; ее поддерживала необычайная твердость духа и сила воли, но зато мать мучилась за двоих».

А. П. Арапова считала, что тяжкая семейная драма Наташи «много способствовала... преждевременной кончине» матери, которая «стала таять как свеча». «Образ далекой Таши... с тремя крошками на руках грустным видением склонялся над ее смертным одром»¹². Последнюю в своей жизни зиму и почти всю весну Наталья Николаевна провела на курортах Ниццы. В мае 1863 года, несмотря на запреты врачей, она «категорически объявила, что пора вернуться домой». И через полгода Н. Н. Пушкиной-Ланской не стало.

...Только в мае 1864 года Н. А. Дубельт получила наконец свидетельство — вид — на право проживания отдельно от мужа (без развода). Этот документ в 1967 году передала в Пушкинский Дом через И. Л. Андроникова праправнучка А. С. Пушкина Клотильда фон Ринтелен, проживающая в Висбадене.

Свидетельство хорошо сохранилось. Оно написано на гербовой бумаге, скреплено тремя подписями и печатью на красном сургуче:

«Дано сие из второго департамента С.-Петербургской управы благочиния жене генерал-майора Наталье Алек-

сандровне Дубельт, вследствие предложения С.-Петербургского военного генерал-губернатора от 21 сего мая за № 9181, основанного на высочайшем повелении, о том, чтобы не принуждать ее, г-жу Дубельт, с детьми к совместной жизни с мужем,— в том, что дозволяется г-же Дубельт с детьми ее — сыном Леонтием, родившимся 5 октября 1855 года, и дочерью Натальею, родившеюся 23 августа 1854 года, проживать во всех городах Российской империи, а в случае смерти настоящее свидетельство должно быть возвращено в сей департамент. С.-Петербург. Мая 29 дня 1864 года»¹³.

Брак Дубельтов был расторгнут лишь четыре года спустя, 18 мая 1868 года. Задолго до этого Наталья Александровна покинула Россию, оставив старших детей на попечение отчима П. П. Ланского (младшую дочь ее Анну согласилась воспитывать родственница Дубельта).

Из писем А. Н. и Г. Фризенгофов к Ивану Николаевичу Гончарову видно, что Наталья Александровна Дубельт весной 1866 года жила у них в Бродзянах. Так, 29 мая того же года Густав Фризенгоф пишет шурина: «У нас две недели гостила Таша Дубельт со своей младшей дочерью, сегодня она уезжает, чтобы вернуться в Висбаден. Она не падает духом, молода, прекрасна, оживленна, как всегда. Однако ее положение далеко не розовое».

К этому письму рукой Александры Николаевны сделано добавление: «Вчера Таша Дубельт покинула нас... Ее малютка <Анна> приехала тремя неделями раньше, пока мать путешествовала по Швейцарии. Планы Натали меняются каждый день, так что в будущем нет ничего твердого... Вчера она получила письмо из Петербурга, в котором ее извещают, что ее муж отплывает в Америку и соглашается оставить малютку (которую он всегда таскал с собой за границу) только кн. Суворовой, сестре его невестки Дубельт, если Натали даст письменное обязательство не забирать у нее ребенка».

По-видимому, пятилетняя дочь, которую Н. А. Дубельт выписала из Петербурга в Бродзяны, чтобы повидаться с нею, была причиной многих разногласий и ссор родителей.

В том же 1866 году дочь Пушкина вернулась в Россию (очевидно, вместе с малолетней Анной), но ненадолго.

К последним месяцам ее пребывания в Петербурге относятся воспоминания генерала К. П. Колзакова. Уви-

Н. А. Меренберг (Пуш-кина) с мужем принцем Николаем Вильгельмом Нассауским. Фотография 1880-х гг.

дев Наталью Александровну на балетном спектакле в Большом театре (на месте его сейчас находится здание Консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова), он 12 февраля 1867 года сделал в дневнике такую запись: «В бельэтаже заметил я прелестную М(адам)е Дубельт, дочь нашего поэта Пушкина... Сидя в ложе, принимала она самые грациозные позы — и часто улыбалась и кланялась со знакомыми в партере и ложах, посылая им самые умильные взгляды и улыбки»¹⁴.

Первого июля 1867 года, почти за год до окончания бракоразводного процесса, дочь Пушкина обвенчалась в Лондоне с немецким принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, состоявшим в родстве с царским домом Романовых (его старший брат, принц Адольф Вильгельм, с 1844 года был женат на великой княжне Елизавете Михайловне). Познакомились они еще в 1856 году в России на одном из раутов, когда Николай Вильгельм Нассауский, офицер прусской службы, как представитель своего двора приезжал на коронационные празднества по случаю восшествия на престол Александра II. Тогда и

завязался их роман, который, возможно, явился одной из причин разрыва супружеских отношений Натальи Александровны с Дубельтом.

Поскольку дочь Пушкина, как морганатическая* жена принца, не могла носить фамилию особы королевской крови, зять Николая Вильгельма Нассауского — Георг Виктор, владетельный принц Вальдека и Пирмонта, пожаловал ей 17 июля 1867 года титул графини Меренберг.

Ни сам Николай Вильгельм, ни его брат Адольф не могли дать Наталье Александровне этот титул, потому что незадолго до женитьбы принца на дочери знаменитого русского поэта герцогство Нассауское было присоединено к Пруссии («Нассауская провинция»), и Нассауские, лишившись своих прежних прерогатив власти, стали временно обыкновенной знатной фамилией. Свои державные привилегии нассауский дом получил вновь почти четверть века спустя. Когда в 1890 году умер старший в роде по мужской линии принцев Нассауских — Вильгельм III, король Нидерландов и великий герцог Люксембургский, не имевший мужского потомства, принц Адольф стал великим герцогом Люксембургским.

К слову сказать, к браку своего младшего брата принц Адольф относился одобрительно. Заняв великогерцогский трон, он по-прежнему принимал у себя графиню Меренберг и ее детей, питал к ним сердечные родственные чувства, бывал у них¹⁵.

Более сорока лет своей жизни Наталья Александровна провела в основном в Висбадене, в России бывала редко. Но она до последних дней сохранила любовь к Родине, ко всему русскому. И, разумеется, к Пушкину.

Люди, знавшие дочь поэта в зрелые годы, отмечали ее острый ум и душевную щедрость.

Доктор В. Б. Бертенсон, неоднократно встречавшийся с Натальей Александровной за границей, часто бывавший у нее в доме и в течение многих лет переписывавшийся с нею, вспоминал, что она «осталась все такою же хорошею, милою, доброю, простою русской женщиною». Он с удовлетворением отмечал, что десятки лет постоянного проживания вне России «не сделали из дочери А. С. Пушкина иностранку»¹⁶.

Видная деятельница российского и международного женского движения А. П. Философова (урожд. Дягиле-

---

* Морганатическим называется брак члена царствующего (королевского) дома с лицом, не принадлежащим к владетельному роду.

ва), которую правительство Александра II выслало за пределы России как политически неблагонадежную, познакомилась за границей с Н. А. Меренберг. В письме к Ф. М. Достоевскому от 19 января 1880 года она писала: «Так странно видеть детище нашего полубога замужем за немцем. Она до сих пор красива... очень обходительна, а муж немец — добряк, чрезвычайно добродушный господин...»¹⁷.

А вскоре и сам Достоевский встретился с Натальей Александровной, приехавшей в Москву на открытие памятника А. С. Пушкину¹⁸. Федор Михайлович познакомился с графиней Н. А. Меренберг на приеме депутации в городской думе. 5 июня того же 1880 года он сообщал жене Анне Григорьевне Достоевской в Старую Руссу: «Видел... и даже говорил... с дочерью Пушкина (Нассауской)»¹⁹.

В 1890 году Наталья Александровна подарила В. Б. Бертенсону одно письмо Пушкина и собственный портрет с автографом. В сопроводительном письме она грустно шутила: «Свой портрет я вам посылаю *par dessus ma tête**. Примите поэтому благосклонно изображение бранных остатков прежнего величия... Дети играют в лаун-теннис, а мы, старики, сидим да смотрим. На зиму собираемся опять в Санные... Надеюсь, мы с вами в жизни еще свидимся и не раз сыграем в рулетку»²⁰.

Спустя более чем 20 лет, 14 марта 1913 года, этот фотопортрет был воспроизведен в «Биржевых ведомостях» в связи с официальным известием о кончине Н. А. Меренберг.

Умерла Наталья Александровна во французском городе Канне, в доме дочери — графини Софии Торби. В печати широко сообщалось о смерти младшей дочери поэта²¹.

Как писала Е. Н. Бибикина, Н. А. Меренберг уже после смерти мужа узнала о том, что «царствующий герцог Нассауский... не дозволит похоронить мorganатическую жену (Николая Вильгельма Нассауского) в их родовом склепе. Властная Наталья Александровна возмутилась и взяла обещание с зятя Михаила Михайловича, чтобы ее сожгли и пепел высыпали в склеп над гробом мужа. Он так и сделал»²².

Жившая в России дочь покойной Анна Михайловна Кондырева, узнав из телеграмм о предстоящей кремации в городе Майнце тела Натальи Александровны, обрати-

---

* В придачу (*фр.*) <к автографу А. С. Пушкина>.

Наталья Александровна Меренберг с мужем, дочерьми Александрой (сидит), Софией и зятем Михаилом Михайловичем Романовым. Фотография 1895 г.

лась через дипломатические каналы к германскому правительству с просьбой дать ей и членам ее семьи возможность похоронить мать по православному обряду.

Однако германские власти отклонили просьбу русских родственников графини Меренберг на том основании, что «воля покойной, выраженная в завещании, должна быть исполнена»²³.

Двадцатого марта состоялась кремация, урна с прахом дочери Пушкина была доставлена в Висбаден на могилу ее мужа Николая Вильгельма Нассауского...

От второго брака у Натальи Александровны было трое детей — София, Александра, Георг Николай. Потомки Пушкина по этой линии и сейчас живут за рубежом.

Благодаря младшей дочери поэта были опубликованы письма А. С. Пушкина к жене. Эти письма Наталья Николаевна бережно хранила до конца жизни. Она предполагала подарить их старшей дочери Марии, о чем не раз говорила ей. Но Мария Александровна, приехавшая к умиравшей матери за сутки до ее кончины, по просьбе последней уступила письма младшей сестре, которой они могли послужить материальной поддержкой в ее трудном положении в связи с неудавшейся в первом браке семейной жизнью.

Наталья Александровна «вследствие стесненных обстоятельств» не раз пыталась продать письма отца. Так, в 1866—1869 годах она предлагала их поочередно редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову, П. В. Анненкову, В. А. Соллогубу, другим лицам, но торговая сделка не состоялась. Видимо, потому, что дочь Пушкина, по словам И. С. Тургенева, требовала за эти письма «цену ни с чем не сообразную»*.

Только в 1876 году Н. А. Меренберг передала 75 писем А. С. Пушкина (12 — к невесте, 62** — к жене, одно — к теще, Н. И. Гончаровой) Ивану Сергеевичу Тургеневу, который договорился о публикации их в журнале «Вестник Европы», издававшемся М. М. Стасюлевичем, сам написал предисловие к ним, исключил из писем «то, что не годится для печати», просмотрел перевод 12 писем, написанных поэтом по-французски (11 — к невесте, одно — к теще).

Графиня Меренберг согласилась на невыгодные для нее условия, предложенные Стасюлевичем. За обнародование писем Пушкина в этом журнале она получила всего 1000 рублей и десять экземпляров издания, в том числе четыре на голландской бумаге.

К сожалению, М. М. Стасюлевич без должного такта отнесся к такому ответственному делу, как публикация личной переписки всемирно известного поэта. Он не только не сделал дополнительных купюр, о чем просил его И. С. Тургенев, но во многих случаях даже восстановил то, что писатель вычеркнул из этических соображений.

Такая небрежность в издании стала одной из причин

---

* В 1892 году Н. А. Меренберг через своего зятя А. П. Кондырева еще раз пыталась продать хранившиеся у нее письма Пушкина за «хорошую цену» антиквару Шибанову, и снова безуспешно.

** В действительности их было 63: публикуя письмо А. С. Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 10 мая 1836 года, И. С. Тургенев дал его как приписку к письму от 16 мая 1836 года.

острого недовольства сыновей А. С. Пушкина появлением писем отца в первом и третьем номерах «Вестника Европы» за 1878 год.

В письме к М. М. Стасюлевичу от 25 марта 1878 года И. С. Тургенев сообщал: «...меня какой-то А. В.* письменно предупредил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца! Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание? Впрочем, я полагаю: это просто сплетня, если не мистификация»²⁴.

О собственной роли в публикации писем Пушкина И. С. Тургенев писал в предисловии «От издателя»: «... я считаю избрание меня дочерью Пушкина в издателя этих писем одним из почетнейших фактов моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оценить доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые сокращения и исключения.

Быть может, я до некоторой степени заслужил это доверие моим глубоким благоговением перед памятью ее родителя, учеником которого я считал себя «с молодых ногтей» и считаю до сих пор...»

И дальше: «Сама дочь поэта, решившись поделиться с отечественной публикою корреспонденцией своего родителя, адресованной к его жене — ее матери, — освятила, так сказать, наше право перенести весь вопрос в более возвышенную и безучастную — как бы документальную сферу.

Нам остается искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренберг за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторого колебания, — и выразить надежду, что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение»²⁵.

Когда письма Пушкина были изданы, возник вопрос о судьбе их автографов. М. М. Стасюлевич хотел удержать подлинники у себя, чтобы передать их затем в Пушкинский лицейский музей. Однако Н. А. Меренберг не согласилась с этим. 8 января 1879 года она писала М. М. Стасюлевичу: «Милостивый государь Михаил Матвеевич, Иван Сергеевич передал мне Ваше предложение насчет писем отца моего. Признаюсь откровенно, что я не в силах принести ту жертву, которую Вы от меня ожидаете. Я так дорожу письмами отца моего, что, конечно, при жизни никогда добровольно не расстанусь с ними. И потому я покорно прошу Вас передать их зятю моему Ивану Андре-

---

* О ком идет речь, не установлено.

евичу Арапову, которого я буду просить явиться к Вам по этому поводу»²⁶.

Вскоре письма поэта были возвращены Наталье Александровне. Но через два года после открытия памятника Пушкину в Москве она уступила Румянцевскому музею автографы 63* писем ее отца к Н. Н. Пушкиной. Сделала это Наталья Александровна Меренберг через своего брата, Александра Александровича, и по его настоянию.

Письма были переданы в музей в запечатанном конверте. На нем рукой Н. А. Меренберг написано: «Его превосходительству Александру Александровичу Пушкину».

В письме А. А. Пушкина к великому князю Константину Константиновичу от 6 марта 1905 года так говорится об этом: «Когда же сестра моя, в 1882 году, поручила мне передать в Румянцевский музей эти письма, я, наученный горьким опытом, по соглашению с братом и сестрами, признал необходимым обусловить этот дар запрещением пользоваться им в течение 50 лет»²⁷.

Запрет, наложенный А. А. Пушкиным на письма отца, опубликованные Тургеневым без разрешения сыновей поэта, действовал до середины 1920-х годов. Таким образом, все дореволюционные издания сочинений Пушкина воспроизводили письма поэта к Наталье Николаевне не по подлинникам, хранившимся в Румянцевском музее, а по текстам, отредактированным Тургеневым. Только в 1926 году Н. В. Измайлов, помогавший Б. Л. Модзалевскому сверять тексты писем Пушкина для будущего издания, получил возможность прочитать их автографы, которые хранились в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Десять написанных по-французски писем А. С. Пушкина к невесте, Н. Н. Гончаровой, и одно к теще, Н. И. Гончаровой, Наталья Александровна Меренберг оставила у себя. Впоследствии, до конца 1986 года, они являлись собственностью балетмейстера и коллекционера С. М. Лифаря, жившего в Париже, а в последнее время в Лозанне. Через два года после смерти Сергея Михайловича эти письма за миллион долларов были приобретены нашей страной у наследников Лифаря.

Одно письмо Пушкина к невесте (подлинник по-русски,

---

* По позднейшей нумерации писем в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина — 64, так как одно письмо, от 11 июня 1834 года, оказалось разбитым на два.

в «Вестнике Европы» напечатано под № 8) графиня Меренберг подарила своей дочери от первого брака А. М. Кондыревой, еще одно, уже упоминавшееся, — доктору В. Б. Бертенсону²⁸ (в «Вестнике Европы» опубликовано с пометой «к № 11»). Оба письма впоследствии поступили в Пушкинский Дом²⁹.

В начале 1900-х годов Петербургская Академия наук приступила к подготовке нового собрания сочинений Пушкина, в которое предполагалось включить и все известные письма поэта. Для этого издания нужно было тщательно сличить печатные тексты писем с оригиналами, хранившимися у наследников Пушкина и у других частных лиц.

Президент Академии наук обратился к Н. А. Меренберг с просьбой предоставить для издания принадлежавшие ей одиннадцать писем отца. Графиня категорически отказалась сделать это. О причине можно лишь строить догадки. Не исключено, например, что Наталья Александровна не могла забыть давней обиды: ее не пригласили в Россию на юбилейные — 1899 года — пушкинские торжества...

На письмо великого князя Константина Константиновича рассерженная дочь Пушкина отвечать не стала. Зато она отправила довольно резкое письмо, написанное по-французски, брату А. А. Пушкину, к которому президент Академии наук обращался по тому же поводу. Хотя письмо Н. А. Меренберг не сохранилось, его содержание мы знаем: историк и библиофил И. А. Шляпкин (1858—1918), в руках которого письмо находилось непродолжительное время, переписал его в свой дневник, ныне хранящийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

О чем писала графиня Меренберг Александру Александровичу?

«Просьба, с которой ты обращаешься ко мне по поводу писем моего Отца, меня не удивила. С подобными прошениями ко мне обращались не менее двенадцати раз. Безумный принц Гамлет (так язвительно называет Наталья Александровна великого князя Константина Константиновича. — В. Р.) даже сам написал ко мне, что еще более обостряет ситуацию. Письмо мне не понравилось — он пишет, как своей подданной, и заключает его такими словами: «Примите уверения в моей благосклонности». Я в ней не нуждаюсь. Известно ли тебе или нет, что я считаю себя оскорбленной Комитетом, <учрежденным для проведения> столетнего юбилея моего Отца? Они

игнорировали мое существование, не посчитав меня за дочь Пушкина, и мне хочется, чтобы так продолжалось и далее. В любом случае можешь им сообщить, что я ничего не предприму в надежде на их будущие благодеяния и что они должны осыпать своими благодеяниями тебя, прежде чем я соблаговолю вступить с ними в какие бы то ни было переговоры. Полно!..

Твоя всем сердцем Н〈аталья〉 де М〈еренберг〉»³⁰.

Академическое издание произведений и писем Пушкина тогда не состоялось: помешала вскоре начавшаяся первая мировая война. Приведенное же письмо дочери великого поэта любопытно не только как факт, имеющий отношение к истории публикации литературного наследия Пушкина, но и как важный эпизод из жизни самой Натальи Александровны, подтверждающий, что она до старости сохранила волевой, а подчас строптивый, бескомпромиссный характер.

„ ...И ОБО МНЕ
ВСПОМЯНЕТ “

С думой о счастье народа

В стихотворении «...Вновь я посетил» А. С. Пушкин с надеждой писал о будущем:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Внуки поэта не только с неизменной благодарностью вспоминали знаменитого деда, но и всегда считали его главой своей семьи, своего дома. Многие из них оставили добрый след в памяти современников, потому что жили с думой о процветании России, о счастье народа.

Старшая из тринадцати детей А. А. Пушкина, Наталья Александровна, в замужестве Воронцова-Вельяминова, отличалась, по воспоминаниям ее родственников, большой силой воли, необыкновенной живостью характера и ума, унаследованными от деда — А. С. Пушкина. Любила поэзию, особенно русскую, и сама писала стихи.

Отец, А. А. Пушкин, не только не радовался стихотворческим занятиям собственных детей, но и всячески препятствовал им, внушал не делать этого.

Однажды, гласит семейное предание, Александр Александрович «собрал своих чад и домочадцев и обратился к ним с речью», смысл которой заключался в том, что никому из его семьи писать стихи не стоит («что можно написать после Пушкина?!»). «Славы себе не создашь. Можно лишь попасть в неловкое положение. Свои силы, свои таланты, у кого они есть,— говорил он,— примените на каком-нибудь другом поприще»¹.

Помня непререкаемое мнение отца и боясь прослыть дилетанткой в поэзии («внучка Пушкина пишет плохие стихи!»), Наталья Александровна сочиняла только для себя — в альбомы. Этого «требовал», казалось ей, и сам Пушкин (его портрет постоянно стоял на рабочем столе Н. А. Воронцовой-Вельяминовой), творчество которого всегда было для нее, как и для других потомков поэта, недостижимым образцом, а сам он являлся строгим, молчаливым семейным судьей.

Альбомы со стихами внучки Пушкина давно исчезли, и судить о достоинствах ее поэтических опытов теперь трудно, так как стихи Натальи Александровны нигде не печатались.

Можно сослаться лишь на авторитетный отзыв радиожурналиста Сергея Евгеньевича Клименко — внука Н. А. Воронцовой-Вельяминовой, в руках которого сорок лет назад оказался автограф одного из ее произведений. Листок передала Сергею Евгеньевичу его двоюродная теть Т. Н. Галина. Это — сатирическое стихотворение, написанное Натальей Александровной в городе Козлове, где в ту пору стоял полк ее отца. К сожалению, и оно, «довольно метко передающее картину жизни пыльного мещанского городка»², потом затерялось.

Наталья Александровна отлично рисовала. Об этом можно судить по двум сохранившимся альбому с ее пейзажными рисунками и портретами*. Жаль, что и этому своему дарованию внучка поэта не придавала серьезного значения. Размышляя о художественных достоинствах рисунков бабушки, об уровне ее одаренности, С. Е. Клименко заметил, что «это было профессиональное мастерство, но не профессия»³.

«Человек живого ума, большого сердца и, по-видимому, незаурядных способностей...» — такой помнит Наталью Александровну ее внучка И. Е. Гибшман. По словам Ирины Евгеньевны, Н. А. Воронцова-Вельяминова была «подвижная, веселая, интересная собеседница, отзывчивый человек. Даже уже в немолодом возрасте любила играть с детьми. Пользовалась большой любовью и уважением... Дочерей воспитывала в духе служения людям, в труде. Бабушка не любила праздную жизнь, пус-

---

* Альбомы в настоящее время являются собственностью А. А. Кологривова, к которому перешли от его бабушки С. П. Вельяминовой. Два рисунка Н. А. Воронцовой-Вельяминовой находятся у И. Е. Гибшман, по столку же у праправнучки Пушкина Г. С. Усовой и у близких покойного праправнука Г. М. Воронцова-Вельяминова.

Внуки А. С. Пушкина (слева направо): Ольга, Александр, Анна, Григорий, Наталья, Мария Пушкины. Фотография середины 1870-х гг.

тые развлечения. Она держалась всегда просто, как все умные люди».

Когда Наталья Александровна скончалась, ее внуку Георгию Михайловичу Воронцову-Вельяминову шел всего восьмой месяц. Бабушку он, естественно, не помнил, но через многие десятилетия признался в письме к автору книги, что неизменно «любил ее любовью детей и всех ее знавших».

Правнучка Пушкина Софья Николаевна Данилевская была убеждена в том, что ее теть, Н. А. Воронцову-Вельяминову, «уважали потому, что, во-первых, она была человеком не только справедливым, но и прямым: когда нужно было, вступала в споры, невзирая на лица; во-вторых, она помогала всем».

Софья Николаевна с радостью вспоминала то счастливое лето, когда она, еще девочка-подросток, полтора месяца провела в Бобруйске у Воронцовых-Вельяминовых: «Наталья Александровна кормила меня удивительно вкусными булками, хлебом и земляникой... домой я вернулась толстушкой».

Сообщая о памятных подробностях своего детства и отрочества, С. П. Вельяминова приводила запомнив-

шиеся ей рассказы матери, Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой, о Н. Н. Пушкиной-Ланской. Оказывается, Наталья Николаевна «хорошо играла в шахматы, но по-детски огорчалась, когда проигрывала». Она была «остроумна и рассудительна... и вовсе не наряды Натальи Николаевны запутали денежные дела» Пушкиных в Петербурге. «А наряды,— продолжала Софья Павловна,— не так уж тогда дороги были: делался шелковый чехол, а на чехол нашивался тарлатан — легкая прозрачная материя оборочками, складочками, буфочками... Через некоторое время этот верх меняли, и новый нашивали на шелковый чехол. Я еще застала в сундуке матери тарлатан, который пригодился в «живых картинах»... в Натальин день — 26 августа».

С. П. Вельяминова особо подчеркивала, что «Наталья Николаевна вместе с П. П. Ланским хлопотала об освобождении М. Е. Салтыкова-Щедрина из ссылки в Вятке». Эти сведения, идущие по семейным каналам, подтверждаются и документальными источниками. Вкратце суть заступничества супругов Ланских за Салтыкова такова.

В разгар Крымской войны генерал-адъютант Петр Петрович Ланской был командирован в Вятку, чтобы, как писала, опираясь на воспоминания своих родителей, Л. Н. Спасская (дочь вятского врача Н. В. Ионина — друга М. Е. Салтыкова), «лично наблюдать за формированием вятского ополчения, начальником которого он был назначен»⁴. Вместе с ним приехала туда и Наталья Николаевна. Три дочери Ланских (старшей, Александре, в ту пору было десять лет, а младшей, Елизавете, всего семь) были отправлены под опекой двадцатитрехлетней сестры Маши Пушкиной, гувернантки и няни к другой их сестре — Таше Дубельт в Житомирскую губернию.

Ланские пробыли в Вятке с конца сентября 1855 года по январь 1856-го. Они близко сошлись с вновь назначенным управляющим Вятской палатой государственных имуществ К. Л. Пашенко, состоявшим также членом губернского комитета по созыву ополчения, и его женой Марией Дмитриевной (урожд. Новицкой), которую Наталья Николаевна знала по Петербургу — до замужества Мария Дмитриевна была талантливой прима-балериной Большого театра (с 1834 года). Позднее, в 1840 году, Новицкая стала драматической актрисой и долгие годы блистательно выступала на сцене Александринского театра.

М. Е. Салтыков был коротко знаком с семейством Пашенко с осени 1854 года. В их доме его и представили

Наталье Николаевне. Вскоре молодой литератор стал бывать у Ланских. Наталья Николаевна относилась к нему с неизменным уважением. Она постоянно оказывала Михаилу Евграфовичу радушный прием, поддерживала его морально, о чем писатель тепло вспоминал до старости.

М. Е. Салтыков уже более семи лет жил в Вятке под надзором полиции. Он не раз пытался добиться освобождения. Весьма активно оказывал ему содействие и губернатор Н. Н. Семенов. Однако все их хлопоты не приносили желаемого результата.

Узнав об этом от М. Д. Пашенко, Наталья Николаевна энергично взялась за дело: она настоятельно просила мужа (его двоюродный брат С. С. Ланской незадолго до того занял пост министра внутренних дел) посодействовать освобождению писателя из ссылки и добилась быстрого успеха — 13 ноября 1855 года министр внутренних дел известил вятского губернатора о том, что Александр II «высочайше повелеть соизволил: дозволить Салтыкову проживать и служить где пожелает»⁵.

О хлопотах П. П. Ланского М. Е. Салтыков писал в октябре 1855 года брату Дмитрию: «Он принял живейшее участие в моем положении и с нынешнею почтою послал к министру официальное письмо, в котором, отзываясь обо мне с лучшей стороны, просит исходатайствовать мне всемилостивейшее прощение. Кроме этого... еще частным письмом просит министра о том же». А 28 ноября, узнав о «прощении», писатель делился с братом радостью: «К 15-му января надеюсь быть в Петербурге... Всем этим я обязан генералу Ланскому, который так добр, что даже дает мне письмо к нашему министру»⁶.

Михаил Евграфович выехал из Вятки 24 декабря 1855 года. 13 или 14 января 1856 года он был уже в Петербурге. Вскоре вернулись в столицу и Ланские.

Небезынтересно отметить, что П. П. Ланской и в период формирования ополчения в Вятке зарекомендовал себя, в отличие от многих других царских чиновников, человеком бескорыстным и честным. К нему поступили 100 тысяч рублей — итог частных пожертвований жителей губернии. Эти деньги он передал по возвращении в Петербург военному министру Н. О. Сухозанету, сообщил о них и царю.

Проявленное Н. Н. Пушкиной-Ланской участие к судьбе М. Е. Салтыкова и некоторые другие факты свидетельствуют о ее сочувственном отношении к отечественным литераторам.

Здесь уместно привести воспоминания Александры Петровны Араповой о встрече Н. Н. Пушкиной с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, которая произошла в доме Карамзиных в апреле 1841 года, накануне отъезда поэта на Кавказ.

«В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал:

— ...Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости... Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать когда-нибудь вам другом...

— Прощать мне вам нечего, — ответила Наталья Николаевна, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении».

Лермонтову не суждено было вернуться в Петербург. И когда через несколько месяцев Н. Н. Пушкина узнала о его трагической смерти, «сердце ее болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в ее памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого».

Вспоминая последнюю встречу с Лермонтовым, вдова Пушкина уже в последние годы жизни признавалась: «Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собою в могилу»⁷.

Приведенные эпизоды из жизни Н. Н. Пушкиной-Ланской лишний раз свидетельствуют о том, как несправедливы были к ней многие современники, считавшие ее повинной в гибели поэта. Да и только ли они?! К сожалению, с рецидивами необъективности, а порой и предвзятости в оценке личности Натальи Николаевны приходится сталкиваться по сей день, хотя теперь — благодаря трудам советских ученых-пушкинистов (в первую очередь И. М. Ободовской и М. А. Дементьева) — документально доказана несостоятельность всякого рода измышлений, касающихся жены Пушкина.

Посильную лепту в благородное дело — вернуть Н. Н. Пушкиной доброе имя — внесла и ее внучка Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова. Она всег-

да щедро делилась семейными воспоминаниями о бабушке с родственниками и знакомыми.

Как бесценную реликвию, хранящую тепло ее рук и нежного сердца, берегут сегодня в семье И. Е. Гибшман гарусное детское одеяло, связанное Натальей Николаевной. Это ее подарок внучке Наташе, которая родилась в Петербурге, в конногвардейских казармах, где была квартира А. А. Пушкина. Тогда же Наталья Николаевна подарила девочке и кроватку красного дерева с кисейным пологом. С. П. Вельяминова, ссылаясь на семейные предания, рассказывала мне, что этой кроваткой, возможно, пользовались дети Пушкина, когда были маленькими. Впоследствии, в 1880—1890-х годах, в ней спали дети Н. А. Воронцовой-Вельяминовой, а еще позднее, уже в XX веке, и ее внуки — дочери и сын Марии Павловны Клименко.

Внучка поэта Наталья Пушкина получила в детстве хорошее домашнее образование, затем окончила гимназию. До замужества она некоторое время жила в Москве — в доме родни выдающегося драматурга Александра Васильевича Сухово-Кобылина (1817—1903). Сухово-Кобылины и ей приходились родственниками⁸. В ту пору Наталья Александровна познакомилась со многими московскими литераторами, среди которых были и сам Сухово-Кобылин, автор комедии «Свадьба Кречинского», с 1855 года шедшей с большим успехом на русской сцене*; и его сестра Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (1815—1892), выступавшая в печати под псевдонимом Евгения Тур (первые ее произведения — повесть «Ошибка» и роман «Племянница» — сочувственно отметил И. С. Тургенев)**; и ее сын Евгений Андреевич Салиас де Турнемир (1840—1908) (печатался под фамилией Салиас), автор повести «Тьма», положительно оцененной А. И. Герценом.

Может быть, общение юной внучки поэта с популярными тогда литераторами укрепило в ней воспитанную семейными — пушкинскими — традициями актив-

---

* В течение нескольких десятилетий царская цензура запрещала постановку драматических произведений А. В. Сухово-Кобылина «Дело» и «Смерть Тарелкина». Полностью же — без цензурных искажений и купюр — эти пьесы появились на театральной сцене только при Советской власти.

** В 1880-х годах Е. В. Салиас де Турнемир писала популярные романы и повести для юношества («Катакомбы», «Мученики Колизея», «Княжна Дубровина» и др.), с 1861 года издавала журнал «Русская речь».

ную гражданскую позицию, помогло четко определить свое место в жизни...

Сын поэта Григорий Александрович Пушкин в январе 1881 года получил от Натальи Александровны следующее письмо: «Вы, вероятно, уже знаете через других: я выхожу замуж... Милый дядя, приезжайте, пожалуйста, на мою свадьбу... Вы знаете, что Вы из всех дядей мой любимый, и я даже себе представить не могу, как бы я без Вас стала венчаться. Свадьба наша 25-го в Рязани, и после на эту зиму я переселяюсь в Козлов...

Искренне Вас любящая племянница Таша Пушкина»⁹.

Мужем внучки Пушкина стал Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов, офицер 13-го гусарского Нарвского полка, которым командовал ее отец. Из офицеров своего полка А. А. Пушкин особенно любил Павла Аркадьевича — за его мужество, честный и прямой характер. Герой русско-турецкой войны штаб-ротмистр Воронцов-Вельяминов в сражениях на болгарской земле проявил недюжинную храбрость, за что был удостоен высокой награды — именной серебряной сабли.

Внук П. А. Воронцова-Вельяминова Александр Всеволодович Кологривов с гордостью писал, что у него «сохранился... турецкий изогнутый кинжал из дамасской стали, взятый Павлом Аркадьевичем в качестве трофея на поле боя»^{*10}.

У другого его внука, Сергея Евгеньевича Клименко, в детские годы была красная турецкая феска с черной кисточкой, привезенная дедом с Балкан. К сожалению, эта реликвия не сохранилась. Сергей Евгеньевич с улыбкой вспоминал, как его сестре Ольге, в ту пору еще подростку, сшили пальто из трофейной бурки деда и как он, Сережа, «настаивал, чтобы мохнатая сторона была наверху»¹¹, однако его советам не вняли...

Об интересе Павла Аркадьевича к Болгарии и русско-турецкой войне, в которой он участвовал сам, напоминали и хранившиеся долгие годы в семье две огромные книги в синих переплетах: в них, как рассказывал С. Е. Клименко, наряду с описанием боевых действий встречались рисунки, портреты военачальников обеих сторон, сцены из солдатской жизни, пейзажи...

Родная сестра П. А. Воронцова-Вельяминова, Наталья

---

* Сейчас этот трофейный кинжал, а также медаль П. А. Воронцова-Вельяминова за участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, визитные карточки Н. А. и П. А. Воронцовых-Вельяминовых и их детей, некоторые другие фамильные ценности, в том числе несколько книг, находятся у А. А. Кологривова.

Аркадьевна, была женой Василия Васильевича Тютчева — дальнего родственника поэта Ф. И. Тютчева. Их дочь Наталья Васильевна Тютчева (1887—1974) до самой смерти жила вместе с праправнучкой Пушкина Мариной Евгеньевной Клименко. Лицом она была удивительно похожа на Федора Ивановича Тютчева в старости.

Другая сестра П. А. Воронцова-Вельяминова, Ольга Аркадьевна, вышла замуж за Михаила Александровича Жемчужникова (ок. 1860—1914) — сына Александра Михайловича Жемчужникова, среднего из известных братьев-литераторов. В их имении Красный Рог Черниговской губернии (теперь Брянской области) находился фамильный склеп, в котором похоронен прежний владелец Красного Рога Алексей Константинович Толстой (1817—1875) — знаменитый русский поэт, драматург и беллетрист. Он приходился двоюродным братом Алексею (1821—1908), Александру (1826—1896) и Владимиру (1830—1884) Михайловичам Жемчужниковым, был их приятелем и соавтором многих литературных трудов. После смерти Алексея Михайловича Жемчужникова (его братья скончались раньше) имение-майорат Красный Рог получил по наследству его племянник М. А. Жемчужников.

Таким образом, Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова состояла в родстве с... Козьмой Петровичем Прутковым (правда, уже после его «кончины»)*.

Воронцовы-Вельяминовы и Жемчужниковы породнились семьями уже в конце XIX века. По имеющимся у меня данным, Ольга Аркадьевна стала женой М. А. Жемчужникова в 1898 году, когда из трех братьев-стихотворцев был жив лишь один — Алексей Михайлович. Зато Михаил Жемчужников, в молодости морской офицер, как бы продолжая литературную традицию отца и дядей, тоже писал неплохие стихи в «прутковской» манере. Еще до свадьбы он сочинил большое стихотворение, сохранившееся в семейном архиве. Вот отрывок из него, записанный Г. М. Воронцовым-Вельяминовым со слов Ольги Аркадьевны Жемчужниковой (Воронцовой-Вельяминовой)**, которой посвящено это стихотворение.

---

* Козьма Прутков — общий литературный псевдоним А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

** Г. М. Воронцов-Вельяминов несколько раз навещал О. А. Жемчужникову в Мюнхене, где она жила длительное время; там и скончалась в 1978 году в возрасте 104 лет.

Серебром и перламутром
Отблеск месяца играет.
В небе ярче и заметней
Цепь созвездий выплывает,
И в безмолвьи ночи летней
Ум усталый отдыхает.
Посмотрев на звезды снова,
Вижу в ясной их толпе я,
Что над домом Воронцова
Поднялась Кассиопея.
Я люблю, когда сияет
В небесах созвездье это.
Два латинских V читает
В нем фантазия поэта.
Этот вензель Иегова
Начертал на небе даже.
Этот вензель — Воронцова,
Вельяминова она же.

Между Н. А. Воронцовой-Вельяминовой и семейством Жемчужниковых сложились теплые родственные отношения. Даже в конце 1900-х годов, когда дети Натальи Александровны были уже взрослыми, она и ее близкие поддерживали самую тесную дружбу с домом Жемчужниковых. Самый факт родства с ними и А. К. Толстым для внучки Пушкина, жадно впитывавшей знания, особенно в области литературы, по-видимому, не прошел бесследно. Так, сохранившийся у А. А. Кологривова сборник стихов А. К. Толстого, изданный М. М. Стасюлевичем в Петербурге в 1877 году, испещрен пометами Натальи Александровны. Например, на с. 71, где идет текст поэмы «Дон-Жуан», сделана запись: «Как это верно (см. Демон, Татьяна)». А многие строки и отдельные слова произведений Алексея Константиновича многозначительно подчеркнуты ее рукой.

...Через несколько лет после женитьбы П. А. Воронцов-Вельяминов вышел в отставку, и супруги обосновались в его имении Вавуличи¹² под Бобруйском. Там Наталья Александровна и жила многие годы. Умерла она в Бобруйске, похоронена в селе Телуша, в двух километрах от Вавуличей. Могила, окруженная вековыми деревьями, находится в центре села.

А в Бобруйске, на Социалистической (бывшей Муравьевской) улице, до недавнего времени находился небольшой деревянный домик, купленный Н. А. Воронцовой-Вельяминовой на собственные деньги в приданое для дочери Марии. Это здание, как и стоявший во дворе дом, в котором жили Воронцовы-Вельяминовы с дочерьми Софьей и Верой, не сохранилось. Дом, принадлежавший М. П. Клименко, сгорел во время Великой Отечественной

войны, а дом ее родителей (в нем уже в советское время жила С. П. Кологривова с сыновьями-подростками Сашей и Олегом) и дом Михаила Павловича Воронцова-Вельяминова на той же улице снесены в конце 1960-х годов. Не уцелела и расположенная по соседству школа (до войны № 3), в которой в 1920-х годах учились праправнуки Пушкина.

Старожилы Бобруйска и теперь вспоминают доброту, деликатность внучки Пушкина и ее мужа. Оба «очень ценили чувство собственного достоинства у простого человека» и всячески развивали эту черту характера. Местный житель, человек весьма почтенных лет, сказал Софье Павловне Вельяминовой, приехавшей в 1952 году в Телушу, чтобы установить на могиле матери надгробную доску от Литературного фонда СССР: «Павловна, моя Павловна, народ, как один, говорит: Павлом Аркадьевичем мы обижены не были».

«На редкость гармонично сочетавшая ум, волю и чувства», Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова имела, по словам Софьи Павловны, «широкий кругозор, тяготилась своей оторванностью от общественной жизни»; причиной чему в первые годы супружества была кочевая военная жизнь мужа, а позже и большая семья — у Воронцовых-Вельяминовых было шестеро детей: Григорий, Мария, Софья, Михаил, Феодосий и Вера.

И все-таки внучка Пушкина находила возможность, особенно когда подросли дети, оказывать постоянную помощь крестьянам своей округи. Больным давала лекарства, а если они нуждались в серьезном лечении или операции, отправляла к врачам в Вильно и Гомель.

Многое делала Наталья Александровна для того, чтобы крестьянские дети могли учиться грамоте, а наиболее способные из них получить образование. Некоторым даже назначала стипендию.

Москвич Е. М. Калиновский, детство и юность которого прошли в селе Телуша и городе Бобруйске (ему было около восьми лет, когда скончалась Н. А. Воронцова-Вельяминова), писал мне:

«Мой отец с 1896 по 1924 год работал заведующим начальными училищами в Телуше, а затем в Бобруйске... Полный шестилетний курс обучения в двухклассном училище давал право поступать в средние специальные учебные заведения...

Наталья Александровна
Воронцова-Вельяминова,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография начала
1910-х гг.

Уезжая в города Несвиж и Поневеж* для поступления в учительские семинарии, отдельные ученики, по просьбе отца, получали от Натальи Александровны по 12—15 рублей на дорогу.

В селе Телуша была весьма тесная застройка крестьянских дворов... Поэтому при частых пожарах Телуша всегда выгорала почти наполовину. Как правило, лес на постройку новых изб давал Павел Аркадьевич, по настоянию жены — Натальи Александровны, безвозмездно. Оказывалась помощь крестьянам иногда молодячком скота».

Евгений Матвеевич помнит также, что в Вавуличах были выведены «воронцовские» сорта яблок и картофеля, которые давали хорошие урожаи и на земельных участках крестьян, и что семенной картофель предоставлялся жителям округа бесплатно.

Н. А. Воронцова-Вельяминова долгие годы была председателем Бобруйского благотворительного обще-

---

* Ныне город Паневежис.

ства, на средства которого строили ясли и приюты для детей вдов и одиночек, покупали многодетным семьям швейные машины, ремонтировали избы бедняков. Общество заботилось о дровах и хлебе для нуждающихся. Крестьянским ребятишкам внучка Пушкина давала книги для чтения, знакомила их с творчеством своего деда, которое сама знала очень хорошо. А в 1899 году, к 100-летию со дня рождения поэта, в Бобруйске — опять-таки при самом деятельном участии Натальи Александровны — была открыта первая в городе библиотека, названная именем Пушкина. Она существует и поныне.

Чтобы облегчить положение работающих женщин, Н. А. Воронцова-Вельяминова организовала в Бобруйске ясли — первое дошкольное учреждение на Бобруйщине.

Поборница равноправия мужчин и женщин в общественной жизни, Наталья Александровна придерживалась мнения, что и в семье жена не должна мириться с унижительным положением. Она постоянно подчеркивала мысль Пушкина о том, что женитьба должна повышать нравственность мужчины, делать его общественно зрелым человеком.

Благодаря сильному характеру и передовым по тем временам убеждениям Н. А. Воронцова-Вельяминова занимала в семье главенствующее положение. Софья Павловна Вельяминова называла его «культом матери». Этот «культ» объяснялся и тем, что Павел Аркадьевич был мировым судьей и земским начальником — хлопотливые должности требовали уйму времени и сил, поэтому в воспитание детей он почти не вмешивался.

Незадолго до смерти Г. М. Воронцов-Вельяминов прислал мне копию хранившегося у него письма Натальи Александровны к дочери Софье. В нем она пишет о работе мужа на посту земского деятеля, старается объективно оценить настоящие и мнимые заслуги Бобруйского уездного земства. Сообщая о некоем Петрове, который лицемерно называл себя «либералом и поклонником мировых судов», а Павла Аркадьевича — консерватором, Наталья Александровна со злой иронией пишет, что тот же Петров «с презрением смотрит на перемену, а между тем на деле придирается к пустякам», что у него и ему подобных «слово с делом расходится» и они безответственно относятся к своему долгу, «когда не в их дудку играют». И дальше: «А какие беспорядки и какое безобразие мой муж получил от непременных членов в наследство, но все это «ничего, потому что

наше!»; по Петрову, вероятно, наше плохое лучше вашего хорошего...»

Поглощенная каждодневными заботами обо всех, кто оказывался в сфере ее общественной деятельности, Н. А. Воронцова-Вельяминова нередко упрекала своих близких в недостаточном, как ей казалось, внимании к людям, к их нуждам и потребностям. Даже отцу, А. А. Пушкину, и «тете Маше Гартунг», иногда — вечерами — игравшим в винт, она с болью говорила: «Всюду карты... и это вместо того, чтобы думать о судьбах России».

Эти слова достаточно ярко характеризуют отношение Натальи Александровны к жизни, к высокому назначению человека...

Благотворительную деятельность Н. А. Воронцова-Вельяминова считала недостаточной: ей, женщине с нежной, чуткой к людскому горю душой, казалось порой, что это просто подачки богатым бедным, оскорбительные для тех и других. Внучка Пушкина видела смысл жизни в бескорыстном, самоотверженном служении людям, была убеждена, что можно и нужно сделать для родного народа больше, чем делает она. Огорчалась, что не все задуманное ею осуществлялось, и теплом искреннего человеческого участия, щедростью своего большого сердца согревала каждого, кто нуждался в помощи и поддержке.

Как потомки Пушкина породнились с семьей Гоголя

В мае 1831 года исполнилось заветное желание Николая Васильевича Гоголя — на вечере у П. А. Плетнева, в Петербурге, его познакомили с А. С. Пушкиным. Они часто встречались: в то лето Пушкин жил в Царском Селе, Гоголь — в Павловске. Знакомство вскоре переросло в сердечную дружбу.

Пушкин сыграл решающую роль в творческой судьбе Гоголя, в становлении его как литератора. Он был первым судьей многих гоголевских произведений еще до появления их в печати. Александр Сергеевич подсказал молодому писателю темы и сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Когда в январе 1836 года Пушкин начал издавать «Современник», он не замедлил привлечь к сотрудничеству в журнале и Гоголя. На страницах «Современника» увидели свет некоторые литературные труды Николая Васильевича.

Творческая дружба Пушкина и Гоголя, которую питала общая забота великих писателей о судьбе отечества, о дальнейшем развитии российской словесности,— поистине счастливейшая страница в истории литературы. По счастливому же стечению обстоятельств Пушкин и Гоголь через полвека (уже после их смерти) породнились семьями — в конце лета 1881 года девятнадцатилетняя внучка поэта Мария Пушкина стала женой племянника Гоголя Н. В. Быкова.

Николай Владимирович был сыном полковника Владимира Ивановича Быкова и Елизаветы Васильевны (урожд. Гоголь), родной сестры писателя. Он служил в 13-м гусарском Нарвском полку, командиром которого был А. А. Пушкин, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов и за проявленную в боях храбрость был награжден золотым оружием.

Венчались молодые в лопасненской Зачатьевской церкви¹.

Вскоре после свадьбы Николай Владимирович Быков подал в отставку, и супруги поселились — правда, ненадолго — в Полтаве, в доме Анны Васильевны Гоголь, а затем переехали в имение Васильевка (Яновщина)* Полтавской же губернии. Когда-то это имение было собственностью В. А. Гоголя-Яновского (1777—1825) — отца будущего писателя. Отсюда и двойное название его: официальное — по имени владельца, местное — по второй части его фамилии. Потом, после смерти Василия Афанасьевича, там жила мать писателя — Мария Ивановна Гоголь-Яновская (урожд. Косяровская) (1791—1868), намного пережившая не только мужа, но и своего знаменитого сына².

Опираясь на семейные предания о них, С. Н. Данилевская писала мне: «Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский был человек слабого здоровья. Он часто обращался к врачам... Однажды с этой целью он поехал через Миргород... в Лубны и остановился передохнуть в Кибинцах... Там он почувствовал себя плохо и дня через два-три скончался. Марии Ивановне дали знать верховым из Кибинец. Ее так поразило это известие, что она слегла, как без сознания. У нее были восемь дней так стиснуты зубы, что ей не могли разжать рот, чтобы дать хоть глоточек молока... М. И. Гоголь-Яновская была большая

---

* Прежнее название — хутор Купчанский (Купчинский?). Ныне село Гоголево Шишацкого района Полтавской области. Переименовано в 1952 году — к 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя.

хлебосолка, умная и добрая женщина. Оставшись вдовой, дождавшись внуков... она много времени отдавала им... Николай Васильевич Гоголь очень любил свою мать, часто писал ей письма».

После кончины Н. В. Гоголя Васильевка принадлежала сестрам писателя — Анне (1821—1893), Елизавете (1822—1866) и Ольге (1825—1907) ³.

Анна и Елизавета учились в Петербурге, куда их отвез осенью 1832 года Н. В. Гоголь. Он определил сестер в Патриотический институт, где сам был преподавателем. Поскольку в это учебное заведение принимали лишь дочерей военных, Николаю Васильевичу пришлось хлопотать через начальницу института о зачислении девочек в институт «в виде исключения». Правда, в связи с этим Гоголю пришлось отказаться от жалованья — 1200 рублей в год ⁴. Окончив женский институт, Анна и Елизавета вернулись в Малороссию к матери своей, жившей в Васильевке. Позже сестры обосновались в Полтаве. Здесь, на Первомайском проспекте *, напротив городского парка культуры и отдыха имени Победы, до 1969 года стоял дом из красного кирпича, окруженный садом. Построен он был в начале 1880-х годов Анной Васильевной Гоголь. Прежде она жила в небольшом деревянном домике, находившемся рядом. Он был куплен ею вместе с участком земли, считавшимся тогда загородным.

Анна Васильевна замужем не была и своих детей не имела, но после безвременной кончины — 25 мая 1866 года — Елизаветы Васильевны воспитала ее пятерых детей, оставшихся сиротами, до их совершеннолетия. Муж сестры, В. И. Быков, еще в апреле 1862 года скончался от тифа в Варшаве, куда незадолго до того был переведен по службе из Тифлиса.

Старшая из детей Елизаветы Васильевны, Мария Владимировна (р. 7 июля 1852), в замужестве Рахубовская, многие годы жила в полтавской «гоголевской» усадьбе. Анна Васильевна выделила племяннице часть сада и участок земли, на котором М. В. Рахубовская и ее муж Петр Иванович построили себе новый дом. После смерти А. В.

---

* До начала 1900-х годов он назывался Институтским (в конце его находился институт благородных девиц); с 1909 года до советского времени — Келинским. Переименован к 200-летию Полтавской битвы в память доблестного коменданта города полковника Алексея Степановича Келина (?—1715), за боевые заслуги получившего звание генерал-майора. Позднее, в 1711 году, Петр I назначил его комендантом Азова. В 1909 году в Полтаве был сооружен памятник А. С. Келину и другим мужественным защитникам города, героизм которых воспел А. С. Пушкин в поэме «Полтава».

Гоголь Рахубовская владела всей полтавской усадьбой сестры писателя. В августе 1917 года она трагически погибла. Впоследствии, с 1920-х годов, в доме Марии Владимировны жили внучка Пушкина Мария Александровна Быкова и ее многодетная дочь Софья Николаевна Данилевская.

Вторым в семье Быковых был Николай Владимирович. Он родился в Тифлисе 19 января 1856 года. Сестры-близнецы Варвара и Анна (р. 5 июня 1857) замужем не были. Варвара Владимировна жила в Полтаве и почти каждый день приходила в семью старшего брата, где ее очень любили. Скончалась она в марте 1921 года. Анна Владимировна жила в Харькове, заведовала историческим музеем. Умерла в конце 1916 или в начале 1917 года. Младшим в семье Быковых был Георгий Владимирович (р. 9 ноября 1860) *. Он работал воспитателем в Полтавском кадетском корпусе, который окончили его брат и он сам. Г. В. Быков был женат на Марии Андреевне Аладыной. Супруги умерли в 1918 или 1920 году; детей у них не было.

После смерти матери Николай Владимирович Быков наследовал две трети имения Васильевка: Анна Васильевна уступила ему свою долю, третья же часть, включая усадьбу, осталась по-прежнему за Ольгой Васильевной Гоголь (в замужестве Головня).

Собственный дом — по другую сторону пруда, на своей части сада, распланированного когда-то Н. В. Гоголем, — Н. В. Быков построил уже после женитьбы, то есть в начале 1880-х годов. Его усадьба не сохранилась.

Усадьба же О. В. Головни недавно восстановлена, и в доме, где жили близкие Гоголя и где он сам провел многие годы, 1 апреля 1984 года, в день рождения писателя, открылся музей-заповедник его имени.

В Васильевке Н. В. Быкову принадлежало 50 десятин пахотной земли и 75 десятин леса. Вначале хозяйство велось образцово. Позднее, когда нужно было обучать детей, Быковы переехали в Полтаву, и Николай Владимирович, «поглощенный службой и... земской деятельностью, которой он очень увлекался», делами имения почти не занимался, а «землю сдал в аренду крестьянам по льготной цене»⁵. Однако и в те годы семья Быковых каждое лето проводила в Васильевке.

Н. В. Быков служил в административных учреждениях

---

* У Е. В. и В. И. Быковых был еще сын Владимир, умерший младенцем (12 июня 1859—30 августа 1860).

Мария Александровна Быкова, внучка А. С. Пушкина. Фотография начала 1880-х гг.

Николай Владимирович Быков, племянник Н. В. Гоголя, муж М. А. Пушкиной (Быковой). Фотография 1878 г.

Полтавы. С 1899 года он состоял неперменным членом губернского присутствия и председателем правления дворянской кассы. Последние десять лет, вплоть до смерти, был членом правления земельного банка. С 1909 года статский советник.

Супружество внучки Пушкина и племянника Гоголя оказалось исключительно счастливым — у Марии Александровны и Николая Владимировича было десять детей. О матери и отце своих с любовью рассказывала мне Софья Николаевна Данилевская:

— Когда я в тысяча девятьсот седьмом году вышла замуж за Сергея Дмитриевича Данилевского*, няня моих младших сестер говорила: «Желаю вам такой же хорошей жизни, какой живут Мария Александровна и Николай Владимирович». Действительно, отец и мать образцово прожили вместе тридцать семь лет. Между ними никогда не было ссор, хотя отец был строгий. Мои родители проявляли исключительную заботу о детях и друг о друге. Для своих сыновей и дочерей они были примером буквально во всем. Отец любил общество и выезды.

---

* С. Д. Данилевский — родственник русского и украинского писателя Г. П. Данилевского (1829—1890), автора исторических романов «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва» и других произведений.

Но он всегда знал пределы веселья и никогда не пил. Николай Владимирович был человеком передовых убеждений, ратовал за хорошую жизнь для крестьян, в земстве входил в «левое» крыло, возмущался столыпинской аграрной реформой. Крестьяне часто обращались к нему за советами, с различными просьбами. И он никому не отказывал. Необыкновенно доброй, чуткой была и мать. Живя в Васильевке, она оказывала бесплатную медицинскую помощь крестьянам, когда они страдали малярией и желудочными заболеваниями. Помогала и при увечьях, так как врач жил в двадцати верстах от Васильевки. В комнате матери стоял «аптекарский шкаф», так говорили в семье, в нем хранились градусники, медицинские весы, разновески, разные лекарства. В больших количествах были и дезинфицирующие средства. К тяжелобольным мать всегда ходила сама. Для крестьянских детей, которые не могли учиться в земской школе, Мария Александровна организовала воскресную школу, где обучала их азбуке и арифметике. Наиболее старательных учеников она награждала книгами, в том числе сочинениями Пушкина и Гоголя. Сама мать очень хорошо знала творчество обоих писателей, особенно любила пушкинское стихотворение «Зимнее утро», проникновенно пела русские песни и романсы. Она и детям крестьян прививала любовь к произведениям Пушкина и Гоголя, к литературе вообще. В воскресной школе мать устраивала с помощью отца новогодние елки, ребята ставили одноактные пьесы, например водевиль «Простак», написанный Василием Афанасьевичем Гоголем... Мария Александровна нередко приглашала деревенских ребят в гоголевский парк, там придумывала для них веселые игры. В этих играх принимали участие и я, и мои сестры, и старший брат Саша... В детстве мы, ребяташки, зимой не имели права выходить на улицу после четырех часов. Опаздывать домой боялись: отец строго следил за тем, чтобы никто из нас не нарушал заведенного им порядка. И вообще родители требовали от нас безусловного повиновения старшим...

Продолжая свои воспоминания об отце, Софья Николаевна в июне 1975 года писала мне: «Помню один случай, когда под Новый год я была приглашена к соседям и там познакомилась с известным в Полтаве хорошим хирургом. И вот он во время ужина встал... и, обратившись ко мне, сказал: „Поднимаю бокал в память отца Вашего Николая Владимировича Быкова, благодаря которому я достиг таких хороших знаний. Я хотел учиться в Швейцарии, закончить медицинское образование в Москве.

Меня, как «политически неблагонадежного», не отпустили. По ходатайству Вашего отца я получил разрешение».

«Так всякие несправедливости в отношении кого бы то ни было,— добавляла правнучка Пушкина в том же письме,— отец всегда старался исправить».

По словам С. Н. Данилевской, вечерами в кабинете отца собиралась вся семья. Н. В. Быков садился за письменный стол: он занимался не законченными на службе делами. Мария Александровна и дети располагались здесь же в комнате, но так, чтобы не мешать Николаю Владимировичу,— у каждого в руках была книжка или рукоделие. Эти памятные вечера Софья Николаевна называла «неповторимыми часами семейного уюта».

Несмотря на строгость Н. В. Быкова (это была строгость главы дома!), в семье его все любили, «льнули к нему». В молодые годы у Софьи Николаевны был даже «порыв написать книгу о том, как трудно и как необходимо хорошо прожить семейную жизнь, сколько нужно для этого дипломатии и душевного добра», показать это на примере жизни отца и матери.

Николай Владимирович Быков прекрасно играл в любительских спектаклях. Он обладал хорошим голосом. Сочинял стихи, романсы, шуточные пьесы, но нигде не печатал их, так как никогда не собирался стать профессиональным писателем.

Племянник Гоголя был близко знаком с Антоном Павловичем Чеховым, Григорием Петровичем Данилевским, Владимиром Галактионовичем Короленко*, Константином Константиновичем Случевским и другими литераторами, а также с выдающимся юристом и судебным оратором Анатолием Федоровичем Кони. Многие из них бывали в Васильевке. Там их тепло принимали и сам Николай Владимирович, и его жена Мария Александровна. Покидая дружную семью Быковых, гости оставляли свои подписи на... скатерти, и эти автографы потом бережно сохранялись: хозяйка дома и ее дочери вышивали фамилии стебельчатым швом или гладью.

В начале 1983 года памятная скатерть находилась в Москве, у Т. Н. и Г. А. Галиных — дочери и внука

---

* Когда в годы гражданской войны В. Г. Короленко организовал «Лигу защиты детей», он привлек к работе в ней и Марию Александровну Быкову.

первых ее владельцев. Среди уцелевших на ней автографов — подписи сыновей и дочерей Марии Александровны и Николая Владимировича Быковых, внушки Пушкина О. А. Павловой, некоторых других потомков поэта и родственников Гоголя, внушки Н. Н. и П. П. Ланских — Е. Н. Бибиковой, С. Д. Данилевского, а также троих детей поэта К. К. Случевского.

Георгий Александрович Галин помнит, что на скатерти были автографы и самого Случевского, и А. Ф. Кони, и В. А. Гиляровского. Их автографов, как и подписей внушки поэта А. А. Пушкиной, его правнучек М. П. и С. П. Воронцовых-Вельяминовых, теперь на скатерти нет, когда и кем они спороты — неизвестно. Зато сохранилась дата «З. VIII. 1908», вышитая, очевидно, в память о каком-то семейном торжестве.

По поводу этой семейной реликвии Г. А. Галин писал мне: «Мы предполагаем передать ее, как и некоторые другие вещи, в организуемый сейчас в Васильевке музей-заповедник Н. В. Гоголя»*.

Читая письмо праправнука Пушкина и правнучатого племянника Гоголя, я подумал: как хорошо, что эти исторически ценные предметы обихода, проделав немалый жизненный круг, возвращаются к своему истоку и еще долго будут служить людям, воспитывая их нравственно. Вернемся и мы, дорогой читатель, к рассказу о гоголевской Васильевке.

...Однажды на родину Гоголя приехал начинающий литератор Иван Алексеевич Бунин, служивший в то время статистиком в Полтавской губернской земской управе. Побродив по саду, осмотрев усадьбу гениального писателя, он, однако, в дом Быковых не зашел: видимо, постеснялся беспокоить хозяев.

С Н. В. Быковым был дружен на редкость колоритный человек, интересный писатель и талантливый журналист Владимир Алексеевич Гиляровский (1853—1935). У полтавских потомков Пушкина и сейчас имеются его автографы. Гиляровский два раза приезжал к Быкову в Васильевку, а Николай Владимирович, бывая в Москве, останавливался в семье Гиляровского.

О первом — в 1899 году — посещении гоголевской Васильевки и о состоявшейся там встрече с супружеской

---

* Через несколько месяцев Георгий Александрович действительно передал эти фамильные предметы домашнего обихода в Государственный музей-заповедник Н. В. Гоголя.

четой Быковых Владимир Алексеевич рассказал в очерке «По следам Гоголя». Он писал, что с первых же минут знакомства «пошел разговор такой, будто встретились друзья после долгой разлуки».

«Оказалось, — продолжал Гиляровский, — что Н. В. Быков сам интересовался до мелочи всем, что касалось его гениального дяди, и сам владел еще многими интересными реликвиями, кроме тех, которые им уже ранее были пожертвованы в Румянцевский музей.

Передо мной раскрылся целый музей реликвий, рассмотрению которых я посвятил день и почти всю ночь. На другой день я посетил сестру писателя, Ольгу Васильевну Головню, и застал ее в то время, когда она только что вернулась с пасеки из Яворщины, верстах в трех, в степи, где когда-то любил бывать и Гоголь.

...Ольга Васильевна была еще бодрой старушкой, интересующейся хозяйством и деревенской жизнью. Она плохо слышала, но любила поговорить о прошлом...»⁶

Гиляровский близко сошелся с Николаем Владимировичем, подружился и с Марией Александровной, которую отличал редкостный дар непринужденного общения с людьми. Младшие дети Быковых, жившие тогда еще с родителями в Васильевке, очень любили Гиляровского и по его желанию называли гостя «дядя Гиляй».

В гоголевском имении с Владимиром Алексеевичем произошел такой случай. Шел он по двору, а навстречу — разъяренный бык. Другой бы растерялся, Гиляровский — ничуть: он схватил быка за рога с такой силой, что тот «не смог шевельнуть головой». Даже через семьдесят с лишним лет после этого происшествия полтавские потомки Пушкина с восхищением рассказывали о поразивших их семью необычайной физической силе и мужестве дяди Гиляя.

Вспоминая приезды В. А. Гиляровского в Васильевку, Татьяна Николаевна Галина отмечала, что там, в отцовской усадьбе, в годы ее детства и юности было «оживленно, много пели, всегда слышалась музыка, играли в теннис — в общем, каникулы проводили весело».

...Наталье Сергеевне Савельевой было шесть лет, когда умер ее дедушка, Н. В. Быков. Помнит она его плохо и знает о нем в основном по рассказам матери, С. Н. Данилевской. Зато охотно, с удовольствием делится воспоминаниями о бабушке, пережившей мужа более чем на двадцать лет:

— Мария Александровна в совершенстве владела

французским языком. Кроме того, она хорошо знала немецкий и английский. Помню, как бабушка, пробегая глазами французский текст, тут же переводила его вслух на русский язык. Даже в последние годы жизни она читала газеты, книги, была всегда в курсе всех важных мировых событий. Мария Александровна до глубокой старости сохранила прекрасное зрение — очки никогда не носила. Она была необычайно подвижна. Очень любила порядок в доме. Именно от бабушки я больше всего узнала об истории нашей семьи, о Пушкине и Гоголе...

После смерти мужа внучка Пушкина жила в основном в семье дочери Софьи, умело, с любовью воспитывала ее детей. Позднее, когда внуки подросли, на зиму она обычно уезжала к другой дочери, Татьяне, — вначале в Ростов-на-Дону, затем в Москву. В Москве нередко гостила у своей сестры Анны.

К памяти Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных М. А. Быкова относилась с глубокой любовью, почтительно. Когда в начале 1930-х годов она посмотрела кинофильм «Поэт и царь», домой пришла расстроенная. Ее возмутило то, как изображена в фильме Н. Н. Пушкина. «Бабушку можно было, — говорила Мария Александровна близким, — обвинить в некотором легкомыслии, которое было свойственно тогда всем светским женщинам. Но как жена и мать Наталья Николаевна была человеком порядочным...»

Так же дорого было ей все, связанное с Гоголем. Она бережно хранила некоторые личные вещи обоих писателей — своих родственников.

Среди самых дорогих семейных реликвий, поступивших в Полтавский краеведческий музей от Николая Владимировича Быкова (в 1918 году) и от его вдовы Марии Александровны (в 1919—1921 годах), были портрет Гоголя, написанный в Италии Ф. А. Моллером для матери писателя; золотые карманные часы Пушкина, которые после его смерти перешли к В. А. Жуковскому, а последним в 1838 году подарены Гоголю; портрет Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, написанный Софьей Александровной Пушкиной (урожд. Ланской).

В тот же музей Быковы безвозмездно передали шкаф с книгами Н. В. Гоголя, его конторку, стулья, чемодан с личными вещами писателя. Это мемориальное имущество хранилось в специально оборудованной Гоголевской комнате и почти полностью погибло во время Великой Отечественной войны, когда фашисты, покидая Полтаву, подожгли музей.

...На Полтавщине прошли многие годы жизни внучки Пушкина и племянника Гоголя — Марии Александровны и Николая Владимировича Быковых. В Полтаве, на Монастырском кладбище, покоится их прах. Светлая память о них, связавших родственными узами семьи двух гениальных писателей России, будет жить вечно⁷.

«...Не любил... визиты к царю»

Двухэтажный деревянный дом, в котором было двенадцать обжитых, уютных комнат, небольшой флигель, конюшня и немногочисленные службы стояли на горе. А внизу спокойно, медленно текла река Северка. Усадьбу окружал прекрасный яблоневый сад. От балкона дома шла прямая розовая аллея, делившая пополам хорошо спланированный парк. Здесь, в Ивановском, росли не только характерные для парковых ансамблей середины России дуб, клен и липа, но и грецкий орех...

В этой тихой барской усадьбе прошли многие годы жизни А. А. Пушкина — внука поэта и трехкратного тезки своего отца. Александр Александрович любил Ивановское. В подмосковной деревне, владельцем которой он стал после смерти матери, все напоминало дорогих ему людей: и отдыхавшую здесь когда-то бабушку Наталью Николаевну, и молодых родителей, проживших в имении несколько счастливых послесвадебных лет.

Когда А. А. Пушкин-сын прочно обосновался в Ивановском (местные жители до сих пор называют несохранившуюся усадьбу не иначе как «имение Пушкино»), А. А. Пушкин-отец уже редко приезжал на берега Северки. Годы брали свое: в стареющем генерале постепенно гасла «охота к перемене мест», и он, основательно осев в Москве, лишь на лето — да и то не каждый год — выезжал или в нижегородскую Львовку, или в Малое Останкино под Каширой... Там его меньше тревожили печальные воспоминания о прошлом. А в Ивановском они оживали, от них нельзя было уйти. Сюда, на крестины внука, его Сашки, теперь взрослого человека, приезжала мать*. Здесь он всюду видел и следы недолгой жизни любимой жены — Софьи: то попадались на глаза читанные ею книги, то крес-

---

* В литературе встречаются упоминания о том, что вскоре после рождения сына Саша А. А. Пушкин переехал в Москву, куда и приезжала крестить внука Н. Н. Пушкина-Ланская. В других авторитетных источниках говорится, что крестины состоялись в Ивановском.

ло, на котором она сживала в спокойный вечерний час. Или вдруг в ящике стола неожиданно отыскивался рисунок, сделанный ее рукой.

Но генерала радовало то, что в дорогом для него Ивановском поселился старший сын и что он, человек честный (в Пушкиных!), с усердием, ревностно служит благу народному, в новые для себя обязанности земского деятеля вникает серьезно, а к людям относится душевно, заботливо.

Тридцать лет назад здесь же, в Бронницком уезде, он, Александр Александрович-старший, и сам сделал немало доброго для простых людей, чем заслужил их благодарную память. Отцу, отдавшему всю жизнь служению России, думалось, что и Александр Александрович-младший сделает для крестьян все, что будет в его силах.

* * *

Саша был четвертым ребенком в семье А. А. Пушкина. Как и отец, он учился в Пажеском корпусе. В ноябре 1883 года Александр окончил курс по второму разряду и был выпущен корнетом в 44-й драгунский Нижегородский полк, стоявший в Пятигорске. Весной 1888 года произведен в поручики¹. А через год из-за слабого здоровья вышел в отставку и поселился в имении Ивановском.

В 1890 году Александр Александрович был назначен земским начальником Бронницкого уезда. В 1897 году его избрали председателем земской управы. Во главе земства в Бронницах, за исключением четырехлетнего перерыва, А. А. Пушкин оставался до конца жизни.

26 мая 1899 года, в день 100-летнего юбилея А. С. Пушкина, внуку поэта было пожаловано звание камер-юнкера. В том же году он стал уездным предводителем дворянства. От этой должности А. А. Пушкин отказался по болезни в январе 1914 года. Долгие годы он состоял также членом учетно-ссудного комитета Московской конторы государственного банка по сельскохозяйственным кредитам.

В 1913 году Александр Александрович получил придворное звание камергера. Это обязывало его ежегодно бывать при дворе в Петербурге. Но внук поэта, по словам Е. И. Емельяновой, дочери его гражданской жены А. П. Зейлих (урожд. Савицкой) от первого брака, «не любил эти визиты к царю и всегда с большой неохотой доставал свои придворные мундиры».

Зато всегда с радостью он проявлял заботу о крестьянах Бронницкого уезда. Так, в бытность свою председателем

Александр Александрович
Пушкин, внук А. С. Пуш-
кина, с дочерью Катей.
Фотография 1909—
1910 гг.

земской управы А. А. Пушкин построил в деревне Коняшино санаторий для больных туберкулезом, чем вызвал неудовольствие окрестных помещиков, которых шокировал... «либерализм» внука Пушкина. Та же Е. И. Емельянова рассказывала: «Недалеко от Бронниц по Казанской железной дороге есть местечко Гжель (рядом станция Григорово), где находится известная фарфоровая фабрика... Все коняшинские крестьяне работали на гжельской фабрике. Многие из них болели туберкулезом.

Хозяин фабрики, богатый капиталист, умирая, назначил Александра Александровича своим душеприказчиком, оставив на его усмотрение все свои деньги, на которые тот и построил санаторий для рабочих. А. А. Пушкин посылал даже некоего доктора Белкина за границу — в Швейцарию, Италию, Францию, — с тем чтобы узнать, как такие санатории надо строить. Я знала двух учителей земской школы, которые успешно вылечились в коняшинском санатории».

При активном содействии Александра Александровича была открыта за счет земства и новая больница в Бронницах.

Когда известный писатель Н. Д. Телешов захотел на собственные средства построить в деревне Колонец лечебницу для крестьян и встретил равнодушие губернских властей (из Москвы долго не отвечали на его ходатайство), А. А. Пушкин, по свидетельству Варвары Дмитриевны Терещенко (1885—1976), бывшей в те годы письмоводителем в Бронницкой земской управе, «лично вмешался и добился разрешения на постройку сельской больницы, которая существует и сейчас»².

В 1914—1915 годах внук Пушкина много сил отдавал работе в Бронницком комитете Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам. Его стараниями было также значительно улучшено медицинское обслуживание населения уезда.

Внук поэта заботился и о народном просвещении. Е. И. Емельянова вспоминала, что в Бронницком уезде «благодаря Александру Александровичу было построено много новых школ для обучения детей крестьян и рабочих, с очень хорошими условиями для учителей. Были построены и две гимназии в Бронницах — мужская и женская». А. А. Пушкин являлся также одним из учредителей бронницкой библиотеки, которая существует и ныне.

В 1913—1914 годах Александр Александрович был попечителем пяти земских училищ: Воскресенского — Рождественской волости, Колупаевского и Слободинского — Вохринской, Никулинского — Михалевской, Никулинского — Салтыковской волости. Небезынтересно отметить, что в пяти училищах в ту пору насчитывалось 357 учащихся, которых обучали... 8 учителей. Даже в Никулинском училище Михалевской волости, где было 100 учащихся, работали всего два педагога.

Земская управа во главе с А. А. Пушкиным принимала энергичные по тому времени меры для срочной подготовки учительских кадров. В одном из докладов Бронницкой уездной земской управы по вопросам народного образования отмечалось, что с 1 по 30 июня 1914 года в Бронницах были организованы педагогические курсы, на которые пригласили 180 человек. Для этой цели ассигновали 4800 рублей: 800 рублей выделило уездное земство, столько же — губернское, 3200 рублей — министерство народного просвещения. На курсах учителя пользовались бесплатным жильем и питанием. «Заботу о питании (хозяйственным способом) принял на себя председатель управы А. А. Пушкин»³.

В 1905 году черносотенцы разгромили Малышевскую школу Бронницкого уезда, а учителей уволили, установив за ними надзор полиции. Александр Александрович поза-

ботился о том, чтобы все они были восстановлены на работе.

При Бронницкой земской управе А. А. Пушкин организовал «кассу взаимного кредита», где крестьяне могли брать напрокат различные сельскохозяйственные машины, выдавались и семена. Александр Александрович выписывал из-за границы редкую в те годы породу кур (плимутрок) и раздавал их яйца крестьянам — с целью разведения этой ценной домашней птицы. Роздал он жителям округа и семена полученного из-за границы высокоурожайного картофеля, за которым закрепилось потом название «бронницкий».

«Помню совершенно точно,— говорится в одном из писем А. К. Савицкого, племянника А. П. Зейлих,— что, когда крестьяне косили на земле А. А. Пушкина исполу, он никогда не проверял свою долю и говорил, что верит им на слово».

Будучи человеком большой чистой души, А. А. Пушкин все свои силы отдавал людям, хотел, чтобы им жилось лучше. Он оставался всегда жизнерадостным, милым, обаятельным человеком. Особенно когда его окружали дети. Александр Константинович Савицкий писал: «Каких только игр не придумывал дядя Саша! Фантазия у него была неиссякаемая. Хорошо запомнился мне один эпизод. Мне было тогда 10 лет. Я и мой младший брат решили построить настоящую лодку. Александр Александрович взялся нам помогать, и когда все было готово, с гордостью взирали мы на дело рук своих, сами того не сознавая, что это, собственно говоря, дело рук дяди Саши».

Александр Константинович и через семьдесят лет с благодарностью вспоминал, как в один из приездов в Москву А. А. Пушкин помог ему, своему крестнику*⁴, «одолеть спряжение французских глаголов, причем сделал он это очень умело и повернул все так, будто и трудности здесь никакой не было».

Когда в апреле 1914 года погиб в авиационной катастрофе отец А. К. Савицкого, Константин Петрович, А. А. Пушкин принял участие в судьбе его детей. «Только благодаря его хлопотам,— сообщал Александр Константинович,— меня и брата приняли в седьмую московскую гимназию и пансион на казенную стипендию».

---

* Крестили Александра Савицкого 1 декабря 1902 года. Восприемники — А. А. Пушкин и графиня З. В. Толстая. 25 марта 1904 года Александр Александрович поздравил К. П. Савицкого и его жену Маргариту Александровну с рождением их младшего сына — Константина и пожелал «всякого счастья в жизни новорожденному».

Характеризуя внука поэта, А. К. Савицкий подчеркивал его «подлинную демократичность»: «Александр Александрович требовал от нас в наших играх с деревенскими детьми соблюдения полного равенства в обращении».

«Я поступила в управу приблизительно в 1899 году и проработала там двенадцать лет, — вспоминала В. Д. Терещенко. — Александр Александрович... был простой и хороший человек, готовый помочь каждому. Это я испытала на себе. Мой отец работал в этой управе, не помню, при каком председателе; он умер, и нас у матери осталось трое детей. Когда товарищи отца, продолжавшие работать в управе, обратились к Александру Александровичу... мне было дано направление в учительскую семинарию. Но так как я там испытания не выдержала, меня взяли ученицей в земскую управу, конечно, не без ведома А. А. Пушкина.

Человек он был воспитанный, я никогда не слыхала, чтобы Александр Александрович грубо разговаривал со служащими. Поэтому его уважали все».

В память о внуке поэта Варвара Дмитриевна многие десятилетия хранила фотографию группы служащих земской управы, где сняты и А. А. Пушкин, и В. Д. Терещенко, в то время двадцатилетняя девушка. Незадолго до смерти⁵ она передала этот снимок в бронницкую библиотеку, где проработала сорок три года.

Варвара Дмитриевна рассказывала, что А. А. Пушкина до последнего года его жизни часто можно было видеть на площади в центре Бронниц, у Архангельского собора (сооружен в 1705 году), возле которого похоронены декабристы Михаил Александрович Фонвизин и Иван Иванович Пущин — «друг бесценный» А. С. Пушкина. Александр Александрович приходил к обнесенным чугунной оградой черным гранитным памятникам на могилах декабристов, чтобы почтить память «передовых людей России»*.

Крестьяне относились к внуку Пушкина сердечно, с доверием. Им было за что уважать Александра Александровича. Жительница Бронниц Зинаида Васильевна Досекина, в прошлом агроном, рассказала интереснейший случай, свидетелем которого был ее муж А. В. Шалин — уездный агроном при А. А. Пушкине.

На одном из заседаний земской управы, посвященном вопросам кооперативного движения (этому новому в деревне делу внук поэта придавал особое значение⁶), с до-

---

* М. А. Фонвизин и И. И. Пущин провели свои последние годы в имении Марьино под Бронницами.

кладом выступил приглашенный А. А. Пушкиным крестьянин Сергей Тимофеевич Малинин.

Александр Александрович внимательно слушал рассуждения крестьянина, изредка записывая что-то в блокнот.

Во время доклада С. Т. Малинина член земской управы князь Ливен сидел подчеркнуто развязно. Когда А. А. Пушкин спросил у князя, есть ли у него возражения против доводов Малинина, тот гневно воскликнул: «Считаю ниже своего достоинства возражать мужику!» И Александр Александрович, человек интеллигентный, всегда корректный, резко осуждающе отнесся к этой выходке Ливена.

Уделяя много внимания простым людям, защищая их от произвола богатых, Александр Александрович Пушкин, казалось, вовсе не думал о себе, о собственном быте, хотя здоровье его с каждым годом ухудшалось: у него была чихотка. «Пушкины все были нехозяйственны,— писала Е. Н. Бибилова.— В Ивановском земля была плохая и сдавалась крестьянам в аренду; у них были две коровы и куры, и арендной платы часто не хватало на уплату банку и налогов. В 1905 году Пушкин продал землю в крестьянский банк, оставив себе усадьбу и участок для ценза, и переехал в Бронницы»⁷.

Приведу любопытный факт, относящийся к последним годам жизни А. А. Пушкина.

В январе 1912 года в «Голосе Москвы» было опубликовано в связи с 75-летием со дня гибели А. С. Пушкина интервью с внуком поэта:

«— Имеются ли лично у вас рукописи деда?

— Была небольшая рукопись с различными заметками деда, с записанными им анекдотами. Я открыл ее случайно. Осматривая как-то портфели, в которых находились... рукописи деда, в одном из отделений я нашел конверт с небольшой тетрадкой. Вероятно, те, кто вынимал рукописи из портфеля, недоглядели, что остался еще один конверт. Я берег записи деда, как драгоценность, и всегда имел эту тетрадку при себе. Увы! Во время поездки по железной дороге у меня вырезали карман, в котором находились различные бумаги и в том числе дедовская рукопись. Много я волновался по этому поводу, но рукопись так и сгнула. Какова ее судьба? Может быть, она попала в руки какого-нибудь старьевщика и стала достоянием коллекционера. Может быть, ее порвали, как ненужную вещь...»^{*8}.

---

* Эта рукопись Пушкина так и осталась найденной.

Умер А. А. Пушкин 3 марта 1916 года⁹. Погребен в Бронницах. Могила не сохранилась.

* * *

Особая заслуга Александра Александровича Пушкина в том, что он передал в 1906 году в Пушкинский Дом библиотеку поэта.

Как уже говорилось, в 1860-х годах старший сын Пушкина перевез книги отца в село Ивановское Бронницкого уезда. После смерти С. А. Пушкиной (Ланской) Ивановское было продано, и библиотеку А. С. Пушкина вывезли в Лопасню. Однако в конце 1880-х годов, когда, находясь уже в отставке, А. А. Пушкин (внук) вновь купил село Ивановское и поселился в нем, пушкинская библиотека возвратилась в эту усадьбу.

Первый шаг к обследованию и изучению библиотеки поэта сделал академик Леонид Николаевич Майков, вице-президент Академии наук, готовивший в 1890-х годах материалы к академическому изданию сочинений Пушкина. Ознакомившись, по предложению внука поэта, с замечаниями А. С. Пушкина на полях книги К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе», изданной в 1817 году, он сумел правильно оценить значение пушкинских помет и ценность библиотеки в целом. И в 1899 году, вскоре после юбилейных пушкинских торжеств, Майков вступил в переговоры с А. А. Пушкиным, желая ознакомиться со всей библиотекой. В апреле 1900 года, когда разрешение на это было получено, Л. Н. Майков умер.

Начатое Леонидом Николаевичем дело продолжил Б. Л. Модзалевский. В сентябре 1900 года он приехал в Ивановское, где, по его собственным словам, «встретил со стороны А. А. Пушкина самый радушный прием»¹⁰.

Библиотека оказалась в состоянии далеко не удовлетворительном: из-за неоднократных перевозок книги помялись, растрепались, многие были попорчены мышами и сыростью, наконец, в библиотеку попали и явно случайные книги, то есть изданные после смерти Пушкина и, следовательно, ему не принадлежавшие. Часть же книг раздарена Александром Александровичем-младшим разным лицам или просто пропала: более чем шестидесятилетнее странствование библиотеки с места на место не могло не сказаться отрицательно на ее сохранности.

Стараниями Бориса Львовича пушкинскую библиотеку уложили в тридцать пять ящиков, которые на подводах доставили до Бронниц, а затем по железной дороге в Петербург.

Книги Пушкина временно поместили в Славянское отделение Академии наук, где Б. Л. Модзалевский производил научное описание их и систематизацию. Молодой ученый пересмотрел всю библиотеку, зафиксировал все пушкинские пометы на страницах книг, его рисунки, надписи дарителей и т. д. Несмотря на то что от книжной пыли у Модзалевского серьезно заболели глаза, он довел до конца эту колоссальную, самоотверженную работу. В 1910 году был напечатан подготовленный Борисом Львовичем полный каталог библиотеки А. С. Пушкина. Он составил девятый и десятый выпуски издания «Пушкин и его современники».

Касаясь истории библиотеки, напомним некоторые факты. В 1906 году к Б. Л. Модзалевскому «явился некто Мотковский,— говорится в «Дневнике» чиновника особых поручений при Академии наук В. А. Рышкова (запись от 26 января 1906 года),— и, заявив, что он поверенный А. А. Пушкина (младшего), предложил, не желает ли Академия купить библиотеку поэта», потому что Александр Александрович «заложил ее кому-то... за 17 000 р. и надо, чтобы она не перешла в руки этого инкогнито, в марте заплатить 20 000 р.* У Модзалевского, конечно, «глаза и зубы разгорелись».

Три месяца спустя, когда в Академии наук узнали, что «доклад о библиотеке государем утвержден», Мотковскому официально сообщили, что, «как только будет открыт кредит и ассигнованы деньги», Академия приобретет библиотеку Пушкина¹¹.

В конце апреля после соблюдения всех формальностей книги, принадлежавшие великому поэту, были наконец куплены у его внука в казну. Они стали первым поступлением в только организованный Пушкинский Дом. И первым ученым хранителем их был Б. Л. Модзалевский.

Библиотека А. С. Пушкина в настоящее время насчитывает около 3600 томов 1525 названий, из них только три названия поступили не от А. А. Пушкина, а позднее. Две трети книг — на шестнадцати иностранных языках, преимущественно на французском. Более 50 томов хранят пушкинские пометы и закладки с автографами, его рисунки. Свыше 80 книг — с дарственными надписями писателей, в том числе Адама Мицкевича, Е. А. Баратынского,

---

* В это время А. А. Пушкин, очевидно, очень нуждался в деньгах: сойдясь с А. П. Зейлих, он содержал и шестерых ее детей от брака с И. Е. Зейлихом.

Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского, И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, И. И. Лажечникова...^{*12}.

«Живая пушкинская энциклопедия»

Из внуков Пушкина, живших в нашей стране, последней скончалась в Москве Анна Александровна Пушкина. Это было 5 июня 1949 года, накануне 150-летия со дня рождения поэта.

— Тетя Анна,— вспоминала правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Шепелева,— была любимой дочерью Александра Александровича. И вообще ее любили все, кому приходилось встречаться с нею. В кругу родных и друзей Анна Александровна интересно рассказывала о Пушкине и Наталье Николаевне. В ее памяти хранилось множество семейных преданий о них. К сожалению, никто из пушкинистов ее рассказы не записал, и многое из того, что было известно тете Анне, утрачено навсегда. Конечно, в моей памяти, как и в памяти некоторых других родственников Анны Александровны, сохранились какие-то семейные воспоминания о Пушкине, которыми его внучка делилась с нами. А много она знала потому, что у своего отца, любимца Пушкина и Натальи Николаевны, пользовалась особым доверием. Собственной семьи у тети не было, и всю свою нежную, благородную душу она отдала близким. Александр Александрович говаривал: «Больше всего уважаю тех, кто живет ради счастья других». Эти слова дедушки я в первую очередь адресую Анне Александровне. Вот яркий пример. В 1935 году совсем молодой, на тридцать третьем году, скончалась моя сестра Марина Сергеевна... Тут я должна прервать свой рассказ,— горестно вздохнула Наталья Сергеевна,— чтобы сказать несколько слов о сестре. Марина отличалась мягким, жизнерадостным характером. В школе, бывшей гимназии Надежды Павловны Хвостовой, ее необычайно любили все подруги, тепло относились к ней и педагоги, потому что она сама всегда была доброжелательна к людям. Отлично окончив учение, восемнадцатилетняя Марина в трудные для нас годы, шла гражданская война, стала работать и оказывать посильную помощь семье. Поз-

---

* В Пушкинском фонде Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится каталог библиотеки А. С. Пушкина, составленный его внучкой Верой Александровной Пушкиной (позднее, в замужестве, Мезенцова) в 1898 году в селе Ивановском.

Анна Александровна Пушкина, внучка А. С. Пушкина. Фотография 1930-х гг.

Марина Сергеевна Мезенцова, правнучка А. С. Пушкина. Фотография 1932 г.

же, уже будучи замужем, имея детей и находясь в разводе с мужем, она до последних своих дней трудилась в чудесной библиотеке Исторического музея, где пользовалась большим уважением и любовью всего коллектива.

Там же занимал руководящую должность известный и всеми уважаемый профессор Иван Никанорович Розанов, который в годы нашего с сестрой учения в школе преподавал у нас русскую литературу. Зная сестру и ее трудную жизнь, Иван Никанорович относился к ней с большим вниманием. Марина Сергеевна была музыкальна, играла на рояле, страстно любила театр. Мы с сестрой, не задумываясь, отправлялись стоять с пяти часов утра в очереди, зимой у костра, около Большого театра, чтобы с открытием кассы приобрести билеты на оперу за ее собственные деньги. Еще ее страстью было чтение. С детских лет она почти все свободное от уроков время отдавала русским, французским и английским книгам. Русская литература была ей особенно близка. В детстве Марина не любила играть и всегда была очень серьезной. Близкие люди называли ее «Татьяной», имея в виду

героиню пушкинского романа «Евгений Онегин». Пожалуй, сходство действительно существовало. К несчастью, сестру с детских лет преследовала скарлатина. От этой тяжелой болезни скончалась и наша мама, когда Марине было шесть лет, мне — четыре, а нашему брату Саше* едва исполнился год... Так вот, как я уже сказала, в тысяча девятьсот тридцать пятом году сестры не стало: ее свела в могилу скарлатина. Сотрудники Исторического музея, опечаленные кончиной Марины Сергеевны, добились разрешения взять из хранилища и возложить на ее могилу большой и очень красивый венок, художественно сделанный из металлических зеленых листьев и чудесных фарфоровых роз... После похорон сестры ее детей, девятилетнего Сережу и восьмилетнего Боря Герингов, взяла к себе Анна Александровна Пушкина, наша тетя. Именно она вырастила и воспитала их...

Дополняя свои воспоминания об А. А. Пушкиной, Н. С. Шепелева писала мне:

«Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что в последнее десятилетие и даже больше в ее жизни я была самым близким к ней человеком. Мне было 14 лет, когда Анна

---

* Александр Сергеевич Мезенцов был разносторонне одаренным юношей, увлекался всякими механизмами, водным спортом, музыкой, рисованием, историей искусств, много читал. По свидетельству Н. С. Шепелевой, Александр любил беседовать с А. А. Пушкиной, которая регулярно занималась с ним. «Александр Сергеевич Пушкин был часто темой этих бесед, к которым присоединялся и мой отец (Сергей Петрович Мезенцов), и тогда начинался разбор и восхищение различными отрывками из его поэм и стихов».

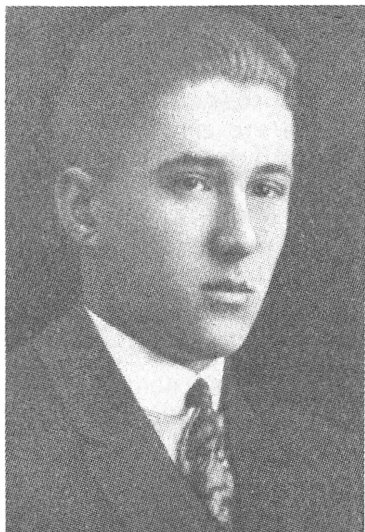
Жизнь А. С. Мезенцова, студента Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, оборвалась в 24 года.

«В 1930 году осенью,— писала мне Наталья Сергеевна,— Александра арестовали. Обвинение было вымышленное (якобы участие в заговоре молодежи), но по приговору он был отправлен в концлагерь на Попов остров, на Севере. В очень трудных условиях на лесозаготовках брат протрудился и тяжело заболел. Тем временем был пересмотрен приговор — и ему, как правнуку А. С. Пушкина, заменили лагерь на ссылку... в город Минусинск. Когда (мы) его наконец разыскали, болезнь перешла в туберкулез легких, и, проболев около года, брат скончался... Месяца за два до кончины он получил полное освобождение и переехал в Москву».

Одновременно с А. С. Мезенцовым был арестован и отец — Сергей Петрович. Вначале его сослали в Нарым, потом перевели в Минусинск. Там, в Минусинске, некоторое время Мезенцовы вместе отбывали незаслуженное наказание. Вскоре после смерти сына С. П. Мезенцов был освобожден. Однако в 1937 году, когда Сергею Петровичу шел семьдесят второй год, его снова арестовали.

В цитированном выше письме Н. С. Шепелева с душевной болью сообщала, что отец был «приговорен тройкой к десяти годам режимного лагеря без права переписки. Только в 1956 году объявили его реабилитацию и смерть в 1945 году».

Александр Сергеевич Мезенцов,
правнук А. С. Пушкина. Фото-
графия 1928 г.

Александровна вошла в мою семью и стала жить вместе с нами бок о бок в одной квартире и одними с нами интересами. Вся моя отроческая и сознательная жизнь прошла у нее на глазах. Вся моя семья стала давно и ее семьею. А в последние годы мы стали друг другу особенно близки. Любовь к моей покойной сестре Марине Сергеевне она перенесла и на ее детей.

Мы часто с нею бывали вдвоем и в трудных обстоятельствах войны, и в разных других переживаниях. Отсюда и частые обмены мыслями между нами, и многие разговоры. Ее суждения и воспоминания всегда были точны, правдивы, лишены всяких прибавлений».

Сергей Борисович Пушкин, праправнук поэта и воспитанник А. А. Пушкиной, рассказывал:

— Анну Александровну мы с братом Борей звали бабушкой...* И обращались к ней всегда на «вы». Но чувствовали мы себя свободно, легко. Человек умный, мудрый и деликатный, бабушка осуществляла моральный контроль над нами как-то ненавязчиво, неназойливо. Но этот контроль был очень действенным. Видимо, потому, что в Анне Александровне гармонично сочетались большая

---

* В действительности она была сестрой их бабушки Веры Александровны Мезенцовой, умершей задолго до рождения Сережи и Бори Герингов.

ее доброта с принципиальностью, верностью своим убеждениям. Право носить фамилию прапрадеда мы с братом получили после Великой Отечественной войны, в сорок шестом году, хотя Анна Александровна собиралась выхлопотать это еще к нашему совершеннолетию... Помешала война. Для бабушки была характерна какая-то непосредственная близость к Пушкину. Это проявлялось буквально во всем. Анна Александровна называла Пушкина по-родственному просто дедом, и это в ее устах звучало естественно. Бабушка и внешне была поразительно похожа на Пушкина. От отца, Александра Александровича, она много знала об Александре Сергеевиче Пушкине. Но рассказывала о нем только очень близким людям. Из братьев и сестер своих бабушка особенно любила Григория Александровича. Возможно, из-за сходства их характеров. Анна Александровна была человеком исключительно эрудированным, хотя регулярного образования и не получила. В детстве и юности она училась у хороших домашних учителей. А затем всю жизнь занималась самообразованием. У бабушки были редкие способности, особенно к литературе и языкам. Кроме французского, она знала немецкий, английский и итальянский языки. Родственники и друзья шутили: «Анна Александровна по-английски говорит лучше, чем англичане». Она живо интересовалась также историей, искусством и архитектурой...

Живущая в Полтаве праправнучка поэта Наталья Сергеевна Савельева вспоминала, что, когда А. А. Пушкина, женщина большого самообладания, оказывалась в сложных жизненных ситуациях, она нередко терялась, становилась крайне беспомощной. Сказывалась, видимо, наследственная черта Пушкиных. Ведь подобное случилось порой и с Александром Сергеевичем, особенно когда он попадал в незнакомое общество или находился среди людей, чуждых ему по духу.

Интересным дополнением к рассказам Н. С. Шепелевой, Н. С. Савельевой и С. Б. Пушкина являются заметки и небольшие статьи об А. А. Пушкиной, опубликованные в разное время в газетах и журналах. Их авторы обращали особое внимание на внешнее сходство внучки поэта с А. С. Пушкиным: «Очень похожа на поэта Анна Александровна. Несмотря на годы — лицо молоджавое, выражение каждую минуту меняется, и особенно по-пушкински живут глаза»¹.

«Овал лица, разрез глаз, нос и эти особенные «пушкинские» руки — узкие, маленькие, с длинными, тонкими пальцами...»² — всеми этими чертами Анна Александров-

Анна Александровна Пушкина, внучка А. С. Пушкина. Фотография 1949 г.

на, по словам автора другой заметки, напоминала своего незабвенного деда, гордость и славу русской поэзии.

Любопытный эпизод привела в одной из работ Т. Г. Цявловская: «Когда художник П. П. Кончаловский приступал к своей картине «Пушкин», он советовался со мной, где бы найти какие-нибудь личные вещи Пушкина (одеяло, халат и пр.). Я сказала, что, может быть, найдется что-нибудь у его внучки Анны Александровны. Кончаловский отправился к ней. Когда она открыла ему дверь, он ахнул и стал обнимать эту старую женщину: так велико было сходство с Пушкиным*. Кончаловский делал с нее наброски для освоения лица Пушкина»³.

В приводившихся выше воспоминаниях Н. Г. Ураносова также есть упоминание об Анне Александровне: «...вид у нее был очень приятный, и из всех детей Ал. Ал., которых мне приходилось видеть, она больше всех имела сходство с А. С. Пушкиным».

---

* Над картиной «Пушкин» П. П. Кончаловский работал в 1930—1932 годах, но дописывал ее вплоть до 1951 года. Встреча же художника с А. А. Пушкиной произошла, по словам Н. С. Шепелевой, в квартире ее сестры М. С. Мезенцовой не позже зимы 1934/35 года. «Маленькая тетя Анна,— вспоминала М. С. Мезенцова о встрече П. П. Кончаловского с внучкой поэта,— утонула в объятиях большого Петра Петровича».

Хорошо знавший А. А. Пушкину автор ряда популярных статей о потомках поэта, писавший под псевдонимом Э. Гард*, отмечал, что когда внучка поэта «поднимает ясные, совсем молодые глаза и улыбается немного смущенно», то невольно вспоминаются «такой же взгляд, те же широко поставленные глаза» на известных живописных изображениях Пушкина⁴.

А Софья Павловна Вельяминова подчеркивала, что глаза у Анны Александровны «даже в старости были с голубинкой — значит, в молодости голубые, как у Александра Сергеевича, — и с легкой косинкой Натальи Николаевны», но она, продолжала правнучка поэта, «была похожа на Александра Сергеевича не только лицом»: в ее нраве легко обнаруживался африканский характер деда. «Надо было слышать хоть раз, — читаем в том же письме Софьи Павловны, — ее гневное «Ах-х!», чтобы увидеть, что ее темперамент не кроткий, а только выдержанный...» По словам С. П. Вельяминовой, Анна Александровна, «с семнадцати лет живя оторванной от семьи, очень ценила семью родных, но у мачехи с отцом никогда не жила».

До самой смерти внука поэта хранила священную для нее реликвию — печатку Пушкина из дымчатого топаза, на которой выгравированы латинским шрифтом инициалы «А. Р.» (Александр Пушкин). Ее подарила поэту Мария Николаевна Волконская (урожд. Раевская) незадолго до отъезда в Сибирь к мужу — декабристу Сергею Григорьевичу Волконскому. Теперь печатка является собственностью С. Б. Пушкина. По семейным преданиям, вдова поэта Наталья Николаевна и сын, Александр Александрович, хотели, чтобы эта печатка всегда находилась у кого-нибудь из потомков Пушкина.

У Анны Александровны Пушкиной хранились и многочисленные личные вещи ее бабушки Н. Н. Пушкиной.

Внучка поэта не раз рассматривала альбом Натальи Николаевны. Ей было известно со слов Марии Александровны Гартунг, кто изображен на его страницах. Благодаря Анне Александровне пушкинисты узнали историю этого ценного альбома.

А. А. Пушкиной принадлежал акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной работы Т. Райта. Сейчас он находится у праправнука поэта Бориса Борисовича

---

* Одни полагают, что это литературовед Б. М. Энгельгардт (1887—1942); другие считают, что под таким псевдонимом выступал в печати Н. А. Гард.

Пушкина, а у его брата Сергея Борисовича — блестяще выполненная на старинной бумаге копия этого портрета.

...С молодых лет Анна Александровна состояла фрейлиной при великой княгине Милице Николаевне. 26 июля 1914 года она была назначена «исправляющею должность гофмейстерины при ее императорском высочестве»⁵. В той же должности оставалась до 1917 года.

В годы первой мировой войны А. А. Пушкина ухаживала за ранеными в лазарете. В советское время она занималась переводами литературы с иностранных языков. В 1923 году ей, как и ее брату Григорию Александровичу Пушкину, был выделен академический паек. Позднее внучке поэта назначили персональную пушкинскую пенсию, предоставили хорошую квартиру.

Во время Великой Отечественной войны Союз писателей СССР проявлял заботу о быте литераторов и членов их семей. Не были обойдены вниманием и потомки Пушкина. Надежда Григорьевна Чулкова, вдова писателя и литературоведа Г. И. Чулкова, среди тех, кто в Москве получал обеды, упоминает и Анну Александровну Пушкину, которая «была сдержанна... приветлива, любезна».

«Вспоминаю, — продолжает Н. Г. Чулкова, — ее скромное улыбающееся лицо, очень добрые глаза. Как она была мила в общении с людьми! Тихая, кроткая, никогда не дававшая почувствовать своего значения как кровной родственницы великого поэта... Анна Александровна очень любила Наталью Николаевну, чтילה ее память и не позволяла выражать никаких сомнений в честности Натальи Николаевны и невиновности ее в смерти Пушкина. Она всегда возмущалась грубыми рассуждениями о жене Пушкина...»⁶

...В конце мая 1949 года на московском заводе имени Владимира Ильича по инициативе заводской газеты «За боевые темпы» был организован литературный вечер, посвященный 150-летию Пушкина. На вечер приехали потомки поэта. Выступивший перед рабочими Георгий Александрович Галин, тогда еще студент второго курса исторического факультета МГУ, рассказал о творческом пути своего прапрадеда А. С. Пушкина. Борис Борисович Пушкин, второкурсник автомеханического института, говорил о том, как живут и трудятся потомки великого поэта, как они воевали на фронтах минувшей войны. Одиннадцатилетняя Наташа Пушкина прочитала стихотворение прапрадеда «Послание в Сибирь».

Участники встречи хотели видеть среди своих почетных гостей и внучку Пушкина — Анну Александровну. Но она

чувствовала себя уже очень плохо и в ответ на приглашение рабочих смогла только прислать им теплое, задушевное письмо, которое и было оглашено на вечере. Анна Александровна писала: «Какое счастье знать, что наступило время, когда рабочие читают великого Пушкина, когда в каждой семье рабочего он стал родным и близким»⁷.

Отчет о пушкинском вечере, на котором прозвучало письмо престарелой внучки великого мастера литературы, был опубликован в «Вечерней Москве» 31 мая, а через неделю Анны Александровны не стало.

Когда хоронили А. А. Пушкину на Новодевичьем кладбище, у ее могилы был писатель Иван Алексеевич Новиков, автор широко известного романа «Пушкин в изгнании». Талантливый литератор-пушкинист искренне уважал и любил внучку поэта...

Для всех, кто общался с А. А. Пушкиной, она была прежде всего «живой пушкинской энциклопедией». Так и теперь называют ее Н. С. Шепелева и другие потомки Пушкина.

— Помню, в школьные годы я выучил наизусть главу «Евгения Онегина», — рассказывал С. Б. Пушкин. — Когда стал декламировать бабушке, оказалось, что она тоже знает ее наизубок. И не только эту главу. Многие произведения Пушкина она читала по памяти, но делала это неохотно: стеснялась.

И по собственному признанию Анны Александровны, ее всегда смущало то, что она потомок великого поэта, но всю свою долгую жизнь гордилась гениальным дедом. Не случайно А. А. Пушкина говорила: «...если Пушкин дорог сердцу каждого русского человека, то нам, его родственникам, он дорог вдвойне, втройне»⁸.

«А я — Пушкин, внук Александра Сергеевича»

Как и его знаменитый дед, Григорий Пушкин учился в императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее*. В студенческие годы он был прекрасным гимнастом-легкоатлетом. В 1889 году внук поэта окончил

---

* Вначале Григорий Пушкин, как и старший брат Александр, воспитывался в Пажеском корпусе (об этом сообщил его отец, А. А. Пушкин, в письме к Ф. П. Корнилову от 18 апреля 1880 года), но, вероятно, не окончил его.

Григорий Александрович Пушкин, внук А. С. Пушкина. Фотография 1915 г.

полный курс Лицея*. Однако предпочел гражданской службе военную карьеру и многие годы отдал русской армии.

Успешно выдержав экзамен по первому разряду при Павловском военном училище, Григорий Александрович в августе 1891 года получил чин подпоручика. В 1899 году он поручик лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона (об этом неоднократно сообщалось в газетах в связи со 100-летним юбилеем А. С. Пушкина). Десять лет спустя Г. А. Пушкин в звании капитана служил в том же батальоне. 6 декабря 1910 года Григорий Александрович произведен в полковники. А вскоре после начала первой мировой войны, 30 сентября 1914 года, его назначили командиром 91-го пехотного Двинского полка, который участвовал во многих сражениях на русско-германском фронте.

За боевые заслуги в кампании против австро-германцев в 1914—1916 годах Г. А. Пушкин получил несколько

---

* 15 октября 1900 года Г. А. Пушкин вместе с отцом присутствовал на открытии памятника А. С. Пушкину (работы Р. Р. Баха) в Царском Селе.

наград — мечи к ордену св. Анны 2-й степени, ордена св. Владимира 3-й степени с мечами и 4-й степени с мечами и бантом.

В боевой аттестации полковника Пушкина за 1915 год, подписанной начальником штаба 23-й пехотной дивизии, говорилось: «Полковник Пушкин лично храбр и мужествен. В бою спокоен, хладнокровен и распорядителен. Военное дело знает и умеет применять свои познания на деле. Заботлив о подчиненных и требователен, но подчас недостаточно тверд и строг, что является следствием любви своих подчиненных. Физически бодр и здоров. Штаб-офицер отличный и полезный командир в бою»¹.

После Октябрьской революции Григорий Александрович Пушкин явился в Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Вначале ему предоставили канцелярскую работу. Известно, что в мае—июне 1919 года Григорий Александрович занимал должность старшего делопроизводителя в Московском эвакуационном пункте. Но согласно решению комиссии по учету бывших офицеров при управлении делами Реввоенсовета от 13 июня того же года Г. А. Пушкин как опытный кадровый военный был направлен в действующую армию.

«Человек чистой совести и исключительной доброты» — так говорил о своем командире Леонтий Игнатьевич Дракин, партийный работник, который в годы гражданской войны был комиссаром в полку Г. А. Пушкина².

Внук Пушкина находился в регулярных частях Красной Армии до 1921 года, пока в связи с последствиями тяжелой контузии не был демобилизован. Пробыв на фронтах почти семь лет, Г. А. Пушкин получил несколько ранений (особенно тяжелое, в голову; — в 1915 году), и здоровье его резко ухудшилось. После увольнения в запас Григорий Александрович приехал в Лопасню, к семье, жившей в доме Гончаровых. Некоторое время он служил в местном кооперативе. С 1923 года получал академический паек. Его жена, Юлия Николаевна, сначала была учительницей в школе первой ступени, затем преподавала немецкий язык в школе-семилетке.

В те годы Г. А. Пушкин часто бывал в московских театрах, особенно когда там шли представления по произведениям Пушкина или пьесы о нем.

«Уже в послереволюционное время, — писал Н. Г. Ураноссов, — на различных заседаниях или спектаклях, посвященных А. С. Пушкину, можно было видеть этого невысокого роста мужчину... в гимнастерке и сапогах, иногда с женой... и сыном-мальчиком Григорием Григорьевичем.

Помню, что в день столетия со дня рождения А. С. Пушкина на торжественном спектакле в Большом театре, на котором я был, вся эта семья занимала ложу бенуара. На барьере ложи лежал букет, очевидно, поднесенный жене Г. А. Пушкина»³.

— С тысяча девятьсот двадцать седьмого года, — рассказывал сын Г. А. Пушкина Григорий Григорьевич, — отец получал персональную пенсию. В тридцать третьем мы переехали в Москву. Последние годы Григорий Александрович работал научным сотрудником отдела рукописей (пушкинского) Государственной библиотеки СССР имени Ленина. У отца был чудесный почерк. И творчество своего деда, его жизненный путь он знал хорошо. Это пригодилось ему, когда он сотрудничал в отделе, где хранились рукописи Пушкина и изучалось его поэтическое наследие... Отец был трудолюбив, скромн, немногословен. Много читал. Когда мы жили в Лопасне, отец очень любил прогулки по аллеям парка. Сидит, бывало, на пеньке и возится со своими «пушкинскими» мундштуками — он делал их из жасмина и орехового дерева. Сам и прожигал их, сам и шлифовал — для этого и стеклышки специальные всегда с собой носил. И были те коротенькие мундштуки отца необыкновенно красивы.

В мае 1933 года Союз советских писателей ходатайствовал о предоставлении Григорию Александровичу Пушкину благоустроенной квартиры в Москве. В архиве Пушкинского Дома находится официальное письмо А. А. Фадеева*, адресованное в президиум Московского Совета. В нем говорится, что Союз писателей СССР «просит Моссовет предоставить внукам Пушкина необходимую жилищную площадь в Москве»⁴. Просьба писательской организации была выполнена: в первой половине апреля 1935 года Г. А. Пушкин получил новую квартиру из пяти комнат на Рождественке. В то же время ему выдали единовременное пособие в сумме 500 рублей, а пенсию увеличили до 300 рублей в месяц.

Значительны заслуги Григория Александровича Пушкина перед отечественным пушкиноведением. Летом 1917 года он и его младший брат Николай (сын А. А. Пушкина от второго брака) обнаружили в Лопасне, на чердаке дома, рукопись пушкинской «Истории Петра I» (22 тетради большого формата**), которая составляет теперь почти целый том в Собрании сочинений А. С. Пушкина⁵.

* В те годы А. А. Фадеев был заместителем председателя Оргкомитета Союза писателей СССР.

** Девять тетрадей этой рукописи к тому времени были утрачены.

Григорий Александрович Пушкин, внук А. С. Пушкина, с женой Юлией Николаевной и сыном Сережей. Фотография 1914 г.

Были у Григория Александровича и другие автографы поэта. Они (кроме дневника, перешедшего к М. А. Гартунг) стали его собственностью в 1916 году, когда умер А. А. Пушкин-младший, бывший после кончины отца наследником всех этих фамильных ценностей. Среди бумаг, поступивших в 1918 году от внука поэта к пушкинисту П. Е. Щеголеву, оказалось семнадцать листов, написанных рукой Пушкина. Семь автографов поэта Г. А. Пушкин в 1933 году продал вместе с другими документами Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики.

В марте 1919 года скончалась Мария Александровна Гартунг, и Г. А. Пушкин стал владельцем хранившегося у нее в течение последних трех лет дневника поэта. Летом того же года остро нуждавшаяся в материальной поддержке Юлия Николаевна Пушкина* по поручению

---

* В то время у нее было пятеро сыновей в возрасте от пяти до тринадцати лет, в том числе трое от первого брака — Федор (р. 1905),

мужа (он находился на фронте) продала дневник Румянцевскому музею за 40 тысяч «керенками»⁶.

В трудах И. Л. Фейнберга неоднократно приводился им же записанный в октябре 1956 года рассказ Ю. Н. Пушкиной⁷ о том, как дневник Пушкина был доставлен ею в отделение рукописей Румянцевского музея. На это свидетельство, казавшееся мне бесспорным, трижды ссылался и я в своих книгах, хотя некоторые потомки А. С. Пушкина (в первую очередь Н. С. Шепелева и И. Е. Гибшман) упорно обращали мое внимание на уязвимость эффектного предания о «путешествии» дневника поэта из Лопасни в Москву... на крыше товарного вагона.

В 1987 году Наталья Сергеевна Шепелева вновь вернулась к остро волновавшему ее вопросу и прислала мне несколько писем, в которых подробно рассказала о хорошо известных ей обстоятельствах. В частности, в письме от 15 августа она сообщила:

«Начну с подробностей о дневнике, о легендарной повести о том, что Юлия Николаевна Пушкина везла на крыше поезда дневник Александра Сергеевича Пушкина. Дело в том, что перед тем, как попасть в собственность Румянцевского музея, дневник этот находился долго у нас, в семье моего отца в Москве, и тетушка моя Анна Александровна Пушкина, жившая у нас, его перепечатавала для памяти на машинке (у меня сохранилась одна такая страница), а я свободно его читала и перелистывала, как семейную реликвию... Думается мне, что дневник Пушкина никогда в Лопасне и не был. Не хочется, чтобы вокруг него обвилась еще одна легенда».

В письме от 4 октября Наталья Сергеевна продолжила свои рассуждения: «Вот путь дневника (Пушкина) после 1914 года. Александр Александрович Пушкин-младший получает его после смерти отца. В 1916 году он умирает, дневник переходит к Марии Александровне Гартунг (Григорий Александрович Пушкин-младший на войне). Мария Александровна живет где-то около Донского монастыря в Москве, где ее часто навещает ее племянница Анна Александровна Пушкина, навещает и моя семья. В 1919 году, 7 марта, Мария Александровна Гартунг умирает. Ее

Николай (р. 1907) и Александр (р. 1909) Катубаевы, также воспитывавшиеся в семье Г. А. Пушкина. В феврале 1920 года, когда Григорий Александрович Пушкин еще воевал на деникинском фронте, его старший сын, восьмилетний Сергей Пушкин, скончался от менингита. По свидетельству знавших Сережу людей, это был необычайно живой, одаренный мальчик, курчавостью и лицом напоминавший великого прадеда.

хоронят Анна Александровна и Юлия Николаевна. Более энергичная и активная, она (Ю. Н. Пушкина. — В. Р.) хлопоты взяла на себя. Все вещи Марии Александровны наследует Анна Александровна Пушкина — они перевозятся в Трубниковский переулочек, где проживала Анна Александровна в семье моего отца Сергея Петровича Мезенцова. Многие эти вещи я хорошо помню. Возможно, в это самое время появляется у нас и дневник А. С. Пушкина, который находился довольно продолжительное время в нашей семье...

Если дневник попал сначала к А. А. Пушкиной (вполне возможно — Григорий Александрович Пушкин на войне), то зачем Юлии Николаевне перед сдачей в музей везти его в Лопасню... сама она читать дневник не собиралась.

Если же предположить, что Юлия Николаевна дневник сразу увезла в Лопасню, значит она привезла его назад в Москву к нам намного раньше, чем передала Георгиевскому в музей.

В обоих случаях разговор... о путешествии из Лопасни на крыше вагона отпадает. Остается одно — если Юлия Николаевна отвезла его к себе в Лопасню... <то> на малый срок. Мне это кажется маловероятным, а главное — бессмысленным: в Москве он был в большей сохранности, а в отсутствие Григория Александровича Пушкина естественно, что дневник у его сестры Анны Александровны Пушкиной.

Это, конечно, мои соображения, и я их никому не навязываю...

Кстати, следует учесть, что Юлия Николаевна — хрупкого сложения, избалованная, даже слегка капризная, — принадлежала к кругу людей, где женщине было довольно сложно, в платье ее времени, залезть на крышу вагона и продержаться там на ходу поезда около трех часов или более...»

В 1930-х годах Григорий Александрович Пушкин обнаружил среди семейных бумаг около ста писем к Пушкину (из болдинского архива поэта), которые и были переданы им в Государственный литературный музей. Теперь все автографы Пушкина и письма к нему находятся в Пушкинском Доме.

В 1937 году внук великого поэта принимал самое деятельное участие в устройстве Всесоюзной пушкинской выставки, реорганизованной год спустя в Государственный музей А. С. Пушкина.

Григорий Александрович даже в преклонном возрасте часто приезжал в Лопасню: там прошли его детство и

многие годы зрелой жизни. Он дружил с местными жителями.

У А. И. Коняевой хранились экземпляры «Евгения Онегина» с дарственной надписью ее старшему сыну: «Пане Копцову от внука поэта Г. Пушкина. Москва, 12.VII.1937» — и подаренные ей Г. А. Пушкиным юбилейные пушкинские медали 1899 и 1937 годов.

Вспоминая Григория Александровича, А. И. Коняева подчеркивала, что он был очень добрым, мягким, впечатлительным человеком.

— Первого сентября тысяча девятьсот сорокового года Григорий Александрович скончался,— говорила она.— Я была у него в Москве буквально за день до его смерти. Он курил принесенные мною папиросы «Қазбек». Разговаривали, шутили, смеялись... А через несколько дней мы похоронили Григория Александровича в Лопасне — на семейном кладбище Пушкиных. Поминки справляли в нашем доме...

Антонина Ивановна продолжала:

— Григорий Александрович Пушкин не раз вспоминал в кругу друзей, как он случайно встретился в Петербурге с внуком* Константина Карловича Данзаса, секунданта Пушкина. Оба были военные. Знакомились так: «Данзас, внук секунданта Пушкина». — «А я — Пушкин, внук Александра Сергеевича». Встреча была не только неожиданной для обоих, но и радостной, памятной...

По словам самого Г. А. Пушкина (в записи С. Орлова), его знакомство с внуком Данзаса произошло за несколько лет до революции, «на обеде у генерала Пфейфера». Имея в виду и столь же неожиданную встречу с внуком В. К. Кюхельбекера — Федором Николаевичем Косовым**, состоявшуюся еще в 1883 году, на похоронах А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина, Григорий Александрович впоследствии с удовлетворением говорил о том, что внуки трех лицейстов первого выпуска «подкрепили долголетнюю и крепкую дружбу» их дедов⁸.

В день 100-летней годовщины гибели Пушкина шестидесятивосьмилетний Григорий Александрович выступил с взволновавшей всех речью на могиле поэта в Святогорском монастыре и в только что отстроенном доме-музее

---

* Здесь и далее имеется в виду внучатый племянник К. К. Данзаса, имя которого установить не удалось.

** Воспитанник 39-го курса Александровского лицея. Выпущен в 1883 году с чином 10-го класса. В 1886 году коллежский секретарь Смоленского окружного суда, в 1898—1899 годах — коллежский советник, член Московского окружного суда.

А. С. Пушкина в Михайловском. «Направляясь в Михайловское, где жил и творил мой прославленный дед,— сказал он,— я готов был ждать теплую встречу и большие торжества, но то, что я увидел на празднике в Михайловском, превзошло все ожидания. Замечательный праздник! Никогда до самого конца моих дней я не смогу вспоминать о нем без волнения»⁹.

В наши дни в Михайловское ежегодно приезжают около миллиона почитателей Пушкина. Среди них и прямые потомки поэта, в том числе сын Г. А. Пушкина — Григорий Григорьевич. Они с особым — родственным — волнением участвовали в посвященных памяти великого предка Всесоюзных пушкинских праздниках поэзии. Здесь, в заповедных михайловских рощах, наследники Александра Сергеевича, наши современники, необычайно остро, радостно чувствуют свою кровную принадлежность к его роду.

Страницы шести биографий

Сохранившиеся сведения об остальных детях А. А. Пушкина от брака с С. А. Ланской весьма скупы, отрывочны. Поэтому возможно обозначить лишь некоторые вехи их судеб, сложившихся печально или даже трагически.

...Двое внуков поэта, Софья и Петр, умерли младенцами, не достигнув и годовалого возраста. Софья погребена в Лопасне, а Петр, как выяснилось в середине 1970-х годов,— в городе Новогрудке (теперь Гродненской области): там стоял в ту пору полк А. А. Пушкина. На надгробной плите сохранилась сравнительно четкая надпись, позволяющая более точно датировать время его рождения и смерти¹.

* * *

Ольге Александровне Пушкиной не было еще семнадцати лет, когда она вышла замуж за Николая Николаевича Павлова, прапорщика 13-го драгунского Военного ордена полка (в будущем секретарь русского консульства в Софии, вице-консул во Франкфурте-на-Майне и в Неаполе, атташе в Париже, впоследствии крупье). Обвенчались они в Лопасне².

Н. Н. Павлов был сыном Николая Филипповича Павлова (1803—1864) — известного писателя, автора остро-социальных повестей «Именины», «Аукцион», «Ятаган»,

Ольга Александровна Павлова,
внучка А. С. Пушкина. Фотогра-
фия 1902 г.

изданных в 1835 году и получивших одобрительный отзыв Пушкина*, и Е. А. Танненберг**.

В начале 1890-х годов, как говорится в одном архивном документе, «предосудительный образ жизни» Н. Н. Павлова (он был морфинистом, жил распутно, проиграл все свое состояние) «послужил основанием к увольнению его от службы» в министерстве иностранных дел. По той же причине супруги разошлись, а их единственный сын Александр был официально отобран у отца*** и отдан на попечение деда А. А. Пушкина³. Двенадцатилетнего маль-

---

* А. С. Пушкин писал: «Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты. <...> г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь идти обедать».

** Евгения Танненберг — третья жена Н. Ф. Павлова. В книге «Рассказы о потомках А. С. Пушкина» (1982, с. 159) я ошибочно назвал Николая Николаевича Павлова сыном Н. Ф. Павлова и поэтессы К. К. Павловой (урожд. Яниш), второй жены писателя. У них действительно был сын, но звали его Ипполитом. Николай же родился через несколько лет после развода его отца с Каролиной Карловной.

*** Представляют интерес дополнительные сведения о Н. Н. и О. А. Павловых, которые сообщила автору книги их внучка В. А. Оверол (Павлова), живущая в Америке: «Мой дедушка был очень красивый мужчина. Бабушка хранила его фотографию всю свою жизнь. Он был игрок... Из Парижа дедушка исчез после того, как выкрал моего отца <А. Н. Павлова, тогда еще подростка> и оставил его затем на причале в Шербуре... Через несколько лет дедушка очутился в Бостоне, США».

чика привезли из Парижа в Москву в июле 1894 года.

Вместе с сыном вернулась в Россию и Ольга Александровна. За ними ездил Александр Александрович Пушкин, брат О. А. Павловой. В семье брата, в Ивановском, она и прожила несколько лет.

В 1904 году Ольга Александровна Павлова была начальницей приюта неизлечимых больных в Москве, в 1909 году — смотрительницей московской Стрекаловской больницы⁴. По свидетельству ее внучки В. А. Оверол, Ольга Александровна, женщина очень одаренная и образованная, свободно говорила на шестнадцати языках. В предреволюционные годы она жила в Царском Селе. Там не менее пяти лет заведовала домом образцовых нянь. Затем Ольга Александровна переехала в Полтаву, где очень дружила с семьей своей сестры — Марии Александровны Быковой. Позже внучка Пушкина жила в семье сына во Франции. Скончалась она 16 апреля 1933 года, погребена в Карросе, в 20 километрах от Ниццы.

* * *

«Есть люди, — писала мне Н. С. Шепелева, — о которых можно говорить много, описывая их жизнь, богатую интересными внешними фактами; но есть и те, о ком много не скажешь, так как их внутренняя сущность выразилась со всей страстью, может быть, в одном поступке, зато этот поступок делает достойной всю их жизнь. Именно таким человеком я считаю Надежду Александровну Пушкину.

Как и большинство внуков Пушкина, она была приветливой, доброй и очень общительной. Завершив свое учение, тетя Надя серьезно увлеклась химией, занималась ею практически, делала опыты и всегда была в курсе всех выдающихся достижений мировой химии. В наши дни Надежда Александровна, вероятно, пошла бы на служение этой науке, но тогда все получилось иначе...

Став в 1904 году сестрой милосердия... она до конца своей жизни оставалась верна медицинской деятельности. С 1909 года тетя Надя — настоятельница Иверской общины Красного Креста, где работала вместе с известным тогда хирургом Алексинским, с которым была хорошо знакома... Иверская община представляла собой детскую больницу, но в 1914 году в ней находились раненые.

В тяжелую годину первой мировой войны Надежда Александровна снова взяла на себя подвиг сестры милосердия, в полном смысле этого слова, и хотя на фронте не была, работала сверх сил. Даже после серьезной

Надежда Александровна Пушкина, внучка А. С. Пушкина. Фотография 1890-х гг.

операции она продолжала трудиться. Отдыхая изредка в деревне, Надежда Александровна оказывала нужную лечебную помощь служащим и крестьянам. Имея хорошее медицинское образование, она действовала всегда очень решительно и смело, не боялась никаких заболеваний, не избегала никаких больных, шла в любую избу...

В 1915 году Надежда Александровна, совершенно больная и переутомленная, уехала в село Арапово Тамбовской губернии (в 12 километрах от Тамбова.— *В. Р.*). Там, в имении дорогих ей Ланских, она скончалась, всего 43 лет, и была похоронена в их фамильном склепе...»*

Сообщая читателям о смерти внучки Пушкина, газета «Новое время» отмечала, что в московской Иверской общине сестер милосердия «по ее инициативе были открыты

---

* В собрании московского коллекционера Ю. Б. Шмарова хранятся датированные 6 апреля 1947 года воспоминания Н. И. Араповой (1871—1949) о Надежде и Вере Александровнах Пушкиных, внучках поэта, с которыми она училась в одном классе гимназии, а на каникулы вместе с ними приезжала из Петербурга в Арапово, где жили ее родители — И. П. и М. У. Араповы. Сестра М. У. Араповой, Екатерина Устиновна, состояла в браке с Павлом Александровичем Ланским — братом С. А. Пушкиной (урожд. Ланской), матери внучек Пушкина, о которых говорится в воспоминаниях. В годы, описываемые Н. И. Араповой, Софьи Александровны Пушкиной уже не было на свете. Воспоминания Араповой переписаны для автора книги С. А. Сапожниковым (Москва), которому приношу сердечную благодарность.

курсы по целому ряду новых предметов» и что Надежда Александровна Пушкина, «отзывчивый и сердечный человек, пользовалась общей любовью»⁵ в общине, которой она отдавала все свои силы и душу.

В цитированном выше письме Н. С. Шепелевой рассказывается: «Отношение к Пушкину у Надежды Александровны, как и у прочих внуков поэта, было особенное. Об Александре Сергеевиче они всегда говорили с какой-то восторженностью, его творения знали почти наизусть, и я часто замечала слезы в глазах Надежды Александровны и других внуков Пушкина, читавших его стихи. В этом была какая-то преданная, нежная любовь. Вероятно, это были остатки чувствований прошедшего девятнадцатого века».

Надежда Александровна внешне очень напоминала Пушкина. Художник В. А. Серов, работая над картинами и рисунками на пушкинские темы, пристально всматривался в черты ее лица. Валентин Александрович собирался писать портрет и самой внучки Пушкина, но не успел осуществить свой замысел.

Вплоть до смерти отца, Александра Александровича, Н. А. Пушкина выполняла роль доверенного лица по делам, связанным с рукописным наследием великого поэта.

* * *

Вера Александровна Пушкина вместе с сестрой Надеждой обучалась в одной из петербургских гимназий. Девочки очень дружили между собой. Оставшись совсем маленькими после смерти матери (Наде шел тогда четвертый год, Вере — третий), они вместе росли, одновременно пошли учиться — в один класс. И всю свою короткую жизнь Вера Александровна была беззаветно предана сестре-другу, которая также любила ее до самозабвения.

В конце июля 1901 года Вера Александровна была помолвлена с полковником лейб-гвардии конноартиллерийской бригады (позднее генерал-майор) Сергеем Петровичем Мезенцовым, происходившим из старинного смоленского дворянского рода. В письме к дяде Г. А. Пушкину от 24 августа того же года она сообщала: «Папа приезжал в Петербург, чтобы познакомиться с моим женихом, так как никогда еще не видал его. Мы же знакомы уже 3-й год, так как я гостила несколько раз летом у Анны в Петергофе, а Мезенцов был адъютантом у великого князя Михаила Николаевича, который очень сердечно и мило к нему относится. На днях он был отчислен от

Вера Александровна Мезенцова,
внучка А. С. Пушкина. Фотогра-
фия 1901 г.

адъютантства и командует гвардейской конной батареей. Мы будем жить в Петербурге, и я очень рада, что по делам службы папа принужден бывать там зимой, так что я надеюсь довольно часто его видеть.

Прошу Вас, милый дядя, не откладывайте до другого раза Вашего намерения посетить Москву. Мы все будем счастливы видеть Вас и тетю.

Анна присоединяется ко мне, чтобы сердечно обнять вас обоих. Через 2 дня мы едем к папе в Москву, где пятого сентября я надеюсь видеть Вас на моей свадьбе.

Любящая Вас племянница Вера»⁶.

Незадолго до свадьбы дочери А. А. Пушкин в письме к брату от 21 августа 1901 года характеризовал будущего зятя так: «...отзывы о нем самые лучшие, как о прекрасном во всех отношениях человеке»⁷. Через несколько лет Сергей Петрович Мезенцов вновь стал адъютантом великого князя Михаила Николаевича, а по получении генеральского чина находился в свите царя. В 1914 году он был заместителем главноуполномоченного Красного Креста на Западном фронте.

Семейная жизнь Мезенцовых сложилась счастливо, но длилась всего семь лет. Зимой 1909 года Вера Александровна с мужем и детьми Мариной, Натальей и Алек-

сандром гостила у двоюродных теток Гончаровых в Лопасне. Там и случилось несчастье. В. А. Мезенцова заразилась скарлатиной и на третий день болезни скончалась на руках любимой сестры Надежды Александровны.

Отпевали внучку Пушкина в Лопасне, в Зачатьевской церкви, а тело ее Сергей Петрович отвез в село Рыхлово Вяземского уезда Смоленской губернии, где и похоронил в фамильном склепе Мезенцовых, под церковью⁸.

Село Рыхлово, как и соседняя усадьба Лукьяново, принадлежало родителям С. П. Мезенцова — Петру Ивановичу и Марии Николаевне (урожд. Озеровой). Сам же он владел имением Ершино, находившимся в 25 верстах от Рыхлова. На лето С. П. и В. А. Мезенцовы приезжали туда из Петербурга вместе с детьми. Часто бывали у них и сестры Веры Александровны — Ольга, Анна и Надежда, последняя — каждое лето.

Собственный корреспондент смоленской областной газеты «Рабочий путь» М. П. Степанов, по просьбе автора книги, в 1976 году побывал в Рыхлове и окрестных деревнях Вяземского района, разыскал старожилов, помнивших не только Веру Александровну и Сергея Петровича, но и его родителей. Михаил Петрович писал мне, что в Рыхлове «от бывшего имения Мезенцовых сохранились лишь два заросших пруда, липовая аллея и березовая роща» и что в 1943 году «при отступлении гитлеровцы взорвали церковь, и склеп завалило». Очевидцы, продолжал М. П. Степанов, утверждают, что после войны под разрушенной церковью были обнаружены четыре гробницы, над ними — белые мраморные плиты с надписями. В двух гробницах покоились останки свекра и свекрови В. А. Мезенцовой, в третьей она сама, а в четвертой кто-то из прислуги Мезенцовых.

Когда в начале 1950-х годов в районе проходило перезахоронение павших в боях воинов и партизан, в братскую могилу в поселке Семлево перенесли также прах Веры Александровны Мезенцовой и родителей ее мужа. Местные власти и райвоенкомат сделали это из уважения к бывшим владельцам рыхловской усадьбы, оставившим по себе добрую память.

«Конечно, — размышлял мой корреспондент, — внучку А. С. Пушкина следовало бы перезахоронить на прежнем месте или на местном кладбище. Но ведь тогда никто не знал, что это внучка Пушкина. Об этом стало известно только теперь. Естественно, никого из родственников на перезахоронение не приглашали, потому что о них тоже никто не знал». Автор письма успокаивал меня (и себя

тоже!) тем, что «братская могила в Семлеве содержится в образцовом порядке, за ней ухаживают школьники и односельчане».

Бывший председатель Рыхловского сельсовета Е. И. Петров в том же 1976 году писал в Вяземский краеведческий музей, что кто-то из старожилов в память о Петре Ивановиче Мезенцове до сих пор сберегает его генеральские погоны, а в деревне Подрезово хранятся какие-то старинные рыхловские бумаги. По мнению Е. И. Петрова, «если внимательно все проверить и поговорить со старожилами, то многое можно узнать о Мезенцовых...»⁹.

Да простит мне читатель невольное отступление. С радостью признаюсь: мне приятно, что скупая строка первой моей книжки — упоминание о месте погребения внучки Пушкина В. А. Мезенцовой — отозвалась в сердцах людей: в памяти живущих на Смоленщине воскресли те, кого уже давно нет на свете, но кто, как и все мы, был звеном в единой цепи поколений...

О безвременно ушедшей из жизни В. А. Мезенцовой ее дочь, Наталья Сергеевна Шепелева, в письмах ко мне вспоминала: «Вера Александровна, человек мягкого, доброго нрава, с малых лет была любимицей не только своей семьи, но и всех ее родственников и знакомых. Сколько раз я слыхала от совершенно посторонних людей слова уважения и восхищения по адресу моей матери!.. Всюду, где Вера Александровна жила или бывала, она оставляла добрый след. Хотя я еще была маленькой девочкой, но хорошо помню, как около нашего деревенского дома, при ее жизни, часто стояли подводы — иногда по несколько сразу — с больными крестьянами, приезжавшими порой издалека, а мои родители и Надежда Александровна Пушкина (летом она всегда гостила у нас) выходили в белых халатах к больным. Помню и шкаф, в котором хранился большой подбор лекарств и даже каких-то инструментов, необходимых при первой хирургической помощи пострадавшим.

...Маму связывала большая сердечная дружба не только с сестрой Надеждой, но и с младшим братом Сергеем. И вообще они больше как-то держались втроем. Может быть, их сблизило общее раннее сиротство. Иногда — конечно, в семейной обстановке — Вера Александровна и Сергей Александрович, оба музыкальные, пели дуэтом...

В детстве моя мать, как и другие дети дедушки, А. А. Пушкина, много времени жила в Лопасне, у своей родственницы, очень уважаемой Анны Николаевны Ва-

сильчиковой, которая всех их любила и много для них сделала. Но, пожалуй, детям Александра Александровича от Софьи Александровны Ланской еще ближе была семья их дяди Павла Александровича Ланского, где моя мать провела лучшие годы юности и где она всегда чувствовала себя, как в своем родном доме.

Несмотря на печальное детство, мать отлично училась, с упоением читала многих русских писателей, но превыше всего ставила произведения деда. В совершенстве знала она иностранные языки — французский, немецкий и английский. Легко, как на родном, читала на этих языках художественную литературу тех времен. В гимназии изучала и церковнославянский язык. Любила и хорошо знала историю всех народов.

Мать много занималась рисованием, карандашом и акварелью, и, по словам ее брата Николая Александровича Пушкина, она первая показала ему технику акварели. К сожалению, работы ее не сохранились...

Пока мать была жива, никаких воспитателей в нашем доме не было: она сама воспитывала нас с большою любовью, но строго. Сестру Марину и меня мать учила французскому, и я с трех лет умела уже разговаривать и напевать французские песенки.

В юности Вера Александровна очень любила лошадей и прекрасно ездил верхом, как тогда было принято — амазонкой, стреляла в цель из револьвера, вместе с отцом моим, Сергеем Петровичем, путешествуя за границей, поднималась на вершины Швейцарских Альп. Мама была здоровая, смелая женщина. Казалось, ничто не предвещало беды. Но она пришла — и в 36 лет матери не стало...»

* * *

Сергей Александрович Пушкин родился 9 июня 1874 года¹⁰. В августе 1893 года, после окончания Николаевского кадетского корпуса, С. А. Пушкин был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу*, где и служил несколько месяцев юнкером рядового звания. В конце ноября того же года приказом главного начальника военно-учебных заведений он «переведен в Николаевское кавалерийское училище», откуда три года спустя выпущен корнетом. Служил Сергей Александрович в 22-м драгунском Астраханском полку, затем в 3-м

---

* В этом училище (тогда школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) в 1832—1834 годах учился М. Ю. Лермонтов.

Сергей Александрович Пушкин, внук А. С. Пушкина. Фотография середины 1890-х гг.

драгунском Сумском. Лицом, особенно в профиль, он был очень похож на своего деда А. С. Пушкина. 21 августа 1898 года, в возрасте двадцати четырех лет, С. А. Пушкин застрелился. Погребен в Лопасне.

О трагической кончине С. А. Пушкина Софья Николаевна Данилевская рассказала следующее:

— Сергей Александрович несколько раз приезжал к нам в Полтаву. Был он очень симпатичный, приятный человек. Мы, дети, часто возились с ним на диване, целовали и обнимали нашего любимого дядю. Чтобы ввести дядю Сережу в полтавское общество, мои родители устраивали вечера-представления (с переодеванием мужчин в женскую одежду, и наоборот). На одном из таких вечеров он и познакомился с Марией Александровной Бельгард, дочерью полтавского губернатора*, в которую затем безумно влюбился. Мы подтрунивали над ним: «Дядя Сережа, ты скоро женишься?» — «Скоро». — «А кто будет твоя жена?» — «Мою жену будут звать тетя Маша». Летом 1898 года, получив разрешение отца, А. А. Пушкина, и взяв отпуск, дядя Сережа приехал в Полтаву, чтобы посвататься за Бельгард. Но родители невесты не дали согласия на брак. Может быть, потому, что имели в виду другого жениха — светлейшего князя Святополка-

---

* Александр Карлович Бельгард — действительный статский советник, камергер. Назначен губернатором в Полтаву в марте 1896 года. До этого был вице-губернатором в Харькове.

Мирского, за которого Мария Александровна и вышла впоследствии. Причиной отказа могло быть и то, что у дяди Сережи бывали тяжелые сердечные приступы. Потрясенный отказом, Сергей Александрович вскоре покинул Полтаву. Последний раз его видели в городском саду — там, где сейчас стоит памятник Славы. Дядя Сережа сидел грустный и смотрел в сторону губернаторского дома. Вернувшись в Москву, он покончил с собою. Позже Мария Александровна Бельгард писала моему отцу об ужасе пережитого ею в связи с самоубийством С. А. Пушкина, которого она, по ее словам, очень любила. Будучи уже замужем, Бельгард вместе с детьми приезжала на могилу дяди Сережи. Она хотела нанести визит его близким, но в Лопасне ее не приняли...

У Н. С. Шепелевой хранится предсмертное письмо Сергея Александровича Пушкина. Оно поражает благородством и самоотверженностью этого человека, решившегося на отчаянный шаг. В письме, адресованном отцу, братьям и сестрам, внук Пушкина просил прощения: он знал, что его роковой поступок причинит семье боль и страдания. Сергей Александрович умолял родных ни в чем не винить М. А. Бельгард, отвергшую его любовь, и просил не разлучать его с ее вещами («Вера знает с какими»). Видимо, он имел в виду портрет Бельгард, который она подарила ему в Полтаве (С. Н. Данилевская определенно считала, что под этими словами подразумевался именно портрет). Сергей Александрович просил вернуть Бельгард ее письма к нему и даже указал ее полтавский адрес.

В письме Николая Александровича Пушкина, бельгийского внука поэта, к Н. С. Шепелевой от 21 мая 1964 года говорится о том, что его брат выстрелил себе в грудь из ружья в своей комнате, наверху, когда сестры и братья, в том числе и он, тринадцатилетний Николай, сидели в столовой. А отца, Александра Александровича Пушкина, в это время дома не было. Через 40 минут Сергей Александрович скончался.

Н. А. Пушкин сообщил племяннице и трогательные подробности: взвод, которым командовал С. А. Пушкин, в полном составе шел за его гробом от Москвы до Лопасни, и хоронили внука Пушкина, еще совсем молодого человека, при огромном стечении народа...

И на чужбине оставался русским...

Николай Александрович Пушкин, сын А. А. Пушкина и М. А. Павловой, окончил юридический факультет Московского императорского лицея имени цесаревича Николая.

В сентябре 1907 года на правах вольноопределяющегося он был зачислен рядовым в 3-й драгунский Сумский полк, вскоре переименованный в 1-й гусарский Сумский. В полку Н. А. Пушкин находился на собственном содержании. Через год, выдержав экзамен на чин прапорщика, он был уволен в запас¹.

В 1910 году Н. А. Пушкин был земским начальником в Веневском уезде Тульской губернии, позже — чиновником по особым поручениям при тульском губернаторе.

...Интересна докладная записка Н. А. Пушкина, члена уездного училищного совета, Веневскому уездному земскому собранию, составленная им после посещения Урусовской и Талызинской школ во время экзаменов весной 1913 года*. В ней содержится характеристика обучения детей в дореволюционной земской школе.

«Здания, в которых помещаются школы в настоящее время, — холодные, темные, ветхие и совершенно не соответствуют своему назначению. Нельзя не обратить внимания на почти полное отсутствие наглядных учебных пособий, даже самых необходимых, что не могло не отразиться на общем развитии учащихся.

Ответы учеников по программным предметам и их письменные работы надлежит признать вполне удовлетворительными, а по арифметике прямо хорошими. К сожалению, наряду с этим приходится констатировать крайне слабое представление у детей... об отечественной истории и географии. Так, например, на мой вопрос, с кем произошла битва на Куликовом поле, я ни от кого не мог получить верного ответа. Такое явление, на мой взгляд, является совершенно ненормальным, так как школа, кроме обучения грамотности, несомненно, должна давать детям хотя бы некоторое общее развитие и воспитание в национальном и патриотическом направлении...»².

Из записки видно, что внук поэта — вслед за прославленным дедом — уже в молодости (весной 1913 года ему исполнилось двадцать восемь лет) проявлял особый интерес к истории своей страны.

* В следующем году Н. А. Пушкин вновь присутствовал на выпускных экзаменах в четырех земских школах Веневского уезда. О результатах он письменно доложил уездному земскому собранию.

Николай Александрович Пушкин, внук А. С. Пушкина. Фотография 1958 г.

Наталья Николаевна Гревениц, правнучка А. С. Пушкина. Фотография 1940-х гг.

В начале первой мировой войны Николай Александрович, вновь прапорщик 1-го гусарского Сумского полка, находился на фронте. В 1916—1917 годах он служил в 3-м запасном кавалерийском полку, который дислоцировался в городе Кирсанове Тамбовской губернии.

Сохранился любопытный во многих отношениях документ, скрепленный гербовой печатью полка и двумя подписями — командира части и корнета Н. А. Пушкина, исполнявшего должность полкового адъютанта. Это — благодарственное письмо от 23 декабря 1917 года (!), выданное штаб-ротмистру Б. П. Зоркину «по случаю сдачи полка». В письме выражается уверенность, что «Борис Павлович на всякой службе, как честный, трудолюбивый, энергичный и развитой человек, заслужит ту же выдающуюся аттестацию, любовь товарищей и своих подчиненных, которыми он пользовался всегда в полку».

Надежды командования 3-го запасного кавалерийского полка, в том числе и Николая Александровича Пушкина, оправдались: в дальнейшем Б. П. Зоркин в течение многих лет занимал ответственные посты в рядах Красной Армии³.

О семье Н. А. Пушкина, которая перед революцией также жила в Кирсанове, много лет спустя, в начале 1960-х годов, тепло вспоминала старейшая жительница этого города Надежда Ивановна Панкратова. У нее хранились семейные фотографии Пушкиных и письма жены Николая Александровича — Надежды Алексеевны, дочери известного ботаника, публициста и общественного деятеля, профессора Алексея Николаевича Петунникова. В одном из писем, отправленном в конце 1916 года, Н. А. Пушкина с удовлетворением писала: «Погиб-таки Распутин*, к празднику (Рождеству.— В. Р.) подарок всем»⁴. Эта фраза красноречиво свидетельствует об отношении Надежды Алексеевны и, вероятно, самого Николая Александровича к разложившейся правящей верхушке.

Однако революционные события 1917 года и водоворот гражданской войны выплеснули семью Н. А. Пушкина за границу — сначала в Турцию, затем в Сербию (с 1945 года входила в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии). В декабре 1923 года внук поэта с женой и детьми — сыном Александром и дочерью Натальей — обосновался в Бельгии.

«После долгих скитаний,— писал он А. Ф. Онегину 10 ноября 1924 года,— я переехал в Брюссель и встретил здесь в литературных кругах самый радушный и сердечный прием многочисленных почитателей гения Александра Сергеевича»⁵.

Долгие годы Н. А. Пушкин был служащим в одном из брюссельских банков. Все свободное время он отдавал популяризации творчества Пушкина и изучению русской истории. Как видно из того же письма к А. Ф. Онегину, Николай Александрович переводил повести Пушкина на французский язык для «Revue Belge». «Стремясь сохранить для детей и дальнейшего потомства имя и традиции, которыми они вправе навеки гордиться,— продолжал внук поэта,— я занят восстановлением своего семейного архива. Для этой цели мне очень хотелось бы просить Вас не отказать сообщить мне генеалогию Пушкиных от Радши до Александра Сергеевича, если это Вас не слишком затруднит».

В 1926 году он опубликовал статью «Об одной неизвестной находке пушкинских рукописей», в которой рассказал, при каких обстоятельствах были обнаружены в

---

* Григорий Ефимович Распутин (Новых) — фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны. Родом из сибирских крестьян. В качестве «провидца» и «исцелителя» имел неограниченное влияние на императора, императрицу и их окружение. Убит монархистами.

Лопасне рукописные материалы Пушкина к «Истории Петра I»⁶. А в 1937 году на Пушкинской выставке, устроенной Сергеем Лифарем к 100-летию со дня гибели поэта, Николай Александрович, специально приехав в Париж из Брюсселя, выступил с речью⁷.

Перу Н. А. Пушкина принадлежат несколько исторических исследований: «Куликовская битва 1380 года», «Загадочное лицо русской истории», «Был ли Лжедмитрий действительно Лже?» и другие. Некоторые из них опубликованы в бельгийских и французских периодических изданиях. Две свои печатные статьи на французском языке, посвященные Рюрику и «Слову о полку Игореве», Николай Александрович прислал Н. С. Шепелевой. В 1930-х годах он перевел на французский язык биографию А. С. Пушкина, составленную М. Л. Гофманом.

У брюссельских потомков поэта и теперь хранятся два портрета Н. Н. Пушкиной, выполненные Николаем Александровичем. Писал он и пейзажи. В трудные для семьи годы, особенно во время второй мировой войны, внук поэта продавал свои рисунки, что приносило ему небольшой доход. Помогали Н. А. Пушкину и русские литераторы и художники, эмигрировавшие в свое время из России. Автор популярных книг «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили» Н. А. Раевский, вспоминая свою зарубежную жизнь в период войны, писал мне: «...я встретился с хорошо мне известным художником Николаем Васильевичем Зарецким, и он попросил меня принять участие в сборе средств на помощь последнему внуку Пушкина, проживавшему в Брюсселе».

В послевоенные годы многие советские писатели проявляли интерес к брюссельским потомкам поэта. Так, посетившие Бельгию в сентябре 1956 года поэты Павел Антокольский, Сергей Михалков и Константин Симонов по просьбе известного пушкиноведа Ильи Львовича Фейнберга выяснили, что Н. А. Пушкин по-прежнему живет в столице этой страны. Антокольский сделал даже попытку встретиться с ним, но она оказалась безуспешной⁸. В 1958 году в гостях у Н. А. Пушкина побывал Валентин Катаев, находившийся в творческой командировке в Бельгии. По его словам, Николай Александрович, которому тогда было семьдесят три года, «очень бодр, свеж, сух, подтянут и выглядит моложе своих лет. В профиль он немного напоминает деда. Глаза „гончаровские“»⁹.

Встреча Катаева с Н. А. Пушкиным произошла на квартире его сына, Александра Николаевича. Пушкины

приняли советского писателя «как нельзя лучше». Они потчевали его «по-русски — чаем с клубничным пирогом». При беседе присутствовал и пятнадцатилетний Саша Пушкин — внук Н. А. Пушкина. Он «с молчаливым любопытством» смотрел на гостя...

Семь лет спустя, 5 июля 1965 года, уже после смерти Николая Александровича, семью его сына А. Н. Пушкина навещал писатель М. Л. Поляновский: он был в Брюсселе в составе писательской делегации Советского Союза. Как и Валентин Катаев, Макс Поляновский отмечал исключительное радушие и гостеприимство бельгийских потомков Пушкина, их благоговейное отношение ко всему, что связано с именем великого поэта¹⁰.

— Николай Александрович Пушкин, — рассказывал мне М. Л. Поляновский, — всю жизнь питал большой интерес к истории и культуре России. Это наложило заметный отпечаток на весь семейный уклад бельгийских Пушкиных. И сын, и внук Николая Александровича — прямые потомки поэта по мужской линии, — несмотря на свою оторванность от родины их гениального предка, остались русскими в чем-то самом главном...

Хотя вторую половину жизни Николай Александрович Пушкин провел за границей, Россию он никогда не забывал, она всегда была в его сердце, в его исторических трудах, в его письмах в Советский Союз — родственникам, пушкинистам, писателям...

После открытия в Ленинграде, на площади Искусств, памятника А. С. Пушкину фотографию его М. К. Аникушин послал Н. А. Пушкину. Вскоре из Бельгии пришел ответ. Внук поэта писал скульптору: «На этом подлинно художественном произведении отдыхаешь от процветающего здесь упадочного и нагло-фальшивого искусства. В Вашем Александре Сергеевиче столько жизни и естественности, что кажется, вот-вот он сойдет с пьедестала и пойдет по парку. Вами передано не только физическое сходство, но и самый характер деда, его живость и подвижность»¹¹.

Переписывался Н. А. Пушкин и с И. А. Буниним, жившим последние десятилетия во Франции. Так, в 1949 году по просьбе Бунина Николай Александрович сообщал ему некоторые сведения о потомках Пушкина¹².

Племяннице Наталье Сергеевне Шепелевой Н. А. Пушкин писал хорошие, теплые письма с 1955 года до конца своей жизни. А его жена Надежда Алексеевна, которая, по словам Н. С. Шепелевой, «душою была глубоко русским человеком, горячо любившим Россию»,

даже в 1960-х годах переписывалась с жительницей села Марыгино Веневского района Тульской области Аграфеной Иосифовной Барановой, близко знавшей семью Пушкиных в годы их жизни в Малом Останкине. Она присылала фотографии, сообщала семейные новости, писала о том, как много значит Россия для них, Пушкиных, волею судьбы оказавшихся на чужбине...

Вот отрывок из письма Н. А. Пушкиной от 15 января 1963 года: «Что в Останкине? Существует ли еще наш дом или развалился? Я очень грущу без деревни, которую так любила. Здесь мы живем скромно, у нас много друзей, но я тоскую по своей дорогой Родине... Николай Александрович шлет тебе свой привет»¹³.

Это был один из последних приветов Николая Александровича Пушкина своей великой Родине.

Неразгаданная тайна

Генералу А. А. Пушкину шел пятьдесят седьмой год, когда родилась младшая дочь его — Елена. Это было 16 августа 1889 года¹.

По рассказу внучки поэта А. А. Пушкиной (в передаче ее племянницы Н. С. Шепелевой), в детстве Лена была отчаянно смелой. В шесть лет она скакала верхом на лошади, как мальчишка. Н. С. Шепелева помнит ее девушкой — стройной, изящной, по-спортивному легкой... «Сестра и я, — писала мне Наталья Сергеевна, — относились к тете Лене по-родственному хорошо. Любили бывать у нее в комнате, и она умела интересно с нами разговаривать... Видимо, она была хорошо образованна и особенно интересовалась иностранными языками: кроме европейских, она еще знала персидский и турецкий».

Правнучка Пушкина С. Н. Данилевская, вспоминая о Елене Пушкиной, подчеркивала, что та «воспитывалась на английский манер: носила очень короткую прическу, чрезвычайно короткие платья — почти теперешние мини — и вообще имела мальчишеский вид».

Другая правнучка поэта, С. П. Вельяминова, сообщала автору этих строк: «Уже в советское время я слышала в Ялте от одной лечившейся в санатории очень хорошее о Елене Александровне. Вот этот рассказ. После революции Лена жила со своей бывшей гувернанткой, а потом компаньонкой, мисс Дуарден. Однажды какой-то «сумасшедший» напал на англичанку с ножом. Лена бросилась между ними, чтобы защитить ее, и приняла удар

Елена Александровна Розенмайер,
внучка А. С. Пушкина. Фотография
1910-х гг.

на себя. Женщину, которая рассказывала мне об этом, просили тогда освободить комнату, чтобы перенести туда раненую Лену».

Таким образом, «отчаянно смелой» внучка Пушкина была не только в детстве. Храброй, способной на решительные, подчас экстравагантные поступки она была, как свидетельствуют некоторые факты ее биографии, и позже, в зрелом возрасте.

В 1918 году Елена Александровна и ее мать Мария Александровна Пушкина уехали в Турцию. Непродолжительное время внучка поэта являлась драгоманом (официальным переводчиком) русского посольства в Стамбуле. В ноябре 1921 года она вышла замуж за бывшего ротмистра 9-го гусарского Киевского полка Николая Алексеевича Розенмайера. Весной 1923 года супруги покинули Турцию. В последние годы Елена Александровна жила во Франции.

С именем Е. А. Пушкиной-Розенмайер связана одна из загадок пушкиноведения, ключ к которой не найден по сей день. Речь идет о неизвестном дневнике А. С. Пушкина, которым Елена Александровна, по ее собственным словам, обладала в 1920-е годы. Этому дневнику ученые присвоили № 1, так как на внутренней стороне передней крышки переплета *известного* нам дневника поэта рукою Л. В. Дубельта, разбиравшего вместе с В. А. Жуковским

бумаги А. С. Пушкина после его смерти, сделана помета «№ 2».

Некоторые пушкинисты считают, что дневник № 1 действительно существует и в настоящее время находится за рубежом у кого-либо из потомков поэта. Об этом, в частности, писал И. Л. Фейнберг в очерке «Пропавший дневник»².

Другие ученые версию Фейнберга и его единомышленников не принимают. Так, доктор филологических наук Н. В. Измайлов утверждал: «Самое существование некоторых зарубежных рукописей представляется проблематическим,— к числу их относится «Дневник Пушкина № 1», находившийся будто бы в начале 20-х годов в Константинополе (Стамбуле), в руках внучки поэта Е. А. Розенмайер»³. Примерно так же относилась к дневнику № 1 и Т. Г. Цявловская.

Не верили в существование неизвестных дневниковых записей Пушкина Б. Л. Модзалевский и М. А. Цявловский. Последний, например, говорил Г. Г. Пушкину, правнуку поэта: «Готов голову положить на плаху, что другого дневника Пушкина нет». Эту же мысль о дневнике он высказал и в статье «„Посмертный обыск“ у Пушкина» — правда, не столь категорично: «В 1929 г. в Москве и Ленинграде распространились слухи, что за границей имеется неопубликованный дневник Пушкина. Слухи эти, передававшиеся М. Л. Гофманом, по-видимому, лишены всякого основания»⁴.

Брат Е. А. Розенмайер Николай Александрович Пушкин считал, что она всю историю с дневником выдумала, чтобы повысить собственный престиж. Он даже писал своей племяннице Н. С. Шепелевой, что, оскорбленный этой мистификацией сестры, «отвернулся от нее».

Итак, был ли неизвестный дневник Пушкина у его внучки или он «выдуман» ею? Вопрос невероятно сложен, неясен и во многом противоречив. Он не раз приводил пушкинистов в тупик. И вряд ли можно сейчас сколько-нибудь удовлетворительно решить его. По крайней мере, до тех пор, пока не будут собраны бесспорные документальные данные, подтверждающие гипотезу о существовании неизвестного дневника поэта или опровергающие ее. И все-таки хочется высказать некоторые соображения по этому вопросу.

В 1922 году Е. А. Розенмайер писала торгпреду нашей страны в Париже М. И. Скобелеву, а в первые месяцы 1923 года известному коллекционеру рукописей Пушкина и других его материалов А. Ф. Онегину (Отто)

и пушкинисту М. Л. Гофману* о том, что у нее имеются гербовая печать Пушкина, акварельный портрет Н. Н. Пушкиной⁵, веер, подаренный поэтом жене...

Из писем Елены Александровны видно, что она предлагала приобрести у нее эти вещи для Пушкинского Дома. В письме к А. Ф. Онегину от 19 апреля 1923 года Е. А. Розенмайер подчеркивала, что передать России фамильные ценности безвозмездно она не может, так как они с мужем «остались совершенно без средств»⁶.

Елена Александровна писала Онегину и о том, что у нее хранятся неизданный дневник и другие рукописи деда, которые согласно воле ее отца, А. А. Пушкина, «не могут быть напечатаны до истечения ста лет со дня смерти Александра Сергеевича, т. е. до 1937 года»⁷. В одном из писем к Гофману она объясняла этот запрет на дневниковые записи Пушкина тем, что «близкие потомки лиц, упоминаемых в них, еще живы...»⁸.

Весной 1923 года М. Л. Гофман ездил к Е. А. Розенмайер в Стамбул, надеясь купить у нее пушкинские вещи. Но грубая бестактность Гофмана по отношению к Онегину, по поручению которого он приехал к внучке поэта, скомпрометировала его в глазах Елены Александровны, и она отказалась вести с ним какие бы то ни было переговоры.

В уже упоминавшемся письме от 19 апреля 1923 года Е. А. Розенмайер жаловалась Онегину: «В Вашей книге «Неизданный Пушкин» г. Гофман сделал надпись: «Внучке Пушкина с глубоким уважением...» и вместе с тем взял на себя смелость сознаться, что письмо, которое он должен был мне отправить по Вашему поручению, перед своим отъездом из Парижа, он, г. Гофман, не отправил, сказав мне, что Вы одной ногой стоите в гробу и что с Вами считаться не приходится. О каком доверии может быть речь! Я очень сожалею, что для ведения переговоров о передаче пушкинских реликвий, будущего достояния России, Вы остановили свой выбор на г. Гофмане (если дело было действительно так), который письменной доверенности Вашей или даже письма не представил. Поэтому к предложению г. Гофмана о продаже рукописей в собственность за 10 тысяч франков или о передаче на хранение я отнеслась так же, как отношусь к многочисленным предложениям иностранцев».

---

* В начале 1920-х годов М. Л. Гофман был официальным представителем Российской Академии наук на переговорах с А. Ф. Онегиным по поводу приобретения у последнего пушкинских материалов. В дальнейшем жил за границей.

В том же письме Е. А. Розенмайер сообщала, что имеющиеся у нее реликвии «хранятся в надежном месте, сфотографированы (кроме вещей) и застрахованы от случайностей», а также о том, что она выслала Онегину — через Гофмана — уменьшенную фотографию акварельного портрета Н. Н. Пушкиной.

Внучка Пушкина просила Онегина одолжить ей 20 тысяч франков («этим Вы избавите меня... от необходимости голодать или передать русские ценности иностранному музею»).

С такой же просьбой Елена Александровна обращалась к Онегину, по всей вероятности, и раньше, так как он еще во второй половине марта собирался перевести ей 10 тысяч франков. Но, получив 28 марта от Е. А. Розенмайер телеграмму из двух слов «Eпvouez pas*», Онегин отказался от своего намерения.

Телеграмма была вызвана, очевидно, тем, что Елена Александровна собиралась в скором времени побывать в Париже, чтобы лично передать А. Ф. Онегину портрет Натальи Николаевны, печать Пушкина и другие фамильные ценности, которые она не доверила Гофману.

Однако неблагоприятные семейные обстоятельства помешали планам Е. А. Розенмайер: Елена Александровна и ее муж навсегда покинули Турцию.

За несколько месяцев до этого внучка поэта писала Гофману, что собирается переехать к своим родственникам в Южную Африку, в их имение близ города Минзенбурга, сообщила ему свой будущий адрес. В апрельском письме к А. Ф. Онегину она сетовала на то, что из-за отсутствия средств Николай Алексеевич и она «не имели возможности выехать до сих пор» в южноафриканское имение английских родственников, куда их пригласила «кузина»** леди Зия Уэрнер, предложившая Н. А. Розенмайеру хорошо оплачиваемую службу.

По сей день точно не установлено, куда уехали из Стамбула Розенмайеры⁹. Зато хорошо известно, что сделать это их заставила острая нужда, от которой супругам не удалось избавиться и в дальнейшем.

Весной же 1923 года, в связи с рождением дочери Светланы, положение семьи было особенно трудным. После отъезда внучки Пушкина из Турции ее переговоры с Онегиным прекратились, переписка между ними обрывалась, а вскоре, в 1925 году, Онегин умер.

---

* «Не присылайте» (фр.).

** Фактически двоюродная племянница.

Сообщение М. Л. Гофмана о том, что у внучки Пушкина находится «самое большое в мире» собрание пушкинских рукописей, что имеющиеся у нее реликвии «ценнее Онегинского музея + весь Пушкинский Дом»¹⁰, естественно, заинтересовало советских пушкинистов. Заинтриговала их и появившаяся в 1925 году за рубежом статья Гофмана «Еще о смерти Пушкина», в которой он писал: «В 1937 году будет опубликован полностью не изданный еще большой дневник Пушкина (в 1100 страниц). Несомненно, что он прольет большой свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль; сколько мы знаем, однако, этот дневник еще больше реабилитирует честь его жены, чем все те материалы, которые до сих пор были в распоряжении пушкинистов»¹¹.

Вот почему вплоть до 1930 года по инициативе Пушкинского Дома велись поиски Е. А. Розенмайер с целью приобретения у нее вещей и рукописей, в свое время предложенных ею Онегину. Дело это приобрело государственное значение. Совет Народных Комиссаров СССР, изучив записку директора Пушкинского Дома академика С. Ф. Платонова от 14 декабря 1928 года № 1262¹² о необходимости начать розыски пушкинских рукописей за рубежом, поручил дипломатическим представителям нашей страны за границей сделать все необходимое для розысков потомков поэта (прежде всего Е. А. Розенмайер) и вообще лиц, которым могут принадлежать неопубликованные произведения и письма Пушкина.

Поскольку «неуловимую» Елену Александровну найти тогда так и не удалось, в сентябре 1930 года «Дело о розыске и покупке рукописей Пушкина за границей» было прекращено.

Таким образом, тайна пушкинского дневника, которая, казалось, начала приоткрываться, осталась неразгаданной¹³.

Конечно, проще всего согласиться с теми, кто считает, что Елена Александровна «историю с дневником выдумала», что другого дневника Пушкина, кроме опубликованного (полностью) в 1923 году, вообще не было. Однако имеются обстоятельства и факты, с которыми нельзя не считаться.

Так, недавно в печати появилось ранее не публиковавшееся письмо А. А. Пушкина, сына поэта, к О. Ф. Кошелевой (урожд. Петрово-Соловово), тете его жены Софьи Александровны. Оно написано незадолго до открытия памятника Пушкину в Москве и свидетельствует о твердом намерении Александра Александровича пере-

дать рукописи отца «Московскому музеуму». Ценность письма еще и в том, что автор упоминает пропавший дневник Пушкина. Вот что сообщает он своей корреспондентке: «...насчет дневника я должен сказать, что у меня находится всего 2-я часть, всего 37 или 38 страниц. Где находится 1-я часть, мне неизвестно, хотя я предполагаю, что в 3-м отделении, так как Вам, вероятно, известно, что в день смерти отца все бумаги его были опечатаны и затем разбираемы начальником штаба шефа жандармов»¹⁴.

Следовательно, А. А. Пушкин не сомневался в том, что кроме хранившегося у него дневника отца («2-я часть») были и другие дневниковые записи Пушкина («1-я часть»). Он не знал только судьбы этой исчезнувшей рукописи. Высказанное Александром Александровичем предположение, что дневник находился в Третьем отделении собственной его императорского величества канцелярии, к сожалению, не аргументировано. По мнению старшего сына поэта, «3-е отделение» — это лишь вероятное место нахождения дневника (от себя скажем: одно из многих мест, где дневник мог оказаться). Важно другое: в семье Пушкина верили в то, что дневник № 1 существовал реально.

Новонайденное письмо А. А. Пушкина отнюдь не облегчает решение проблем, связанных с неизвестным дневником поэта. Напротив, оно вызывает вереницу новых вопросов. Неясно, например, каким образом дневник Пушкина оказался у Е. А. Розенмайер, если его никогда не было у ее отца, Александра Александровича. Но это предмет особого разговора, выходящего за рамки темы настоящей книги. Поэтому вернемся, как говорили в старину, на круги своя.

...В воспоминаниях о Е. А. Розенмайер встречаются довольно нелестные отзывы о ней. Но даже Н. И. Тютчев, директор музея Ф. И. Тютчева в Муранове (под Москвой), родной внук поэта, в беседе с Т. Г. Цявловской назвавший Елену Александровну «неумной, бесцветной», признавал, что она, «конечно, не авантюристка».

О том, что внучка Пушкина не вводила в заблуждение ни Онегина, ни Гофмана, свидетельствует и тот факт, что часть фамильных вещей, о которых Е. А. Розенмайер писала Онегину и другим своим корреспондентам, она впоследствии продала Сергею Лифарю. Об этом он сообщал в книге «Моя зарубежная Пушкиниана», изданной в Париже в 1966 году на русском языке. О том же писал мне из Франции праправнук Пушкина Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов: «Пушкинские

реликвии, которые ей удалось вывезти, она распродала. В частности, С. Лифарь купил у нее печать Пушкина, его «пашпорт» для поездки в Бессарабию и другие личные вещи».

По-моему, нет веских оснований полагать, что Е. А. Розенмайер, перечисляя в письмах 1922—1923 годов пушкинские вещи, которые действительно (как выяснилось годы спустя) были тогда у нее, «придумала» несуществующий дневник своего деда. Да и какую цель она могла видеть в подобной мистификации?! Ведь, заведомо обманывая своих адресатов, она не могла рассчитывать на то, что поднимет этим собственный авторитет.

Объективности ради замечу, однако, что далеко не каждая строка писем Елены Александровны к А. Ф. Онегину и М. Л. Гофману заслуживает безусловного доверия. Относиться к ее словам следует без предвзятости, но с известной долей осторожности...

После смерти И. А. Бунина в его архиве была обнаружена интересная заметка писателя о Е. А. Розенмайер. В примечаниях к ней литератор и археолог Л. Ф. Зуров, живший в доме Бунина, сообщает, что в 1941 году Елена Александровна провела на вилле Буниных «Жаннет» в Грасе целый день. «Она была сильно истощена,— пишет Зуров,— после завтрака отдыхала в комнате Веры Николаевны», жены Бунина.

В записке И. А. Бунина говорится: «...передо мной опять было существо, в котором текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка, как все мы, бежавшие из России... добывала в Ницце пропитание тяжким трудом, которым и надорвала себя так, что перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела ее в могилу, у нее уже не хватало средств,— их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут все, что мог, но это уже ее не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина»¹⁵.

Известный литературовед А. К. Бабореко, исследователь биографии и творчества И. А. Бунина, писал мне, что Иван Алексеевич познакомился с Е. А. Розенмайер 6 июня 1940 года в Ницце. Ссылаясь на дневниковые записи самого писателя, а также на «Грасский дневник»¹⁶ поэтессы и переводчицы Г. Н. Кузнецовой, которая, как и Зуров, жила в доме Бунина с 1927 года, А. К. Бабореко сообщал, что 12 июня 1941 года Иван Алексеевич «ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной», а через два дня «она приезжала в Грас по приглашению

Бунина». О последней встрече внучки Пушкина с Буниным и рассказывал, как упоминалось выше, Л. Ф. Зуров¹⁷. В дневнике И. А. Бунина 7 сентября 1943 года отмечено: «Нынче письмо из Ниццы. Елена Александровна Пушкина... умерла 14 августа... И, может быть, только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала ради того, чтобы не умереть с голоду!» А в письме Бунина к Надежде Александровне Тэффи* от 19 мая 1944 года говорится, что Е. А. Розенмайер, «которую я имел счастье узнать», скончалась «в нищете, после нескольких лет тяжкого труда, тасканья для перепродажи всякого старого хлама...»¹⁸.

По сведениям А. К. Бабореко, Елена Александровна приходилась дальней родственницей Бунину. Ее мать, Мария Александровна, была двоюродной сестрой дворянина Павлова, а «дед Павлова по матери,— записал Бунин,— моряк Ив. Петр. Бунин, брат Анны Петровны Буниной, поэтессы... Дед Павлова по отцу — Ник. Анат. Бунин»...¹⁹

Свидетельства о встречах Бунина с Е. А. Розенмайер показывают, что Иван Алексеевич относился к ней не только с состраданием, но и с уважением. И это заслуживает внимания. Талантливый русский писатель, человек тонкой души, Бунин вряд ли стал бы принимать у себя внучку Пушкина как близкого человека, будь она «неумной, бесцветной» женщиной с сомнительной репутацией...

Разумеется, нет уверенности в том, что дальнейшие поиски пушкинского дневника увенчаются успехом. Но и успокаиваться рано: слишком заманчива, многообещающа надежда найти этот драгоценнейший документ, который дал бы новый, бесценный материал о жизни и творчестве поэта в последние, такие невыносимо трудные для него годы, когда, опутанный цепями интриг, злобы, клеветы, откровенной травли, гений русской поэтической мысли — гордый, непреклонный, одинокий — буквально задыхался в «свинском» Петербурге, вырваться из которого он не мог до самой смерти...

Покойная Татьяна Григорьевна Цявловская писала: «И. Л. Фейнберг и другие исследователи продолжают и сейчас поиски Дневника № 1. Как было бы приятно, если бы им удалось рассеять наши сомнения!»²⁰ Будем надеяться, что эти добрые слова когда-нибудь сбудутся.

---

* Настоящая фамилия Лохвицкая.

И еще о внуках

Очень немного сведений сохранилось о внуках Пушкина — детях младшей дочери поэта Натальи Александровны и их семьях.

Первым ребенком Н. А. Пушкиной и М. Л. Дубельта была дочь Наталья, родившаяся в Петергофе. Окончив в Петербурге Екатерининский институт, она длительное время жила в деревне у тетки Е. П. Бибиковой (урожд. Ланской).

«В нее влюбился земский врач, ссыльный поляк, человек очень интеллигентный, образованный, но старше ее», — отмечала в своих мемуарах ее двоюродная сестра Е. Н. Бибикова. Когда он сделал предложение Наталье Михайловне, Елизавета Петровна запросила Н. А. Меренберг о согласии на брак дочери, но графиня «возмутилась и выписала ее к себе в Висбаден»¹. Так Н. М. Дубельт оказалась в Германии.

По воспоминаниям Е. А. Регекампф, Наталья Михайловна уважала своего отчима и говорила о нем: «Принц действительно был на редкость очаровательный человек. Главной прелестью его была... простота, что в немцах особенно редко»². О своем отце, как свидетельствует та же Регекампф, Таша не вспоминала.

В 1881 году внучка Пушкина вышла замуж за немца, полковника в отставке Арнольда фон Бесселя. Супруги переехали в Бонн, где у Бесселя был собственный дом. Через шесть лет Наталья Михайловна Бессель овдовела и жила в Бонне до самой смерти.

«Я ее хорошо помню, — писала Е. Н. Бибикова, — она была пресимпатичная, живая, веселая и очень родственная. Я у нее была в Бонне в 1914 году. У нее было двое детей...»

Сын Н. М. Бессель, Арнольд, гордился тем, что является правнуком Пушкина. Е. Н. Бибикова утверждала, что он «унаследовал... пылкий характер» поэта, «владел русским языком и собирал портреты» Пушкина и литературу о нем.

«В рейнских провинциях... в полках не любили пруссаков, а после объединения Германии в баварские и нассауские полки посыпались прусские командиры... Бессель был всегда с ними в контрах, и пришлось <ему> уйти в отставку»³.

Во время второй мировой войны Арнольда Бесселя, как вспоминала Е. Н. Бибикова, «не посылали на Восточный

фронт за его отчасти русское происхождение...». Скончался он во французском плену летом 1945 года...

Сын Н. А. Пушкиной и М. Л. Дубельта Леонтий Михайлович учился в Пажеском корпусе. По свидетельству Е. Н. Бибиковой, «Леня имел необузданный нрав... и, недолго думая, всадил перочинный нож в бок товарищу», который однажды — нечаянно или нарочно — залил чернилами его чертеж. «Тот поднял крик, началась суматоха, раненого отвезли в лазарет, а на Дубельта никто не обратил внимания». Двенадцатилетний внук Пушкина, вообразив, что за этот проступок его расстреляют, «вернулся домой, вошел в пустой кабинет деда П. П. Ланского, взял револьвер и выстрелил себе в грудь».

Мальчика вылечили, но пулю извлечь не смогли, и он вследствие этого ранения всю жизнь страдал эпилепсией.

Из Пажеского корпуса Леонтий был отчислен. П. П. Ланской устроил его в Морской корпус, который юноша окончил с отличием. В 1880 году, как видно из письма А. А. Пушкина к Ф. П. Корнилову от 18 апреля того же года⁴, Л. М. Дубельт служил во флоте мичманом. По причине плохого здоровья Дубельту не разрешали нести вахту. Он жаловался на это военному министру, но ничего не добился и в конце концов покинул флотскую службу. Позже, проучившись два года на минных курсах в Кронштадте, из-за участвовавших припадков падучей вышел в отставку, имея чин капитана 2-го ранга.

По мнению Е. Н. Бибиковой, ее двоюродный брат Л. М. Дубельт «был талантливый юноша, писал юмористические стихи и чудно рисовал...».

На пушкинских торжествах 1880 года в Москве вместе с Натальей Александровной был и ее двадцатичетырехлетний сын Леонтий Михайлович Дубельт, морской офицер, внешностью своей, как свидетельствует один из современников, «напоминавший экзотический облик Пушкина»⁵.

Через год Л. М. Дубельт напечатал в журнале «Нива» (1881, № 5) портрет своей матери в юности, гравированный Б. Пуцем по рисунку П. Лебедева с блестяще исполненного оригинала И. К. Макарова.

Николай Александрович Пушкин, в детские годы общавшийся со своим двоюродным братом Л. М. Дубельтом, который был старше его на 30 лет, в старости писал Н. С. Шепелевой, что с годами болезнь Леонтия Михайловича заметно прогрессировала и часто он бывал

«совершенно ненормальным». Однако Л. М. Дубельт, «несмотря на приступы бешенства», всегда «сдерживался» в присутствии дяди — А. А. Пушкина. Лишь однажды, в чем-то провинившись перед Александром Александровичем и не смея ему возражать, он в клочки разорвал зубами собственную португую...

Н. А. Пушкин считал, что свой неукротимый характер Дубельт-младший «унаследовал, конечно, от отца», Михаила Леонтьевича Дубельта.

Леонтий Михайлович состоял в браке с княжной Агриппиной Оболенской. В 1894 году, тридцати девяти лет, он умер во время приступа эпилепсии. Похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге...

Анна* Михайловна Дубельт, младшая дочь Н. А. Пушкиной и М. Л. Дубельта, родилась в 1861 году. Близко знавшая ее на протяжении многих лет М. П. Арапова (ее двоюродная племянница) рассказывала мне, что внучка Пушкина была «очень умная женщина, в молодости писала хорошие стихи. Но жизнь у нее сложилась неудачно. Ее муж Александр Павлович Кондырев страдал тяжелой формой алкоголизма и рано умер»**.

Овдовев в феврале 1900 года, Анна Михайловна осталась с тремя малолетними детьми — двумя сыновьями, восьми и двух лет, и дочерью шести лет. Семья жившего в Гатчине двоюродного брата, Петра Ивановича Арапова, поддерживала ее материально. Анна Михайловна с детьми неделями гостила в Гатчине.

И все-таки острая нужда заставила внучку Пушкина неоднократно обращаться за помощью в Постоянную комиссию для пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Петербургской Академии наук. Так, в январе 1905 года она писала: «Мой сын Павел Кондырев принят на казенный счет в Александровский лицей, на что он имеет право как родной правнук А. С. Пушкина, но мне необходимо подготовить его к вступительному экзамену, а у меня до того ограниченные средства, что взять ему репетитора... для меня крайне затруднительно. Оттого я и решила беспокоить Вас покорнейшей просьбой исходатайствовать мне единовремен-

---

* В семье ее звали Ниной. Это «домашнее» имя внучки Пушкина встречается в печати, в том числе и в некоторых серьезных пушкиноведческих трудах. Кое-кто даже считал, что Анна Михайловна и Нина Михайловна — разные лица.

** А. П. Кондырев в 1880 г. окончил Александровский лицей в Петербурге с чином 12-го класса. В дальнейшем титулярный советник, служил в министерстве внутренних дел.

ное пособие на воспитание сына до мая месяца». О своем бедственном положении Анна Михайловна Кондырева сообщала и Николаю II в письме от 10 апреля 1900 года⁶.

Единовременные пособия на воспитание и содержание детей назначались ей трижды: в мае 1899 года, по случаю 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина, — 600 рублей, в апреле 1900 года — 120 рублей, в январе 1905 года — 50 рублей. В дальнейшем прошения внучки поэта о пособиях комиссия отклоняла «за недостатком средств»⁷.

Из хранящегося в Ленинградском государственном историческом архиве документа 1910 года видно, что Павел Кондырев воспитывался в Лицее «на стипендию А. С. Пушкина» и что он «окончит курс наук... весной 1913 года»⁸.

Несколько лет назад мне удалось узнать, что Павел Александрович имел склонность к литературному труду: писал для «Лицейского журнала», переводил произведения французского писателя и критика Теофиля Готье и английского поэта и драматурга Оскара Уайльда. В 1919 году он пропал без вести в Петрограде.

Летом того же года скончалась в Петрограде и Анна Михайловна Кондырева. Она жила в доме для престарелых, откуда изредка приходила обедать к своим родственникам Араповым на Старо-Невский проспект. Младших детей Кондыревой тогда уже не было в живых. Девятилетняя Наталья умерла от менингита в 1903 году, Александр, учившийся, как и его старший брат, в Александровском лицее, покончил с собой в 1915 году.

Вот что рассказывают о Кондыреве-младшем бесстрастные архивные материалы.

В 1910 году совет Александровского лицея, рассмотрев прошение А. М. Кондыревой о принятии ее сына Александра на бесплатное содержание в Лицей и «принимая во внимание стесненное материальное положение его матери и имея в виду, что Александр Кондырев является прямым потомком поэта... единогласно постановил всеподданнейше испросить... Вашего Императорского Величества соизволения на принятие, в виде отступления от общего правила, правнука великого лицеиста на бесплатное содержание в императорский Александровский лицей»⁹.

А через пять лет, в апреле 1915 года, в донесении попечителя Лицея А. С. Ермолаева сообщалось следующее: «12 сего апреля около 7 часов утра воспитанник 5 класса императорского Александровского лицея Александр Кондырев, 17 лет, выбросился из форточки пятого этажа и убится насмерть. Воспитанник Кондырев, пра-

внук А. С. Пушкина, занимал стипендию великого поэта. <...> Постановлением преподавательского совещания от 11 апреля и конференции Лицея от того же числа воспитанник Кондырев был назначен к оставлению на второй год в классе (он уже оставался на второй год в старшем приготовительном классе), вследствие неуспешности. На совещании преподавателей не раз возникал вопрос об удалении Кондырева из Лицея вследствие того, что он отличался необузданным характером и не поддавался воспитательному воздействию; вопрос этот возбуждался и вчера, но ему оказали снисхождение.

Известие об оставлении на второй год он спокойно принял от своего курсового воспитателя и не внушил наблюдавшим за ним товарищам и дежурному воспитателю опасений относительно своих намерений. В седьмом часу утра он встал, заявил служителю, что будет заниматься, и выбросился из форточки уборной. Смерть последовала весьма быстро, вследствие раздробления теменных костей и основания черепа...»¹⁰

Свою «взрывную» натуру Александр Кондырев унаследовал, несомненно, от ближайших родственников по матери — деда и дяди, Михаила Леонтьевича и Леонтия Михайловича Дубельтов (о них говорилось выше), а также от отца, Александра Павловича Кондырева, который, подобно Дубельтам, нередко проявлял крайнюю психическую неуравновешенность. Но в характере юного потомка поэта было что-то и от душевной пылкости самого Пушкина. Только у Кондырева пылкость эта вылилась в форму болезненного, неуправляемого протеста, что и привело его к столь ранней гибели.

Анне Михайловне Кондыревой принадлежало переданное ей матерью, графиней Н. А. Меренберг, письмо А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой, отправленное в конце октября 1830 года из Болдина в Москву. Из всех известных нам писем поэта к невесте только это написано по-русски. Отчаявшийся поэт, который из-за холерного карантина не мог выехать из Болдина и был отрезан от всего мира, от друзей, родных и любимой, тревожившийся за их жизнь и здоровье, взволнованно писал: «Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте. <...> Где вы? что вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив, и то хорошо».

София Николаевна Меренберг, внучка А. С. Пушкина. Фотография около 1890 г.

Это ценное письмо А. С. Пушкина А. М. Кондырева еще в 1890 году принесла в дар Пушкинскому музею Александровского лицея.

Старшая дочь Натальи Александровны Меренберг от второго брака, графиня София Николаевна Меренберг (в замужестве графиня де Торби), родилась в Женеве 20 мая 1868 года. В феврале 1891 года она стала морганатической женой великого князя Михаила Михайловича Романова. Разгневанный этим брачным союзом Александр III телеграфировал великому герцогу Люксембургскому Адольфу и принцу Нассаускому Николаю Вильгельму: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имевший места».

Герцог не замедлил ответить: «Я осуждаю в высшей степени поведение моего брата* и полностью разделяю мнение вашего величества»¹¹. Непризнание русским государем брака внучки Пушкина с внуком Николая I вынудило супругов навсегда остаться в Англии.

В 1908 году Михаил Михайлович опубликовал в Лондоне посвященный жене — графине Софии Николаевне де

---

* Герцог имел в виду Николая Вильгельма Нассауского, давшего согласие на брак дочери.

Торби — автобиографический роман «Never say Die»*, в котором резко осуждал узаконенные правящими кругами правила бракосочетания высокопоставленных лиц, фактически исключаящие супружеские узы по собственному влечению молодых людей, по любви. Автор критически, с иронией рассказывал и о том, как по-настоящему хороших, деловых людей травят те, кто стоит ближе к трону.

Это произведение великого князя поступило в продажу и в России. Хотя действие романа происходит в другой — «королевской» — стране, царское правительство было встревожено. Министр внутренних дел П. А. Столыпин в июне 1908 года разослал всем губернаторам и наместникам России «совершенно секретные» письма, в которых сообщал о том, что отдано распоряжение «о воспрещении вывоза из-за границы этого романа и о наложении на произведение ареста... в случае, если бы этот роман был отпечатан в России на русском или иностранных языках»¹². Адресатам предлагалось сделать соответствующие распоряжения «по высочайше вверенным» им губерниям и наместничествам.

Когда летом 1914 года Россия вступила в войну с Германией, великий князь Михаил Михайлович отправил письмо Николаю II с просьбой разрешить ему вернуться на родину. Но последний русский царь не удостоил своего родственника ответом. Тогда Михаил Михайлович, поскольку «неловко было в военное время оставаться в Лондоне без определенных занятий», поступил на службу в качестве секретаря к генерал-лейтенанту Н. С. Ермолову — военному представителю России в Англии в годы первой мировой войны. Об этом Ермолов «не без гордости» рассказывал генералу А. А. Игнатьеву, будущему автору мемуаров «Пятьдесят лет в строю»¹³.

...У графини де Торби долгие годы находились перешедшие к ней от матери десять писем А. С. Пушкина к невесте Наталье Николаевне Гончаровой и одно к теще Н. И. Гончаровой.

В 1927 году София Николаевна умерла**. Известный меценат, театральный деятель и коллекционер автографов великих людей Сергей Павлович Дягилев «сумел так обворожить ее престарелого мужа и дочерей, что в следую-

---

* «Не унывай» (англ. пословица).

** Автор некролога «Смерть графини Торби», опубликованного в «Berliner Zeitung am Mittag» 17 сентября 1927 года, № 244, доктор А. фон Вилке, характеризует покойную внучку Пушкина, назвал ее «одной из самых красивых женщин своего времени».

шем году они уступили эти письма безудержному собирателю»¹⁴.

После кончины С. П. Дягилева (1929) пушкинские письма перешли в коллекцию к С. М. Лифарю, который в 1935 году издал их факсимильно маленьким тиражом. Один из нумерованных экземпляров находится в Пушкинском Доме.

Есть сведения о том, что у Софии Николаевны хранилась шкатулка с документами о дуэли и смерти Пушкина¹⁵, а также письма Натальи Николаевны Пушкиной к мужу. Незадолго до первой мировой войны Петербургская Академия наук обратилась к великому князю Михаилу Михайловичу с просьбой предоставить эти письма для академического издания сочинений поэта, и тот ответил согласием. Но пароход, на котором будто бы отправили письма в Россию, был торпедирован немецким крейсером и затонул. Насколько верна эта версия — судить трудно. Достоверных данных о местонахождении писем Натальи Николаевны к Пушкину, если они сохранились, пока нет.

О сестре графини С. Н. де Торби, Александре Николаевне Меренберг, известно, что она была замужем за аргентинским дипломатом Максимо д'Элиа и жила в Буэнос-Айресе. Скончалась на восемьдесят первом году жизни. Детей у Александры Николаевны не было, и все свое состояние она оставила племяннице — графине Ольге Георгиевне Лорис-Меликовой.

Георг Николай (Георгий Николаевич) Меренберг был женат на светлейшей княжне Ольге Александровне Юрьевской — дочери Александра II от мorganатического брака с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой¹⁶, а после ее смерти — на Аделаиде Моран Брамбеер. Жил Меренберг в Висбадене и совсем не говорил по-русски¹⁷.

В середине 1900-х годов внук Пушкина выступил претендентом на люксембургский трон. Монархом этой страны был тогда владетельный герцог Вильгельм Нассауский — сын великого герцога Адольфа и племянник принца Николая Вильгельма Нассауского. Граф Георг Николай Меренберг, кузен герцога Вильгельма, оказался к тому времени единственным, не считая самого герцога, представителем мужского пола в фамилии Нассауских.

Таким образом, по существовавшим тогда законам герцогства Люксембургского, внук «царя русской поэзии», как называл Пушкина Н. О. Лернер, имел бесспорное право на люксембургскую корону. Женская же линия

Александра Николаевна Меренберг, внучка А. С. Пушкина, с племянницей Зией (Анастасией Михайловной) де Торби. Фотография 1910-х гг.

Георг Николай Меренберг, внук А. С. Пушкина. Фотография 1914 г.

Нассауского дома могла быть призвана на престол лишь в том случае, «если угаснет последний мужской представитель династии».

Обеспокоенный такой перспективой занимаемого им трона, немолодой уже герцог Вильгельм позаботился о том, чтобы этого не произошло. В 1907 году, то есть за пять лет до смерти, он внес вопрос о престолонаследии на рассмотрение люксембургского парламента. Высший законодательный орган страны признал, что, поскольку отец графа Меренберга, принц Николай Вильгельм Нассауский, был женат «на особе не из владетельного дома» и, следовательно, этот брак считается неравным, его потомки не имеют права наследовать престол. Из сорока восьми депутатов парламента только семь подали свои голоса за приглашение на трон Георга Николая Меренберга, остальные проголосовали против. Законной наследницей была названа герцогиня Мария Аделаида, старшая дочь великого герцога Вильгельма, которая впоследствии, после кончины отца (1912), и заняла трон.

Узнав о постановлении парламента, граф Меренберг обратился с гражданским иском в висбаденский суд. Он требовал передачи ему майоратных владений Нассауского дома, которые оценивались в несколько десятков миллионов марок. В начале 1909 года суд объявил решение не в пользу потомка Пушкина.

Однако еще до вынесения судебного решения люксембургский двор предложил Георгу Николаю Меренбергу отказаться от своих притязаний на трон и на великогерцогский майорат. В случае согласия графа ему гарантировали выплату миллиона марок и княжеский титул.

Меренберг вначале не принял условия высокопоставленного кузена, но потом передумал: от собственного имени и от имени своих детей он навсегда отказался от прав на престол за ежегодную ренту в размере 40 тысяч марок и крупную единовременную субсидию.

По мнению знатоков династического права, у внука Пушкина были очень серьезные шансы вступить на люксембургский трон, тем более что «сам великий герцог Адольф... признавал брак своего брата с Н. А. Пушкиной и законным, и достойным»¹⁸.

„РОССИИ
ДВИНУЛИСЬ СЫНЫ...“

В гостях у правнука

Двадцать второго июня 1941 года на мирную землю Страны Советов упали первые бомбы. В годы военных испытаний — на фронте и в тылу — новую силу и особый смысл обрели пламенные пушкинские строки:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных.
Сердца их мшеньем зажжены.

Поэзия А. С. Пушкина вдохновляла на ратные и трудовые подвиги наших соотечественников. Среди них были и потомки поэта, в том числе его правнук Григорий Григорьевич Пушкин. Он доблестно прошел боевой путь советского воина, защитника родной земли. Родина наградила его орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями.

...Познакомился я с ним в 1970 году. Дверь открыл невысокий стройный мужчина в легком домашнем костюме, в очках. В его молодежовом, живом, энергичном лице угадывались черты великого прадеда.

О себе Г. Г. Пушкин говорил скупыми, словно спрессованными фразами. Он называл только самые значительные факты своей биографии, самые памятные даты.

— Родился я, — рассказывал Григорий Григорьевич, — в Лопасне шестого декабря тысяча девятьсот тринадцатого года. Двенадцати лет поступил в семилетнюю школу, сразу в пятый класс. В этой же школе преподавала моя мать, Юлия Николаевна Пушкина. В двадцать девятом — тридцать втором годах учился в сельскохозяйственном техникуме, где получил специальность зоотехника. А затем в связи с переездом родителей в Москву поступил на работу во Всесоюзный институт животноводства. Там был лаборантом микробиологической лаборатории. В тридцать четвертом году ушел досрочно в армию, по спецнабору. Участвовал в войне с белофиннами, в событиях 1939 года на Западной Украине и в Западной Белоруссии. В сороковом году по комсомольской путевке был направлен на работу

Потомки А. С. Пушкина — участники Великой Отечественной войны (слева направо): О. В. Кологривов, Г. Г. Пушкин, С. Е. Клименко, С. Б. Пушкин, Б. Б. Пушкин, А. В. Кологривов. С картины худ. В. И. Переяславца. 1950-е гг.

в Московский уголовный розыск. Там и застала меня Великая Отечественная война.

В сентябре сорок первого года, — продолжал правнук поэта, — я добровольно ушел в специальный партизанский отряд, который действовал на Наро-Фоминском и Волоколамском направлениях. Был разведчиком. Командовал подразделением особого назначения. Под Волоколамском был ранен. Лежал в госпитале. С сорок второго воевал сначала на Западном фронте, а позднее на Втором Украинском. Участвовал в освобождении Калинина*, в боях под

---

* Теперь городу возвращено прежнее название — Тверь.

Григорий Григорьевич Пушкин, правнук А. С. Пушкина, с дочерью Юлией и сыном Александром у памятника великому поэту в Москве.
Фотография 10 февраля 1981 г.

Старой Руссой (в десантных войсках), сражался на Курской дуге, освобождал Сумы, Харьков, Николаев. Был контужен при форсировании Днепра. Воевал под Керчью... В октябре сорок шестого года меня уволили в запас — вернулся в Москву. Четырнадцать лет, с пятьдесят пятого по шестьдесят девятый год, работал печатником в типографии газеты «Правда». Теперь — на пенсии...

Через год я снова побывал у Г. Г. Пушкина. На этот раз меня встретила его жена Мария Ивановна — приветливая женщина лет пятидесяти. Она только что вернулась с работы.

— Проходите, пожалуйста,— любезно пригласила М. И. Пушкина,— Гриша скоро придет.

До возвращения мужа Мария Ивановна охотно делилась семейными новостями:

— За год у нас многое изменилось. Начну с Саши, сына. Его в мае прошлого года призвали в армию. Служит под Брестом, пишет нам часто. До армии, окончив курсы шоферов, он работал несколько месяцев водителем грузовой машины. А вот у Юлии минувшим летом, двадцать пятого июля, родился второй сын — Костя... Константин Валерьевич Сухарев, прапраправнук Пушкина!

Вижу, вижу,— засмеялась моя собеседница,— как услышали о новом потомке Александра Сергеевича, так сразу за карандаш и блокнот схватились. Что ж, вносите в свой реестр и нашего внука.

И опять потекла беседа.

— Юля работает в Министерстве энергетики и электрификации. Теперь она старший инженер. Ее первенцу, Олегу Пушкину, осенью десять лет исполнится...

Вскоре вернулся домой Григорий Григорьевич. За ужином говорили о пушкинской генеалогии. М. И. Пушкина принесла из соседней комнаты пачку фотографий и несколько любопытных семейных вещей. Среди них был массивный бронзовый чернильный прибор, когда-то принадлежавший дочери поэта Марии Александровне Гартунг.

Показали мне и старинную бумагу: «Я, нижеподписавшаяся, дала сию подписку в том, что я на вступление в брак с свиты его величества генерал-майором Александром Александровичем Пушкиным согласна. Июня 15 дня 1883 года. Дочь гвардии полковника Мария Александровна Павлова».

Заверено нотариусом. Печать. Регистрационный номер. Все как полагается. Документ не только семейный

(генерал-майор А. А. Пушкин, о котором говорится в подписке,— родной дед Григория Григорьевича Пушкина), но и исторический: с такой подписки дворяне начинали брачную жизнь...

Г. Г. Пушкин неторопливо рассказывал и о своем дедушке А. А. Пушкине (о нем он знает по воспоминаниям родственников), и об отце Г. А. Пушкине, и о себе, точнее — о своем участии почти во всех праздновавшихся в последние десятилетия юбилеях, связанных с памятью его прадеда.

— ...Хочу отметить,— продолжал Григорий Григорьевич,— что в Пскове участников праздников поэзии встречают особенно радушно. Никогда не забуду, как псковичи, собравшиеся в Театре драмы имени Пушкина, стоя, громко аплодируя, слушали поэта Давида Кугультинова, напомнившего слова моего прадеда о том, что слух о нем «пройдет по всей Руси великой», а его имя вспомнит «и друг степей калмык». Затаив дыхание, жадно ловили каждое слово гостей и жители города Новоржева: там мы тоже были в один из дней поэзии. И где бы ни приходилось мне выступать — в школах или воинских частях, в литературных кружках или рабочих коллективах,— везде я чувствовал огромную, всенародную любовь к Пушкину...

Воин, ученый, педагог...

Рассказывать о потомках Пушкина всегда трудно, потому что рядом с ними мысленно видишь и его — главу семьи, родоначальника, великого русского поэта. Невольное сопоставление порой приносит радость, иногда — огорчает...

Но во сто крат труднее, ответственнее писать о тех потомках Пушкина, кто своими незаурядными трудами вписал славную страницу в отечественную историю. Таким был — среди многих других — праправнук поэта Александр Сергеевич Данилевский, выдающийся советский биолог, ученый с мировым именем. Перефразируя пушкинские слова, с полным правом можно сказать, что он уважен не только за имя своего великого пращура, но и за личные немалые заслуги.

...А. С. Данилевский родился 19 февраля 1911 года на Полтавщине, в селе Олефировка Миргородского уезда. Здесь прошло его раннее детство. Отец, Сергей Дмитриевич Данилевский, окончив Петровско-Разумовскую академию и получив звание агронома, занялся своим неболь-

шим хозяйством и сумел сделать его образцовым, за что неоднократно получал медали на различных выставках. Мать, Софья Николаевна Данилевская (урожд. Быкова), — правнучка Пушкина и внучатая племянница Гоголя. Подробный рассказ о ней — в одной из следующих глав.

До семилетнего возраста Саша был болезненным, слабым ребенком, и родители жили в постоянной тревоге за его здоровье. Мальчику не исполнилось еще и восьми лет, когда умер от испанки отец. Положение семьи стало чрезвычайно тяжелым: на руках Софьи Николаевны осталось пятеро малолетних детей, шла гражданская война...

Вскоре С. Н. Данилевская переехала в Полтаву, где ей удалось получить скромную квартиру. По утрам она работала в детских яслях, потом шла на спектакли, а вечером выступала в концертах.

Домашними делами в основном занимались дети, которым в 1920 году было от шести до двенадцати лет. К поручениям матери они относились не по-детски серьезно. И выросли все трудолюбивыми, честными. К матери они всегда проявляли особую душевную чуткость. И на склоне лет С. Н. Данилевская говорила о них с уважением и благодарностью.

Из-за отсутствия зимней одежды и обуви все дети Софьи Николаевны поступили в школу с опозданием; в девять лет пошел учиться и Саша. Секретарь Полтавского городского комитета партии, большой почитатель Пушкина, узнав о бедственном положении семьи потомков поэта, распорядился, чтобы мальчику выдали одежду и обувь.

Саша умел читать в пять лет, причем выучился совершенно самостоятельно. У него была превосходная память. В семье его в шутку называли ходячей энциклопедией.

Еще до поступления в школу Данилевский подружился с соседским пареньком Колей Веверном, который увлекался коллекционированием бабочек. Это занятие заинтересовало и Сашу. Вскоре у него появились расправилки и сачки, с ними он отправлялся в окрестности Полтавы и там собирал бабочек и других насекомых.

Уже в школьные годы увлечение Данилевского коллекционированием насекомых стало приобретать научный характер. Во 2-й трудовой школе с помощью учителя группа ребят организовала кружок живой природы. Одним из самых активных и любознательных в нем оказался Саша.

Рано проявились у него и способности к рисованию. В школе этот предмет вела Александра Ивановна Роши-

на, выпускница Академии художеств¹. Она организовала художественный кружок, который посещал и Саша Данилевский. На детских выставках он, как лучший рисовальщик, не раз получал премии.

Александра Ивановна убеждала мальчика поступить в художественную школу. Говорила об этом и его матери. Но он уже чувствовал свое призвание...

Саше Данилевскому было около двенадцати лет, когда он стал посещать Полтавский городской музей, чтобы в свободное от уроков время углубленно заниматься там любимым делом — изучением насекомых. Пытливого школьника и его товарищей сердечно встретил орнитолог Н. И. Гавриленко, заведовавший в музее отделом природы. Он стал первым научным руководителем будущего ученого: укрепил в нем живой интерес к естественным знаниям, заложил основы его материалистических взглядов. Н. И. Гавриленко часто поручал Саше приводить в порядок различные коллекции, пополнять их, проверять правильность подписей. Полтавский зоолог первый заметил в Данилевском незаурядные научные способности, о чем и сообщил Софье Николаевне, надеясь, что та позаботится о дальнейшем образовании сына.

Однажды за какую-то особенно сложную работу в музее Саша получил три рубля. Счастливый и смущенный пришел он домой, неуклюже сунул деньги матери: «Заплатишь за электричество или за починку башмаков».

В двенадцать-тринадцать лет Саша и его школьные друзья Миша Протопопов и Женя Миляновский* любили дальние походы с ночевками в лесу. Уходили за десятки километров от Полтавы. Например, в Диканьку, Трибы...

Чтобы матери не беспокоились, подростки нашли простой выход. Саша и Женя говорили дома, что они сегодня ночуют у Миши, а Миша просил у своей матери разрешения остаться на ночь у Данилевских. Усыпив таким образом бдительность домашних, друзья собирали необходимое для путешествий снаряжение: старые лампы-«молнии» и простыни-экраны для ловли ночных бабочек на свет, медовый раствор для ловли на приманку. Еды почти не брали, разве что кусок хлеба. Об этих удивительных экскурсиях-походах по родному краю они сохранили самые лучшие воспоминания.

Увлеченность наукой не мешала Саше оставаться

---

* Михаил Протопопов, талантливый орнитолог, студент Московского университета, погиб на фронте в начале Великой Отечественной войны; Евгений Семенович Миляновский, энтомолог и коллекционер, жил под Сухуми, умер в 1977 году.

по-прежнему веселым, живым и шаловливым. Он и в четырнадцать-пятнадцать лет принимал самое горячее участие во многих мальчишеских проказах. Товарищи его любили.

Как-то раз ребята затеяли снежную войну между двумя школами, стоявшими на противоположных концах общего двора. Они вошли в такой азарт, что их никто не мог остановить. Кончилось это тем, что многих, в том числе и Данилевского, исключили из школы сроком на две недели. Однако добрая А. И. Рощина в буквальном смысле слова выплакала у директора «помилование» шалунам...

После семилетки Саша Данилевский собирался поступить в садово-огородный техникум. Но счастливый случай круто изменил его судьбу. Вдова Александра Николаевича Быкова, брата С. Н. Данилевской, Тамара Михайловна Филатова (в первом браке Франческо) вышла замуж за известного советского историка и общественного деятеля Б. Д. Грекова (1882—1953), впоследствии, с 1935 года, академика. Борис Дмитриевич и Тамара Михайловна пригласили семнадцатилетнего Александра в Ленинград для завершения образования. В семье Грековых А. С. Данилевский жил до самой войны.

В Ленинграде Александр Данилевский поступил в выпускной класс средней школы, а после окончания его, в 1930 году, — в Институт прикладной зоологии и фитопатологии (ИЗИФ).

Приезжая на каникулы к матери, Данилевский работал на Полтавской опытной станции, которая считалась одним из крупных энтомологических центров страны.

В 1933 году Александр Сергеевич, с отличием окончив вуз и получив звание агронома по защите растений, был принят на работу во Всесоюзный институт защиты растений.

К тому времени он уже зарекомендовал себя как сложившийся энтомолог, успешно работавший в области фаунистики и систематики насекомых, их пищевой специализации. Молодой ученый занимался также систематикой малоисследованных групп чешуекрылых.

В 1934 году, в период массовых репрессий в стране, Данилевский из-за своей дворянской принадлежности (только в этом и состояла его «вина») был в административном порядке выслан из Ленинграда в Казахстан. И лишь благодаря смелым и настойчивым хлопотам Б. Д. Грекова, М. А. и Т. Г. Цявловских, С. П. Кологривовой и других бесстрашных людей через год с небольшим его ре-

абилитировали: Александру Сергеевичу и его жене разрешено было возвратиться в Ленинград. Но ссылка имела для праправнука Пушкина непредвиденное последствие: распалась только что сложившаяся семья...

В 1936 году А. С. Данилевский поступил в аспирантуру кафедры энтомологии Ленинградского университета, а с 1939 года был ассистентом на этой кафедре.

Предвоенные годы сыграли определяющую роль в становлении Александра Сергеевича как исследователя. Немалое значение для него имела, несомненно, совместная работа с известными советскими энтомологами профессорами И. В. Кожанчиковым и Н. Я. Кузнецовым. К тому времени относится и встреча Данилевского со студенткой кафедры энтомологии Галиной Шельдешовой. Незадолго до войны она стала его женой. В течение их совместной жизни Галина Григорьевна была верным другом и надежным помощником А. С. Данилевского, а порой и соавтором научных трудов. Она выполняла трудоемкую техническую работу по подготовке его рукописей к печати, была их первым редактором и критиком. Из общих публикаций супругов большую известность получили работы по изучению вредителя садов — грушевой плодовой гнили, по экологии яблонной плодовой гнили, по некоторым разделам фотопериодизма. Значительно участие Г. Г. Шельдешовой в подготовке монографии А. С. Данилевского «Фотопериодизм и сезонное развитие насекомых» (1961). Это повседневное творческое сотрудничество, которое обогащало обоих, Александр Сергеевич очень ценил.

Многие годы кандидат биологических наук Галина Григорьевна Шельдешова работала научным сотрудником в одной из лабораторий Зоологического института АН СССР. Теперь она на заслуженном отдыхе.

Единственный сын Галины Григорьевны и Александра Сергеевича, Сергей, родившийся в день начала войны — 22 июня 1941 года, не пошел по стопам родителей. Его привлекла геология. Окончив геологический факультет ЛГУ, Сергей Александрович по распределению уехал в город Ухту (Коми АССР), где работает по избранной специальности в научно-исследовательском институте.

Дальние расстояния не нарушили близости отношений, существовавших между отцом и сыном. Большую радость приносили обоим их нечастые встречи. Широко эрудированный ученый, Александр Сергеевич легко ориентировался в современных проблемах всех естественных наук. Его мнения, советы и замечания всегда были для Сергея не только интересны, но и полезны.

Вся научная и педагогическая деятельность Александра Сергеевича Данилевского была связана с Ленинградским университетом. Ее прервала на четыре года лишь Великая Отечественная война.

В июле 1941 года Александр Сергеевич вступил в ряды народного ополчения. Его назначили старшиной роты в отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне Василеостровской дивизии народного ополчения. Батальон состоял в основном из преподавателей и аспирантов разных факультетов университета. Были в нем и инженерно-технические работники военного завода.

Восемнадцатого июля артиллерийско-пулеметный батальон отправили из Ленинграда под Красное Село. В роту, где служил А. С. Данилевский, однажды пришла военврач Н. Н. Трауготт, позднее профессор Ленинградского института эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова АН СССР. В разговоре о санитарном режиме части Александр Сергеевич поразил ее широкими медико-биологическими познаниями.

— Он знал такое, — вспоминала Наталья Николаевна в беседе с автором книги, — о чем я, капитан медицинской службы, и понятия не имела. Когда узнала, что Александр Сергеевич энтомолог, сразу же добилась перевода его в санинструкторы.

Из Красного Села батальон перевели под Гатчину. Ополченцы рыли окопы, ходили в разведку, вместе с мирным населением строили дзоты. В редкие часы фронтового затишья бойцы собирались в санитарной землянке батальона, пели песни, читали стихи. Н. Н. Трауготт помнила, как Данилевский задушевно декламировал Пушкина и других поэтов, пел русские и украинские народные песни.

Когда в сентябре немцы перешли в наступление, батальон принял участие в боевых действиях. 12 сентября разгорелся жаркий бой. Потери были огромны. Командир батальона и комиссар погибли. Военврач Трауготт и санинструктор Данилевский выносили с поля боя раненых, а их количество, казалось, не уменьшалось...

На следующий день батальон отступил в район Пулкова. А потом был отозван в Ленинград. В середине сентября 1941 года батальон расформировали. А. С. Данилевского, уже имевшего звание лейтенанта медицинской службы (Н. Н. Трауготт с улыбкой говорила мне, как она нашивала ему лейтенантские кубики на гимнастерку),

Александр Сергеевич Данилевский, праправнук А. С. Пушкина. Фотография первой половины 1940-х гг.

Александр Сергеевич Данилевский. Фотография 1946 г.

отправили в резерв санитарного отдела Ленинградского фронта.

Летом 1943 года судьба вновь свела на фронтовых дорогах А. С. Данилевского и Н. Н. Трауготт. В то время Наталья Николаевна служила в терапевтическом госпитале 67-й армии под Псковом. В войсковых частях были зарегистрированы случаи заболеваний дизентерией и тифом. Для выяснения причины туда направили А. С. Данилевского: он был уже помощником начальника медико-эпидемиологического отдела Ленинградского фронта.

Эпидемиологическая служба в блокадном Ленинграде была поставлена достаточно хорошо, случаи инфекционных заболеваний отмечались редко. В этом большая заслуга Александра Сергеевича Данилевского. Как биологу с обширными познаниями, ему поручили заняться эпидемиологией туляремии, особенно опасной в условиях блокады.

Работая в лаборатории с переносчиками туляремии — крысами и блохами, Александр Сергеевич сам заразился этим коварным заболеванием, но полученные им результаты многочисленных экспериментов помогли приостановить, а затем и совсем ликвидировать начинавшуюся эпи-

демию. Профессор С. В. Висковский, главный эпидемиолог Ленинградского фронта, чрезвычайно высоко ценил самоотверженную работу молодого ученого. За большие заслуги в борьбе с туляремией А. С. Данилевский был награжден орденом Красной Звезды.

Не избежал Александр Сергеевич страшного последствия блокадного голода — дистрофии, несколько недель лежал в госпитале. А едва встав на ноги, не только принялся выполнять многотрудные служебные обязанности, но и напряженно — большей частью ночами, при свете коптилки — продолжал работать над кандидатской диссертацией, которую блестяще защитил 5 апреля 1943 года.

В диссертации А. С. Данилевского были обобщены результаты его довоенных исследований по взаимосвязи насекомых с кормовыми растениями и по акклиматизации в СССР новых видов шелкопрядов. Достоинно восхищения уже то, что ученый занимался этими сугубо мирными научными проблемами в тяжелейших условиях войны и блокады, в дни, когда на ленинградские улицы падали фашистские бомбы и снаряды.

Великую Отечественную войну Александр Сергеевич Данилевский закончил капитаном медицинской службы. Демобилизовавшись, он возвратился в Ленинградский университет. Сначала занимал должность доцента кафедры энтомологии, а с 1955 года заведовал этой кафедрой.

В 1962 году А. С. Данилевский защитил докторскую диссертацию, в следующем году стал профессором. С 1966 года был деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ.

Многие годы Александр Сергеевич работал одновременно и в Зоологическом институте АН СССР. В 1951—1960 годах он заведовал там отделением чешуекрылых. Творческую связь с этим научным учреждением профессор Данилевский поддерживал до конца жизни.

Известная ученым-биологам всего мира монография А. С. Данилевского «Фотопериодизм и сезонное развитие насекомых», ставшая и его докторской диссертацией, была удостоена первой университетской премии. Это фундаментальное исследование ученого получило мировое признание как выдающийся труд по экологии беспозвоночных животных. Книга переиздана в Англии (1965) и Японии (1966).

В 1968 году Александр Сергеевич с огромным успехом выступил с докладом на XIII Международном энтомологическом конгрессе в Москве. Во многих выступлениях

зарубежных исследователей, прозвучавших на этом конгрессе, подчеркивалось, что труды профессора Данилевского представляют новое, оригинальное направление в современной энтомологии. Ученые говорили также о необыкновенной популярности его работ в научных кругах всех стран мира.

Ученым иностранных государств импонировала и разносторонняя образованность их советского коллеги. В частности, внушало уважение то, что Александр Сергеевич свободно владел английским, французским и немецким языками и обширную переписку со своими зарубежными корреспондентами вел не только на русском, но и на любом из этих языков.

Об исключительном авторитете А. С. Данилевского в Советском Союзе и за границей свидетельствуют высокие общественные посты, которые он занимал. Он был членом президиума Всесоюзного энтомологического общества, членом научных советов Ленинградского университета, Зоологического института АН СССР, Всесоюзного института защиты растений, членом редакционной коллегии журнала «Энтомологическое обозрение» и международного журнала «Физиология насекомых», издающегося в Англии².

В 1954 году за плодотворную научно-исследовательскую деятельность А. С. Данилевский был награжден орденом «Знак Почета».

* * *

Побывав на кафедре энтомологии Ленинградского университета, я убедился, что коллеги и соратники А. С. Данилевского, его ученики хранят благодарную память о любимом профессоре, вся жизнь которого была высоким образцом служения науке, Родине. Все, что он успел сделать, и то, что после его преждевременной смерти продолжает делать воспитанная им плеяда ученых — его преемников, будет служить на пользу многим поколениям.

Хотя основными направлениями исследований А. С. Данилевского были систематика, экология и физиология насекомых, у него не было частных работ: в частном он всегда видел явления и закономерности, имеющие общебиологическую значимость.

Исследования Александра Сергеевича показали, что у насекомых фотопериодические реакции не являются видовыми признаками, они подвержены географической измен-

чивости. Из этого факта ученый сделал важный теоретический вывод: процесс видообразования в природе может начинаться с формирования локальных рас, различающихся по экологическим показателям. На основе тех же фактов и теоретических заключений он пришел к практическому выводу, а именно: акклиматизация животных и растений на новых территориях возможна лишь в случае, если экологические признаки соответствуют климатическим условиям этих территорий.

Более ранние работы А. С. Данилевского (1940, 1946), посвященные вопросам акклиматизации айлантового шелкопряда в СССР, тоже дали ученому основание заключить, что экологические требования покоящихся (например, зимующих) стадий вида могут ограничивать область его естественного распространения (ареала).

Обобщив результаты многочисленных экспериментальных исследований, ученый разработал новые представления о сезонной цикличности развития и размножения насекомых, объясняющие роль климатических факторов (света, температуры, влажности и т. д.) в регуляции этой цикличности. Он показал, как следует проводить причинный анализ сезонных циклов жизнедеятельности насекомых с учетом климатических условий каждого географического района. Такой анализ позволяет контролировать сроки развития и размножения вредителей сельского хозяйства, прогнозировать возможность массовых их размножений и заранее принимать необходимые меры.

Важные практические выводы Данилевского, относящиеся не только к физиологии насекомых, но и к физиологии всякого живого организма, имеют большое экономическое значение. Ученый зоотехник из зверосовхоза «Гурьевский» Калининградской области М. И. Казаков писал мне: «Используя некоторые закономерности, следующие из работ А. С. Данилевского, мы занимаемся ускорением созревания мехового покрова голубых песцов. Руководствуясь его трудами по фотопериодизму, мы стараемся один год жизни песцов уплотнить до двух. Если в природе песец выводит потомство один раз в год, то мы сейчас стоим перед реальной возможностью получать его дважды. Работа эта интересная и, главное, нужная народному хозяйству».

Проникая в тайны природы, устанавливая причины и закономерности ее явлений, А. С. Данилевский показал, что следует не только рационально, с наибольшей пользой распоряжаться естественными богатствами при-

Александр Сергеевич Данилевский. Фотография 1951 г.

роды, но и, опираясь на накопленный человечеством опыт, преобразовывать, совершенствовать ее.

У Александра Сергеевича была замечательная черта характера, имевшая огромное воспитательное значение, — он чрезвычайно уважительно относился к мнению других. В любой момент он мог спросить: «Вы слушали доклад такого-то? Как вы считаете, прав он или не прав?» И каждый знал, что это не пустая фраза, не риторический вопрос, что ответ собеседника будет выслушан профессором с большим вниманием. Взгляды коллег, если в них было хоть что-нибудь дельное, обязательно учитывались. Может быть, именно поэтому ученики А. С. Данилевского стремились не отставать от своего учителя. Профессор требовал от них самостоятельных решений, учил не оглядываться на авторитеты, оценивал каждого не по чинам и званиям, не по прошлым заслугам, а в зависимости от того, насколько обоснованно, логично, убедительно высказанное мнение. Случалось, что точка зрения студента оказывалась для Александра Сергеевича более весомой, чем суждение опытного научного работника.

В Александре Сергеевиче Данилевском, по словам сотрудников кафедры энтомологии, был тот сплав благородства и простоты, честности и высокой культуры, который делал его любимцем всех. Свои научные идеи

А. С. Данилевский охотно выносил на суд как ученых, товарищей по кафедре, так и студентов, потому что заботился не только о сегодняшнем дне науки, но и о завтрашнем.

На лекциях (кроме студентов на них приходили и учителя биологии, научные сотрудники биологических учреждений Ленинграда) он часто импровизировал — высказывал своим слушателям массу новых мыслей и соображений. Он не применял каких-то особых ораторских приемов, но его лекции и доклады всегда отличались творческим подходом к вопросам науки, логической стройностью, глубоким содержанием.

Сошлюсь на воспоминание Т. Т. Поповой, в прошлом заведующей отделом во Всесоюзном научно-исследовательском институте льна в городе Торжке Калининской области, о выступлении А. С. Данилевского во Всесоюзном институте защиты растений в 1960 году. Она писала мне:

«Открытые им очень сложные биолого-экологические закономерности размножения насекомых в связи с изменениями длины светового дня... Александр Сергеевич излагал с такой ясностью и убедительностью, в такой блестящей форме, граничащей с художественным произведением, богато иллюстрируя свои положения графическим и коллекционным материалом, что чувствовался не только большой талант ученого, но и выдающееся дарование педагога и пропагандиста.

Красивое лицо, светлые вьющиеся волосы, которые он неоднократно откидывал со лба, молодая, горячая, увлеченная речь и новизна сообщения создавали ощущение редкого праздника.

И когда от руководителя совещания мы узнали, что докладчик не только тезка, но и потомок великого поэта А. С. Пушкина, это ощущение еще усилилось от сознания, что он вполне достоин своего знаменитого предка...»

У Александра Сергеевича был свой эталон человека и ученого, довольно своеобразный. К любому, кто попадал в орбиту его внимания, он относился с искренней заинтересованностью, если видел в нем хотя бы зернышко таланта, увлеченности наукой. И всякой удаче других радовался не меньше, чем собственным успехам. Но к качеству чьих бы то ни было исследовательских работ профессор был строг. В борьбе с лжеучеными А. С. Данилевский без усталости отстаивал незыблемые принципы биологии.

К тому же заведующий кафедрой энтомологии обладал счастливой способностью зажигать людей своими идеями. Рассказывая об А. С. Данилевском, его племянница Лидия Владимировна Савельева, доцент Карельского педагогического института (она прожила в семье Данилевского девять лет), образно заметила, что от Александра Сергеевича «идеи отскакивали, как искры,— ходи и подбирай».

Постоянная неудовлетворенность собой заставляла А. С. Данилевского относиться с исключительной придирчивостью к каждой фразе, к каждому слову собственных статей и книг. Когда уже, казалось, нечего было исправлять и редактировать, он снова и снова возвращался к рукописи, отшлифовывая ее, а если позволяли редакционные планы, то и откладывал на какой-то срок. Так же строго, взыскательно относился А. С. Данилевский к иллюстрациям для своих книг и статей, которые делал в основном сам (посеянное в талантливом ученике художницей А. И. Рошиной не пропало даром!).

Забываясь об улучшении преподавания биологии в средней школе, ученый, невзирая на сверхзанятость, стал одним из авторов принципиально нового учебника «Общая биология» для старших классов. В нем перу Данилевского принадлежит раздел «Организм и среда». Любопытно отметить, что, когда рукопись «Общей биологии» обсуждалась в авторитетных научных и педагогических кругах, главы, написанные Александром Сергеевичем, были оставлены без каких-либо изменений. По этому учебнику, отразившему основы современной научной биологии, с 1966 года учатся школьники всей нашей страны.

Данилевского постоянно волновала проблема воспитания талантливой молодежи. Он не уставал говорить своим коллегам: «Таланты надо отбирать со школьной скамьи». В 1962—1963 годах ученый многое сделал для того, чтобы оживить проведение в Ленинграде школьных биологических олимпиад и других творческих мероприятий. Он был одним из инициаторов этого полезного, перспективного для науки дела. А в 1964 году А. С. Данилевский организовал биологический класс в специализированной школе-интернате при Ленинградском университете. Биологов интерната он пестовал сам. Когда они проходили практику, Александр Сергеевич жил вместе с ними в палатках, учил и воспитывал их.

А. С. Данилевский был убежденным противником ничегонеделания и отличался, как свидетельствует вся

Сергей Александрович Данилевский, прапраправнук А. С. Пушкина.
Фотография 1980—1981 гг.

его научная и педагогическая биография, потрясающим трудолюбием. Он не знал, что такое пассивный отдых, и признавал только смену одного вида деятельности другим. За двадцать четыре послевоенных года ученый не использовал ни одного отпуска: он или отправлялся в научную экспедицию, или садился за письменный стол. Но в редкие часы отдыха Александр Сергеевич становился душой общества и нисколько не был похож на маститого профессора: прост и доступен для каждого.

Со студентами А. С. Данилевский держался как равный с равными, дверь его квартиры гостеприимно распахивалась перед ними. Званных вечеров у Данилевского почти не бывало, но он всегда радовался, когда в день его рождения у него дома собиралась вся кафедра. Бывшие студенты и сотрудники А. С. Данилевского и теперь каждый год в этот день приходят в дом его вдовы, чтобы почтить память Александра Сергеевича...

В октябре 1971 года все они присутствовали на открытии памятника А. С. Данилевскому, сооруженного на Серафимовском кладбище по проекту ленинградских архитекторов В. М. Фромзеля, фронтового друга Александра Сергеевича, и Ж. М. Вержбицкого.

На кафедре энтомологии говорят, что дисциплину в коллективе А. С. Данилевский никогда не поддерживал окриком. Просто каждому, решительно каждому человеку неловко, стыдно было выглядеть перед ним с невыгодной

стороны. Чувства страха перед профессором никто не испытывал — было уважение к нему. Если говорили, что «Александр Сергеевич хмыкнул неодобрительно», то это означало, что заведующий кафедрой чем-то очень недоволен. Обидеть же человека словом он просто не умел.

Вот почему после его смерти все сотрудники кафедры энтомологии чувствовали себя осиротелыми. А атмосферу дружбы, сплоченности, творческого содружества, созданную А. С. Данилевским и сохранившуюся по сей день, на кафедре называют «инерцией порядочности». Иначе говоря, там, где работал Данилевский, нет места ничему плохому. Так думают те, кто сегодня продолжает научный и гражданский подвиг ученого.

...А. С. Данилевский тонко чувствовал и любил природу. Он создал замечательную коллекцию гладиолусов, насчитывающую несколько десятков сортов. Эта коллекция и сейчас поддерживается в лаборатории энтомологии в Старом Петергофе *. Александр Сергеевич и Галина Григорьевна расчистили двор дома, в котором они в 1949 году получили квартиру, и засадили участок. Цветы и растения редких пород, для Ленинграда экзотические, доставляли из разных мест, даже с Дальнего Востока. Образцовым двором-садом приходили любоваться не только люди из соседних домов тихой Дибуновской улицы, но и многие другие ленинградцы. А в ноябре 1965 года исполком Ленсовета наградил А. С. Данилевского нагрудным значком «За заботу о красоте города».

Особое место в жизни Александра Сергеевича занимали дети. По воспоминаниям Л. В. Савельевой, «он много и как-то незаметно, буднично возился с ними. К нему приходили ребята со всего двора, и каждого он знал до тонкости». В любую минуту и в любой ситуации Данилевский был педагогом.

А. С. Данилевский прекрасно знал и любил Пушкина, многие его произведения читал наизусть. Он и сам сочинял остроумные стихотворные экспромты. Близкие родственники Александра Сергеевича рассказывают, что его отличали «и живость ума, и юмор, и беззлобная язвительность» — качества, которые сближали Данилевского с великим предком. Он и лицом напоминал Пушкина: такие же серо-голубые глаза, удлиненное лицо, очень густые, волнистые волосы. Только черты лица у него были мягче, спокойнее пушкинских...

---

* По сведениям на 1991 год.

Эстафета поколений

Всю войну, с первого ее дня и до последнего, в одном строю с теми, кто мужественно, упорно ковал победу над гитлеровским фашизмом, была и Марина Сергеевна Чалик (урожд. Данилевская) — праправнучка Пушкина, сестра А. С. Данилевского.

...Ее детство прошло в Полтаве. Там же в начале 1930-х годов она работала санитаркой в Доме ребенка. Потом стала медицинской сестрой и одновременно училась в Полтавском медицинском институте.

Когда Марина Сергеевна была на третьем курсе, институт расформировали. Большинство студентов отправили для продолжения учебы в Винницу, а Данилевская уехала в Киев, где жила в те годы ее тетя Мария Николаевна Быкова, педагог-воспитатель детского сада.

В столице Украины Марина Сергеевна завершила медицинское образование: в 1939 году ей выдали диплом врача-терапевта. В июне 1940-го она вышла замуж за бывшего своего однокурсника Ивана Андреевича Чалика, тоже врача, вскоре получившего длительную командировку на Дальний Восток.

А через год супруги, застигнутые войной в разных концах страны и сразу же мобилизованные, не успели даже обменяться полевыми адресами. И случилось так, что они не видели друг друга почти шесть лет.

С первых дней военных событий Иван Андреевич Чалик был полковым врачом, затем начальником медсанбата. За самоотверженную работу на медицинском поприще его наградили орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». В 1947 году в звании подполковника медицинской службы И. А. Чалик был уволен в запас по болезни.

М. С. Данилевская (фамилию мужа она приняла после войны) прошла большой и трудный путь врача-фронтовика. В 1941 году она работала в госпитале, сформированном в Полтаве и переведенном затем в Иваново. Позднее заведовала отделением одного из эвакуогоспиталей хирургического профиля на Калининском фронте.

С частями Первого Прибалтийского фронта Марина Сергеевна дошла до Кенигсберга. Когда город был взят советскими войсками, эвакуогоспиталь, в котором служила М. С. Данилевская, по приказу командования направили на Дальний Восток. Под Владивостоком Марина Сергеевна и ее коллеги развернули госпиталь, вскоре приняв-

Марина Сергеевна Чалик, праправнучка А. С. Пушкина. Фотография 1942 г.

ший раненых солдат и офицеров — участников боевых действий нашей армии против милитаристской Японии.

Глубокой осенью 1945 года госпиталь был закрыт, капитана медицинской службы М. С. Данилевскую вместе с группой советских врачей направили в Северную Корею, незадолго до того освобожденную от японских оккупантов, для ликвидации эпидемии холеры. В этой стране она провела полгода.

За мужество и отвагу, проявленные во время Великой Отечественной войны, М. С. Данилевская награждена орденом Красной Звезды и медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Женщина живая, энергичная, решительная, Марина Сергеевна в годы суровых военных испытаний не щадила ни сил своих, ни здоровья для спасения человеческих жизней, для того, чтобы раненые быстрее выздоравливали и возвращались в строй.

Бывшая медсестра госпиталя, работавшая вместе с М. С. Данилевской, много лет спустя вспоминала: «Кто был в то трудное время рядом с Мариной Сергеевной, тот никогда не забудет ее — отзывчивую, хозяйственную, смелую...»¹

Вернувшись после демобилизации в родную Полтаву, М. С. Чалик еще более четверти века трудилась в меди-

цинских учреждениях города. В послевоенные годы, окончив с отличием курсы переподготовки врачей, она получила специальность хирурга-окулиста и работала в Полтавской областной больнице. И коллеги, и пациенты по праву считали доктора М. С. Чалик высококвалифицированным специалистом по глазным заболеваниям. В последние годы перед уходом на заслуженный отдых праправнучка Пушкина работала в районной (сельской) больнице Полтавы. Ее муж И. А. Чалик был врачом железнодорожной больницы.

По пути родителей пошла дочь Татьяна. Еще девочкой она внимательно присматривалась к тому, как отец и мать помогали людям, обращавшимся к ним за медицинской помощью. Постепенно Таня постигла многое из того, чему ребенок может научиться только в семье медиков.

Начав свое медицинское образование в Петрозаводске, Татьяна Чалик продолжила его в Харькове. Училась она всегда старательно, серьезно. Отлично сдавала большинство экзаменов.

За три года до окончания медицинского института Т. И. Чалик познакомилась с А. В. Лукашем, учившимся тогда в техническом вузе, и стала его женой. Теперь Татьяна Ивановна живет в подмосковном Клину. Пять лет она была сельским врачом-терапевтом, потом два года цеховым терапевтом при Клинском комбинате химического волокна, а с 1978 года работает в районном противотуберкулезном диспансере — вначале в должности участкового фтизиатра, врача-ординатора в стационаре, затем заведующей диспансерным (поликлиническим) отделением. О враче-фтизиатре Лукаш тепло отзываются ее пациенты: она предельно внимательна к каждому, кто приходит к ней на прием. Как тут не вспомнить ее мать — самоотверженную труженицу и в суровые военные годы, и в мирное время! Марина Сергеевна передала дочери не только профессию, но и все положительное в своем характере, в первую очередь — умение в полную меру сил служить людям, думать об общем благе. Мысль об этой удивительной эстафете поколений не покидала меня, когда я в 1978 году познакомился с бывшей фронтовичкой Мариной Сергеевной Чалик и семьей ее дочери, у которой она гостила.

...Город Клин в конце бабьего лета. Погода теплая, солнечная. Радует глаз сказочное осеннее разноцветье, «в багрец и в золото одетые» леса и сады. Приятной и веселой была встреча на вокзале с А. В. Лукашем —

Игорь Лукаш — потомок
А. С. Пушкина шестого поколения.
Фотография 1985 г.

не так-то просто ему было отыскать в толпе пассажиров того, кого никогда не видел, даже на фотографии!..

Сердечно приняли меня супруги дома. Безмятежным, ничем не омраченным счастьем светилось красивое, с мягкими гончаровскими чертами лицо Татьяны Ивановны. От всей ее стройной, изящной фигуры веяло молодостью и женственностью. Под стать жене — Александр Владимирович, человек предупредительный и деликатный.

По всему видно было, что и Марине Сергеевне, много пережившей на своем веку, в доме дочери дышится просто и спокойно.

Во время беседы, очень интересной и дружественной, меня познакомили с семейными реликвиями. Их сохранилось немало. Две вещи принадлежали А. А. Пушкину, старшему сыну поэта. Одна из них — медальон в золотой оправе. Его Александр Александрович подарил дочери Марии в день ее шестнадцатилетия. Позднее Мария Александровна и ее муж, Николай Владимирович Быков, вставили в медальон свои портреты. Таким, с портретами, он и оказался у Татьяны Ивановны.

Время пощадило и стеклянный графин (не уцелела только пробка) — свидетель боевых будней полковника

Пушкина в период русско-турецкой войны. Этот графин находился когда-то в его походном сундучке вместе с другими предметами личного пользования. Показали мне и серебряную чайную ложку с вензелем «А. Г.», принадлежавшую Анне Васильевне Гоголь, золотое обручальное кольцо Н. В. Быкова, два фруктовых серебряных ножа с его же вензелем, сделанную руками Николая Владимировича закладку слоновой кости, две серебряные ложки М. А. Пушкиной (Быковой) с вензелем «М. П.», ее же бальный платочек и бальный веер из слоновой кости.

Все эти вещи до 1939 года принадлежали М. А. Быковой, затем находились у Софьи Николаевны Данилевской, от последней и перешли к Татьяне Ивановне.

Свое отношение к фамильным ценностям Т. И. Лукаш определила так:

— Особо ценного у меня, может быть, и нет. Но для меня дорого все, что сохранилось и имеет отношение к истории нашей семьи.

Не в этом ли бережном отношении к памятным вещам далекого прошлого берет начало эстафета пушкинского духовного богатства, которая переходит из поколения в поколение его рода?!

Три поколения Кологривовых

Детские годы братьев Кологривовых, праправнуков Пушкина, прошли в Бобруйске. Правда, старший из них, Саша, появился на свет в Вендене (теперь г. Цесис в Латвии), где отец некоторое время был помощником лесничего. А Олег и родился в Бобруйске. Оба всю жизнь любили этот белорусский город, хранили добрую память о нем. Они переписывались с жившими там друзьями, изредка, когда позволяли обстоятельства, приезжали на гостеприимные берега Березины.

Через много лет Александр Всеволодович Кологривов писал: «Бобруйск... Мое детство!

Я вспоминаю яблоневые сады, среди которых прячутся деревянные домики, разлив Березины, развалины древней крепости... О крепости ходили легенды... Как только в лесу появлялись первые подснежники, моя мать брала нас с братом в Киселевичский бор. Мы шли по Гоголевской улице, мимо распускающихся садов. Проходили кладбище. Отсюда начинались поля. Над полями струилось марево. В небе звенели жаворонки, а вдали чернел сосновый бор...

Софья Павловна Колод-
дривова, правнучка А. С.
Пушкина, с сыном Сашей.
Фотография 1919 г.

Летом мать тоже предпринимала с нами «путешествия». Но чаще всего мы ходили в это время года в луга за Березину. Там, в густой траве, петляла маленькая речушка Крапивка с удивительно чистой ключевой водой. Мы купались в Крапивке, брызгались, носились по лугам за бабочками и стрекозами...»¹

Читая приведенный отрывок из воспоминаний А. В. Колоддривова, можно подумать, что детство Саши и Олега было счастливым и безмятежным. Вероятно, именно таким оно запомнилось им, сохранилось в сердце. И в этом заслуга их матери — Софьи Павловны, сумевшей в самые драматичные для нее годы привить сыновьям радостное, даже поэтическое восприятие жизни. В действительности же все обстояло иначе.

Отец Саши и Олега — В. А. Колоддривов в 1910 году служил поручиком во 2-й конноартиллерийской бригаде, стоявшей в Сувалках, затем участвовал в первой мировой войне, в 1915 году был демобилизован по состоянию здоровья. Но когда начались события гражданской войны, он оказался в рядах белого движения. Еще в молодости присягнувший на верность «царю и отечеству»,

Всеволод Александрович, подобно многим другим царским офицерам, не считал возможным нарушить свой долг и некоторое время служил у «верховного правителя российского государства» адмирала А. В. Колчака и главнокомандующего войсками Северной области генерал-лейтенанта Е. К. Миллера².

В начале 1920 года, когда Колчак и Миллер были разгромлены Красной Армией, В. А. Кологривов состоял при белогвардейском военном атташе в Лондоне. Англичане, высоко ценя Кологривова как специалиста, предложили ему преподавательскую должность в одном из военно-учебных заведений Великобритании. Но он наотрез отказался от «теплого местечка» в Лондоне и вернулся в Россию, хотя хорошо понимал, что на родине может подвергнуться репрессии. Перед отъездом из Лондона Всеволоду Александровичу удалось получить от бывших английских союзников царской России два военных корабля из числа обещанных Колчаку или Миллеру. В архангельском порту суда были встречены советской береговой охраной. В. А. Кологривов заявил, что передает английские корабли Красному флоту, но просит, чтобы экипажу разрешили возвратиться в свою страну. Это условие было выполнено, но благородный поступок Кологривова не избавил его от быстрых карательных мер: в том же 1920 году он оказался в заключении. Правда, через три года его освободили, но без права выезда из Вятки, где Всеволод Александрович отбывал наказание.

В сохранившейся записке С. П. Кологривовой, адресованной уже взрослым сыновьям, сообщается, как она (очевидно, в 1923 году) ездила к мужу, находившемуся в ссылке: «После гражданских войн, получив письмо бати, который нас разыскивал и о нас беспокоился, я поехала к нему в Вятку и рассказала о безвыходном положении, в которое я попала, а также о том, что Юлия Ивановна* хоть пока не может меня выручить, но постарается, когда окрепнет ее положение в Москве. Он отвечал, что в его положении взять ответственность за семью он не может. На мою просьбу разрешить ему приехать в Бобруйск мне было перед этим отказано, и он должен был в то время проживать интернированным в Вятке...»

Всеволод Александрович посоветовал жене «во избежание непосильных преследований» оформить развод. «Но, когда я,— продолжает Софья Павловна в той же

---

* Жена В. Р. Менжинского.

записке,— получила его согласие и на бумаге <увидела> след слезы, у меня на это душа не повернулась».

По возвращении из Вятки С. П. Кологривова добилась получения от советских органов Бобруйска официальной бумаги, в которой сказано, что «из-за безвестного отсутствия отца» она является опекуной своих сыновей. При содействии пушкинистов ей назначили небольшое пособие на содержание детей (18 рублей в месяц), которое и выплачивалось года полтора.

Потом В. А. Кологривова отправили на поселение в Среднюю Азию, где ему с помощью брата, Юрия Александровича, удалось устроиться на работу по коневодческой специальности. В конце 1934 года или в начале 1935-го он был вновь арестован. Продолжая верить в справедливость и скорое освобождение из тюрьмы, Всеволод Александрович («ЗК № 62875») с надеждой писал жене и сыновьям 1 августа 1935 года: «...хочу вас видеть, хочу жить с вами». Но так и не увидел их больше...

19 ноября того же года В. А. Кологривова действительно освободили — и на четыре месяца раньше срока,— но в возвращении в Москву, к семье, ему было отказано — пришлось уехать к брату в Киргизию. Там Всеволод Александрович работал преподавателем физики и математики, а позднее и немецкого языка. В июне 1938 года его арестовали в третий раз. Погиб он в тюрьме в 1942(?) году. Реабилитирован посмертно, при Н. С. Хрущеве.

19 мая 1959 года Верховный суд Киргизской ССР пересмотрел дело по обвинению В. А. Кологривова, отменил постановление тройки УНКВД от 22 октября 1938 года в отношении его и прекратил дело производством «за отсутствием состава преступления».

О том, какие испытания выпали на долю С. П. Кологривовой и ее несовершеннолетних сыновей, свидетельствуют многочисленные документы. Так, в письме неперменного секретаря Академии наук СССР академика С. Ф. Ольденбурга в Центральное бюро секции научных работников (1927) говорится о Софье Павловне: «Средства к жизни она получает от продажи домашних вещей... при наполовину потерянной трудоспособности ей, с двумя малолетними детьми, угрожает самая тяжкая судьба. Получавшееся ею до 1925 года пособие теперь прекращено...» Академик Ольденбург просил оказать «помощь в той или другой форме правнучке великого нашего поэта»³.

17 июня 1927 года из ЦЕКУБУ сообщили в Академию

наук, что С. П. Кологривовой «назначено единовременное пособие в сумме 75 рублей... и она также включена на получение академического собезпного обеспечения по 20 рублей в месяц»⁴. Но эта «помощь» была почти символической...

В архиве семьи Кологривовых сохранились официальные бумаги, из которых видно, что в июне того же 1927 года восьмилетний Олег был помещен в детскую колонию, а Александр (ему шел одиннадцатый год) — в детский дом, где они и находились, по-видимому, до конца летних каникул. В 1930 году по ходатайству С. П. Кологривовой обоих мальчиков приняли в Минский детский дом.

Позднее, в 1931—1932 годах, Саша был воспитанником детской колонии имени Червякова в Заславльском районе Белоруссии, где окончил семилетку (ШКМ). Олег тогда воспитывался в другой детской трудовой колонии — под Москвой, на станции Баковка, некоторое время вместе с двоюродным братом Сергеем Клименко. Потом его перевели в детский дом в Москве (так называемый Первый пионердом на Б. Грузинской улице).

В 1931 году С. П. Кологривову взяли под стражу. Ей предъявили обвинение в шпионаже. Через два с лишним месяца «за недоказанностью вины» Софью Павловну освободили благодаря помощи В. Р. и Ю. И. Менжинских, но с приговором Минского ГПУ о невыезде из Бобруйска. Считая такой приговор необоснованным, отчаянная С. П. Кологривова обратилась с заявлением в ОГПУ, откуда ей прислали справку, что, по сообщению ГПУ БССР, «прежний приговор... заменен условным» и что она может «проживать свободно по всей территории СССР» (бумага подписана начальником особой инспекции при коллегии ОГПУ).

Тогда Софья Павловна переехала в Москву. В течение пяти лет она жила поочередно у сердобольных родственников и знакомых, не имея собственного угла. За это время ее адрес менялся десять раз. В конце концов С. П. Кологривову прописала у себя Юлия Ивановна Менжинская (уже после смерти мужа — В. Р. Менжинского). А в 1936 году, в преддверии 100-летия гибели А. С. Пушкина, Софья Павловна получила комнату на Басманной улице, квартиру же ждала еще почти полтора десятилетия.

Чтобы оградить себя и, главное, сыновей от возможных репрессий, она по совету старого юриста в 1938 году взяла развод «по безвестному отсутствию мужа в те-

чение 20 лет» и приняла девичью фамилию в усеченном виде — Вельяминова, но по-прежнему помогала, чем могла, заключенному В. А. Кологривову.

Сохранилось несколько его писем той поры к Софье Павловне. В одном из них, датированном 24 февраля (год не указан: вероятно, 1937-й), говорится по поводу групповой фотографии потомков Пушкина в газете «Правда» в связи со 100-летием со дня смерти поэта: «...у многих, в том числе у тебя и Олега, страдальческие лица. У наших мальчиков европейская одежда, галстук и т. п. Ирина очень похожа на отца, Марина — хохлушечка, Таня хорошенькая как с миниатюры, Оля в профиль похожа на Машу. Я их узнал всех, Сережу не помню, он был слишком мал».

И дальше: «Недавно получил письмо от <брата> Юрия и <его жены> Оли. Юрий думал, что я умер. Но именно в настоящее время возможность смерти наименьшая. Мое здоровье улучшается, боли в области сердца значительно уменьшились. Тогда как в прошлом году были значительны. Я живу в бане с земляным полом. Два маленьких окошка с одним стеклом... Юрий пишет, что узнал от своего сослуживца, который знает Сашу, что он высок, общителен, хорошо учится и пишет стихи. Здесь говорили, судя по группе, что он хорош собой и похож на меня. Целую всех. Всеволод».

В другом письме, сохранившемся не полностью, Всеволод Александрович сообщает, что получил Сашину фотокарточку, на которой «он выглядит молодцом; лицо благородное — энергичное и жизнерадостное. Есть и пушкинские черты...

Помнишь, как на ст. Дно я его нес под десятью товарными поездами, как он ползал по моей дохе с сосредоточенным выражением лица и сидел на пне в лесу (одно слово неразборчиво: Богдановичского?) лесничества? Давно ли это было? Не знаю, любят ли дети природу, как я. Как бы сделать, чтобы увидеться? Нельзя ли Саше получить командировку сюда на практику? Здесь рассадник ахалтекинских лошадей. Ветеринару есть работа и интересная. Я полагаю, что дети наши...» (далее оторвано.— В. Р.)⁵.

О пушкинских чертах в облике потомка поэта рассказывал впоследствии близкий друг Александра Всеволодовича А. А. Шемшурин*:

---

* А. А. Шемшурин (1926—1989) — драматург, автор сценария телевизионного художественного фильма «Сердце Бонивура» по од-

«Александр Всеволодович был удивительно похож на Александра Сергеевича, который Пушкин. Наш Саша, в отличие от Александра Сергеевича, был крупный мужчина, волосы светлые, цвет лица не смуглый. Но если бы ему приделать бакенбарды, как на тропининском портрете Пушкина, то Александр Всеволодович буквально мог бы играть Александра Сергеевича, который Пушкин...»

Припоминая семейные события, совпавшие с периодом культа личности Сталина, Софья Павловна Вельяминова в марте 1970 года говорила автору книги:

— У моих сыновей было страшное детство. Если бы кто-нибудь талантливо описал его, не одно поколение плакало бы над этой книгой...

Возможно, в будущем и найдется талантливый писатель, который возьмется за эту печальную тему. Я же считаю своим гражданским долгом лишь приподнять завесу над некоторыми трагическими фактами из биографий потомков Пушкина.

Жизнь братьев Кологривовых — это частное проявление общей судьбы сотен тысяч советских людей, в разные годы ставших жертвами сталинского произвола. Большинство из них физически уничтожены в тюрьмах, лагерях и местах ссылки. Другие остались в живых, но были раздавлены нравственно, невосполнимо погибли как личности. Третьим удалось выстоять, не согнуться, сохранить себя в рядах великих патриотов страны, а в тяжкую годину Великой Отечественной войны стать надежными защитниками Отечества. К последним относились Александр и Олег Кологривовы, не терявшие человеческого достоинства в любых испытаниях, выпавших на их долю.

Судьба братьев сложилась по-разному. По настоятельной просьбе Софьи Павловны Наркомпрос СССР в августе 1932 года направил Александра Кологривова из колонии в Хреновской коневодческий техникум (Бобровский район Воронежской области), где ему было предоставлено место в общежитии и назначена стипендия. Началась пора напряженной учебы — годы трудностей и надежд. В том, каким не по возрасту серьезным, деловитым и... неунывающим был Саша в свои пятнадцать-шестнадцать лет, убеждают его письма к матери.

ноименному роману Д. Д. Нагишкина. У него хранилась фотография 1914 года, на которой сняты Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Андрей Шемшурин — отец А. А. Шемшурина.

26 октября 1932 года он сообщает: «Сегодня я записался в кооперацию и хотел купить ботинки, чтобы свои отослать тебе, но не оказалось больших номеров».

А вот строчки из писем голодного 1933 года: «У нас на хлеб очень большие цены, кило хлеба стоит около семи рублей, но все остальное стоит дешевле. Молоко стоит 40 к. стакан, и я его иногда покупаю... На Первое мая у нас будет выводка лошадей и, наверное, покажут самого лучшего нашего производителя Ловчего, которого на Октябрьскую революцию не выводили» (26 апр.).

«Я получил твою последнюю посылку, из которой украли сахар» (26 июня).

«Получила ли ты двадцать рублей, которые я тебе послал на посылку уже давно? Напиши, какие в Москве цены на продукты. Здесь все очень дорого: пшено стоит 3 р. 50 к. стакан, а хлеб по 12 р. кило. Когда будешь высылать посылку, то непременно общей материей, потому что разворовывают. У нас здесь настоящий голод: хлеб дают без муки, из лебеды и льняных жмыхов, он такой горький, что я не могу его есть и продаю за два стакана молока. Дошло даже до того, что стали есть дохлых лошадей» (3 июля).

«Здравствуй, дорогая мама. Получил твою посылку в целости. Я тебе писал, чтобы посылки больше не посылала, а ты опять шлешь. В столовке нам дают 900 гр. хлеба. На завтрак варят похлебку из муки, на ужин тоже. На обед дают постный борщ из свекольной ботвы, а на второе ржаную кашу. Овощи очень подешевели: картошка стоит 7 р. ведро, вишни — 75 к. кило, огурцы — 6 к. кило. Появились недавно яблоки по 80 к. десяток. За это время я хорошо поправился, но зато проел всю стипендию за 3 м-ца, из которой осталось 10 р. Напиши, присылать ли тебе ботинки» (8 авг.).

«Теперь я работаю — вожу кирпичи, дрова, глину и песок. Работой своей я доволен, и платят довольно хорошо. В день в среднем я вырабатываю 4 р. 50 к. С каникул уже начинают съезжаться студенты, и теперь нас 10 человек» (21 авг.).

«Получил твое письмо об одежде. Нижнее белье и верхнее ты можешь прислать. Шерстяных чулок и шапки мне не нужно. Пальто мне не нужно, но, если можешь, пришли 50 р. на пиджак, т. к. мой здорово изорвался. Пришли немного бумаги и карандашей» (22 окт.).

«Получил твою посылку. В столовке стали давать пшено. На завтрак пшенный суп и в обед пшенную кашу. На ужин можно иногда получать добавку... За

твои 15 р. я купил 20 яиц по 5 р. десяток и кроме того тыкву, молока и др. продуктов» (4 ноября).

«На 50 р. я купил себе кожух. Он будет хорош для зимы... Одеждой я теперь обеспечен и обувью тоже. Общежитие отапливается пока хорошо. Наш новый метод преподавания хуже старого потому, что раньше, когда зачет сдашь, то можно больше о нем не думать. Теперь же приходится повторять все пройденное много раз. Но у меня неудов пока нет» (10 ноября).

«Живу в общежитии совхоза. Ребята хорошие, я с ними хорошо сдружился. В столовке кормят хорошо: дают 3 стакана молока и много картофеля, борщ, горох и др. Кроме этого ем сколько влезет яблок, а хлеба можно достать сколько угодно у дежурного» (без даты, во время трудовой практики в деревне).

Весной 1936 года Александр Кологривов окончил Сергиевский зоотехнический (бывший Хреновской коневодческий) техникум и получил квалификацию младшего зоотехника. В начале июня через Главное конное управление, «персонально через С. М. Буденного», читаем в официальном отношении, его, «согласно ходатайству Всесоюзного Пушкинского комитета, как праправнука А. С. Пушкина», командировали для продолжения образования по коневодству в Московский зооветеринарный институт.

Об этой поре вспоминал один из самых давних друзей Александра Всеволодовича В. В. Бакакин, старший преподаватель кафедры высшей математики Московского энергетического института:

«В апреле 1936 года Александр Кологривов после окончания зоотехнического техникума поступил на курсы подготовки в Московский зооветеринарный институт. И сразу обратил мое внимание. Высокого роста, пепельного цвета кудри, тонкие черты лица... Я помогал ему по математике и физике, он мне — по литературе. Однажды Саша пригласил меня домой, на Смоленскую площадь. Там он жил вместе с матерью, Софьей Павловной, в квартире какого-то профессора. Саша много читал, был грамотнее меня, охотно делился своими знаниями. Мы одновременно окончили подготовительные курсы и поступили в институт».

В институт Александр был принят «без обязательного трехгодичного стажа в системе Главконупра». В уже упоминавшемся документе (хранится у А. А. Кологривова) говорится, что Александру Кологривову и Сергею

Клименко, также поступившему в МЗВИ, была назначена повышенная стипендия.

Вот что рассказывал о совместных студенческих буднях В. В. Бакакин:

«Саша никогда не заискивал перед институтским начальством. Он легко сходилась с людьми, был компанейский парень, хороший товарищ, несколько насмешливый... Часто мы проводили свободное время в Сокольниках — Саша любил лыжи, а я занимался лыжами с детства. В 1937 году мы с Сашей ходили на заседание Пушкинской комиссии, где всерьез обсуждались такие вопросы: мог ли Пушкин быть сыном дворянина (может быть, он сын дворового?) и где он родился — в доме или на санях? Саша шепнул мне: «Давай-ка уйдем отсюда». И мы ушли».

Получилось, однако, так, что Александр Всеволодович пробыл студентом зооветеринарного института менее года, ушел из него и Сергей Евгеньевич Клименко.

В это время Олег Кологривов учился в Московском архитектурном техникуме. Затем оба брата поступили в столичные вузы: старший — на факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института имени Потемкина, младший — в Институт прикладного и декоративного искусства.

А. С. Фриш, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии АН СССР, вспоминал: «Я познакомился с Сашей в 1937 году, когда мы оба поступали в педагогический институт. Вместе с нами училась Наташа Аросева («Пончик») — интересный, неунывающий человек, теперь маститый переводчик с чешского языка. А ее сестра Ольга — известная актриса Театра сатиры.

Уже на первом курсе в наше сознание вклинилось одно грустное событие. Когда отец сестер Аросевых — Александр Яковлевич Аросев (1890—1938), в прошлом видный революционер, государственный и партийный деятель, потом (с 1926 года) советский полпред в Литве и Чехословакии, — был объявлен врагом народа, все мы очень переживали эту весть. А Наташа, дочь Аросева, даже фамилию изменила (в середине слова добавила мягкий знак). Так же поступила и ее сестра. Особенно больно было Александру Всеволодовичу. Ведь его отец тогда тоже был то в ссылке, то в заключении, позднее и погиб в тюрьме. Отвлекаясь от этой горестной темы, скажу, что мы с Сашей зарабатывали себе на хлеб в институте повышения квалификации художников, где

были натурщиками. С меня писали, например, портреты молодого Сталина... Приходилось нам и вагоны разгружать, особенно часто Саше: он был крепкий, меня же брал за компанию.

Александра Всеволодовича отличала такая особенность: он редко раскрывался даже перед друзьями. Многим Саша казался легкомысленным. На самом деле это была ширма, за которой он прятал свой внутренний мир, сложный и значительный. Теперь понимаю, что Саша был очень жизнерадостным человеком. О своих друзьях он думал больше, чем они думали о себе сами.

Мы много разговаривали о литературе. Помню, как в беседе с Сашей о «Братьях Карамазовых» я убедился, что его волнуют большие и серьезные нравственные проблемы».

Александр окончил институт перед самой Великой Отечественной войной, а его брат Олег в 1941 году был лишь на третьем курсе. Он завершил свое образование уже в послевоенные годы.

Война разлучила братьев почти на четыре года. Фронтовые дороги вели их в одном направлении — от Москвы до Берлина.

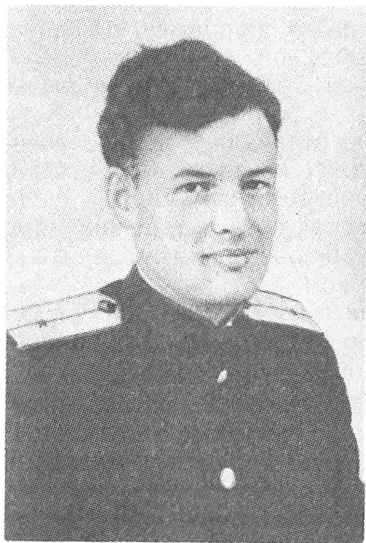
Александр Всеволодович, курсант Муромского училища связи, получив звание сержанта, в октябре 1941 года был направлен в 28-ю стрелковую бригаду Центрального фронта. Он участвовал в сражениях под Москвой, когда фашисты стояли в 18 километрах от столицы и обстреливали ее. Часть, в которой служил командир отделения связи А. В. Кологривов, стойко держала оборону в районе Красной Поляны.

Потом военное лихолетье бросило старшего Кологривова на Смоленщину. В феврале 1942 года под Вязьмой он был ранен в ногу осколком мины. Четыре месяца пролежал в госпитале. После выздоровления снова направлен в Муромское училище связи.

В середине октября того же года, находясь в учебном лагере, Александр Всеволодович получил тяжелую травму. Спасая зазевавшегося курсанта, на которого падало дерево, Кологривов сам оказался придавлен этим деревом. С закрытым переломом большой берцовой кости он три месяца провел в хирургической палате эвакогоспиталя.

3 апреля 1945 года А. В. Кологривова выпустили из училища в звании младшего лейтенанта и сразу же отправили на фронт. Незадолго до окончания войны ему, в то время командиру взвода связи одной из стрелковых дивизий Второго Белорусского фронта, довелось форси-

Александр Всеволодович Кологри-
вов, праправнук А. С. Пушкина.
Фотография 1946 г.

ровать Одер. Под почти непрерывным обстрелом с неприятельской стороны младший лейтенант Кологривов перевозил в лодке кабель: нужно было как можно быстрее установить связь между наступавшими частями и подразделениями.

Кругом оглушительно рвались снаряды и мины, тонко, назойливо свистели пули. Крупный осколок снаряда лег у самых ног Александра Всеволодовича. Когда лодка благополучно достигла противоположного берега, он положил вражеский осколок в карман. Эта реликвия войны и сейчас находится в семье Кологривовых.

Уцелели и несколько писем А. В. Кологриова военной поры. Они адресованы матери, Софье Павловне. В одном из них, от 7 января 1942 года, Александр Всеволодович с присущим ему оптимизмом писал: «Я целый и невредимый вышел из полуторамесячных боев. Теперь мы находимся почти на отдыхе (хотя <мирным> жителям это и кажется ужасным фронтом)... Между прочим, полтора месяца назад проезжал через Москву на машине и совсем около дома, но не было возможности зайти домой или к кому-нибудь из знакомых, ну ничего — может, еще побываю».

Демобилизовавшись осенью 1946 года, А. В. Кологривов тотчас приехал в Москву и, не застав дома мать, оставил на столе клочок бумаги: «Милая мама! Сейчас

приду. Пошел немного пополоскаться в бане с дороги. Саша». Так с московской бани начиналась мирная послевоенная жизнь Кологривова-старшего.

По свидетельству жены А. В. Кологривова — Нины Ефимовны, он «не любил рассказывать о тяготах военной жизни. А если и говорил, то вроде шутя: „Уснешь в окопе — проснешься: на мертвецке лежишь...“»

Но иногда, при случае, Александр Всеволодович вспоминал какие-то фронтовые эпизоды. Его сын Андрей писал мне:

«Мы с отцом смотрели какой-то фильм о войне и, возвращаясь домой, разговорились на темы о войне, жизни и смерти. И он рассказал, что однажды на фронте группа людей — и он среди них — оказалась в такой ситуации, что надежды остаться в живых почти не было, и в то же время от них не требовалось никаких действий, просто надо было ждать, чем все кончится. И большинство людей, бывших там, преисполнилось настроением: «Все равно мы завтра умрем, гуляй ребята — последнюю ночь живем на свете!» Лишь немногие, и отец в их числе, стояли на другом: «Умрем мы завтра или нет — неизвестно, но даже если бы было достоверно известно, что умрем,— все равно надо вести себя так, как если бы нам предстояла долгая жизнь; надо быть человеком и не терять своего достоинства ни при каких обстоятельствах». На этом наглядном примере отец раскрыл передо мною смысл и величие бытия человека: они в том, что, зная свою смертную природу, надо поступать так, как если бы ты был бессмертен...»⁶

...Олег Кологривов летом 1941 года в составе специального студенческого отряда тушил пожары на крышах московских домов, на которые фашистские самолеты сбрасывали зажигательные бомбы. Вскоре институт эвакуировали в Самарканд, откуда по призыву ЦК комсомола Олег добровольцем ушел на фронт. Служил в пехоте. Был минометчиком. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

В одном из сражений на Волховском фронте, на Сиявинских болотах, комсорг батальона О. В. Кологривов получил тяжелое ранение: были прострелены легкие. Захлебываясь кровью, преодолевая мучительную боль, он с трудом добрался до санпункта...

Позднее Олег Всеволодович участвовал в освобождении Гдова, Пскова и Порхова. Под Лядами был ранен. В конце 1944 года или в самом начале 1945-го он впер-

Олег Всеволодович Кологривов, праправнук А. С. Пушкина. Фотография 1941 г.

вые побывал в Михайловском — усадьбе великого прапрадеда.

Потом праправнук поэта воевал в Прибалтике, сражался с гитлеровцами на территории Германии. Уже после войны, в октябре 1945 года, Олег неожиданно встретил в районе Берлина старшего брата Александра. Это произошло на соревновании военных спортсменов. Оба брата, сильные пловцы, приняли участие в состязании. Услышав по радио объявление-команду: «Приготовиться Кологривову», брат пошел навстречу брату...

В тот день Олег, занявший в плавании брассом четвертое место, удостоился рукопожатия Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и памятного подарка из его рук.

Обрадованные встречей Александр и Олег Кологривовы вдвоем сфотографировались на память. Со снимка смотрят молодые, веселые лица, озаренные счастьем победы.

Хорошо, храбро воевали братья Кологривовы. Свидетельство тому — ордена Красной Звезды и многочисленные медали, которыми наградила их Родина.

...Александр Всеволодович Кологривов в послевоенные годы работал на Всесоюзном радио. Все, кто помнит его, говорят, что он был очень чутким, душевно расположенным к людям.

Главный выпускающий программ Всесоюзного радио М. Э. Полонский рассказывал:

«Когда моя жена в 1947 году оказалась в роддоме, Саша потащил меня искать для нее сок. Обегали весь Арбат, многие магазины в других районах города. Он был неутомим, потому что хотел доставить Валентине Васильевне радость. И вообще Саша стремился не брать тепло от людей, а отдавать им свое».

Очень ценно свидетельство А. А. Шемшурина о совместной работе с Александром Всеволодовичем:

«Со всей ответственностью могу сказать, что Саша был исключительным, профессионально редким редактором. Я удивлялся его редакторской тонкости, чуткости и деликатности. Он никогда не подменял автора...

Саша был энергичный человек. Он умел сплотить, зажечь людей. И люди тянулись к нему. У Александра Всеволодовича было веселое, оптимистическое настроение, которое давало заряд и другим».

Требовательный к себе, А. В. Кологривов не был удовлетворен своей журналистской работой. Д. Л. Добрусин, научный сотрудник Академии педагогических наук СССР, говорил об этом так: «Журналистские будни не захватывали Александра Всеволодовича целиком. И о работе он рассказывал без восторга. Его душа вмещала так много! Саша всегда симпатизировал людям высокой нравственности. Память на них у него была удивительная... Человек увлекающийся, многогранный, он был классическим образцом спортсмена. Мы и познакомились в спортзале. Это еще до войны. А после войны именно Саша был душой нашей компании. Он успевал сделать для друзей все: находил дачи, устраивал чаепития, праздничные застолья. Всех, бывало, сдружит, обласкает. Его отличали редкостное бескорыстие, хлебосольность, способность сделать так, чтобы всем было хорошо. И все он делал без усилия, легко, с полной самоотдачей...»

О спортивных увлечениях Александра Всеволодовича много рассказывал А. А. Шемшурин:

«Подружились мы на досуге. Увлечлись бадминтоном. Сначала играли вдвоем, потом к нам присоединились еще несколько человек. Устроили специальную площадку в Сокольниках, где встречались два-три раза в неделю. Саша пытался заинтересовать игрой в бадминтон и сына Андрея, но безуспешно. Приходила иногда проведать нас уважаемая Нина Ефимовна с крохотулечкой Олей. Как и Андрей, Оля занимала особое

место в жизни Александра Всеволодовича. Она была желанным и любимым ребенком. Надо было видеть, с какой нежностью он брал ее на руки, как ласково разговаривал с нею, с какой радостью гулял по дорожкам парка...

Второе наше спортивное увлечение — байдарочные походы. Оно пришло от меня. Я был байдарочником 30 лет. «Надо приобщить к этому и Андрея», — загорелся Александр Всеволодович. И тут он преуспел. В 1963 году Кологривовы — отец и сын — и я совершили удивительное путешествие на байдарке по каналу имени Москвы. Поехали с ночевкой. Палатка на берегу. Костер. Кругом — тогда еще почти девственная природа. Андрею все это тоже пришлось по душе.

Через год состоялся наш трехнедельный байдарочный поход по Мещере. Участвовали в нем мы с женой, Александр Всеволодович, Андрей и Сережа — приятель Андрея. В походе Саша был хорошим, надежным товарищем. Иначе я и не пошел бы с ним. Ведь первый закон байдарочника: «Выбирай того, с кем пойдешь в связке». Пытался я во время похода приобщить Сашу к рыбной ловле — увы, не удалось. Зато на каждой стоянке играли в бадминтон... За три недели мы очень подружились. Но редко говорили друг другу «ты». Это свидетельствует об особой интеллигентности Саши...

...В Александре Всеволодовиче всегда жил озорной паренек, почти мальчишка. Его отличал неистощимый юмор. Помню, подъехали мы к Спас-Клепикам на Пре — притоке Оки. Это неподалеку от родины Есенина. На берегу деревня. Светит солнышко. Бродят коровы. Красота и благодать. В реке — ребята. Саша громко обращается к ним с лодки: «А где же у вас рыжий?» — «Какой рыжий?» — растерялись мальчишки. «В любой компании должен быть рыжий. Ищите рыжего». С тех пор он всех мальчишек на Пре ласково называл «клепки».

Зимой нас прочно связывали лыжные прогулки — сначала во имя Андрея, а потом во имя самих лыжных походов, — продолжал свой рассказ А. А. Шемшурин. — Мы садились в электричку, ехали полчаса, потом шли на лыжах километров 25—30, обычно от одной железной дороги до другой. В середине лыжного пути разводили костер где-нибудь под елкой, доставали из рюкзаков бутерброды, термосы с чаем. Однажды, подбадривая сына, удачно съехавшего с горки, Александр Все-

володович озорно воскликнул, перефразируя известные стихи Алексея Константиновича Толстого:

Князь Курбский от царского гнева бежал,
Андрей Кологривов его задержал...

Саша считал, что спорт важен не только для здоровья, но и для жизни — важен и интересен».

В письме детского писателя Н. Ф. Осипова говорится, что А. В. Кологривов играл не только в бадминтон, но и в теннис:

«Примерно около года мы работали в одной редакции (африканской*) Радиокomiteта... Уже после того, как Александр Всеволодович перешел в другое место — на радиостанцию «Родина», мы встречались там несколько раз. Когда я появлялся, он по обыкновению в свойственной ему шутиливой манере провозглашал на всю редакцию: «А это мой лучший друг Коля Осипов!» (впрочем, это относилось и к любому другому его знакомому).

Запомнилась его доброжелательность. Например, звонит он мне однажды, говорит: «Ты играешь в теннис?» — «Играю, — отвечаю, — но слабовато. К тому же у меня нет ракетки». — «Ракетку я тебе обеспечу. Приходи на стадион... в Сокольниках. Я там договорился с тренером». Прихожу в условленный час. Действительно, Саша встречает меня с ракеткой. Корт свободен. Мы играем... Александр Всеволодович уставал, вспотевал, но старался не показывать вида, что устал. Он, мне кажется, в этом смысле любил несколько побравировать. Во всяком случае не любил ныть...»

В Александре Всеволодовиче, по словам близко знав-

---

* К этому периоду журналистской деятельности А. В. Кологривова относится любопытный документ, хранящийся у его сына — Андрея Александровича и им же переведенный с английского языка: «По случаю освобождения из тюрьмы нашего вождя и героя Джомо Кениата 14 августа 1961 года я, Джеймс Кируа Вамату, организационный секретарь Африканского антиколониального движения Кении и представитель Кении за рубежом, рад подарить эту фотографию как символ дружбы, мира и братского сосуществования между советским народом и Кенией и всеми народами Африки. Это — персональный подарок товарищу Кологривову, моему лучшему другу и другу народов Африки, который так же, как и мы, желает ликвидации угнетения и эксплуатации на африканской земле. Его сын Андрей и вся семья всегда были глубоко солидарны с борьбой за свободу и прогресс Африки.

Москва, 18 сентября 1961 г. Джеймс Кируа Вамату от имени Сил освобождения Кении».

шего его писателя Я. А. Хелемского, чувствовалось «много сил и веселой энергии»⁷.

Нина Ефимовна Кологривова говорила, что Ираклий Луарсабович Андроников, когда ехали на Пушкинский праздник поэзии в Михайловское, просил: «Мне билет и место в гостинице вместе с Кологривовым, потому что он жизнерадостный человек и никогда не даст пасть духом».

А Андрей Кологривов в беседе со мной привел такой случай из своего раннего детства:

— Однажды (мне было тогда года четыре) я, узнав о том, что все люди умирают и я тоже умру, от страха разрыдался. Никто не мог успокоить меня, пока не взялся за дело отец. Он очень просто и убедительно рассказал мне, что каждый человек в течение собственной жизни много раз меняется и, следовательно, я *теперешний* не умру, а умру я *изменившийся*, то есть совсем другой. Поэтому, мол, и смерти бояться не надо. И меня такое объяснение удовлетворило и успокоило.

Александр Всеволодович всегда старался воспитывать детей не нравоучениями, а собственным примером, что оставляло след в их душах на всю жизнь. Вот что рассказывал, вспоминая отца, Андрей:

— Мы отдыхали на Черном море. Увидев утопающего, отец мгновенно, не раздумывая, бросился спасать его. С помощью подоспевших двоих мужчин человек был спасен... Вспоминается и другой случай. Ехали мы в автобусе. Отец вступился за женщину, к которой приставал какой-то пьяный. Дело дошло до рукоприкладства между ним и отцом. Но женщину отец защитил...

— Когда мне было десять лет, по заданию отца я взял интервью у ответственного работника Госплана СССР (конечно, в домашней обстановке), диалог записал на магнитофон. Запись была использована в одной из передач Всесоюзного радио. Прислали гонорар. Отец спрашивает: «Ну, что купим на эти деньги?»—«Не знаю...»—«А я думаю, давай купим маме красивое платье». И купили...

— Однажды мне, подростку, захотелось иметь второй магнитофон. Отец сказал: «Не могу позволить по воспитательным соображениям. Вот когда заработаешь сам, тогда покупай сколько угодно магнитофонов. Могу летом устроить на работу».

Человек высокой культуры, А. В. Кологривов общался со многими деятелями литературы и искусства. В августе 1968 года Александр Всеволодович полу-

чил приглашение от ныне покойных детей Ф. И. Шаляпина — жившей в Москве Ирины Федоровны и приехавших из-за рубежа Лидии Федоровны и Бориса Федоровича — поехать вместе с ними в Михайловское и Ленинград. В эту поездку отправилась и Надежда Алексеевна Пешкова, вдова сына А. М. Горького — Максима.

А. В. Кологривов предполагал подготовить радиопередачу, посвященную детям знаменитого русского певца. Но полностью замысел не осуществил. Он успел лишь взять интервью у художника Бориса Федоровича Шаляпина (магнитофонная запись хранится в семье). 24 августа в Ленинграде он скорпостижно скончался.

И для родных, и для друзей его смерть была неожиданной. Нина Ефимовна говорила: «Страдая аневризмом и гипертонией, Саша никогда не жаловался на нездоровье. А когда умер, оказалось, что его сердце, по словам врачей, было полностью изношено. Он жил по принципу: «Свои огорчения оставь за порогом, а радостью поделись дома». Даже если случалось что-нибудь экстремальное, он очень неохотно посвящал меня в собственные переживания, да и то чуть-чуть, поверхностно. Это признак сильного человека».

Похоронили праправнука А. С. Пушкина в Москве, на Ваганьковском кладбище. На плечи Нины Ефимовны легли заботы о перевозке тела мужа из Ленинграда, хлопоты, связанные с изготовлением надгробной плиты на его могиле, и многое другое.

На девятый день после смерти А. В. Кологривова его вдове и сыну позвонила Ирина Федоровна Шаляпина. Она сказала, что очень хочет видеть их у себя, так как приехать к ним не может из-за нездоровья. Нина Ефимовна и Андрей согласились.

У И. Ф. Шаляпиной собрались самые близкие люди. Когда уже сидели за столом, в прихожей раздался звонок — через минуту в комнату вошел Иван Семенович Козловский. Оказывается, он незадолго до этого звонил Ирине Федоровне, намереваясь отправиться к Кологривовым вместе с нею, но, узнав, что собираются у нее, сразу же приехал.

Появление знаменитого певца на поминальном обеде оказалось неожиданным для Андрея Кологривова. Он давно знал, что отец был знаком с Козловским. На каком-то вечере в Государственном музее А. С. Пушкина Александр Всеволодович даже представил его Ивану Семеновичу. Но Андрей не думал, что знакомство

отца и Козловского было настолько близким, что Иван Семенович проведет день памяти А. В. Кологривова в кругу его родных и друзей...

* * *

В те печальные для семьи дни Андрею Кологривову было девятнадцать лет, а его сестре Оле всего семь: через несколько дней после похорон отца она пошла в первый класс. Андрей учился тогда на втором курсе Московского энергетического института.

После окончания института А. А. Кологривов длительное время работал в лаборатории лазерной плазмы Физического института имени П. Н. Лебедева АН СССР (ФИАН). Вначале в должности инженера, позднее — младшего научного сотрудника. Он занимался в группе, проводившей исследования на уникальной лазерной установке «Кальмар», затем на аналогичной, но более крупной установке «Дельфин». Конечная цель исследований — получение управляемого термоядерного синтеза. Научные результаты, которых добился этот коллектив, нашли широкое признание советской и международной общественности.

Андрей Александрович — автор около 40 научных работ, опубликованных в различных изданиях СССР и зарубежных стран. Он неоднократно участвовал во всесоюзных и международных конференциях физиков. Наиболее важными из них Кологривов считает 3-ю Международную конференцию «Лазеры и их применение», проходившую в Дрездене (ГДР) в конце марта — начале апреля 1977 года, и 10-ю Европейскую конференцию по управляемому синтезу и физике плазмы в Москве в 1981 году.

Кроме того, А. А. Кологривов посылал свои доклады на 36-й Нобелевский симпозиум, посвященный физике плазмы (симпозиум проводился в Швеции в июне 1976 года)*, на 4-ю и 5-ю конференции по взаимодействию лазерного излучения с веществом (США, 1976 и 1980 годы), на конференцию «Достижения инерциального управляемого синтеза» (Япония, ноябрь 1983 года), 11-ю конференцию по физике плазмы в Кембридже (Англия), которая состоялась в июне 1984 года, и на многие другие форумы специалистов его профиля.

---

* В знак поощрения за доклад Нобелевский комитет прислал А. А. Кологривову письмо, которое предоставляет ему право приобретать труды этого комитета со скидкой на 25 процентов.

Андрей Александрович Кологривов, прапраправнук А. С. Пушкина. Фотография 1982 г.

По договору о научно-техническом сотрудничестве с Варшавским институтом физики плазмы и лазерного микросинтеза имени Сильвестра Калиского Кологривов дважды — в 1979 и 1986 годах — выезжал в Польшу.

После полутора десятилетий работы в ФИАНе в научной карьере Андрея Александровича произошли непредвиденные перемены. В связи с началом нового этапа термоядерных исследований в СССР был взят курс на создание значительно более мощных установок, требующих больших капитальных затрат. Компетентные органы приняли решение основные работы в этом направлении проводить вне рамок Академии наук. В результате лазерная термоядерная установка «Дельфин» в 1986 году была остановлена и с тех пор не действует, а установка «Кальмар» перестала работать еще раньше. Кологривову, как и некоторым другим сотрудникам лаборатории, пришлось искать новую работу. Дела, приемлемого для него, в Физическом институте найти не удалось. Узнав, что в одном из московских научно-исследовательских учреждений есть вакантное место старшего научного сотрудника по интересующей его проблематике, Андрей Александрович подал документы на конкурс и был избран. Новая работа ему понравилась, хотя круг исследований здесь совсем иной.

Однажды — счастливая случайность! — служебные дела привели А. А. Кологривова в Институт теоре-

тической и экспериментальной физики (ИТЭФ). В этом институте разворачивались работы по термоядерному синтезу на пучках тяжелых ионов, что достаточно близко к лазерному термоядерному синтезу. Кологривову предложили принять участие в них. Его знания и опыт оказались весьма кстати.

Примечательно и то, что этими работами в ИТЭФе руководит кандидат физико-математических наук Борис Юрьевич Шарков — потомок одного из героев 1812 года. С ним Андрей Александрович быстро сошелся. Их связывают общие интересы не только в области физики, но и истории. В ноябре 1987 года оба участвовали в собрании потомков героев Отечественной войны 1812 года на Бородинской панораме*.

Я знаю Андрея Александровича Кологривова более 20 лет. Мы с ним близкие друзья. Андрей всегда охотно, с присущей ему пунктуальностью помогает мне в работе над книгами о потомках Пушкина, потому что главное дело моей жизни считает и своим кровным делом. И все это совершает бескорыстно (как сказали бы лицеисты пушкинского выпуска, «для общей пользы»). Он выполняет любое мое поручение, нередко требующее много времени и сил, даже когда обременен сверх всякой меры служебными, научными и домашними делами. Такой уж он человек!..

Андрей постоянно держит меня в курсе важных семейных новостей, делится своими творческими радостями. Например, в конце октября 1983 года он писал, что из Института атомной энергии имени И. В. Курчатова звонил ему один из ведущих специалистов А. Г. Орешко, который столкнулся с проблемой, похожей на ту, что приходилось решать и А. А. Кологривову. В том же письме говорится: «Ученый перепробовал массу способов... но ничего не получалось, пока не натолкнулся на мою работу. Попробовал мой метод — и все пошло прекрасно. Он дал задание своим подчиненным размножить мой репринт и распространить как практическое руководство к действию».

---

* Среди отличившихся в Бородинском сражении 26 августа (ст. ст.) 1812 года был и прапрапрадед А. А. Кологривова — Павел Петрович Воронцов-Вельяминов. В пятнадцать лет он пошел в кирасиры, в семнадцать был корнетом. За храбрость под Бородином награжден золотой шпагой. Участвовал в войне 1812 года и предок Андрея Александровича по другой линии — полковник Алексей Семенович Кологривов (с 1813 года генерал-майор). И еще несколько человек из «корней» А. А. Кологривова защищали Россию от нашествия Наполеона.

А вот строки из письма Кологривова от февраля 1988 года: «...кандидат физико-математических наук В. Я. Царфин (из того же Института атомной энергии) просил меня помочь консультациями, после которых и он стал успешно применять мой метод». Там же Андрей Кологривов сообщает: «...крупный специалист с мировым именем Е. Л. Косарев, председатель советско-английской комиссии по синхротронному излучению, развил мой метод дальше и прислал потом мне работу с комплиментарной надписью».

«Так вот понемногу приходит признание», — с удовольствием признался Андрей в другом письме.

Но были признания совсем иного рода: «Позавчера я выступал с важным научным докладом... Доклад прошел успешно, но есть один нюанс, который не был запланирован, я включил его на свой страх и риск. Дерзкий мой поступок вызвал ропот в зале, но все сошло прекрасно: ведущие профессора остались довольны моей выходкой, а низшее начальство негодует и скрипит зубами от бешенства...» (ноябрь 1983 года). Вспоминаются и грустные строки Кологривова, присланные в 1984 году: «...пишу диссертацию, которую образно можно назвать воспоминаниями о „Кальмаре“».

Нередко из писем Андрея я узнавал о том, как нелегко бывает ему, живущему по совести, не идущему на компромисс с дельцами от науки. Об этом, в частности, он писал в феврале 1984 года: «Я делаю *честную* диссертацию, что в наше время, когда все ключевые посты заняты «учеными нового типа»*, есть дерзость невыносимая. Сейчас идет борьба отчаянная не только за каждую фразу, но за каждое слово, за каждую цифру...»

Несмотря на невероятные преграды, наскоки недоброжелателей, 29 октября 1984 года А. А. Кологривов успешно защитил диссертацию и стал кандидатом физико-математических наук. Победа сколь трудная, столь и заслуженная!..

Основной темой нашей многолетней переписки были жизнь и творческий путь Пушкина, большие и малые события в семье поэта, судьбы его потомков в семи поколениях. И в письмах, где речь шла именно об этом, Андрей наиболее полно раскрывался как личность — человек тонкой душевной структуры, деликатный, на добро отвечающий добром же, остро реагирующий на любое проявление зла, но часто не умеющий противостоять

---

* Он имел в виду карьеристов с ученой степенью.

ему... Такие люди, как правило, многое умеют, ради дела идут на любые жертвы, на физические, умственные и нервные затраты, но сами не умеют — да и не хотят — быть лидерами в коллективе, потому что у них нет ни начальственной внешности, ни командирского характера. Как говорится, каждому свое.

Помню, как я обрадовался, когда Андрей, под впечатлением от выступления в московском музее А. С. Пушкина И. М. Ободовской и М. А. Дементьева, признался, что у него после этой встречи «возобновился (читайте: усилился.— В. Р.) интерес к пушкинской генеалогии». Я давно знал, что Кологривов не только серьезно занимается родословной своего великого предка Пушкина, но и столь же внимательно относится к истории родов Кологривовых и Воронцовых-Вельяминовых, предков по другим линиям*. Случалось, он делился со мной своими соображениями по поводу тех или иных публикаций о Пушкине во «Временнике Пушкинской комиссии», в других изданиях, включая периодическую печать. Говорил и о книгах, ставших заметным явлением в современном пушкиноведении. О чем бы ни писал, по какому бы поводу ни рассуждал Андрей Александрович, свои мысли он всегда выражает обдуманно, точно, аргументированно и нестандартно, а потому и убедительно, красиво.

Но еще интереснее Кологривов как собеседник. Когда я встречался с Андреем, беседовал с ним, мне каждый раз приятно было убеждаться, что он очень дорожит своей принадлежностью к пушкинскому роду и произведения прапрапрадеда читает и изучает по велению души.

— По-моему, — рассуждал он, — особое удовольствие доставляет чтение Пушкина, когда берешь произведение уже хорошо знакомое, не раз читанное, давно прочувствованное сердцем. При повторном чтении испытываешь радость, которую трудно передать словами. Я читаю Пушкина часто, и не потому, что он мой прапрапрадед, хотя и это нас, его потомков, ко многому обязывает,

---

* К этому делу приобщилась вся семья А. А. Кологривова: его вторая жена Инна Георгиевна, музыковед, преподаватель музыки в одной из московских школ, дочь Лена и пасынок Алеша. Кологривовы собирают и читают книги, в первую очередь труды по русской истории. Разучили военный марш «Финляндцы, вы стяжали славу» о подвигах лейб-гвардии Финляндского полка, в котором служил князь Александр Иванович Ухтомский, участник Бородинского и других сражений 1812 года, также предок — прапрапрадед Андрея Александровича (по линии матери его деда В. А. Кологривова).

а просто потому, что он, Пушкин, всеобъемлющ, что ли...

Андрей подчеркивал, что любит Пушкина за лаконизм стиха, за то, что поэт и в прозе, как никто другой, умел несколькими словами сказать больше, чем иной писатель десятками многословных фраз.

В одном из писем Андрея Александровича говорится: «Меня... всегда поражает та гигантская высота, на которой возвышается интеллект Александра Сергеевича по сравнению с моим собственным, и это обстоятельство является одним из мощных стимулов, побуждающих меня к самосовершенствованию...»

В другом, более позднем письме А. А. Кологривов признался, что ему теперь «интересна личная жизнь Пушкина», потому что и в ней Александр Сергеевич «был гениален, и именно сейчас я это почувствовал очень сильно». Андрей Александрович писал и о том, что он испытывает постоянную потребность учиться у Пушкина, который для него «как звезда путеводная, как нить Ариадны...».

Царящий в семье культ Пушкина, преклонение перед его могучим талантом приобщили к поэзии великого предка и Олю Кологривову. Уже в детстве она знала на память несколько его стихотворений, зачитывалась поэмой «Руслан и Людмила».

Как и брат Андрей, Ольга отлично училась в школе. В 1978 году она окончила десятый класс с золотой медалью. Блестяще написала выпускное сочинение по литературе. Свободно говорила по-английски. Однако ее специальностью стала не филология: Оля поступила на биологический факультет Московского университета...

В 1983 году Ольга Кологривова окончила биофак и осталась работать там же, на кафедре биологии. До декабря 1985 года она была стажером-исследователем, затем поступила в аспирантуру. Ольга Александровна занимается исследованием недавно открытой в лабораторных условиях новой формы одного из ферментов*.

«На первый взгляд,— писала она мне в октябре 1988 года,— это все очень далекие от практики, сугубо теоретические вопросы, но кто знает, может быть, они найдут применение и в медицине, тем более что, по-видимому, от физиологического состояния клетки зависит, в какой форме находится в ней фермент. Сейчас у меня (совместно с моими коллегами) около десяти печатных работ, в том числе тезисы на различных

---

* Белок, обладающий свойствами биологического катализатора.

Ольга Александровна Бунеева, прапраправнучка А. С. Пушкина, с мужем Искандером Николаевичем и сыном Сашей. Фотография 1988 г.

конференциях и симпозиумах, статьи в наших журналах (биохимических) и в австралийском...»

В январе 1985 года О. А. Кологривова стала женой Искандера Николаевича Бунеева. Искандер окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности, а также аспирантуру в том же институте, по профессии он химик-технолог, работает над проблемой очистки и регенерации вакуумных жидкостей, имеет научные публикации.

«Но главное достижение у нас,— говорится в том же письме Ольги,— это, естественно, Саша, который родился 31 мая 1986 года и был назван в честь папы. Так что опять есть два брата — Саша и Олег*,— только разница в возрасте у них не три года, а всего лишь два месяца... Саша очень любит, когда мы с Искандером работаем, тоже сесть на стол и «писать диссертацию», как он говорит. К сожалению огромному, времени заниматься Сашкиным воспитанием совершенно нет, он почти целиком на попечении мамы... В свои два года он уже дважды был в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, знает наизусть много стихов

---

* Внук О. В. Кологривова.

Чуковского. Что касается наследия Пушкина, то, к сожалению, ограничивается пока лишь пересказом „Сказки о рыбаке и рыбке“».

...Сергей Евгеньевич Клименко писал мне, что его двоюродная племянница Ольга — «человек сильной воли и большой целеустремленности» и что «черты лица, ум и характер она унаследовала от бабушки — С. П. Вельяминовой», которая незаметно «лепила» и детскую душу Андрея: покупала хорошие пластинки, водила в березовый лесок... А отец и мать оказали влияние на характеры детей позже, когда те стали подрастать. Это влияние значительно и сейчас. Андрею и Ольге Кологривовым необходимы и мудрые советы матери, Нины Ефимовны, и ее душевная чуткость. С отцом, человеком кристальной честности, связаны их светлые воспоминания о детстве. Они хранят, как самое дорогое сокровище, его военный билет, документы о боевых наградах, другие бумаги отца, в том числе тексты радиопередач, подготовленных в разные годы А. В. Кологривовым — о Пушкине («К нему не зарастет народная тропа», «О предках и потомках поэта», «Солдаты Пушкины — сыны России»), о певце Федоре Шаляпине и близко знавшей его балерине Лидии Фивейской, о московском коллекционере В. А. Казачкове.

Андрей Кологривов хранит и печатные работы Александра Всеволодовича: они появлялись не только в советской прессе, но и за рубежом — в Польше, Индии, других странах. Живая, трепетная память об отце помогает ему и его сестре жить с пользой для людей, Родины.

* * *

Красноармейцу Олегу Всеволодовичу Кологривову, «доблестному воину Красной Армии, участнику боев с немецко-фашистскими захватчиками, сражавшемуся в рядах войск Второго Белорусского фронта, неоднократно отмеченных благодарственными приказами Верховного Главнокомандующего», Военный совет этого фронта 31 июля 1945 года вручил Благодарственное письмо, «как память о Великой Отечественной войне». Оно подписано любимцем армии К. К. Рокоссовским и двумя другими военачальниками. Этот документ по сей день находится среди самых ценных бумаг в семье О. В. Кологривова.

Олег Всеволодович, окончив после войны Институт прикладного и декоративного искусства, некоторое время работал художником на ВДНХ СССР. Потом перешел

в Художественно-конструкторское бюро по технической эстетике. За один из своих проектов он в середине 1960-х годов был награжден серебряной медалью ВДНХ.

Сохранились и живописные работы О. В. Кологривова. Несколько собственных пейзажей и этюдов Олег Всеволодович показал мне в мае 1982 года, во время нашей последней встречи в Москве.

Тонкий и наблюдательный художник, Олег Всеволодович любил восстанавливать, реставрировать старинные вещи, еще способные служить людям.

Фронтные раны часто напоминали о себе, но О. В. Кологривов до последних дней своих любил жизнь, искусство, работу.

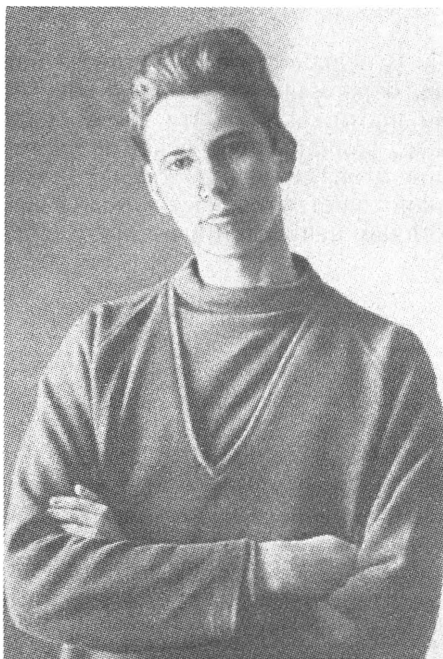
Его младший сын Всеволод тоже художник, только несколько иного профиля. Он выбрал себе профессию художника-реставратора. В этом большая заслуга его матери, Людмилы Алексеевны. Историк по образованию (окончила МГУ), она с детства привила сыну любовь к истории, археологии.

Когда Сева еще учился в школе, он не раз во время каникул участвовал в научно-изыскательских экспедициях. В составе бригады, в которой работала мать, был в Прибельском заповеднике, где помогал Людмиле Алексеевне и ее подругам в раскрытии наскальной живописи на стенах знаменитой Каповой пещеры. Потом бригада отправилась на остров Кижы (Карельская АССР). Там Сева принимал участие в восстановлении иконостаса Преображенской церкви.

В декабре 1987 года Всеволод вместе с матерью работал в объединении «Росреставрация». Их бригаду, специализирующуюся на восстановлении древнерусских икон, возглавляет Л. А. Кологривова. Вначале занимались реставрацией икон и дерева из фондов Государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Коломенское». Ездили в командировки в Ярославль и Иосифо-Волоколамский монастырь (под Волоколамском), где реставрировали церковные иконостасы, находившиеся в аварийном состоянии.

— А сейчас мы с мамой, — с увлечением рассказывал мне Всеволод, — как и вся наша бригада, заняты реставрацией Исторического музея в Москве. Точнее говоря, занимаемся реставрацией дерева, так как многие музейные вещи из-за ветхости не способны выдержать временный переезд в другое здание. В штате этого музея работает моя жена — Наташа. Она искусствовед, научный сотрудник отдела дерева. И оба мы учимся: я на втором

Александр Олегович Кологривов, прапраправнук А. С. Пушкина. С портрета худ. К. Н. Успенской-Кологривовой. Середина 1970-х гг.

курсе вечернего отделения Московского института культуры, а Наташа кончает исторический факультет МГУ...

У молодых супругов растет сын Олег, крепкий и шустрый мальчик. Имя ему дали в память его деда — Олега Всеволодовича Кологривова, которому Всеволод, по его признанию, обязан «своим отношением к жизни вообще и к искусству в частности».

В Воронеже живет старший сын О. В. Кологривова (от первого брака) — Александр. В детстве он много читал, увлекался литературой и техникой; как-то в письме он признался мне: «Я не большой ценитель поэзии, но больше всего люблю Лермонтова и Пушкина за их красивые лирические стихи». В 1966 году Саша поступил в Воронежский политехнический институт, но учиться там не смог из-за слабого здоровья. Потом служил в армии; вернувшись, работал в кинопрокате. Его увлечения — книги, рисование, конструирование⁸.

В августе 1983 года воронежский прапраправнук поэта женился на Ольге Евсиковой — студентке ВГИКа. В апреле следующего года у них родились близнецы Игорь и Наташа⁹.

В судьбе трех поколений Кологривовых, как в зеркале, отразились «судьба человеческая, судьба народная» на протяжении почти всего двадцатого столетия. Сложные, подчас трагические перипетии жизни старших членов этой семьи — частица эпохальных событий российской действительности, подлинных, а порой мнимых духовных ценностей в исторической копилке страны.

Он защищал Москву

Командиром приборного отделения зенитной батареи встретил войну праправнук Пушкина Сергей Евгеньевич Клименко. Он защищал от фашистских налетов небо Москвы, которую так преданно любил поэт:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

В начале лета 1941 года 864-й зенитно-артиллерийский полк* вместе с другими частями Московского корпуса ПВО стоял лагерем на берегу реки Клязьмы, в 120 километрах от столицы. Уже 23 июня полк разбил огневые позиции на московских площадях, стадионах и пустырях.

Штаб находился неподалеку от площади Пушкина, в одном из самых высоких в ту пору зданий, на крыше — КП командира полка. А шестая батарея — в ней нес службу С. Е. Клименко — разместилась на площади Коммуны. В одной из землянок, вырытых прямо в сквере, праправнук поэта вместе со своим расчетом, состоявшим из одиннадцати бойцов, провел почти два года...

В первом вражеском налете на Москву (это было через месяц после начала войны) участвовали сотни бомбардировщиков. Выли сирены, грохотали орудия, звенели выбитые стекла... Тревожная обстановка той июльской ночи навсегда осталась в памяти С. Е. Клименко. Не забыл он и пережитых тогда радостных мгновений: сбитые нашими зенитчиками «юнкеры» падали на землю.

В октябре несколько батарей полка, как и другие воинские части, отражали танковые атаки гитлеровцев на

---

* Полк был сформирован перед самой войной на основе нескольких дивизионов 250-го зенитно-артиллерийского полка, в котором С. Е. Клименко служил с ноября 1939 года.

Сергей Евгеньевич Клименко, праправнук А. С. Пушкина. Фотография 1983 г.

Ленинградском и Волоколамском шоссе. Однажды вражеские танки подошли совсем близко, в район Химок, тогда и на шестой батарее объявили боевую тревогу. Расчеты зарядили орудия — единственный раз за всю войну — бронебойными снарядами. А прибористы, телефонисты, водители и разведчики, захватив противотанковые гранаты, заняли свои боевые места в окнах домов, в ячейках, вырытых по сторонам улиц. Танки, ненадолго появившиеся у самых окраин Москвы, были отброшены.

В память о подвигах зенитчиков 864-го полка у станции Лобня (по Савеловской железной дороге и Дмитровскому шоссе) на том самом месте, где захлебнулись танковые атаки врага, теперь стоит на каменном постаменте 85-миллиметровое зенитное орудие — одно из тех, которые били по фашистским танкам, рвавшимся к Москве...

«Осенью 1941 года бывали ночи, — писал С. Е. Клименко три десятилетия спустя, — когда каждое из орудий батареи выпускало до 350 снарядов: вешали стальной колпак из осколков над Кремлем. А телефонист, держа трубку у уха, снова и снова повторял команду командира дивизиона: «Огонь над Кремлем интенсивней!» Стволы раскалялись докрасна, на них лили воду, которая, шипя, испарялась тут же. В то время локато-

ров еще не было, и, когда самолеты противника прятались за тучами, наши орудийные расчеты вели заградительный огонь, обычно ставя подвижные огневые завесы на пути врага. Мы же, прибористы, часто всю ночь подносили снаряды... бегом, согнувшись. Четыре снаряда в кованом ящике — четыре пуда на спине. Гимнастерки на плечах изорвались...»¹

Потом сержант Клименко ввел «рационализацию»: по его распоряжению бойцы раздобыли несколько колясок, которые в мирные дни служили для торговли газированной водой, — на каждую клали по два ящика со снарядами, и эти странные тележки натужно скрипели под тяжелым грузом... В записках С. Е. Клименко об обороне Москвы есть такое упоминание об этом: «Слышал ли кто этот скрип в черной ночи?.. Видел ли кто и запомнил ли гротескную картину: вспышки залпов выхватывают из темноты фигуры солдат, катающих взад и вперед коляски из-под газировки?»² Зато, по собственным словам Сергея Евгеньевича, это новшество «здорово помогло»...

Вспоминая первую военную осень, ночи, наполненные орудийными залпами, оранжевое от разрывов небо Москвы, голубые огни «зажигалок», Сергей Евгеньевич признавался, что в его памяти по сей день звучат, точно хлещут, возгласы командиров орудий: «Клименко! Снарядов!»

В памяти у бывшего сержанта-зенитчика остался и такой эпизод. К началу 1942 года кончились массированные воздушные налеты. Бесконечные изнуряющие ночные тревоги пошли на убыль. Политработники решили оживить художественную самодеятельность.

— Однажды, — рассказывал автору книги Сергей Евгеньевич, — вызывает меня к себе в землянку политрук батареи: «Слушай, Клименко, надо выступить на вечере самодеятельности». — «Я никогда нигде не выступал». — «Ты парень грамотный, у тебя десятилетка, надо...» — «Но я же не артист». — «Ничего, подумай. Может, спляшешь там или на балалайке сыграешь?.. Подумай. Иди!» Целую ночь вертелся я на нарах и кряхтел, не давая спать солдатам. Все же в обеденное время следующего дня отнес политруку первое свое стихотворение, которое и продекламировал боевым товарищам на вечере в помещении штаба дивизиона. Я его никому не читал многие годы, почти забыл. Во второй раз это стихотворение прозвучало в Пушкинском музее, когда отмечалось 40-летие разгрома немцев под Москвой.

В апреле 1942 года мужчин — прибористов, дальномерщиков, телефонистов и разведчиков — сменили девушки. В семейном архиве праправнука Пушкина сохранились письма зенитчиц. Он писал мне, что это были энергичные, веселые и дружные девушки, которые по призыву ЦК комсомола пришли на московский фронт ПВО. Об одной из них, ефрейторе Екатерине Самоуковой, в 1943 году сообщал в «Красной звезде» Борис Полевой. Его очерк назывался просто и сердечно: «Катя Самоукова — замечательная русская девушка».

Сложенные в треугольники листки пожелтевших от времени писем — дорогие реликвии, «от которых, — говорил Сергей Евгеньевич, — веет дымком Великой Отечественной». Читая теперь, спустя почти пять десятилетий, странички, написанные в августе — сентябре 1943 года, через несколько месяцев после того, как двадцатичетырехлетнего сержанта Клименко направили на учебу в Оренбургское училище зенитной артиллерии, видишь, что зенитчицы очень ценили и уважали Сергея Евгеньевича прежде всего за его высокую человечность.

Люди, которых сдружили военные дороги, до седых волос сохраняют верность друг другу... Письма зенитчиц, словно мгновенные фотографии, запечатлели дружбу, родившуюся в горниле войны.

Со многими однополчанами Сергей Евгеньевич до конца жизни поддерживал связь. Особенно теплые, дружеские отношения сложились у него с Любовью Павловой Добышевой, которая много лет была директором 353-й московской школы имени А. С. Пушкина.

Девятого мая 1975 года, в день 30-летия Победы над фашистской Германией, там, где во время войны стояла 6-я батарея, С. Е. Клименко встретился с бывшими прибористками своего отделения. Радостной и грустной была эта встреча. Невольно пришли на память строки прапрадеда:

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется одну,
Тем реже он...

У праправнука Пушкина хранилось и еще одно письмо того же 1943 года. Автор его — младший сержант М. В. Лопунов. В предвоенные и первые военные месяцы он был красноармейцем приборного отделения С. Е. Клименко.

«Я помню,— признается Лопунов,— как я плакал, когда занимались строевой... не нравилась дисциплина. Но я, товарищ командир, нисколько не обижаюсь на вас, когда вы меня учили, а я не хотел; спасибо вам за ваше от начала и до конца хорошее отношение к своему ученику, а теперь командиру». И трогательная приписка в конце письма: «Сергея, может, встретимся после войны...»

Но встретиться им не довелось. Из новой части Миша прислал Сергею Евгеньевичу несколько писем. Потом переписка оборвалась. С. Е. Клименко так и не узнал, погиб или остался в живых Михаил Лопунов — «уроженец Моршанска, хороший солдат призыва 1940 года, мастер на все руки». Но память о нем всегда была в сердце³. В начале ноября 1944 года Сергей Евгеньевич окончил Оренбургское училище и стал офицером. Боевой опыт и знания, полученные в училище, определили его дальнейшую судьбу. Назначенный инструктором, он готовил командиров автоматических 37-миллиметровых зенитных пушек.

Ратный труд праправнука поэта отмечен орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и многими другими.

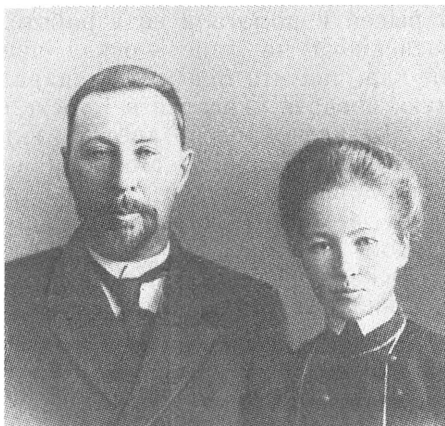
В 1945 году, после победы над гитлеровской Германией, С. Е. Клименко поступил на японское отделение Военного института иностранных языков. В 1950-м, окончив институт, он получил направление на Дальний Восток, где и прослужил несколько лет военным переводчиком.

С февраля 1954 до осени 1979 года Сергей Евгеньевич работал в Государственном комитете Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. И почти все эти годы — в отделе радиовещания на японском языке. Был литературным сотрудником по письмам, редактором, корреспондентом, старшим редактором, заместителем заведующего отделом. Выйдя на пенсию, в течение почти года работал в Управлении пресс-службы Олимпийского организационного комитета.

...Жизнь никогда не баловала С. Е. Клименко. Детство и юность его были суровыми. Он рано лишился родителей, несколько лет воспитывался в детских колониях — сначала в Подмосковье, затем в Москве.

О тех страшных временах С. Е. Клименко подробно рассказал мне в письме от 16 сентября 1988 года: «Я в раннем детстве (грудной) перенес крупозное воспаление легких и был слаб, поэтому в школу пошел девяти лет,

Мария Павловна Клименко, правнучка А. С. Пушкина, с мужем Евгением Ипполитовичем. Фотография 1906 г.

т. е. в 1927 году. В этом же году, когда в стране приходил к власти Хозяин и второй эшелон, отца выгнали из совхоза и сначала дали место чиновника... в райзо. Представляете? Бывший предводитель дворянства! Потом турнули и оттуда. Семью определили на вымирание (лишенцы, нет карточек, нет работы, нет никаких прав). Первое время жили коровой, благо давала три ведра (молока) в день, немного садом примерно 10—15 корней. Мать ездила в Телушу побираться к бывшим эксплуатирваемым. Помогали, но кто-то капнул. Взяли за агитацию...

Когда взяли родителей, тетка Софья Павловна отправила меня к (сестре) Оле. Это было по окончании третьего класса. У Оли я прожил года полтора не учась, а изучая жизнь доколхозной деревни и «ростки нового» в коммуне «Юны камунар», где бывшие молодые батраки проживали добро двух-трех кулаков (один был бедный, как мышь, шляхтич). Одного «кулака» комсомольцы-батраки вспоминали добром. Да и отец, оказавшийся с ним в тюрьме, тоже отзывался о нем потом хорошо. В коммуне (я) два сезона пас скот... Хотя Оля плакала, поднимая меня на заре и видя мои в язвах ноги, мне все это было интересно.

Вскоре родителей по вольному выбору (кроме, кроме...) сослали в Курск, где мать продолжала просить подаяние у булочной. Карточек не было. Отец нанялся в пригородный совхоз ночным сторожем. Себе же на голову задержал трудящегося. Мать работала там же поденщицей ради баланды. «Коллеги», жалеючи, называли ее

барыней и помогали ей в работе. Руки у нее были как сосиски, а на лице — оскал преодоления. Вскоре она опухла, так что она меня узнавала, а я ее нет. (Не помню, когда я оказался в Курске.) Отец умер от инсульта. Пытался продать крестик золотой в торгсине, где у него крестик просто отобрали и прогнали, как собаку. Едва дошел до конуры, где мы трое ютились. Я, сидя на гробу, вез его на кладбище. Рядом, качаясь и с великим трудом, шла мать...

Вскоре приехала тетя Соня и забрала меня. Я в последний раз увидел мать идущей параллельно поезду и глядящей на меня. Она не заметила столба и сильно ушиблась. Вот мое последнее воспоминание о матери, которая, бывало, сажала меня на колени и читала пушкинские сказки и повести из серии «Золотое детство», играла на гребешке гусарские сигналы, пела французские и гусарские песенки, которым ее обучил дед-гусар... Прошло немного времени, и тетушка привезла весть, что и мать отмучилась».

В том же письме Сергей Евгеньевич вспоминал, как после семейной трагедии в Курске попал в Берсеневскую детскую колонию, где «оказалось много интеллигентных ребят». Там же есть такие примечательные строки: «В Бобруйске меня ребята не сторонились и, разумеется, в колонии, но в Курске... я ощутил, что значит быть прокаженным. Нет, не дразнили, не били, а всячески избегали, изолировали. Говорят, детям коммунистов, т. е. (тех из них, кто носил позорное клеймо) врагов народа, было еще хуже, но у них была своя среда, общность культуры, происхождения и сознание, что все это — недоразумение: папа хороший, герой гражданской войны и так далее... Какая-то ошибка! У меня и подобных мне, даже когда, казалось бы, все наладилось, подспудно было ощущение своей уязвимости, неполноценности, и, я думаю, лишь после смерти Хозяина все улеглось. О Боже! Как я ждал этой вести!»

В колонии Сергею Клименко, как и другим подросткам, пришлось выполнять всякую крестьянскую работу — он запрягал лошадей, пахал, косил. Зимой был истопником. Но больше всего любил ухаживать за лошадьми. Было несладко, и все же те годы Сергей Евгеньевич вспоминал тепло, с благодарностью. «Мне повезло, — писал он киевским школьникам. — У нас были замечательные воспитатели, отличный заведующий и, самое главное, интересные ребята: что ни мальчишка, то персонаж для литературного произведения... Мы долго

встречались, хотя были уже седыми; но ряды наши тают, и на подъем мы стали тяжелее».

Потом праправнук Пушкина учился на рабфаке в Москве, жил в общежитии для воспитанников детских домов. «Мы были бедны, некоторые из нас выглядели настоящими оборванцами, но... не было самой главной беды — скуки». Ныне бывшие детдомовцы, товарищи С. Е. Клименко, «пишут картины, руководят заводами», есть среди них и артисты, и художники, и Герои Советского Союза.

Нежную любовь сохранил Сергей Евгеньевич к Белоруссии, к Бобруйску — городу детства. Во время войны С. Е. Клименко с тревогой за любимый край думал об оккупированной немцами белорусской земле. И позднее радовался всякой, даже случайной, встрече с земляками. Сергей Евгеньевич с интересом следил за переводами произведений Пушкина на белорусский язык.

В 1974 году на праздновании 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина праправнук поэта познакомился в Ереване с белорусской поэтессой Евдокией Лось (1929—1977). Перед отъездом из столицы Армении она подарила Сергею Евгеньевичу книгу своих стихов «Перевал». По возвращении домой Клименко послал ей самодельную — из дубового нароста — пепельницу в виде головы старика и стихотворную шуточную записку на белорусском языке, чем тронул Евдокию Яковлевну. Между ними завязалась дружеская переписка. В январе 1976 года Евдокия Лось прислала земляку еще один поэтический сборник — «Июньская лирика» (на белорусском языке), где Сергей Евгеньевич нашел посвященное ему стихотворение. В приложенном к томику письме она приглашала праправнука Пушкина в гости: «Приезжайте как-нибудь! Конечно, по теплу. Когда трава, и лес, и нивы на виду, под ногой и под рукой, как говорится. Все сразу выслать не могу (и небо, и сосны, и травы), а шлю скромную свою книжку лирики. Вспомните и речь, и землю. Я на это, во всяком случае, надеюсь...» О творчестве Е. Лось С. Е. Клименко писал: «Это — сильная, свежая художница. Ее стихи идут от большой любви к своему краю, к людям, к белорусскому языку. Читая произведения землячки, испытываешь чувство, будто дышишь у окна, раскрытого в росистый сад»⁴.

Шестого июня 1979 года — в день 180-летия со дня рождения великого прапрадеда — Сергей Евгеньевич участвовал в радиопередаче «Пусть поют музы», подготовленной для зарубежных государств Всесоюзным

радио. На литературную композицию, посвященную Пушкину, тепло откликнулись потом радиослушатели Японии, Испании, Аргентины, Венесуэлы, других стран.

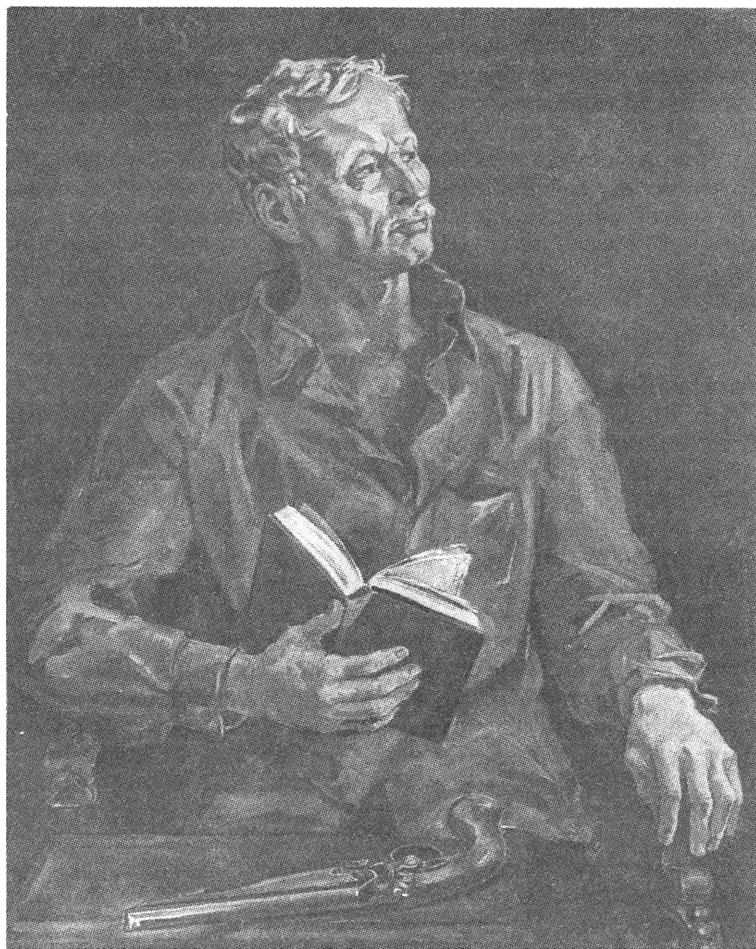
За долгие годы работы на радио судьба много раз сводила праправнука Пушкина с интересными людьми.

Однажды в отдел вещания на японском языке пришло письмо от мальчика Нобухиро Кадзикава. Юный радиослушатель из японского города Нагоя писал о том, что фильм «Баллада о солдате», который демонстрировался в Японии под названием «Обещанный отпуск», глубоко, до слез, тронул его сердце и вызвал гнев против жестокой бессмысленности войны. Мальчик просил работников Московского радио рассказать о его письме автору кинокартины. И С. Е. Клименко сообщил о просьбе маленького японца известному советскому кинорежиссеру лауреату Ленинской премии Григорию Наумовичу Чухраю, поставившему также такие замечательные фильмы, как «Сорок первый», «Чистое небо», а позднее и «Память». Григорий Наумович ответил мальчику. Взволнованные слова режиссера о том, как рождалась «Баллада о солдате», в которой ему, бывшему участнику войны, удалось выразить самые сокровенные мысли нашего народа о мире и войне, о героизме советского солдата, «без позы, спокойно и честно» погибавшего за Родину, были близки и понятны Сергею Евгеньевичу.

Летом 1979 года Танабэ Сахоко, японская исследовательница творчества Пушкина, совершила путешествие по пушкинским местам Советского Союза. В Москве ее познакомили с С. Е. Клименко. В путевом очерке, написанном по возвращении в Японию, Танабэ Сахоко вспомнила и встречу с праправнуком поэта: «...я слушала живую, непосредственную речь этого господина, пересыпанную японскими выражениями. В его лице есть едва уловимые пушкинские африканские черты, а из оброненных мимоходом замечаний этого мягкого, благородного человека была заметна его тяга к искусству, и я с радостью думала, что в его жилах течет подлинная кровь великого предка»*. В той же работе

---

* К 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина Нина Ендерюкова, редактор отдела радиовещания на Японию Московского радио, написала очерк «Потомок великого поэта» для журнала «Советский Союз сегодня», выходявшего на японском языке. В нем рассказывалось о С. Е. Клименко. Автор очерка, характеризую праправнука поэта, вместе с которым она много лет работала в японском отде-

Сергей Евгеньевич Клименко. С портрета худ. М. В. Переяславец.
1989 г.

японской пушкинистки содержатся и такие слова о С. Е. Клименко: «Я смотрела на его лицо, когда он запел свои любимые лермонтовские стихи «Выхожу один я на дорогу», и не верилось, что этому человеку 60 лет»⁵.

Воспоминаниям Танабэ Сахоко о Сергее Евгеньевиче созвучно и адресованное ему (апрель 1980 года) письмо научного сотрудника последней квартиры-музея Пушкина на Мойке О. Г. Белозерской-Левицкой, в котором говорится: «...я часто вспоминаю Вас, когда вхожу в кабинет А. С. (Пушкина), особенно тогда, когда никого нет, ставни закрыты, и так больно и светло нахлынут воспоминания об этих священных часах разыгравшейся здесь трагедии...

А Ваш профиль я так и вижу! Та же (простите!) благородная порода, тот же горделивый взлет головы...

И шишки с той (еловой) ветки, что Вы привезли Ему (из Михайловского), я сберегла — они хранятся в конторке около его дивана».

Сергею Евгеньевичу нередко присылали письма ученики школ из многих городов и сел страны. Писали ему и болгарские ребята из города Габрова, из мест, где сто с лишним лет назад воевали его прадед и дед — сын Пушкина со своим будущим зятем. Школьники просили рассказать о себе, о судьбах других пушкинских потомков, спрашивали совета, где найти материалы о Пушкине. И получали в ответ обстоятельные, серьезные письма. Праправнук поэта дружески рекомендовал юным пушкинолюбам: «Лучший материал о Пушкине — это сам Пушкин, его стихи, его сказки... читайте их, учите наизусть, читайте письма Пушкина друзьям, жене, издателям... прочитав — размышляйте». Совето-

---

ле радио, привела отрывок из напечатанной в японском журнале «Мадо» работы Танабэ Сахоко, посвященной Сергею Евгеньевичу. Сравнивая приведенную Н. Ендерюковой цитату из очерка Танабэ Сахоко с выдержкой из тех же воспоминаний, использованных мною выше, нельзя не заметить некоторого разночтения в оценке личности С. Е. Клименко. Это вызвано, вероятно, тем, что переводили очерк с японского на русский язык разные лица.

В работе Н. Ендерюковой есть ценное сообщение о фактах, которые Сергей Евгеньевич из скромности «утаивал» от автора этой книги, а именно: в 1985 году молодой скульптор Михаил Переяславец, сын В. И. Переяславца, выполнил его скульптурный портрет из бронзы, который экспонировался в московском Манеже — Центральном выставочном зале СССР, а еще позже известный советский скульптор М. К. Аникушин также создал скульптурное изображение С. Е. Клименко. Оба мастера «увидели в лице потомка черты его великого предка».

вал не ограничиваться «поклонением Пушкину, а больше читать и учить стихов других поэтов»⁶.

В ноябре 1982 года в Государственном музее А. С. Пушкина состоялась встреча почитателей великого русского поэта с И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым, рассказавшими о новой своей книге «Пушкин в Яропольце». В заключение литературного вечера Сергей Евгеньевич Клименко выступил с горячей речью, в которой от имени всех потомков поэта сердечно поблагодарил авторов за серию замечательных книг о семействе Гончаровых, которому они посвятили многие годы.

«Разбирая гончаровский архив, читая написанные по-французски неразборчивые письма сестер и братьев Гончаровых и их матери, Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич проделали очень трудную, но очень благодарную работу,— писал мне Сергей Евгеньевич.— Их книги помогли воссоздать подлинный облик избранницы Пушкина Натальи Николаевны — его жены, помощницы, матери его детей, «страдалицы», как ее называли моя мать и тетка <С. П. Вельяминова>, имея в виду долго не прекращавшуюся кампанию травли и сплетен».

...Тонко чувствовавший все прекрасное на земле, в том числе природу, С. Е. Клименко особенно любил места тихие, глухие: «чтобы и вода была чистая, и зелень свежая, нетронутая, и тишина первозданная...» Он чрезвычайно болезненно воспринимал все большее захламенение подмосковных лесов.

Человек наблюдательный, с душой художника, Сергей Евгеньевич умел увидеть в лесу причудливо изогнутую ветку дерева, невообразимой формы корень — материал для творчества. Его неистощимая фантазия и талантливые руки — руки мастера — превращали затем природное сырье в самобытные художественные изделия. Много свободных часов отдал этому увлечению праправнук поэта. В его квартире можно увидеть оригинальные человеческие фигурки, фигурки зверей и птиц, другие вещицы, свидетельствующие о том, как много дано человеку, если он умеет дружить с искусством.

Дружил С. Е. Клименко и с поэзией. Стихотворные строчки, написанные им в последние годы, полны трепетной любви ко всему, что окружало автора, приносило радость, а порой и боль.

Рассуждая в одном письме ко мне о некоторых собственных стихах, С. Е. Клименко признался: «Конечно, они очень далеки от совершенства, но я пишу

только тогда, когда есть толчок, а читаю их только друзьям. Да простит меня Пушкин...»

Незнакомке

Ни счастья не сулят, ни бед
Мне ваша синяя косынка,
Изящный замшевый жакет
И темно-серых глаз грустинка...
Идя по свету, вы невольно —
Так, между прочим, невзначай, —
Кому-то делаете больно,
Кому-то — счастье через край...
Так торжествуйте, незнакомка,
Пока сияет красота!
Морщин не смывать, а жизни кромка
Не так-то в общем далека...

Сестре Ирине

Покраснела бузина,
А теперь — рябина,
Лето выпито до дна,
Милая Ирина...
Все мгновенно, все пройдет —
Говорит нам гений, —
В жизни все — круговорот
Судеб и явлений.

.....
Осень!.. Вновь придет весна,
Белая, жасминная,
И небес голубизна,
Милая Ирина!

В конце жизни

Мы жизни реку переплыли...
Тихонько волны той реки
На берег мой теперь прибили
Воспоминанья лепестки:
Ночь, тишина, да лифта стуки
И отдаленный бой часов,
Твои девические руки,
Твоя изломанная бровь...

До последних дней своих Сергей Евгеньевич Клименко жил интенсивно, творчески, внимательно всматриваясь в картины окружавшей его жизни, то огорчаясь, то любясь ими. И это помогало ему оставаться душевно молодым. Только такой человек мог сказать о себе: «Однажды ранней весной в свете неяркого солнца я увидел тугие голые ветки яблонь, мокрые после дождя, — по-новому открылся мир...»

На земле, в небе и на море

Фронтовыми дорогами шли к победным майским залпам сорок пятого и другие потомки Пушкина.

Участниками войны были братья Сергей и Борис Пушкины, праправнуки поэта. Семнадцатилетний Сергей из десятого класса ушел в авиационное училище, после окончания которого служил в авиации — механиком штурмовика «Ил-2». А Борис (его призвали в действующую армию осенью сорок третьего — на полгода позже, чем брата) в свои неполных семнадцать лет стал курсантом морского училища в Ленинграде, а затем моряком-зенитчиком Балтийского флота. Он командовал орудийным расчетом на тральщике, обезвреживал фашистские мины, расчищая путь боевым кораблям.

Демобилизовавшись в 1946 году, братья вернулись в Москву, где и получили высшее техническое образование — Сергей учился в политехническом институте, Борис — в автомеханическом.

В течение многих лет Сергей Борисович Пушкин работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте физико-технических и радиотехнических измерений. Его специальность — точное измерение времени и частоты.

...С давних пор человечество пользовалось астрономическим временем. В его основу была положена астрономическая секунда, равная $1/86400$ части средних солнечных суток. А циферблатом этих мировых «часов» служили звезды.

Однако уже в начале нынешнего столетия ученые обнаружили, что скорость вращения Земли неравномерна, наблюдаются сезонные и вековые изменения ее. Кроме того, расчеты по звездам неудобны: обсерваториям нужны постоянные наблюдения, а они возможны далеко не в любую погоду.

Потребовались часы более точные, не определяемые скоростью вращения планеты. Ученые предложили для счета времени использовать колебания атомов, отличающиеся высочайшей стабильностью, а также тем, что скорость вращения Земли на них не отражается. Официальный переход на атомное время произошел в 1967 году.

Сверхточные атомные часы хранятся во Всесоюзном научно-исследовательском институте физико-технических

и радиотехнических измерений, который находится в подмосковном поселке Менделеево, на берегу Клязьмы. Они называются Государственным первичным эталоном времени и частоты (ГЭВЧ). Эти часы почти в миллион раз точнее тех, которые основаны на вращении Земли вокруг своей оси.

Главным конструктором первых в Советском Союзе атомных часов был С. Б. Пушкин. С 1967 года он является ученым хранителем ГЭВЧ СССР. Эти часы расположены в специальных помещениях общей площадью более 1000 квадратных метров. В них поддерживаются постоянные температура и влажность, неизменные характеристики магнитного поля, а сейсмостойчивые фундаменты позволяют избегать любых сотрясений.

В настоящее время Сергей Борисович руководит научно-исследовательским отделением измерений времени и частоты и одним из отделов, входящих в его состав, который занимается совершенствованием и повышением точности государственного первичного атомного эталона времени и частоты, необходимого для решения многих важных практических и научных задач.

Уже сегодня различные навигационные системы (морские, воздушные, космические), по словам С. Б. Пушкина, работают «с миллионными долями секунды. Пренебрежение ими привело бы к катастрофическим последствиям в гаванях и на взлетно-посадочных полосах, особенно при плохой видимости. Исключительная точность нужна для работы в космосе. Или возьмите точное приборостроение. Многие из аппаратов сейчас целиком зависят от эталона времени. Синхронное вещание, телевидение, прежде всего цветное, средства связи, информация в системах управления...»¹.

Погрешность современных атомных часов — одна секунда за 300 000 лет!

Возможный эталон времени будущего — сигналы нейтронных звезд, которые можно заметить только с помощью мощных радиотелескопов. За импульсный характер радиоизлучений их называли пульсарами. Пульсары обладают ценным свойством испускать сверхточные радиосигналы в течение миллионов лет. Именно они способны согласовывать земные часы с космическими.

«Пульсары в принципе являются идеальными «часами» космоса, — говорит Сергей Борисович Пушкин. — Поэтому мы предложили использовать их в качестве точки отсчета времени как земных, так и космических часов. На сегодня

специалистами нашего института и астрономами Физического института Академии наук СССР отобрана предварительная группа пульсаров и на их основе создана пульсарная шкала. По ней можно изучать стабильность испускания радиосигналов пульсарами, измерять время вращения Земли, а в перспективе использовать для задач дальней космической навигации»².

Сергей Борисович — автор около семидесяти опубликованных научных трудов. В последние годы он работал над монографией, посвященной службе времени и частоты. В связи с характером своей деятельности С. Б. Пушкин бывал в научных командировках на Кубе, в ГДР, Италии, Франции, Индии и других странах. Он председатель двух и член трех научно-технических советов. В 1979 году его выбрали членом комиссии Международного астрономического союза, которая занимается проблемами атомного времени.

Дочь С. Б. Пушкина, Марина Сергеевна, — адвокат. Она в 1973 году окончила Московский государственный университет и работает в одном из юридических учреждений столицы. Подзащитные относятся к М. С. Пушкиной с большим уважением, высоко ценят ее отзывчивость, энергичность и принципиальность. В 1982 году Марина Сергеевна совершила интересную туристическую поездку по Болгарии. С волнением осматривала она места, где когда-то воевал ее прапрадед — Александр Александрович Пушкин.

Борис Борисович Пушкин в настоящее время работает заместителем генерального конструктора на одном из крупнейших предприятий Москвы. В середине 1960-х годов его труд отмечен орденом «Знак Почета». За участие в разработках различных измерительных систем братьям Пушкиным неоднократно вручались медали ВДНХ. В 1975 году Борис Борисович и Сергей Борисович одновременно (счастливое совпадение!) были награждены орденами Трудового Красного Знамени. В 1982 году Б. Б. Пушкина ждала еще одна правительственная награда — второй орден Трудового Красного Знамени. А С. Б. Пушкину в 1984 году за выдающиеся заслуги в области науки была присуждена Государственная премия СССР, причем (снова случайное совпадение!) диплом и Почетный знак лауреата этой премии ему вручили в Кремле 10 февраля, т. е. в день памяти великого поэта.

Единственный сын Бориса Борисовича — Сергей в 1979 году окончил Московское высшее техническое училище

имени Н. Э. Баумана, работает в Научно-исследовательском институте двигателей.

* * *

Судьба Александра Ивановича Писнячевского, праправнука поэта, с самого раннего детства складывалась трудно, порой даже трагически. Елена Николаевна Писнячевская отдала годовалого Алика на воспитание Марии Александровне Быковой, своей матери, в семье которой мальчик прожил несколько лет.

По рассказам полтавских потомков Пушкина, он был очень смысленый и красивый — большие серо-голубые глаза, светлые кудри, очаровательная улыбка... Все родственники любили его.

Когда Алику было 6—7 лет, сёстры Ивана Александровича Писнячевского, Ольга и Ирина, привезли племянника к отцу в Нижний Новгород. Однако в семье Ивана Александровича Алик оказался лишним, и его воспитывал в основном дед — профессор-психиатр Александр Иосифович Писнячевский, человек щедрого сердца.

Еще в школе, в восьмом классе, Александр увлекался техникой, особенно радиоделом. Окончив в 1938 году среднюю школу, юноша поступил на судомеханическое отделение Ленинградского морского техникума *, где и учился до весны 1941-го.

В предвоенные недели он проходил практику на паровой шаланде «Бира», где работал кочегаром. Война застала Александра в Шлиссельбурге (ныне город Петрокрепость). Писнячевский, как и многие его товарищи по техникуму, добровольно пошел служить на канонерскую лодку. Он до конца военных событий не расставался с Балтийским флотом. Александр Иванович был и рядовым краснофлотцем-подводником, и комендантом на военной барже. Не раз сопровождал транспорты с воинскими подразделениями, которые шли на прорыв блокады Ленинграда. Участвовал во многих морских сражениях. В последние дни войны А. И. Писнячевский выполнял обязанности печатника многотиражки «Боевая вахта» в Таллинне.

Грудь праправнука А. С. Пушкина, одного из героических защитников Родины в годину испытаний, украсили медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда»,

---

* Ныне Высшее морское инженерное училище имени адмирала С. О. Макарова.

«За участие в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а позднее — в конце 1950-х годов — и медаль «В память 250-летия Ленинграда», которой он особенно дорожил.

Демобилизовавшись, Александр Иванович в 1946 году кончил прерванный войной курс обучения в морском техникуме. Потом несколько лет плавал на судах торгового флота Ленинградского (Балтийского) и Эстонского государственного морского пароходства.

В начале лета 1949 года, когда вся страна торжественно отмечала 150-летие со дня рождения Пушкина, его праправнук А. И. Писнячевский был вторым механиком на пароходе «Палдиски». В преддверии юбилея он, по поручению командира судна, проводил беседы с моряками о жизни и литературной деятельности Пушкина, выступил на вечере, посвященном памяти великого поэта-предка.

Гостившая тогда в Ленинграде у сына, А. С. Данилевского, Софья Николаевна Данилевская через радиостанцию Балтийского пароходства 6 июня послала племяннику Александру Писнячевскому радиogramму следующего содержания: «Дорогой Александр, жду тебя в Ленинграде на юбилейные пушкинские торжества. Желая тебе и твоим товарищам-морякам успехов и счастливого плавания»³.

Но для Александра Ивановича месяцы «счастливого плавания» были уже сочтены. В 1950 году по клеветническому доносу (мол, в компании моряков рассказал политический анекдот) Писнячевского репрессировали. Больше пяти лет он находился в качестве ссыльного в Чердынском районе Пермской области, где работал по своей специальности. В конце 1955 года его реабилитировали, но еще длительное время он продолжал оставаться, как говорили в старину, в местах не столь отдаленных.

Вернувшись из Пермской области в свой родной город, он в 1957—1961 годах работал теплотехником на макаронной фабрике. Потом два года был главным механиком учебно-опытного завода Горьковского политехнического института. Затем снова в течение шести лет трудился на макаронной фабрике, но уже в должности главного энергетика. А с 1967 года Писнячевский — инженер по контрольно-измерительным приборам и автоматике в Горьковском университете, позднее начальник котельной.

Будучи в ссылке, А. И. Писнячевский женился (вторым браком) на литовке Альдоне Людвике Симоно Чепайтите, тоже ссыльной. Ее биография примечательна. Когда началась Великая Отечественная война, Альдоне шел шестнадцатый год. Отец, Симас Чепайтис, являлся одним из руководителей антифашистского подполья в Каунасе, за что и был расстрелян немцами⁴. Альдона Чепайтите с начала 1943 года тоже стала членом подпольного союза. Она снабжала советских военнопленных продуктами питания, в квартире родителей размножала на пишущей машинке листовки, распространяла их среди населения оккупированного города. В феврале 1944 года гитлеровцы арестовали юную подпольщицу и бросили ее в концлагерь...

Обо всем этом и о многом другом А. И. Писнячевский и его жена рассказали мне при встрече, которая состоялась в сентябре 1972 года.

А. И. Писнячевский показал хранившиеся у него памятные вещи — серебряный портсигар и перочинный нож, принадлежавшие когда-то племяннику Гоголя Николаю Владимировичу Быкову, и серебряную ложку Марии Александровны Быковой — внучки Пушкина. Супружеская чета Быковых — дедушка и бабушка Писнячевского.

— Недавно я передал в Горьковский областной архив,— сказал мой собеседник,— некоторые семейные бумаги и много фотографий потомков Пушкина и родственников Гоголя...

На вопрос: «Чем занимаетесь в свободное время?» — праправнук Пушкина ответил:

— Люблю собирать из готовых узлов телевизоры, приемники. Что касается литературы, то отношусь к ней чисто потребительски: интересуюсь хорошими книгами, но сам не пишу. Правда, в молодые годы баловался стихами — делал это просто для собственного удовольствия, для души. Пушкинская наследственность что-то не проявилась, как и у большинства потомков Александра Сергеевича...

Во время нашего разговора во всем облике Писнячевского чувствовались апатия и какое-то душевное изнурение. Об этом говорили его усталые глаза, безвольно опущенные плечи, даже то, как он время от времени, будто нехотя, вставал со стула и вяло прохаживался по комнате. В конце беседы, утомленный, побледневший Александр Иванович, напряженно улыбаясь, поделился своими сокровенными мыслями:

Александр Иванович Писнячевский, праправнук А. С. Пушкина, с женой Альдоной в Болдине. Фотография 1968 г.

— В Болдине мы с женой были четыре года назад. Ездили на празднование «Болдинской осени» Пушкина. Буду помнить об этом всю жизнь. А вот в Михайловском, к сожалению, никак не удастся побывать, хотя и очень хочется. Остается одно: надеяться, что наша мечта сбудется. Надо непременно съездить в Ленинград и на Ладогу, где воевал. Душа истосковалась по тем местам...

Увы, надежды Александра Ивановича Писнячевского не оправдались. Горькое детство, сиротливая жизнь в юности, тяжкие военные испытания и, наконец, ссылка, после которой он так и не смог воспрянуть духом, сломили его волю: 8 мая 1974 года, накануне праздника Победы, Александр Иванович покончил с собой. Через пять лет не стало и Альдоны Симоновны.

* * *

Георгий Владимирович Воронцов-Вельяминов, праправнук Пушкина, родился в селе Югалин Барановичской области (теперь входит в Брестскую область), где

Иркутские потомки А. С. Пушкина в семейном кругу. Слева направо: в первом ряду — Галина Георгиевна Тарбеева, Ирина Александровна Воронцова с сыном Денисом, Александра Николаевна Воронцова, во втором ряду — Вера Георгиевна Зубенцова, Владимир Георгиевич Воронцов с сыном Сашей. Фотография 1983 г.

и прошло его детство. Война застала Георгия в Казахстане — там он жил вместе с матерью Натальей Евгеньевной и сестрой Верой.

В июне сорок первого Георгию было четырнадцать лет. А когда исполнилось семнадцать, он ушел воевать прямо со школьной скамьи, из девятого класса.

Весной 1945 года рядовой боец-автоматчик Г. В. Воронцов* в составе войск Третьего Украинского фронта участвовал в освобождении Польши, Венгрии, Чехословакии и Австрии.

---

* При получении паспорта (это было в конце 1942 года) Георгий Воронцов-Вельяминов взял «усеченную» фамилию — Воронцов, которую впоследствии дал детям. Так же поступили его мать и сестра.

Джордж Майкл Александр Уэрнер, праправнук А. С. Пушкина. Фотография 1941—1942 гг.

Дейвид Майкл Маунтбеттен, праправнук А. С. Пушкина. Фотография 1947 г.

Вскоре после Победы дивизию, в которой он служил, отправили на Дальний Восток, где японцы продолжали свои агрессивные действия против Советского Союза и других стран. Но воевать там бойцам этого войскового соединения не пришлось: в пути, где-то недалеко от Канска, стало известно, что 2 сентября Япония также капитулировала.

Свою армейскую службу Г. В. Воронцов закончил в Иркутске. После демобилизации он остался там работать. Георгий Владимирович и его замужние дочери Галина и Вера живут в Иркутске и сегодня. А сын, Владимир Георгиевич, — военнослужащий. Вместе с женой и четырьмя детьми он живет в Хабаровском крае.

* * *

Ратные заслуги десяти советских потомков Пушкина, в лихую годину несших боевую вахту на земле, в небе и на море, стали частицей грандиозного подвига нашего народа в войне, которая в мае 1945 года завершилась великой Победой над германским фашизмом.

Трое зарубежных праправнуков Пушкина также сражались против фашистских войск. Один из них, Джордж Майкл Александр Уэрнер — капитан английского уланского полка, — 4 декабря 1942 года погиб в бою. Другой, Дейвид Майкл Маунтбеттен (тоже английский подданный), скончался в 1973 году. А умерший в Париже в 1982 году Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов воевал в рядах французской армии, которая сдерживала стремительное наступление гитлеровцев, вторгшихся на территорию Франции. О нем подробный рассказ впереди.

У НАС
И ЗА РУБЕЖОМ

Полтавские потомки поэта

Полтавщина стала родиной десяти правнуков А. С. Пушкина. Большая семья Марии Александровны и Николая Владимировича Быковых положила начало широко разветвившейся полтавской линии пушкинского рода, насчитывающей теперь около семидесяти человек (включая умерших). Таким образом, каждый четвертый потомок Пушкина одновременно является родственником Гоголя. Некоторые из них и сейчас постоянно живут в Полтаве.

...В семье Быковых дети уже в раннем возрасте общались к музыкальной культуре. Их обучали игре на фортепьяно. Им прививали любовь к классической музыке, народному песенному творчеству и исполнительскому искусству. В доме Быковых постоянно звучали мелодии отечественных и зарубежных композиторов, русские и украинские песни. Музыка в семье Марии Александровны и Николая Владимировича была духовной потребностью, одним из самых сильных фамильных увлечений.

...Зимой 1904 года семнадцатилетняя Софья Быкова окончила Полтавский женский институт. Осенью того же года она выдержала большой конкурс — сорок человек на одно место — в Московской консерватории, где хотела учиться по классу вокала. Но Николай Владимирович Быков не позволил дочери жить в общежитии: оно славилось дурной репутацией. По настоянию отца Софья Николаевна отказалась от места в консерватории.

— Дядя Саша потом упрекал маму, — вспоминала С. Н. Данилевская. — Он говорил: «Маша, зачем вы с Николаем Владимировичем поторопились? Я бы устроил Сою в скромную семью...»

Уговоры А. А. Пушкина (внука) подействовали на сестру — Мария Александровна поехала в консерваторию, но было поздно: уже зачислили первого кандидата.

Вернувшись в Полтаву, Софья Николаевна вскоре поступила в частное музыкальное училище. Незадолго до его окончания правнучка Пушкина вышла замуж за Сер-

гея Дмитриевича Данилевского и уехала с ним в село Олефировка Миргородского уезда. В Полтаву она вернулась в начале 1920-х годов. К тому времени Софья Николаевна стала опытной профессиональной певицей, членом Союза работников искусств.

С. Н. Данилевская и ее сестра Татьяна Николаевна солировали в концертах хора Политпросвета Красной Армии на Украине, которым управлял молодой дирижер Александр Васильевич Свешников, впоследствии художественный руководитель и дирижер прославленного Государственного академического русского хора Союза ССР, народный артист СССР, ректор Московской консерватории. В те годы Свешников говорил, что Софья Николаевна могла бы петь с большим успехом в столичной опере.

В 1923 году С. Н. Данилевская из-за болезни горла вынуждена была покинуть хор Политпросвета. Но она сохранила красивый, сильный голос до глубокой старости.

Еще до ухода из хора Свешникова Софья Николаевна участвовала в организации первых в Полтаве детских яслей, затем работала в них старшим педагогом, одновременно была и музыкальным руководителем.

У нее уже был опыт работы с детьми. Летом 1904 года, занимая скромную должность статистика в Полтавском губернском земстве, Софья Николаевна по договоренности со своим начальством уехала в Яновщину, чтобы устроить там ясли для крестьянских детей. Ясли были примитивные и действовали лишь два месяца в году, во время тяжелых летних работ. Но в них собиралось до тридцати — сорока ребят. Софья Николаевна была в яслях и прачкой, и няней. А дома еще шила одежду для детей бедных крестьянок. И за все это она не получала никакого вознаграждения. Отец, Н. В. Быков, отпускал для яслей муку, крупу, другие продукты. И тоже безвозмездно. К воспитанию малышей Софья Николаевна всегда относилась с душевной теплотой.

В советское время труд С. Н. Данилевской много раз поощрялся.

Годы работы с детьми правнучка Пушкина считала самыми счастливыми в своей жизни. В яслях она не раз проводила показательные занятия, на которых присутствовали воспитатели всех дошкольных учреждений Полтавы. Софья Николаевна сама писала для детей стихи и шуточные песни. Сочиняла и музыку к ним. К сожалению, во время Великой Отечественной войны тетради с ее

Софья Николаевна Быкова, правнучка А. С. Пушкина. Фотография около 1906 г.

стихами и текстами песен, оставшиеся в яслях, сгорели. А память сохранила лишь немного из написанного.

Чтобы каждый прожитый в яслях день для ребенка был по-своему значительным, памятным, она придумывала увлекательные игры. При этом нередко обращалась за помощью к сыну Саше. По просьбе матери он делал рисунки к словам песен, которые исполнялись в яслях.

В начале войны детские ясли, в которых работала С. Н. Данилевская, были эвакуированы. Сама же Софья Николаевна осталась в Полтаве с большой семьей. Накануне войны к ней приехала невестка Г. Г. Шельдешова, 22 июня Галина Григорьевна родила сына Сережу. С Софьей Николаевной жили и ее дочери — Наталья Сергеевна с двумя детьми, шестилетним Колей и четырехлетней Лидой, и Ирина Сергеевна с мужем Антоном Никитичем Кононенко и падчерицей Галей.

Вскоре начались бомбежки. Один раз рядом с домом С. Н. Данилевской упало четыре бомбы. Взрывной волной швырнуло в соседний двор крыльцо. Рухнул как подкошенный огромный старый ясень. Между потолком и стеной дома, выходящей на улицу, образовалась огромная щель. Выбило все окна...

Поблизости от дома Данилевских находился детский дом. Его воспитанники были эвакуированы, и в опустевшем здании нашли приют двадцать восемь беспризорных детей: их родители погибли... Заботу о ребятах добровольно взяла на себя Софья Николаевна. Помогали ей две пожилые женщины — бухгалтер и сестра-хозяйка детского дома, оставшиеся в Полтаве.

А потом в город ворвались фашисты. Софья Николаевна в период оккупации вела себя героически. Благодаря ее заботам продолжал функционировать — уже на нелегальном положении — советский детский дом. Каждого из двадцати восьми детей (а среди них были и больные, и сильно истощенные) надо было накормить, одеть, обуть. Несмотря на невероятные трудности, порой рискуя жизнью, Софья Николаевна уберегла, выходила почти всех. В одном из писем она рассказывала: «Когда начались бомбежки, я выводила и выносила всех своих питомцев в коридор и усаживала их на длинной скамейке. Связав концы двух одеял, держала их обеими руками, и дети сидели как бы под одним большим крылом. Жутко вспоминать...»

...В день освобождения Полтавы, 23 сентября 1943 года, у Данилевских остановилась на кратковременный отдых группа военных. Повар приготовил обед. Угощали и хозяев. После ужина С. Н. Данилевская села за рояль и запела — впервые за два черных года оккупации. Ее окружили солдаты и собственная семья. Они тоже пели хором военные песни. Для Софьи Николаевны и ее близких этот импровизированный домашний концерт на всю жизнь остался незабываемым праздником...

А на следующий день С. Н. Данилевская поручила военному журналисту Дмитрию Михайловичу Косарику, впоследствии известному украинскому писателю и литературоведу, передать в архив дневник своей бабушки Елизаветы Васильевны Быковой (урожд. Гоголь) 1851—1865 годов. В дарственной надписи, сделанной Софьей Николаевной на предпоследней — незаполненной — странице дневника, говорится: «Окончание дневника моей бабушки Елизаветы Васильевны Гоголь, в замужестве Быковой, досталось мне от моего отца, племянника писателя Н. В. Гоголя. В день радостного для нас события — освобождения от немецких оккупантов Полтавы я рада преподнести эти отрывки... родной Академии наук. С. Данилевская. 24 сентября 1943 года. Полтава, Первомайский проспект, 27».

Первого ноября того же года Д. М. Косарик сдал дневник сестры Гоголя * на хранение в Институт литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР (Киев). Там он находится и сейчас (фонд 17, № 150). Всего в тетради 84 страницы: дневник занимает 40 страниц, остальные — не заполнены.

Особенно ценна дневниковая запись Е. В. Быковой о кончине ее знаменитого брата: «21 февраля <1852 года>. Нас постигло большое несчастье. Н. В. Гоголь, наш брат, сегодня скончался в Москве, в 8 часов утра в среду **, на 2-ой неделе поста, а в воскресенье 24-го числа похоронен в Даниловом монастыре...»

В дневнике Е. В. Быковой, ее мужа и дочери, переданном в архив С. Н. Данилевской, много фактических сведений семейного характера, в том числе о времени рождения полтавских потомков Пушкина. Правда, эти данные не всегда точны.

У Софьи Николаевны хранились два редких альбома. Автор одного из них («Гоголь на родине») — известный полтавский фотограф дореволюционной поры И. Х. Хмелевский. Издан альбом в 1902 году, к 50-летию со дня смерти Гоголя. В нем на страницах большого формата — виды Диканьки, Миргорода, Полтавы, Яновщины. Иллюстрации Гоголя к собственным произведениям. Фотография Преображенской церкви в Великих Сорочинцах, в архиве которой составитель альбома нашел метрическую книгу за 1809 год, а в ней запись: «20-го марта у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен 22-го марта...»

Один экземпляр этого, теперь уникального, издания Николай Владимирович Быков подарил своему другу Владимиру Алексеевичу Гиляровскому. Дочь последнего, Надежда Владимировна, в знак благодарности преподнесла Н. В. Быкову альбом «Дума за думой», в котором собраны стихи и автографы известных поэтов-современников. Ныне альбом находится у Н. С. Савельевой.

...В дошкольных детских учреждениях С. Н. Данилевская работала до 1956 года, потом вышла на пенсию. Ей

---

* Этот дневник правильнее было бы назвать семейным дневником-росписью Быковых, так как в него вносились важные «домашние» события и значительная часть записей в нем (в период с июля 1852 года по февраль 1861 года) сделана Владимиром Ивановичем Быковым — мужем Е. В. Быковой. После смерти Елизаветы Васильевны дневник продолжен ее старшей дочерью Марией Владимировной Быковой (позднее, в замужестве, Рахубовской), которой и принадлежат все записи 1866—1899 годов.

** Потрясенная горем, Е. В. Быкова допустила неточность: 21 февраля 1852 года приходилось на четверг.

было тогда около семидесяти лет. Но еще более двух десятилетий она, несмотря на преклонный возраст, оставалась такой же деятельной, энергичной, какой была всю жизнь. Для забот о себе у Софьи Николаевны всегда не хватало времени. Зато детей своих она воспитала настоящими советскими гражданами. Как сложились судьбы ее сына Александра и дочери Марины, я уже рассказывал. Достойны уважения и остальные дети Данилевской.

Мария Сергеевна, самая старшая, училась на биологическом факультете Полтавского педагогического института. Не закончив курса обучения, она, чтобы помочь матери, уехала на работу в Туркмению, а высшее образование завершила заочно. М. С. Данилевская неоднократно участвовала в геоботанических экспедициях, исследуя флору Копетдага и других мест Средней Азии.

Затем она длительное время жила в селе Казаровичи Киевской области, где была геоботаником луговой опытной станции. Позднее, когда научные интересы Марии Сергеевны окончательно определились, переехала в Житомирскую область. В городе Коростене М. С. Данилевская работала на государственной областной сельскохозяйственной опытной станции, заведующей отделом луговодства.

Проводя многочисленные эксперименты по улучшению лугов и обобщая их результаты, Мария Сергеевна внесла достойный вклад в науку. В 1971 году она защитила диссертацию «Улучшение пойменных лугов житомирского Полесья Украинской ССР», стала кандидатом сельскохозяйственных наук. Исследования М. С. Данилевской имеют большое практическое значение. Осуществление ее предложений резко повышает урожайность природных кормовых угодий.

Выйдя на пенсию, Мария Сергеевна переехала в Полтаву, к матери, за которой и ухаживала до последнего ее часа.

Вторая дочь С. Н. Данилевской — Ирина Сергеевна — с детства отличалась необыкновенно развитым чувством долга. С десяти лет (после смерти отца) она была первой помощницей матери и бабушки в домашних делах: топила печь, готовила обед, стирала, шила сестрам платья. Конечно, и у других детей были обязанности, но «главной» в семье оставалась все-таки Ирина, и младшие слушались ее беспрекословно. При этом она всегда отличалась добротой, чуткостью, непосредственностью своих чувств и поступков. Как-то Ира ушла на рынок купить

Мария Сергеевна Данилевская,
праправнучка А. С. Пушкина.
Фотография 1972 г.

стакан пшена, а денег у нее не хватило, и она купила для матери три гвоздики. Пришла домой и спрятала их за спину, думала, что Софья Николаевна рассердится. А потом смущенно протянула ей цветы.

В 1928 году, окончив семилетку, Ирина Данилевская поступила в землеустроительную профшколу, где курс обучения длился четыре года. В 1931-м она начала работать и помогать семье. После Великой Отечественной войны Ирину Сергеевну направили в Дрогобычскую область. Отличный землеустроитель и прекрасная чертежница, она пользовалась большим авторитетом и была избрана депутатом городского Совета.

Муж Ирины Сергеевны, Антон Никитич Кононенко, тоже землеустроитель, умер в 1943 году от туберкулеза.

— В тяжкое время войны он не щадил ни сил своих, ни здоровья ради близких,— говорила Софья Николаевна, тепло вспоминая зятя. И неторопливо, словно взвешивая каждое слово, добавила:— Все мои зятя были чудесные люди...

От первой жены у А. Н. Кононенко осталась девочка. Ирина Сергеевна заботилась о Гале, как о родной дочери: вырастила, помогла ей получить высшее образование.

Последние девять лет Ирина Сергеевна жила в Полтаве, работала инженером-землеустроителем при гор-

Софья Николаевна Данилевская (Быкова) в кругу семьи и знакомых. В первом ряду (слева направо): И. С. Данилевская, В. А. Савельев, Н. С. Савельева, З. К. Савельева, Н. В. Савельев, С. Н. Данилевская; в центре второго ряда — Л. В. Савельева. Фотография 1958 г.

совете. 15 июля 1970 года она скоропостижно скончалась.

...Наталья Сергеевна Данилевская унаследовала от матери хороший голос. В конце 1920-х годов она пела в Полтавском городском женском хоре. Затем окончила керамический техникум, где училась по ускоренной программе. Девятнадцати лет Наталья Сергеевна уехала в Донбасс, там работала лаборантом. Через два года, в 1933-м, вышла замуж за Владимира Акимовича Савельева, который в молодые годы учился на Высших литературных курсах в Москве — в кружке, которым руководил В. В. Маяковский. Владимир Акимович писал стихи, часто печатался в различных периодических изданиях, всегда был страстным библиофилом.

Позднее В. А. Савельев защитил кандидатскую диссертацию по языку произведений В. Г. Короленко *. В течение многих лет он заведовал кафедрой русского языка в Полтавском педагогическом институте. Был участником Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За освобождение Праги».

---

* Софья Владимировна Короленко, дочь писателя, в 1920-х годах поддерживала дружеские отношения с С. Н. Данилевской.

Наталья Сергеевна по окончании трехгодичных курсов французского языка (это было в 1941 году) получила квалификацию преподавателя. После освобождения Полтавы девятнадцать лет работала в одной из школ города.

Ее сын, Николай Владимирович, окончил Полтавский инженерно-строительный институт. Заведует мастерской гражданского проектирования Полтавского филиала института «Укрколхозпроект». По его проекту под Полтавой был построен благоустроенный пионерский лагерь «Василек», в котором отдыхают ребята из многих городов и сел Советского Союза, а также из зарубежных стран. Н. В. Савельев хорошо рисует, увлекается живописью, архитектурой. Его жена Зинаида Кузьминична — экономист. У супругов двое сыновей. Владимир в 1981 году окончил лечебный факультет Полтавского медицинского стоматологического института, а Алексей два года спустя завершил университетское образование в Ленинграде.

В семье Галиных

Впервые с Татьяной Николаевной Галиной я познакомился в сентябре 1968 года. Вместе с ныне покойной Александрой Михайловной Сперанской — москвичкой, врачом, большой почитательницей Пушкина и моим давним другом — мы медленно листали семейный альбом Галиных, все больше вживаясь в историю пушкинского рода. Рядом сидела Татьяна Николаевна. Она обстоятельно комментировала каждый снимок.

Александра Михайловна и я слушали ее с восторгом. И в эти счастливые минуты слияния с миром Пушкина в моей душе зрели, искали выхода семена добра, росло и ширилось желание сделать для людей что-то прекрасное и значительное...

Рассказы Т. Н. Галиной о сыне поэта Александре Александровиче Пушкине были особенно интересны, потому что она хорошо знала своего деда. В последние два года его жизни Татьяна Николаевна, учившаяся и жившая в то время в Екатерининском женском институте в Москве, каждую неделю проводила у него выходные дни.

Институт она окончила в 1914 году, а с осени 1915-го преподавала французский язык в Полтавской гимназии.

Татьяна Николаевна Галина, правнучка А. С. Пушкина. Фотография 6 июня 1975 г.

Этому языку она продолжала обучать детей и в советское время. Наряду со своей основной работой правнучка Пушкина в течение нескольких лет пела: сначала в хоре Политпросвета Красной Армии, а с 1923 года в ансамбле Полтавской оперы.

— Благодаря тете Тане,— рассказывала мне ее племянница Наталья Сергеевна Савельева,— я знаю множество опер. У нее был небольшой, но очень красивый голос — контральто. Хотя в театре тетя Таня не солировала, а была хористкой, она знала много оперных арий и дуэтов и превосходно исполняла их дома с сестрами, племянницами и друзьями.

Татьяна Николаевна участвовала в «Евгении Онегине», «Пиковой даме», «Русалке», «Князе Игоре», «Иване Сусанине», «Севильском цирюльнике», «Риголетто», во многих других оперных спектаклях.

В Полтаве Т. Н. Быкова познакомилась с Александром Владимировичем Галиным, студентом Запорожского института сельскохозяйственного машиностроения. Это произошло во время их совместных выступлений в операх, в которых Александр, обладавший высоким ростом и эффектной наружностью, участвовал в качестве статиста. Вскоре они поженились.

В конце 1928 года Татьяна Николаевна оставила оперную сцену. В 1931 году ее муж окончил институт

и был направлен в Ростов-на-Дону. На «Ростсельмаше», гиганте первой пятилетки, он работал инженером-конструктором. Через пять лет А. В. Галин получил назначение по специальности на один из московских заводов. Семья переехала в столицу.

Многие годы правнучка Пушкина собирала и систематизировала основные биографические сведения о двух младших поколениях потомков Пушкина, живущих в нашей стране и за рубежом, помогала в работе пушкинистке Т. Г. Цявловской. Одновременно она коллекционировала фотографии и репродукции с портретов представителей пушкинского рода, составившие альбом, с которого я начал свой рассказ.

Ее сын Георгий Александрович окончил исторический факультет Московского университета и аспирантуру Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина по кафедре истории русской литературы XIX века. Работал в Государственной публичной исторической библиотеке, а позже в научно-исследовательском институте культуры, параллельно изучал журналистскую деятельность своего прапрадеда А. С. Пушкина. Библиографические и литературоведческие статьи Г. А. Галина печатаются в газетах, журналах, литературных сборниках, других изданиях*.

В 1969 году мать и сын Галины опубликовали в альманахе «Литература и ты» небольшой очерк «Судьба потомков», в котором привели любопытные данные о некоторых потомках Пушкина.

Галиных приглашали на юбилейные пушкинские торжества в Москве, Ленинграде, Михайловском... Им писали педагоги, школьники и студенты из Волгограда, Тулы, Пскова, Белой Церкви, из далекой Бурятии... Приходили письма даже из Болгарии, в освобождении которой в годы русско-турецкой войны 1877—1878 годов участвовали и дедушка Т. Н. Галиной Александр Александрович Пушкин, и ее отец Николай Владимирович Быков.

В сентябре 1972 года Татьяна Николаевна и Георгий Александрович по приглашению доцента Болгарской Академии художеств скульптора Драгана Лозенки и его жены, родственников Т. Н. Галиной по мужу, были гостями двух болгарских городов — Софии и Варны.

---

* В феврале 1989 года список печатных трудов Г. А. Галина по культурному строительству, истории и литературоведению составлял 28 названий, статей о Пушкине и его эпохе — 23.

Георгий Александрович Галин, праправнук А. С. Пушкина, с женой Татьяной Николаевной и сыновьями Сашей (слева) и Мишей. Фотография 1984 г.

Они выступали в школах и детских садах, носящих имя А. С. Пушкина. Везде их встречали тепло и радушно, всюду они чувствовали горячую любовь к великому русскому поэту.

Позднее Т. Н. Галина писала мне: «Мы с сыном провели в Болгарии незабываемый месяц, благодаря гостеприимным хозяевам смогли хорошо узнать эту замечательную страну, ее природу и исторические памятники. Мы ежедневно ощущали тесную дружбу, связывающую два братских славянских народа — русских и болгар...»

* * *

В 1976 году у Георгия Александровича Галина и его жены Татьяны Николаевны Дозоровой родился первенец — сын Саша. Имя ему дали в честь А. С. Пушкина и его старшего сына — дедушки Т. Н. Галиной.

В два с половиной года мальчик очень хорошо, выразительно читал «У лукоморья дуб зеленый...», «Зимний вечер»... Еще раньше пробудился у него интерес к музыке: малыш мог часами слушать произведения отечественных и зарубежных композиторов.

В октябре 1978 года у Саши появился брат Миша. Прибавление семейства было большой радостью и для родителей, и для бабушки — Татьяны Николаевны: она души не чаяла во внуках. Сейчас ребята учатся в школе, много читают, вслед за отцом интересуются историей, любят рисовать.

После смерти Т. Н. Галиной я по-прежнему бываю в семье ее сына и невестки. Георгий Александрович и Татьяна Николаевна (младшая) — люди не только гостеприимные, но и обязательные. Они пунктуально, терпеливо и в срок выполняют любую мою просьбу, имеющую отношение к работе над очередной книгой о потомках Пушкина, ко всему, что связано с историей рода великого поэта.

«Нравом я далеко не кроткая»

Однажды, приехав в Москву, я позвонил Софье Павловне Вельяминовой. Договорились встретиться на следующий день...

И вот я в ее квартире. Обычная «перенаселенная» комната. Клетка с попугаями на книжном шкафу. Две клетки с хомяками на полу. Телевизор. Скромная мебель. На стене — портрет матери Софьи Павловны, Натальи

Александровны Воронцовой-Вельяминовой. Рядом с этим портретом — еще один, поменьше. Это сама Софья Павловна в молодости. В простенке между окнами — большая фотография ее внука Севы, который, сидя на корточках, рассматривает легковой автомобиль.

— Хотите послушать стихи Александра Сергеевича в моем исполнении? — неожиданно спрашивает правнучка Пушкина уже в первые минуты нашей беседы. И, услышав мое торопливое: «Конечно, конечно!», С. П. Вельяминова на глазах преображается: вся ее фигура становится напряженной, собранной, строгой, а лицо — необычайно живым, одухотворенным.

Стихи прадеда Софья Павловна читает торжественно-празднично, вдохновенно. Даже не верится, что этот звучный страстный голос принадлежит человеку, истерзанному многолетними недугами и житейскими невзгодами. Зато вижу, чувствую, что сидящая на диване женщина своим темпераментом, свой горячей кровью — плоть от плоти Пушкина.

Кляню коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.

Кляню речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот.

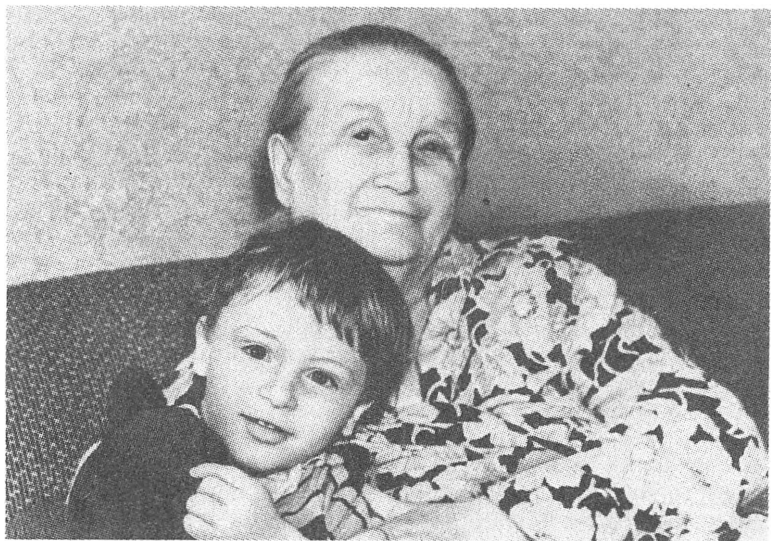
Эти строфы из лирического стихотворения Пушкина, написанного в 1830 году и обращенного к невесте, Наталье Николаевне Гончаровой, Софья Павловна прочитала дважды — с нарастающим душевным подъемом.

Но с особым удовольствием она продекламировала стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны», созданное Пушкиным в 1836 году. По словам Софьи Павловны, поэт и сам очень любил это стихотворное переложение молитвы Ефрема Сирина.

Потом С. П. Вельяминова читала стихи Лермонтова «Парус» и «Выхожу один я на дорогу». И чувствовалось, что в грустные лермонтовские строчки правнучка Пушкина вкладывала и собственные переживания, собственную скорбь. И свое неистощимое жизнелюбие.

Стихи двух великих поэтов, с такой подкупающей искренностью прочитанные Софьей Павловной, необычайно быстро сблизили нас. И через полчаса уже казалось, что мы давно знаем друг друга и только очень долго не виделись.

Софья Павловна Вельяминова с внуком Севой Кологривовым. Фотография 1969 г.

Я о многом расспрашивал С. П. Вельяминову: хотелось как можно больше узнать о детях и внуках поэта, о ней самой, о том, как потомки Пушкина хранят семейные предания об Александре Сергеевиче. И она увлекательно рассказывала о судьбах многих родственников поэта.

Интересны были также воспоминания Софьи Павловны о Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, Е. П. Пешковой, семье В. Р. Менжинского, ее отзывы о произведениях Ромена Роллана, Александра Блока, Мариэтты Шагинян, Гафура Гуляма...

Поэтические строки Г. Гуляма:

Я не уйду в безмолвие, пока
Для этих плеч еще осталась ноша.
И — рядовой бессмертного полка —
Я буду жив, куда буду нужен...—

прозвучали так, будто правнучка Пушкина говорила о себе.

Ни прожитые восемь с половиной десятилетий, ни всякого рода испытания — а судьба с лихвой «наградила» ими Софью Павловну, — ни давно разрушенное здоровье (она стала инвалидом второй группы еще до переезда

в Москву, работая медицинской сестрой* в бобруйском доме грудного ребенка) — ничто не ослабило в этой мужественной, сильной духом женщине активного интереса ко всем важным событиям в нашей стране и за ее пределами, стремления быть полезной обществу.

Софью Павловну всегда волновали проблемы нравственного воспитания молодежи. Немало ценных советов высказывала она — педагог-историк по образованию — по различным вопросам воспитания подрастающего поколения, по улучшению условий труда и быта советских женщин**.

К ее предложениям в свое время внимательно относились Н. К. Крупская и А. С. Макаренко. Порой подсказанное Софьей Павловной становилось темой серьезных выступлений и даже дискуссий в центральных газетах, — тогда радостью переполнялось ее сердце.

Прошло несколько часов, пока вернулись с работы сын С. П. Вельяминовой Олег Всеволодович Кологривов, художник-конструктор, и его жена Людмила Алексеевна. Еще раньше прибежал с прогулки пятилетний внук Сева — он торопливо делился с бабушкой новостями:

— А там, на улице, бульдозер старый дом ломает...

Разговор стал общим. Олег Всеволодович принес из книжного шкафа несколько папок с семейными фотографиями. Среди них были и снимки его скульптурных работ и эскизов.

Показал и Сева свои рисунки. В одном из них — «Неведомая сила сидит на дубе» — мальчик попытался выразить свои впечатления от тех строф поэмы «Руслан и Людмила», где «лес и дол видений полны». Воспитание внука поэзией Пушкина Софья Павловна вела не только любовно, но и умело, с большим педагогическим тактом.

С такой же заботливостью и сердечностью воспитывала Софья Павловна и другого своего внука — Ан-

---

* Медицинской сестрой С. П. Вельяминова была и во время русско-японской (1904—1905) и первой мировой (1914—1918) войн. В 1933—1934 годах также работала медсестрой в детском санатории на станции Сходня под Москвой, откуда уволилась по болезни.

** В архиве А. А. Кологривова хранятся копии смелых писем С. П. Вельяминовой 1938—1960-х годов, адресованных И. В. Сталину, Н. М. Швернику, Г. М. Маленкову, ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, Моссовету, Союзу писателей СССР, «Комсомольской правде», издательству «Молодая гвардия» и т. д. В этих письмах Софья Павловна ставила насущные женские проблемы, во многом неразрешимые.

дря. Сохранился небольшой листок с ее записями-наблюдениями о мальчике — «активном, смышленном, пытливом», но «застенчивом при некоторых условиях; из-за этого опасность, что уйдет в воображение». Бабушка отметила, что у Андрюши «недостаток навыков в игре и самообслуживании», зато он проявляет «интерес к общественным отношениям современным и историческим». В качестве иллюстрации С. П. Вельяминова приводит свой диалог с девятилетним внуком, начинающийся его вопросом: «„Почему говорят, что старики по уму становятся равными детям, а во всех странах во главе государства стоят старики?“ Родители смутились и не знали, что ответить. Я же сказала: „Опыт дает мудрость, а молодых помощников надо уметь подобрать“».

Через несколько дней я снова посетил правнучку Пушкина. На этот раз Софья Павловна много рассказывала о своих зарубежных племянниках Георгии Михайловиче и Владимире Михайловиче Воронцовых-Вельяминовых. Говорила и о нелегкой, но счастливой судьбе Александра Сергеевича Данилевского, о его преждевременной — в расцвете творческих сил — кончине. Разговор о нем остро напомнил Софье Павловне и о собственном неутешном горе: в конце августа 1968 года она похоронила старшего сына, Александра Всеволодовича Кологривова.

— Совсем дряхлой становлюсь,— сказала моя собеседница,— скоро неизбежный итог жизни...

В этих печальных словах С. П. Вельяминовой не было ни страха смерти, ни желания растрогать меня, вызвать сочувствие. Просто мысль о неотвратимости конца родила минутную грусть, искреннюю и такую понятную.

...В 1971 году я еще раз навестил С. П. Вельяминову. Эта встреча оказалась последней. 6 июня 1974 года — в день, когда весь мир праздновал 175-летие со дня рождения А. С. Пушкина,— правнучки поэта не стало. Через несколько месяцев ей исполнилось бы девяносто лет.

На протяжении всего знакомства не прекращалась наша переписка. Никто из потомков Пушкина не писал мне так часто, как Софья Павловна. Сейчас 113 ее писем-воспоминаний, писем-документов находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Будущий исследователь-пушкинист найдет в них, как и в переписке

других потомков поэта, немало драгоценных мыслей о Пушкине, о его творческой биографии.

Благоговейно-почтительное, истинно родственное отношение к памяти великого предка составляло нравственную основу всего семейного уклада Вельяминовой. Несмотря на почтенный возраст, она хорошо помнила хронику пушкинского рода, семейные (опять-таки пушкинские!) предания, воспоминания, рассказы...

В беседах со мной и в письмах С. П. Вельяминова не раз приводила любимые пословицы и присловья Пушкина. Особенно нравилось ей пушкинское: «Ты бы то же слово, да не так бы молвил». Это и другие крылатые изречения поэта для Софьи Павловны были исполнены глубокого смысла и значения. Правнучка Пушкина не только знала на память десятки его стихотворений, но и обнаруживала незаурядную осведомленность во всем творчестве поэта.

Свою мысль о том, что Пушкин всегда был чужд зависти и корысти, Софья Павловна тонко, впечатляюще иллюстрировала «Сказкой о рыбаке и рыбке». Она считала, что, читая эту сказку на уроке, учитель должен не только показать «алчность, жадность и злобность, а иногда и свирепость таких людей», как старуха, но и внушать детям, что нельзя, подобно старику, «потворствовать злу и покорно все сносить, а надо отстаивать с достоинством свою точку зрения».

Сама Софья Павловна всю жизнь активно выступала против любой несправедливости и не зря говорила о себе: «Нравом я далеко не кроткая».

С. П. Вельяминовой особенно дороги и близки были поэтические строки Пушкина, адресованные Наталье Николаевне. Из других произведений прадеда она выделяла стихи «Пророк», «Поэт», «Дар напрасный, дар случайный...», «Воспоминание», «Элегия»...

Любила все, что было написано поэтом в Михайловском. В псковскую деревню Пушкина она стремилась всю жизнь. Удалось это, вспоминала Софья Павловна, лишь однажды, в семьдесят пять лет. Правнучка поэта провела тогда в Михайловском два дня. Уезжая, оставила запись в книге впечатлений: «Исполнилось мое намерение совершить паломничество к могиле моего прадеда Александра Сергеевича Пушкина и в места, которые он любил и которые с такой любовью сохраняются».

Когда-то вдова видного советского государственного и партийного деятеля В. Р. Менжинского, Юлия Ива-

новна, сказала Софье Павловне: «Диапазон твоих интересов, несомненно, от Пушкина, а может быть, и нервы»¹.

Да, правнучка Пушкина поражала всех обширностью своих познаний в различных областях науки, философии, литературы, истории. Она свободно цитировала по памяти отрывки из произведений Руссо и Вольтера, увлеченно рассказывала об особенностях японской системы воспитания детей. До последних лет интересовалась классической и современной литературой, много и серьезно читала.

Она хорошо знала Москву — историю ее улиц, переулков, площадей. Бывало, пойдет гулять с детьми и рассказывает им о каждом доме — рядовом или отмеченном мемориальной доской: каким архитектором построен, когда, кто из замечательных людей России жил в нем и какие исторические события связаны с этим зданием.

...В молодости С. П. Вельяминова ставила цель — вырастить детей хорошими людьми.

— Кажется, это удалось, — с удовлетворением говорила она мне. — Но я должна прожить еще минимум три года, чтобы на моих глазах Сева, внук, внедрился в детский коллектив...

И она действительно прожила еще три года, даже чуть-чуть больше. К тому времени Сева уже стал школьником.

Болью отозвалась смерть Софьи Павловны в сердцах всех, кто знал эту женщину, кто имел счастье общаться с ней. Внучатая племянница ее Н. А. Лебедева говорила: «Софья Павловна была стержнем нашей семьи. Без нее все мы чувствуем себя осиротелыми...»

Похороны правнучки поэта, персональной пенсионерки союзного значения С. П. Вельяминовой, Союз писателей СССР взял на свой счет. Ее кремировали (такова была воля покойной), а урну с прахом захоронили в городе Чехове, рядом с могилой ее деда, генерала от кавалерии А. А. Пушкина.

Здесь все дышит Пушкиным...

Незабываемое впечатление оставили и московские встречи с правнучкой Пушкина Н. С. Шепелевой. Когда я увидел эту высокую, стройную женщину с красивым,

выразительным лицом, меня поразило ее внешнее сходство с Натальей Николаевной Пушкиной. Это сходство подчеркивала и строгая, на прямой пробор, прическа.

А глаза у правнучки поэта — пушкинские. Живые, яркие, лучистые. Резкие повороты головы, нервные, порывистые руки, быстрая речь, стремительная походка — все это в Наталье Сергеевне, несомненно, от Пушкина. (Замечу, что и почерк у Н. С. Шепелевой, как и ее характер, — динамичный, беспокойный.) И в то же время во всем облике ее разлита мягкая гончаровская женственность.

Не выдержав, говорю:

— А ведь вы, Наталья Сергеевна, очень похожи на Наталью Николаевну.

Она смеется:

— Теперь я постарела. А вот лет тридцать—сорок назад очень многие находили во мне фамильное сходство с прабабкой. Даже Викентий Викентьевич Вересаев, встречаясь со мной, не раз говорил об этом.

Н. С. Шепелева была тогда, в 1970 году, ответственным хранителем фонотеки в Московской консерватории имени П. И. Чайковского. Непросто заведовать музыкальным фондом, насчитывающим тринадцать тысяч пластинок и огромное количество магнитофонных записей, которыми педагоги консерватории иллюстрируют свои уроки!...

На попечении уже немолодой правнучки Пушкина находился и внук Павлуша, в то время пятиклассник. Но в свободные от бесконечных забот часы, которые, к сожалению, были слишком редки, Наталья Сергеевна всегда обращалась к сочинениям поэта, испытывая радость от неизъяснимой прелести его стихов.

И внук Натальи Сергеевны с раннего детства тянулся к светлому творчеству своего великого предка, знал многие его произведения. В то время, когда мы с Н. С. Шепелевой беседовали и о самом Пушкине, и о судьбе его многочисленных потомков, Павлуша лежал в постели (ему нездоровилось) с «Борисом Годуновым» в руках.

— Я и раньше читал «Годунова», — говорил он, — но тогда многого не понимал: мал был. Теперь перечитываю. И очень интересно...

Наталья Сергеевна с малых лет страстно любит музыку. В молодости она хорошо играла на рояле, но жизнь сложилась так, что занятия музыкой пришлось оставить. А еще любит путешествовать по родной

Наталья Сергеевна Шепелева,
правнучка А. С. Пушкина.
Фотография 1956 г.

стране. Особенно дороги ей места, где жил, останавливался или просто проезжал ее прадед Александр Сергеевич Пушкин. Не однажды Н. С. Шепелева бывала в Бернове — бывшем имении Вульфов, тверских знакомых поэта, а ныне музея А. С. Пушкина; несколько раз отдыхала летом в Петровском, где в недавно восстановленном доме Ганнибалов открыт музей, посвященный Пушкину и истории его рода. А в июне 1976 года Наталья Сергеевна присутствовала на XXIV Всесоюзной пушкинской конференции, проходившей в Ленинграде.

...Наталья Сергеевна показала семейный альбом — в нем не только сотни фотографий потомков Пушкина, но и множество переписанных ею стихов прадеда.

В комнате все стены почти от пола до потолка увешаны портретами-миниатюрами и фотографиями. Многие из них в рамках красного дерева. Это настоящая портретная галерея пушкинского рода. Здесь и Пушкин, и его жена, и их дети, и внуки, и правнуки... Представлены шесть поколений прямых потомков поэта, дальние и близкие родственники Н. С. Шепелевой.

Скромно и со вкусом обставленная квартира Натальи Сергеевны изобилует фамильными реликвиями — от редких книг («Опасный сосед» В. Л. Пушкина, факсимиле пушкинской «Русалки», долгие годы хранившиеся у Анны Александровны Пушкиной, а от нее в 1939 году

перешедшие к Н. С. Шепелевой*, и др.) до вещей, принадлежавших детям и внукам А. С. Пушкина.

Квартира правнучки Пушкина — это, образно говоря, миниатюрный пушкинский музей, насыщенный духом чистого, бескорыстного почитания гениального русского поэта, теплом родственного к нему отношения. И это тепло согревает каждого, кого встречает гостеприимная хозяйка. Здесь все дышит Пушкиным.

Много лет знакомы мы с Натальей Сергеевной Шепелевой. Каждая встреча с ней, каждое ее письмо бесценны: они дают новые сведения о жизни других потомков Пушкина, штрихи ее собственной биографии.

Факты и мысли из воспоминаний Натальи Сергеевны рассеяны по всей моей книге, они обогатили многие ее страницы. Живые, нетрафаретные рассуждения правнучки поэта об эпохе, людях и событиях, ее меткие характеристики, чего бы они ни касались, всегда беспристрастны и достоверны, а это особенно ценно.

Подолгу разговаривая с Н. С. Шепелевой, вспоминая наши давние беседы, внимательно вчитываясь в полученные от нее письма, я неоднократно обращал внимание на то, как сдержанна и деликатна она в общении, как бережно относится к чужому мнению, даже когда это мнение неприемлемо для нее. Высокая культура, интеллигентность, мудрая простота Натальи Сергеевны давно стали для меня эталоном, к которому умом и сердцем тянешься всю жизнь.

...До осени 1979 года Наталья Сергеевна продолжала работать в консерватории. Когда исполнилось семьдесят пять лет, ушла на пенсию.

Давно стал взрослым внук Н. С. Шепелевой — Павел Красенков. После школы-восьмилетки он окончил профессионально-техническое училище, работает на заводе. Павла Евгеньевича, специалиста по контрольно-измерительным приборам, уважают товарищи по труду, все, кто знаком с этим веселым, жизнерадостным человеком.

По рассказу Натальи Сергеевны, Павел любит музыку, играет на гитаре, немного поет. Но главное, на мой взгляд, достоинство прапраправнука Пушкина П. Е. Красенкова — его доброе, участливое отношение к людям, и в первую очередь к бабушке, которая так много хорошего сделала для Павла в годы его детства, отрочества и юности.

---

* Несколько лет назад факсимиле «Русалки» Н. С. Шепелева передала в дар музею А. С. Пушкина в селе Берново Тверской области.

И в буднях — поэзия жизни

С Ириной Евгеньевной Гишман я впервые встретился в июне 1959 года в Пушкинских Горах, на открытии памятника Пушкину работы Е. Ф. Белашовой*. Там, у памятника, с которого только что сбросили белоснежное покрывало, она выступала перед собравшимися как потомок великого поэта. Навсегда запомнилось ее взволнованное лицо, черты которого удивительно напоминали пушкинские.

Портретное сходство Ирины Евгеньевны с прапрадедом заметил и М. К. Аникушин, известный советский скульптор, много и плодотворно работавший над пушкинской темой. В начале 1960-х годов Михаил Константинович приезжал в командировку в Архангельск, где и познакомился с И. Е. Гишман в педагогическом институте, а позже и с ее сестрой О. Е. Усовой. Скульптурные изображения обеих сестер, талантливо выполненные Аникушиным, не раз экспонировались на художественных выставках**.

Детство и юность Ирины Евгеньевны прошли в основном в Белоруссии. У родителей, кроме Ирины, было еще пятеро детей — Наталья, Ольга, Татьяна, Марина, Сергей. Отец, Евгений Ипполитович Клименко, юрист по образованию, занимал должность судьи. Он ревностно относился к служебным обязанностям и нередко оставался на работе даже по вечерам. Воспитанием детей занималась мать, Мария Павловна Клименко (урожд. Воронцова-Вельяминова), женщина активно добрая, доверчивая и скромная.

Вспоминая свое детство в родительском доме, И. Е. Гишман много лет спустя писала мне: «Отец мой, человек честный, неподкупный и добросовестный, был старше мамы на девятнадцать лет. Не могу сказать, что отношения между ними были очень сердечными (внешне по крайней мере). Отец был человеком замкнутым, редко смеялся и шутил, хотя, конечно, любил и жену, и детей...» Из другого письма: «Не помню, чтобы мама когда-нибудь повышала голос, делая нам за-

---

* Екатерина Федоровна Белашова (1906—1971) — выдающийся советский скульптор, народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР.

** Бронзовый портрет О. Е. Усовой находится в Государственной Третьяковской галерее, гипсовые скульптуры ее и И. Е. Гишман — в мастерской М. К. Аникушина.

Ирина Евгеньевна Гибшман, праправнучка А. С. Пушкина, в кабинете А. С. Пушкина в Михайловском. Фотография 1968 г.

мечания, и ее слова действовали на нас гораздо сильнее, чем наказания. Детские капризы были крайне редки: они просто не увязывались с устоями нашей семьи».

По ее же словам, Мария Павловна «тянулась к литературе, особенно к поэзии», всю жизнь очень любила творчество Пушкина, Тютчева, А. К. Толстого и Диккенса. В 1901 году она окончила с золотой медалью московский Александровский женский институт, почетным опекуном которого был ее дед — А. А. Пушкин.

...В начале первой мировой войны Мария Павловна Клименко и ее дети эвакуировались из Бобруйска. Эшелон, в котором они ехали, тащился до Москвы десять суток, пропуская многочисленные встречные составы, шедшие к фронту.

Наконец прибыли в Лопасню, где дорогих гостей радушно встретили Наталья Ивановна и Надежда Ивановна Гончаровы, племянницы Н. Н. Пушкиной. Там прожили больше года.

В старом двухэтажном доме сестер Гончаровых, перешедшем к ним в начале нынешнего столетия от прежних владельцев усадьбы Васильчиковых, было множество заманчивых для детей уголков — кладовушек, заставленных старинной мебелью, разной домашней утварью, сун-

дуками с давно вышедшей из моды, но интересной одеждой. А в большом шкафу, занимавшем всю торцовую часть коридора, стояла старинная посуда. Но особенно хорошо было в парке с его тенистыми аллеями и прудами, над которыми низко опускали свои ветви старые ивы.

А еще Ирине Евгеньевне запомнились долгие зимние вечера в Лопасне. Отчетливо помнит она и столовую с камином, у которого, любясь потрескивавшим в нем огнем, любила сидеть Надежда Ивановна Гончарова, и мезонин, откуда девочки спускались вниз к обеду и ужину. Незабываемы и царившие в этом доме добропорядочность, душевная чуткость всех к каждому и каждого ко всем.

Однажды Мария Павловна повезла двух старших дочерей — Наташу и Ирину — в Москву, чтобы представить их дочери Пушкина — Марии Александровне Гартунг. Эту поездку не вытеснили из их памяти ни годы, ни другие события.

Позже, когда семья вновь вернулась в Бобруйск, Ирина Клименко получила среднее образование в одной из школ этого города. Мечтала она об университете — поехала в Москву, но поступить не удалось. Пошла работать. А вскоре знакомые пригласили ее в Архангельскую область — заведовать библиотекой научно-технической станции. С библиотечным делом Ирина была знакома, а трудностей не боялась никогда: жизнь сложилась так, что еще до окончания школы ей пришлось трудиться.

В июне 1929 года И. Е. Клименко выехала из Москвы в далекий северный поселок Емца, где ей предстояло проработать два года и где определилась ее дальнейшая судьба. Там она встретила Александра Рудольфовича Гишмана и стала его женой.

Оба хотели получить высшее образование. Но учиться пришлось по очереди. Сначала в Архангельский лесотехнический институт поступил Александр Рудольфович. Когда он получил диплом, Ирина Евгеньевна стала студенткой Архангельского учительского института, который и окончила с отличием. А позднее, в 1942 году, она окончила и факультет иностранных языков Архангельского педагогического института, также с отличием.

Случилось так, что супруги остались работать в тех же вузах, в которых учились.

Вся научная и педагогическая деятельность А. Р. Гишмана, уроженца села Велятичи Минской губернии, была связана с Архангельским лесотехническим институтом. Более тридцати лет он заведовал кафедрой механизации лесоразработок, был кандидатом технических наук,

профессором, автором монографий, ценных в научном и практическом отношении. За плодотворную работу награжден орденом «Знак Почета».

Почти полвека отдал Александр Рудольфович любимому делу. И вышел на пенсию лишь незадолго до смерти. Человека в высшей степени честного, деликатного и скромного, его уважали и студенты, и коллеги, и вообще все, кого жизнь так или иначе сталкивала с А. Р. Гибшманом.

Ирина Евгеньевна Гибшман, получив квалификацию преподавателя английского языка, год работала в средней школе, а затем свыше двадцати лет преподавала английский язык в пединституте, несколько лет заведовала кафедрой.

У Ирины Евгеньевны большое потомство: двое детей, шесть внуков, трое правнуков. Дочь Наталья Александровна Кочнова живет в Москве, сын Эдвин Александрович Гибшман с женой и детьми от второго брака — в Архангельске, внучка Ирина Блок-Поло — в Швеции. Ирина замужем за иностранцем, с которым познакомилась, работая в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Когда муж завершил образование в Москве, Ирина Блок-Поло (Егорова) переехала к нему в Швецию. У супругов двое детей: семилетний Карлос в 1989 году пошел в первый класс, а чрезвычайно живой, шаловливой и общительной Элин той же осенью исполнилось четыре года. Младшая сестра Ирины — Ольга Егорова живет в Москве, до осени 1982 года работала в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, затем перешла в Художественно-производственный комбинат «Союзгосцирк», где занимает должность тамбурщицы (вышивает на машине костюмы для артистов).

...В раннем возрасте Эдвин был слабым, болезненным ребенком. С помощью отца он закалил себя, а впоследствии стал выносливым, крепким спортсменом. Уже в детстве он приобщился к охоте, в семь лет у мальчика было собственное ружье. Александр Рудольфович воспитал в душе сына восторженную любовь к природе. По словам Э. А. Гибсмана, в детские и отроческие годы никто не оказывал на него такого положительного влияния, как отец. Александр Рудольфович всегда был для него примером во всем. Несмотря на более чем тридцатилетнюю разницу в возрасте, отца и сына связывали настоящая дружба, чувство полного взаимопонимания, душевная привязанность друг к другу. Однажды Гибсмана-младшего назначили начальником студенческого стро-

Ирина Евгеньевна Гибшман с мужем Александром Рудольфовичем в день золотой свадьбы. Фотография 1979 г.

ительного отряда, занимавшегося расчисткой гари и лесоустройством на Большом Соловецком острове, километрах в двадцати от знаменитого монастыря. Вместе с ним поехал на весь сезон и Гибшман-старший, хотя в ту пору ему было уже под семьдесят.

В 1961 году Эдвин Александрович окончил Ленинградскую лесотехническую академию, получил специальность инженера-механика по машинам и механизмам лесной промышленности. С 1965 года он преподает в Архангельском лесотехническом институте. Первые два года работал на кафедре деталей машин, затем — на кафедре физического воспитания и спорта. Спорт и стал главным делом его жизни.

Э. А. Гибшман — мастер спорта СССР по туризму, человек общественно активный, неуемный. У него хорошие организаторские способности. Особенно больших успехов достиг он в спортивном ориентировании на местности. В 1980 году ему присвоено звание судьи всесоюзной категории по этому виду спорта.

Хороший семьянин и заботливый глава дома, Эдвин Александрович и в детях воспитывает равнодушное отношение к природе, к неповторимой красоте сурового северного края. Он хочет, чтобы они выросли не только честными, добрыми, но и сильными, волевыми людьми. Нередко на выходные дни Гибшманы уезжают в тайгу: там у них построена изба, а вокруг — ни души. Зато со всех

сторон обступает прекрасный, почти девственный лес... В семейных поездках и походах по родной стране часто участвует и жена Э. А. Гибшмана — Татьяна Анатольевна, инженер-экономист.

...Инна Николаевская, дочь Эдвина Александровича от первого брака, прожила в Архангельске шесть лет. Потом вместе с матерью, Тамарой Петровной, переехала в Ростов-на-Дону.

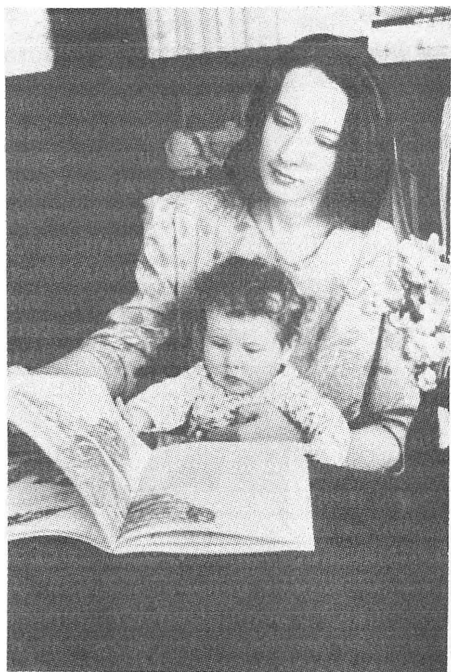
В 1982 году Инна окончила Ростовское-на-Дону дошкольное педучилище и пришла работать в детский сад «Дружба» производственного объединения «Ростсельмаш». Весной 1988 года она писала мне, что учится на четвертом курсе заочного отделения факультета дошкольного воспитания Ростовского педагогического института. Сообщила, что много занимается общественной работой. «В свободные минутки (их, к сожалению, очень мало), — говорилось в том же письме Инны, — читаю, шью, вяжу, вышиваю».

В 1987 году, в связи со 150-летием гибели Пушкина, в Ростове-на-Дону, по словам Инны Николаевской, оживился интерес к ней, как к потомку поэта. Областное телевидение показало небольшой документальный фильм о ней. В местной печати появились посвященные ей обстоятельные статьи и заметки.

В начале 1990 года я получил от Инны большое письмо с радостными новостями: около года назад она вышла замуж за медика Сергея Александровича Хиврича, а в октябре 1989-го у молодых супругов родилась дочь Анастасия. И. Э. Николаевская писала и о том, что в мае минувшего года она окончила институт, получив диплом с отличием, делилась своими планами: «Когда дочка подрастет, собираюсь поступить в аспирантуру, заняться работой над кандидатской диссертацией. Тема у меня уже есть — ознакомление дошкольников с народным декоративно-прикладным искусством».

Через несколько недель пришло еще одно письмо от Инны, в котором есть такие трогательные строчки: «А у нас жизнь идет своим чередом. Дочка растет, с ней становится все интереснее. Уже отличает «своих» от «чужих», улыбается, что-то говорит на своем языке. Все мысли и все заботы сейчас, конечно, о ней, да так и должно быть».

...Архангельск — своеобразный исторический город. Это первый русский порт, через который шла торговля России с иностранными государствами. В нем по указанию Петра I была создана первая судовой верфь. Из Архангельска отправлялись почти все арктические экспедиции.

Инна Эдвиновна Николаевская (Гибшман), прапраправнучка А. С. Пушкина, с дочерью Настенькой. Фотография 1990 г.

Ирина Евгеньевна Гибшман дает автографы новодвинским книголюбам (Архангельская обл.). Фотография 1979 г.

К сожалению, интересных старинных зданий в городе сохранилось немного. А уникальных историко-архитектурных памятников, определявших когда-то облик Архангельска, в городе почти нет. «Тем важнее,— считает И. Е. Гишман,— сохранить все, что еще есть исторически ценного в городе, чтобы подчеркнуть преемственность культуры поколений». Несколько лет возглавляла она архитектурную секцию Архангельского городского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. И теперь, следуя завету прапрадеда: «...неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности»,— по-прежнему живо интересуется деятельностью этого общества.

Ирине Евгеньевне дорог и близок мир изобразительного искусства. Она посещала передвижные и местные выставки в Архангельске, музеи и выставки в Москве, Ленинграде и других городах. На зональной выставке «Советский Север», организованной в 1964 году в Архангельске, Ирина Евгеньевна работала экскурсоводом-общественником. Чтобы лучше разбираться в искусстве, глубже понимать его специфику, она окончила двухгодичный искусствоведческий факультет при Архангельской городской организации общества «Знание».

С детства Ирина Евгеньевна любит музыку. Пока позволяло здоровье, посещала концерты в Архангельске и других городах. Дома у нее довольно обширная фонотека.

Хочется особо упомянуть о библиотеке И. Е. Гишман, которую она много лет собирала с завидной настойчивостью и любовью. Эти более 1500 книг отражают познавательные интересы и художественные запросы Ирины Евгеньевны, ее духовный мир. На книжных полках — большой раздел пушкиноведческой литературы, десятки собраний сочинений отечественных и зарубежных классиков, сборники любимых поэтов, книги из серии «Литературные памятники», альбомы, монографии и серийные издания по изобразительному искусству...

Праправнучка поэта бережно, любовно относится ко всему, что связано с Пушкиным, с его творческой биографией. И на девятом десятке, несмотря на тяжелое заболевание, лишаящее ее возможности посещать дорогие места (Ирина Евгеньевна любила путешествовать по стране), она по-прежнему ведет переписку с пушкинистами и пушкинолюбями, внимательно следит за новыми пушкиноведческими трудами, за событиями общественной и культурной жизни.

Мария Эдвиновна Гибшман.
Фотография 1990 г.

Свою любовь к Пушкину, все, что она знала о нем, о его предках и потомках, И. Е. Гибшман всегда стремилась передать молодежи. До последних лет встречалась со студентами-филологами Архангельского пединститута, с учащимися общеобразовательных школ и профтехучилищ.

Живой, неугасимый интерес к Пушкину, который в любой аудитории проявляли школьники, студенты, педагоги, люди всех возрастов и профессий, приносил радость и Ирине Евгеньевне, и ее слушателям. И. Е. Гибшман умела говорить с почитателями Пушкина вдохновенно, образно.

Юным пушкиноведам многих школ страны И. Е. Гибшман оказывала помощь в собирании материалов о Пушкине. Школьные пушкинские кружки, кабинеты, музеи получали от Ирины Евгеньевны газетные и журнальные вырезки на пушкинские темы, фотографии потомков поэта, книги. Она сообщала ребятам нужные адреса, помогала установить связи с учеными-пушкиноведами, с другими школьными пушкинскими музеями и клубами.

Перечитываю сотни писем, полученных от И. Е. Гибшман на протяжении трех десятилетий, перелистываю посвященные ей многочисленные газетные публикации. Вспоминаю наши с нею многодневные беседы в Архан-

гельске (в 1979 и 1984 годах), в Пушкинских Горах и Москве, рассказы о ней Софьи Павловны Вельяминовой и других родственников поэта, а также людей, близко знавших и знающих Ирину Евгеньевну. И с восхищением думаю о ее былой энергии, счастливом умении и в буднях находить поэзию жизни.

Берегут честь смолоду

Это было в конце 1920 года. Тринадцатилетняя Наташа Клименко уехала из Бобруйска в гости в бывшее имение Югалин под Барановичами. В семье двоюродного дедушки Ивана Аркадьевича Воронцова-Вельяминова и его жены Марии Владимировны она собиралась провести не только зиму, но и все лето, тем более что с их дочерью, тоже Наташей, дружила с малых лет.

И вдруг случилось непредвиденное: в марте 1921-го по Рижскому мирному договору Западная Белоруссия, в том числе Барановичи, отошла к Польше. Оторванная волею обстоятельств от семьи, Наталья Евгеньевна прожила в Югалине почти девятнадцать лет. Там она стала женой двоюродного дяди Владимира Ивановича Воронцова-Вельяминова. В Югалине родились ее дети Георгий и Вера.

Когда осенью 1939 года Западная Белоруссия воссоединилась с БССР, для Натальи Евгеньевны и ее семьи начались жестокие испытания. Через полгода Н. Е. Воронцова-Вельяминова с детьми оказались в Казахстане, и отнюдь не по собственной воле, а муж в это время был уже в заключении.

Об этих грустных событиях через четыре с половиной десятилетия Наталья Евгеньевна писала мне по-телеграфному кратко: «Мой муж Владимир Иванович Воронцов-Вельяминов был арестован 23 сентября 1939 года, и больше я его не видела. Он умер в тюрьме в Минске в декабре 1940 года. Меня с детьми вывезли в Казахстан 13 апреля 1940 года».

С тех пор Н. Е. Воронцова-Вельяминова, ее сын и дочь стали называть себя просто Воронцовыми. Вначале неофициально, в быту, а позднее и в паспортах закрепили усеченную фамилию.

Как жилось им в казахстанской глуши, в 180 километрах от железной дороги, где была лишь скудная пустынная растительность да на захудалой совхозной ферме работали пастухи и доярки? Во время одной из наших

встреч в Москве дочь Н. Е. Воронцовой, Вера Владимировна, с горечью рассказывала:

— Холодная, сверкающая ледяной белизной степь, где мы жили тогда, очень близка — сужу по собственным воспоминаниям — к описаниям ледяного безмолвия в произведениях Джека Лондона. Землянки, в которых обитали семьи ссыльных, заметало снегом, ночью по крышам ходили волки... Пока взрослые находились на работе, ребята — мы с братом тоже — собирали хворост, топили печки-временки, чтобы хоть немного согреться. Зима 1941 года была очень суровая. Вода в ведрах, стоявших в землянке, промерзала до дна. С озера мы привозили на саночках куски льда, которые потом растапливали на огне. Особенно трудно было польским женщинам, не привыкшим к грубому физическому труду... Позже ссыльным полякам разрешили уехать на родину. А мы, как русские, остались в Советском Союзе. В 1946 году мы с мамой переехали в город Петропавловск Северо-Казахстанской области...

Окончив вечернюю среднюю школу, Вера Воронцова пять лет работала на заводе. Человек сильной воли, она, однако, решила во что бы то ни стало получить высшее образование. И в 1952 году поступила в Одесский государственный университет. А если бы не поступила, не на что было бы купить билет в обратный путь.

— Говорю об этом потому, — продолжала Вера Владимировна свой невеселый рассказ, — чтобы вы знали, как трудно было в те годы нам, потомкам Александра Сергеевича, достичь устойчивого положения в жизни, даже просто сохранить человеческое достоинство. В сложных жизненных ситуациях я заставляла себя вспоминать, кем были мои предки, внушала себе мысль, что их имя обязывает ко многому; следовательно, рассуждала я, не имею права терять уважения к себе. И это, поверьте, помогало... Мне пришлось жить в разных республиках, среди разных людей. Выработалось уважение к людям всех национальностей и культур...

...Еще студенткой географического факультета Одесского университета В. В. Воронцова вышла замуж за Г. Х. Сванидзе, учившегося на том же факультете. После окончания университета она три года (1957—1960) была учительницей географии в сельской школе под Одессой, а муж, получив в 1959 году диплом гидролога, уехал по распределению на работу в Тбилиси. С 1960 года и Вера Владимировна учительствовала в столице Грузии. Одновременно она, в совершенстве владеющая польским

Наталья Евгеньевна Воронцова (справа) и Ирина Евгеньевна Гибшман, праправнучки А. С. Пушкина. Фотография 1984 г.

Вера Владимировна Воронцова,
прапраправнучка А. С. Пушкина.
Фотография 1953 г.

языком, многие годы работала переводчиком в Торгово-промышленной палате. В основном переводила научно-техническую и медицинскую литературу, статьи по психологии — как с польского языка на русский, так и наоборот.

В 1974—1977 годах супруги Сванидзе находились в Сирии, где по трудовому соглашению между СССР и Сирийской Арабской Республикой Григорий Харитонович был начальником группы советских гидрологов. Когда окончился срок договора, оба вернулись в Тбилиси. Не прошло и двух лет — Г. Х. Сванидзе не стало.

...До 1962 года Наталья Евгеньевна Воронцова жила по-прежнему в Петропавловске, работала бухгалтером-инкассатором. Потом переехала к дочери и зятю.

Несмотря на превратности судьбы, Н. Е. Воронцова — человек интеллигентный, образованный, тонко чувствующий русское слово. Помню, как сетовала она на то, что в последние годы у нас в стране заметно снизилась культура речи. По ее словам, очень многие безбожно коверкают русский язык, даже артисты не к месту говорят: «неудобь» (вместо «пустошь»), «настрой» (вместо «настроение»), «волнительный» (вместо «волнующий») и т. д. С Натальей Евгеньевной нельзя не согласиться, и список всякого рода отклонений от стилистических и орфографических норм нашего языка, допускаемых актерами, писателями, журналистами, можно было бы продолжать бесконечно. Праправнучка Пушкина и в почтенном возрасте сохранила живой интерес к истории и литературе, музыке и искусству.

Имея в виду себя и всех своих сестер, Сергей Евгеньевич Клименко писал автору книги в июле 1979 года: «Наташа — самая интересная из нас, а все потому, что раньше родилась». В том же письме говорится: «Наташа — человек в какой-то мере (в большой мере) XIX века, что я стал ценить особенно. Она многое знает из того, что мы не знаем... Она может чисто случайно, как и С. П. Вельяминова, невзначай, сказать что-либо интересное. Но при уговорах (поделиться воспоминаниями о старине) ничего не получится».

Пока были силы, Наталья Евгеньевна каждое лето ездила отдыхать под Вильнюс, к дорогим для нее родственникам покойного мужа. Оттуда и до города рукой подать, и места там на редкость красивые, а главное — вокруг тишина и покой. Всегда нравился ей и сам Вильнюс, в том числе новые жилые районы с их нешаблонной архитектурой, чистотой и высокой культурой обслуживания.

В Тбилиси Н. Е. Воронцовой, ее дочери Вере Владимировне и внуку Андрею — как потомкам Пушкина — всегда оказывали много внимания. Приглашали на юбилейные пушкинские вечера в Музее дружбы народов АН Грузинской ССР. Писали не раз в печати. Но их все-таки тянуло в Россию. Осенью 1987 года мать и дочь перебрались в Москву, где к тому времени уже тринадцать лет жил Андрей Сванидзе — их внук и сын.

Окончив в 1974 году тбилисскую физико-математическую школу № 42, в которой учился с восьмого класса, Андрей последовал примеру родителей — поступил на географический факультет университета. После третьего курса он четыре месяца плавал в Атлантике на научном судне «Академик Курчатов». Эта научно-производственная практика, о которой Андрей интересно рассказывал во время одной из первых наших встреч в Москве, была совместным советско-американским экспериментом. И проходила она в разных странах — США, Канаде и других.

Когда пятилетний курс обучения в МГУ остался позади, Андрей, дипломированный океанолог, пришел на работу в Государственный океанографический институт АН СССР. Весной 1987 года он сообщил мне, что окончил аспирантуру при Институте океанологии, представил к защите кандидатскую диссертацию и работает в должности инженера в аналитической лаборатории. Сфера его научной деятельности — комплексное освоение ресурсов вод Мирового океана и некоторые задачи охраны морской среды от загрязнения. В целом это проблемы, находящиеся на стыке ряда наук: физики, химии, гидрологии океана, техники и т. д. Проблемы столь важные, сколь и сложные, а подчас и трудноразрешимые...

На вопрос о том, какую роль в его жизни играет Пушкин и все, связанное с литературной биографией великого предка, А. Г. Сванидзе ответил, что всегда питал «огромное уважение и любовь к личности и творчеству поэта», собственную же причастность к знаменитому роду считает «ко многому обязывающей... вызывающей чувство ответственности за свою личность — личность человека мыслящего»¹.

Эта фамильная любовь Андрея к Пушкину чувствуется во всех его письмах, к сожалению, редких. Например, еще в мае 1980 года, рассказывая о том, как он провел два незабываемых дня в пушкинских музеях Ленинграда и его пригородов, Андрей Сванидзе в письме ко мне с особой радостью подчеркивал, что в Пушкинском Доме на

набережной Макарова «имел счастье посмотреть подлинники рукописей Пушкина».

Об отношении к современной Пушкиниане Андрей Григорьевич говорит с некоторой иронией: «По возможности стараюсь знакомиться со всеми материалами, хотя иногда возникает ощущение, что это уже целая индустрия, развивающаяся по своим законам. Не поймите меня превратно: огромное спасибо тем исследователям, кто глубоко, серьезно и по существу занимается Пушкиным, его эпохой»².

А. Г. Сванидзе — умный, наблюдательный, воспитанный человек. С ним легко, приятно разговаривать и даже спорить. Кроме своей профессии, которой он очень предан, Андрей интересуется философией, историей, экономикой, естествознанием и, конечно же, художественной литературой («но не всей»). Любит музыку и живопись, хотя, по его признанию, не является «завсегдатаем концертных залов и выставок». Несколько лет углубленно изучал французский язык на курсах при Академии наук СССР. Немного занимается спортом...

С Москвой, которую так горячо и преданно любил Пушкин, связаны многие страницы личной жизни Андрея Григорьевича. В столице живут близкие и дальние родственники Андрея — потомки великого поэта, но общается он далеко не со всеми: не хватает ни времени, ни сил. Когда Андрею Сванидзе было пятнадцать лет и он еще учился в восьмом классе, народная художница Грузинской ССР К. К. Магалашвили написала его портрет. В декабре 1972 года это произведение экспонировалось на персональной выставке художницы в Москве. Портрет юного потомка Пушкина, ставший последней работой К. К. Магалашвили (вскоре она умерла), воспроизведен в одной из моих книг.

* * *

В 1929 году восемнадцатилетнюю Ольгу Клименко, окончившую в городе Рогачеве Могилевской губернии краткосрочные курсы учителей начальных классов, направили в Глусский район. Там она и учительствовала шесть лет: первые три года в селе Ратмировичи, потом в Новой Дуброве.

Время было трудное, переходное. Белорусские крестьяне жили бедно, в постоянной заботе о хлебе насущном. Как ни бились люди на земле, сколько ни проливали на ней трудового пота, устоявшаяся веками нужда не покидала их.

В начале 1930-х годов в Белоруссии, как и по всей стране, создавались колхозы. Ольга Евгеньевна Клименко, по словам С. П. Вельяминовой, «ревностно содействовала коллективизации». И сама жила в коммуне.

Человек смелый, находчивый и честный, праправнучка Пушкина много сил и труда отдала глухой белорусской деревне; как могла, приобщала крестьян к новой жизни, к культуре и знаниям. Днем молодая учительница обучала детей, а вечером за парты садились их отцы и матери. Их тоже надо было научить чтению, письму и счету. Непросто было ликвидировать безграмотность, начинать приходилось с алфавита...

Одну зиму в Ратмировичах жил и брат О. Е. Клименко — Сережа, в ту пору еще подросток. На всю жизнь запомнил Сергей Евгеньевич Клименко и то нелегкое время, и сердечную чуткость сестры, и ее добрые руки, которые все умели и ничего не гнушались.

...В 1935 году Ольга Евгеньевна впервые приехала в Архангельск — погостить у сестры, Ирины Евгеньевны Гибшман. И осталась там навсегда. В сентябре 1937-го она вышла замуж за Северьяна Ивановича Усова, который два года спустя погиб в боях с белофиннами.

В Архангельске О. Е. Усова, учительствуя в младших классах, окончила заочно педтехникум. Затем полтора года проучилась в Архангельском педагогическом институте, но окончить его не удалось: помешала война.

В предвоенные годы Ольга Евгеньевна работала вначале в 10-й, позднее — в 16-й архангельской школе. После войны много лет была воспитательницей санаторно-лесной школы. За плодотворную работу на ниве народного просвещения награждена орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть».

* * *

Все, кто в дни 100-летней годовщины со времени гибели Пушкина видел в Москве Татьяну Евгеньевну Клименко, находили, что она исключительно похожа на прапрадеда. Известный советский художник А. И. Кравченко (1889—1940) хотел написать портрет Т. Е. Клименко, несколько раз звонил ей по телефону, пытаясь договориться о встрече, но она, человек скромный, застенчивый, от позирования уклонилась.

Окончив среднюю школу и получив специальность бухгалтера, Татьяна Евгеньевна пришла работать на московский завод имени КИМа) позже автомобильный завод

имени Ленинского комсомола). Ее муж — Александр Рафаилович Гуцко, главный инженер отдела капитального строительства этого завода, в результате автомобильной катастрофы стал инвалидом второй группы. Однако еще длительное время, несмотря на почтенный возраст и плохое здоровье, он продолжал работать в должности консультанта. С автомобильным заводом имени Ленинского комсомола связала свою жизнь и дочь Т. Е. Гуцко — Татьяна Александровна Якунина. Она старший инженер в проектно-управлении. А сын, Вячеслав Александрович Гуцко, — начальник сектора в конструкторском бюро транспортно-химического машиностроения.

Заботы о муже, детях, а затем и внуках стали основным содержанием жизни Татьяны Евгеньевны. Ее самоотверженное служение близким высоко ценила С. П. Вельяминова — во время войны они вместе эвакуировались из Москвы в город Моршанск Тамбовской области и вместе жили там.

Человек живого, непосредственного характера, удивительной выносливости и оптимизма, Татьяна Евгеньевна Гуцко умеет ценить меткое, остроумное слово, любит хорошие книги и музыку. По словам дочери, она постоянно «интересуется всем новым в нашем огромном мире».

* * *

У каждой из сестер Клименко свой характер, свои привычки, собственное отношение к жизни... Но они очень дружны между собой и радуются любой возможности встретиться, поговорить, поделиться воспоминаниями о детстве и молодости.

И связующим звеном между сестрами является самая младшая — Марина Евгеньевна, живущая в Москве. Собственной семьи у нее нет. После смерти двоюродной тети, Натальи Васильевны Тютчевой, с которой она прожила вместе более четырех десятилетий, М. Е. Клименко осталась одна.

В прошлом счетный работник, а теперь пенсионерка, М. Е. Клименко отличается неиссякаемой энергией и жизнелюбием. Двери ее квартиры всегда широко распахнуты перед родственниками, знакомыми и просто хорошими людьми. В течение многих лет у нее останавливались, гостили неделями, делились семейными радостями и огорчениями сестры Н. Е. Воронцова, И. Е. Гибшман, О. Е. Усова. К Марине Евгеньевне навещались сестрамосквичка Т. Е. Гуцко и брат С. Е. Клименко, тоже

москвич. И ко всем она питала — и продолжает питать — истинно родственные чувства. Всех она поддерживает словом и делом, радуется своей неизменной добротой.

С нее все и началось

Почти сорок лет назад я стал студентом-филологом Ленинградского университета. Вскоре на факультете распространился слух, что в одной из русских групп нашего курса учится полтавчанка Лидия Савельева, состоящая в родстве (!) с Пушкиным и Гоголем. Это казалось невероятным. Тем более что в русой девушке с миловидным открытым лицом никто не находил портретного сходства с писателями. Сомневался и я, пока на одном из семинаров по творчеству А. С. Пушкина не задал вопроса об этом профессору Б. В. Томашевскому, крупному знатоку жизни и литературного наследия поэта. Борис Викторович ответил утвердительно и, правильно оценив мой интерес к истории пушкинской семьи, произнес слова, которые в дальнейшем стали для меня путеводной нитью. Он сказал, что ученых волновали и продолжают волновать прежде всего проблемы, связанные с творческой биографией Пушкина, поэтому никто из пушкинистов судьбой потомков великого поэта всерьез не занимался. Тема эта нелегкая, но благодарная, она ждет своего исследователя.

— Если не боитесь трудностей,— заключил профессор,— займитесь генеалогией Пушкина. Уверен: не пожалуете...

Так родился у меня замысел — изучить историю семьи Пушкина и рассказать о ней людям. А толчком к многолетним поискам и счастливым находкам стала моя первая встреча на пушкинской тропе — с Лидией Владимировной Савельевой, ныне доктором филологических наук, заведующей кафедрой русского языка Карельского государственного педагогического института *. Как говорится, с нее все и началось...

* * *

Когда Лидия Савельева в 1954 году окончила в Полтаве среднюю школу имени В. Г. Короленко и решила по-

---

* Наше личное знакомство состоялось значительно позже, в 1972 году.

ступить в Ленинградский университет, А. С. Данилевский не хотел, чтобы племянница стала лингвистом. Он даже подшучивал над ней: «Стоит ли тратить жизнь на запястье?!»

«По его просьбе,— писала мне много лет спустя Л. В. Савельева,— даже Б. В. Томашевский пытался отговаривать меня от филфака, когда я приехала с золотой медалью и грамотами за участие в биологическом кружке».

Вероятно, А. С. Данилевский надеялся, что поселившаяся в его семье племянница, с детства питавшая повышенный интерес к естествознанию, со временем пополнит ряды советских ученых-биологов. Но Лида осталась верна своему основному призванию — русским словесным наукам, для которых так много сделал ее прапрапрадед А. С. Пушкин. Вскоре и Б. В. Томашевский убедился, что Лидия Савельева пришла на филологический факультет не потому, что любила «литературу вообще»: она много читала о языке и твердо знала, чем хочет заниматься.

Профессор М. А. Соколова, талантливо читавшая университетский курс лекций по истории русского языка, и доцент М. И. Привалова (она вела спецкурс и спецсеминар по истории русского литературного языка) впоследствии вспоминали, что студентка Савельева выделялась «большими лингвистическими способностями и отличными знаниями».

Марию Александровну Соколову, умного, дальновидного педагога, тонко разбиравшегося в людях, Лидия Владимировна и теперь считает своей главной духовной наставницей, сыгравшей исключительную роль в ее жизни. Не случайно над рабочим столом Л. В. Савельевой висит портрет ее любимого профессора.

Лидия Владимировна успешно окончила университет, была рекомендована в аспирантуру. В 1964 году она защитила диссертацию по истории русского языка.

На протяжении двух с лишним десятилетий Л. В. Савельева читает в пединституте курс исторической грамматики русского языка. Вела спецкурс по сравнительно-исторической грамматике восточнославянских языков. Много лет преподавала и старославянский. Первокурсники слушали ее лекции по введению в языкознание. С самыми любознательными студентами Лидия Владимировна занималась в кружке по истории русского языка. Эти же научные дисциплины ведет и в настоящее время.

Круг исследовательских интересов Л. В. Савельевой

обширен. Среди опубликованных ею научных трудов (а их насчитывается около сорока) много работ по историческому синтаксису и исторической лексикологии, статьи по стилистике, по языку художественной литературы и фольклора, по вузовской методике преподавания истории языка. В последние годы Л. В. Савельева плодотворно разрабатывает тему «История отрицательных конструкций».

Муж Лидии Владимировны, Замир Курбанович Тарланов, тоже языковед. До 1975 года он работал вместе с ней. Теперь Замир Курбанович — декан филологического факультета Петрозаводского университета, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Карельской АССР. Основные направления его исследований — исторический и теоретический синтаксис русского языка, словообразование и морфология русского языка, язык художественной литературы и фольклора, некоторые вопросы общего языкознания, история кавказских языков. З. К. Тарланов — автор ста с лишним научных публикаций. У супругов есть и совместные печатные работы.

...Когда летом 1972 года я гостил в Полтаве у Софьи Николаевны Данилевской и ее близких, там отдыхала и Лидия Владимировна с семьей. Встречались мы ежедневно. Вспоминали университет — нашу *alma mater*, друзей, товарищей по факультету, лучших наших преподавателей.

В мае 1979 года у меня появилась возможность приехать к Л. В. Савельевой в столицу Карелии — сурового, по-северному красивого озерно-лесистого края. И сразу же я окунулся в тот реальный мир, в котором живут, работают, думают петрозаводские родственники Пушкина и Гоголя. В их доме сердцем чувствуешь, что традиции рода здесь не умирают, что семейная память о великих писателях жива, веришь, что она будет жить всегда.

Лидия Владимировна целый вечер показывала мне фамильные реликвии. Благодаря ее справкам и пояснениям эти молчаливые свидетели почти полуторавековой семейной хроники обретали свою непреходящую духовную ценность. Казалось, они излучали тепло и силу когда-то прикасавшихся к ним добрых человеческих рук.

Вот изящный зеленого цвета альбом в двух томиках с золотым обрезом. Он принадлежал сестре Гоголя — Елизавете Васильевне, прапрабабушке Л. В. Савельевой, а затем находился у ее сына Н. В. Быкова. Ему адресованы записи, сделанные в альбоме разными лицами пос-

ле кончины его матери. Одна из последних относится к 1900 году.

В томиках альбома много любопытного. Так, еще в начале 1840-х годов, когда сестры Елизавета и Анна по пути из Полтавы в Петербург остановились в Москве и нанесли визит семье писателя С. Т. Аксакова (1791—1859), на страницах альбома появилось несколько записей-напутствий в адрес Е. В. Гоголь. Например, от Веры Сергеевны, дочери главы дома, и других членов семьи — Софьи, Ольги и Надежды (Надин) Аксаковых. Некоторые записи сопровождались рисунками. Во втором томике расписался В. А. Гиляровский, вероятно, во время одной из встреч с Н. В. Быковым.

В этом альбоме — стихи Гюго, Карамзина, Шишкова, других авторов, переписанные по-русски или по-французски рукой Е. В. Гоголь и ее близких. На некоторых страницах помещены засушенные листья деревьев.

У Л. В. Савельевой находятся личные вещи прадеда, Н. В. Быкова, — его чернильница, песочница, два подсвечника, разрезной нож из слоновой кости; принадлежавшие прабабке, М. А. Пушкиной, серебряная ложечка с ее инициалами «М. П.» (из ее приданого), серебряное же кольцо с жемчужинами и изумрудиками, две туалетные шкатулки, «Настольная книга» (советы хозяевам)... В гостиной на стене — хорошая позднейшая копия посмертной маски А. С. Пушкина, выполненной профессором скульптуры Академии художеств С. И. Гальбергом (1787—1839).

В доме Лидии Владимировны я видел и уникальные вещи. Это, во-первых, скульптурный портрет Гоголя, выполненный в гипсе академиком Петербургской Академии художеств Н. А. Рамазановым (1815—1868)*¹ и преподнесенный самим скульптором Н. В. Быкову. Во-вторых, купленная Гоголем по пути из Рима, осенью 1841 года, Библия на французском языке, изданная в Париже. Ее писатель подарил сестре — Анне Васильевне, а та почти полвека спустя — жене племянника М. А. Быковой. И, наконец, гоголевский бювар-секретер, который Николай Васильевич также преподнес Анне Васильевне. На крышке бювара — типичный шотландский пейзаж.

Подлинных пушкинских вещей у петрозаводских потомков, поэта нет. Все, что было в семье, М. А. Быкова

---

* Позднее Л. В. Савельева подарила эту скульптуру музею Н. В. Гоголя в Васильевке. Туда же передала целый ряд редких книг из библиотеки отца, В. А. Савельева, имеющих отношение к гоголевским местам на Полтавщине.

передала в Полтавский краеведческий музей еще во время гражданской войны.

Но в Петрозаводске заметно ощущается благотворное влияние знаменитого предка на семейную и общественную жизнь его потомков. И это — главное сокровище, доставшееся им от старших поколений пушкинской семьи.

Когда Лидия Владимировна читает студентам лекции (на одной из них мне довелось присутствовать), то часто ссылается на язык Пушкина, Гоголя... И ни внешнее спокойствие, ни нейтральный тон, каким она произносит имена своих родственников, не могут скрыть ее сердечных чувств к ним, восхищения их литературным мастерством.

Так же сдержанно писала она о Пушкине в статье «Мирообъемлющий гений», напечатанной в петрозаводской газете «Ленинская правда» 6 июня 1969 года, то есть в день рождения поэта, и в работе «Основоположник национальной словесной культуры», опубликованной в журнале «*Ripalirri*»* к 180-летию со дня рождения ее прапрапрадеда.

Кровное родство с Пушкиным ко многому и обязывает. Приехал инженер-экономист и лектор из Донецкой области, интересуется родословным древом поэта — и гостю подробно отвечают на вопросы, показывают ему семейные реликвии, чтобы он мог сделать сообщение в городской организации Общества книголюбов.

Пришла студентка с другого факультета, узнавшая, что в ее институте работает потомок Пушкина... Девушку принимают тепло и доброжелательно. Беседа длится несколько часов. Студентка уходит радостная, окрыленная. С сегодняшнего дня личность Пушкина стала для нее ближе и понятнее.

Л. В. Савельева не любит «светски любезных», но пустых — ни о чем — писем и сама таких никогда не пишет. Но как не откликнуться на письмо учительницы русского языка и литературы из села Новая Усмань Воронежской области В. М. Злобиной, отдающей все свои силы благородному делу воспитания подрастающей смены! И Лидия Владимировна многие годы состоит в переписке с Варварой Михайловной и ее любознательными учениками...

Когда я был в Петрозаводске, Женя Тарланов — сын Л. В. Савельевой — учился в восьмом классе. Он был отличником по всем предметам, работал всегда серьезно

---

* «Красное знамя» (финск.).

и увлеченно. Память у него редкостная. В пять лет он знал наизусть все сказки Пушкина, Чуковского, стихи Маршака. В любой момент Женя мог дать обстоятельную справку о многих писателях, художниках, композиторах, деятелях науки... Но с особым рвением он относился к литературе и языкам. Женя давно решил, что профессия родителей — филология — станет и его профессией.

По-английски Тарланов говорил бегло (этим языком занимался дома с шести лет), у него уже в школьные годы был большой словарный запас, хорошее произношение. Еще в раннем детстве он обнаружил интерес к восточной словесности. В годы учения в школе хорошо знал и любил древнеиндийский и древнеперсидский эпос, с большим интересом относился к этнографии Востока, к истории религии. С увлечением изучал агульский язык — родной язык отца: в Дагестане, на родине Замира Курбановича, по-агульски говорят около десяти тысяч человек.

...Отношение к Пушкину у восьмиклассника Евгения Тарланова было восторженно-почтительное. О нем он говорил так:

— По-моему, Александр Сергеевич был очень порядочным человеком. И на редкость веселым. Он нежно любил жену и высоко ценил дружбу...

Из пушкинских стихов, которые Женя читал наизусть, ему особенно нравились строчки, где поэт призывает

...для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...*

Эти слова Тарланов выделял голосом. Видно было, что такое общественное кредо Пушкина Жене весьма импонирует. Разве можно не гордиться предком с такими идеалами?!

Став студентом филологического факультета Петрозаводского университета, Женя увлекся античностью — древнегреческим и латинским языками, историей, литературой.

В конце 1984 года Л. В. Савельева писала мне о сыне: «Женя... весь в науках, в этом году он ленинский стипендиат». По окончании университета он был рекомендован в аспирантуру по кафедре русской литературы. Под руководством профессора Ленинградского университета А. Б. Муратова занимается русской поэзией конца XIX века.

---

* «Из Пиндемонти» (1836).

Еще будучи студентом, Евгений Тарланов опубликовал несколько серьезных научных работ, в том числе в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия», в журналах «Русская речь» и «Север» — об альбоме Е. В. Гоголь, о творчестве Виктора Астафьева, Константина Фофанова (1862—1911) и другие.

...Два дня в семье потомков Пушкина пролетели незаметно. Остались позади и прогулки по Петрозаводску, и чаепитие на круглом камне в лесу, и бесконечные разговоры вокруг Пушкина... На прощанье меня ждал сюрприз: Лидия Владимировна Савельева сыграла на фортепьяно «дедушкин» романс «В душе моей промчались грезы...» и его же вальс. И музыка, и стихи Николая Владимировича Быкова. Этот музыкальный подарок я никогда не забуду.

И почетно, и ответственно

«Сей труд... вручается в дар молодому специалисту Галине Северьяновне Усовой — как символ связи настоящего с прошлым, как символ семейных уз, как символ будущих успехов — от имени рода...»

Эта надпись на массивном томе «Еженедельных известий Вольного экономического общества», изданном в 1788 году в типографии Санкт-Петербургского горного училища, сделана рукою С. П. Вельяминовой. Ниже — автографы других московских потомков Пушкина: Т. Е. Гуцко, М. Е. Клименко, С. Е. Клименко, А. В. Кологривова, О. В. Кологривова.

Книга, хорошо сохранившаяся, несмотря на свой 200-летний возраст, преподнесена Г. С. Усовой 8 апреля 1962 года в связи с окончанием ею Плодоовощного института в городе Мичуринске. Так отметили общее семейное торжество родственники Галины Северьяновны. Смысл подарка и напутствия потомков поэта заключается в том, что дочь «первого агронома Болотова» была замужем за их предком, Петром Ивановичем Воронцовым-Вельяминовым¹, и, следовательно, одна из ниточек родственных связей пушкинского потомства тянется в XVIII век — к Андрею Тимофеевичу Болотову (1738—1833), патриарху русской агрономии по широкому кругу вопросов, в том числе по плодоводству, проблемам которого посвятила свою научную и педагогическую деятельность Г. С. Усова.

...Отца Галя не помнила. Когда ей было всего несколь-

ко месяцев, Северьян Иванович Усов ушел на войну с белофиннами. В январе 1940-го, на двадцать седьмом году жизни, он погиб. Растила и воспитывала девочку мать — Ольга Евгеньевна Усова.

Еще школьницей Галина интересовалась биологией, особенно вопросами селекции плодовых, читала научные труды Мичурина. Девушку привлекла идея преобразования природы, выведения новых форм культурных растений. Окончив в 1956 году среднюю школу, она подала заявление в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, но не прошла по конкурсу.

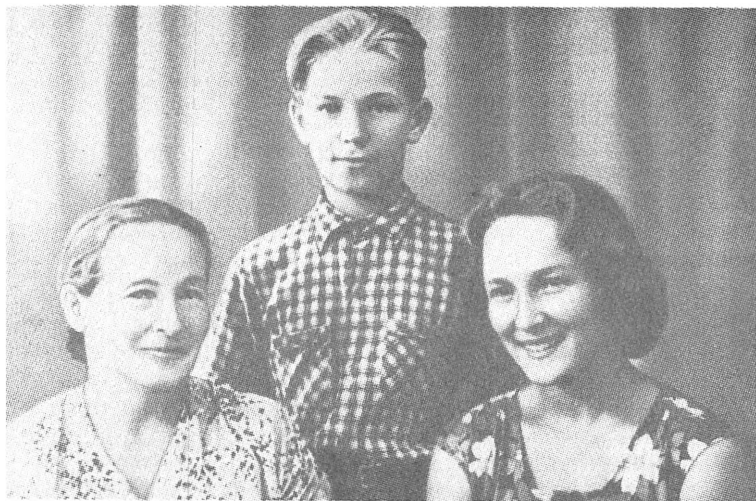
Однако первая неудача не обескуражила Галю. Через год она приехала в Мичуринск — бывший Козлов, где когда-то стоял полк ее прапрадеда А. А. Пушкина. Сдала на круглые пятерки вступительные экзамены в Плодоовощной институт имени И. В. Мичурина и вскоре была зачислена в вуз.

В студенческие годы прапраправнучку поэта многократно награждали грамотами и похвальными листами за активную комсомольскую и общественную работу. С большим энтузиазмом она и ее товарищи по институту — посланцы комсомола — трудились на целинных землях летом и осенью 1958 года. Были помощниками комбайнеров, поварами, работали на копнителях... За деятельное участие в уборке урожая в Актюбинской области Галине Северьяновне вручили Почетную гармоту, а ЦК ВЛКСМ наградил ее значком «Почетный целитник».

В Мичуринск юноши и девушки вернулись счастливыми. Их закаляли трудности, сплотила крепкая студенческая дружба, окрылили первые победы в борьбе за хлеб. Они чувствовали себя идущими в ногу со страной, народом и временем.

Галина Усова с удвоенной энергией взялась за учебу. Наряду с посещением программных лекций, семинаров и практических занятий она продолжала начатую еще на первом курсе научную работу, связанную с изучением наследования признаков и свойств у гибридного потомства яблони. За это исследование в ноябре 1962 года жюри проходившей в Воронеже выставки научно-технических и опытно-конструкторских работ студентов высших учебных заведений Центральночерноземного экономического района присудило ей Почетную грамоту.

Окончив институт, Г. С. Усова в течение двух лет была агрономом по защите растений в Бондарском районе Тамбовской области. Затем вернулась в Мичуринск,

Галина Северьяновна Усова, прапраправнучка А. С. Пушкина, с матерью Ольгой Евгеньевной и братом Владимиром. Фотография 1959 г.

поступила в аспирантуру при кафедре селекции плодовых культур и ботаники института.

Аспирантская тема ее научной работы была связана с проблемой получения краснолистных и зеленолистных мутантных клонов * у яблони. По этой теме в 1972 году Г. С. Усова в Воронежском университете защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

Около тридцати лет Галина Северьяновна работает на кафедре селекции плодовых культур и ботаники, ведет лабораторные и практические занятия с первокурсниками, читает лекции. Она доцент, автор более двадцати научных трудов. Один из них — авторское свидетельство на изобретение «Способ получения почковых вариаций многолетних растений», зарегистрированное в Государственном реестре изобретений Союза ССР 15 февраля 1968 года ².

Соавтором этого изобретения был муж Г. С. Усовой — Владимир Александрович Коровин, безвременно скончавшийся в сентябре 1982 года.

---

* Мутантный клон — вегетативно размноженное потомство от особи, измененные признаки которой наследуются при половом (семенном) размножении.

Интересна и поучительна творческая биография В. А. Коровина, типичная для многих современных интеллигентов — выходцев из рабочей и крестьянской среды. Во время войны подросток Володя Коровин, уроженец Ленинграда, пошел в ремесленное училище. Потом, сдав экстерном экзамены за седьмой класс, поступил в Оренбургский сельскохозяйственный техникум, который окончил с отличием. Выбор профессии оказался удачным: в ней Владимир Александрович нашел свое призвание.

Окончив Плодоовощной институт имени И. В. Мичурина, он три года работал главным агрономом Главного ботанического сада АН СССР в Снегирях под Москвой. Потом его пригласили в аспирантуру. Вернувшись в Мичуринск, Владимир Александрович глубоко и всесторонне изучал клоновые подвои яблони. Этой теме посвящена его кандидатская диссертация. Молодому ученому предложили работать на кафедре плодоводства. Вначале был ассистентом, с 1964 года — доцентом кафедры.

«Совместимость привоя и подвоя яблони» — так называлась докторская диссертация В. А. Коровина. Идентичное название носит и написанное им учебное пособие для слушателей факультетов повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов и специалистов сельского хозяйства³.

После смерти своего учителя — В. И. Будаговского Владимир Александрович возглавил проблемную лабораторию по селекции карликовых плодовых культур. Возникновение этой лаборатории — результат общественного признания больших успехов кафедры плодоводства в селекции зимостойких слаборослых подвоев. В октябре 1979 года имя ученого было занесено на городскую Доску почета. Профессор В. А. Коровин был Почетным садоводом.

...В центре города Мичуринска, по соседству с Плодоовощным институтом, стоит памятник И. В. Мичурину, много сделавшему для того, чтобы земля наша со временем покрылась садами. Невдалеке, у городского парка, находится могила Ивана Владимировича. Труды этого выдающегося биолога и селекционера, автора свыше 300 сортов плодово-ягодных культур, достойно продолжают его последователи — современные ученые. Среди них и прапраправнучка Пушкина Галина Северьяновна Усова. Работает она с полной отдачей сил и знаний, самозабвенно, а потому и плодотворно.

Ее исследования и опыты обогащают науку, двигают ее вперед, к новым открытиям.

...Много забот у Г. С. Усовой — научных, педагогических, семейных, но она никогда не забывает, что принадлежит к славному пушкинскому роду.

Галина Северьяновна справедливо считает, что быть потомком Пушкина не только почетно, но и очень ответственно. Надо хорошо знать биографию и творчество великого предка, уметь обстоятельно ответить на письма любознательных школьников и взрослых людей, обратившихся с вопросами, подчас весьма сложными, и обязательно следует принять приглашение на пушкинский вечер, независимо от того, располагаешь свободным временем или нет. Иначе нельзя...

Г. С. Усова знает произведения поэта и фундаментальные пушкиноведческие труды, с интересом следит за обширной литературой о Пушкине. В 1974 и 1976 годах она участвовала в работе Всесоюзных пушкинских конференций в Ленинграде. Трижды ездила в Михайловское. Обычно в пушкинских местах Галина Северьяновна предпочитает находиться одна или с самыми близкими ей людьми. Тогда еще роднее и понятнее становится Пушкин — поэт, человек, знаменитый предок...

У Г. С. Усовой трое сыновей. Старший, Александр, с детства проявлял повышенный интерес к математике. Саша занимался любимым предметом постоянно и целенаправленно: и вечерами, и в воскресенье, и даже на каникулах. Нервничал, если задача не получалась, и радовался, когда после многих часов мучительного поиска находил решение. Родители молча поощряли увлечение подростка, потому что знали: основа любого успеха — труд, усидчивость и смекалка.

Восьмиклассником Саша поступил на заочное отделение физико-технической школы при Московском физико-техническом институте и успешно выполнял задания, которые присылали ему из Москвы. Два года подряд на олимпиадах юных математиков Мичуринска он занимал второе призовое место.

Саша Коровин в школьные годы любил и литературу, посещал факультативный курс по этому предмету. Учился в музыкальной школе. В его довольно обширной фонотеке уже тогда были произведения многих зарубежных, русских и советских композиторов.

В 1981 году Александр Коровин окончил среднюю школу с золотой медалью и в том же году поступил

на механико-математический факультет МГУ. В ноябре 1986-го его оставили в аспирантуре при кафедре топологии на том же факультете.

А младшие братья Саши — близнецы Андрюша и Сережа — осенью 1987 года учились в четвертом классе. Невозможно предугадать, как сложится их дальнейшая судьба. Впереди у ребят много радостных открытий. И одним из них станет, бесспорно, удивительный поэтический мир Пушкина. Не открыть этот мир они не вправе: от знаменитого русского поэта началась история их семьи, которая теперь, говоря словами самого Пушкина, «умножается, растет, шумит» среди нас, людей конца XX столетия...

«Поэтом можешь ты не быть...»

В первых разделах книги я рассказывал о том, что с Бронницким уездом Московской губернии были теснейшим образом связаны многие страницы жизни Александра Александровича Пушкина, сына поэта, но еще больше — жизнь и плодотворная общественная деятельность внука А. С. Пушкина, тоже Александра Александровича. В подмосковном имении последнего — Ивановском — родилась, а в Бронницах провела детские годы и продолжательница этой линии пушкинского потомства Екатерина Александровна Пушкина (при рождении Зейлих) — дочь А. А. Пушкина (младшего) и его гражданской жены Анны Петровны Савицкой (в первом браке Зейлих) ¹.

В 1916 году Александр Александрович Пушкин (внук) умер от туберкулеза, пять лет спустя его вдова с четырнадцатилетней дочерью переехала на постоянное жительство в Москву. В Москве Катя продолжила школьное учение, начатое еще в Бронницкой гимназии, и окончила среднюю школу № 32 в Советском районе столицы.

В 1924 году Екатерина Александровна вышла замуж за Георгия Амазасповича Адамова. Начиная с 1932 года (после развода с мужем) она работала — с перерывами — в различных советских учреждениях. Последним местом ее службы было Всероссийское гастрольно-концертное объединение, где до 1959 года занимала должность редактора. Затем ей назначили пенсию по инвалидности, которую через три года по ходатайству Союза писателей СССР заменили персональной пенсией республиканского значения. Скончалась Е. А. Пуш-

кина от тяжелого онкологического заболевания в 1969 году.

В последние годы жизни Екатерине Александровне удалось завязать переписку с английскими потомками Пушкина. В семье сохранилось адресованное ей и ее дочери Наташе письмо праправнука поэта Дейвида Майкла Маунтбеттена, 3-го маркиза Милфорд-Хейвена. Оно датировано 5 апреля 1966 года. В этом письме маркиз сообщал своей московской родственнице: «У меня есть таблица семьи моей мамы, начиная от Пушкиных, и было бы очень интересно для меня получить от вас схему родственных отношений с тем, чтобы помочь мне завершить общую генеалогическую таблицу». Просьбу маркиза Милфорд-Хейвена Е. А. Пушкина выполнила. Вместе со списком потомков Пушкина, проживавших тогда в СССР, она отправила в Лондон и несколько редких фотографий, в том числе неизвестные Дейвиду Маунтбеттену снимки его покойной матери — Нады де Торби, что особенно растрогало его. К сожалению, по неизвестным причинам родственные контакты Екатерины Александровны с английскими потомками поэта не закрепились. Возможно, из-за ее болезни.

У Е. А. Пушкиной остались трое взрослых детей: от первого брака сыновья Александр и Михаил Пушкины (Адамовы), от второго (с И. Н. Харитоновым) — дочь Наталья Пушкина (Харитонова).

...«Саша Пушкин, десятилетний школьник, черный, живой и решительный, как Абрам Ганнибал, прочел уже всего Пушкина, — сообщалось в одной публикации 1937 года. — Но он хочет быть не поэтом, а летчиком. И не просто летчиком, а таким, как Чкалов»².

В подборке писем юных потомков поэта, напечатанной накануне 100-летия со дня гибели Пушкина, приведено и письмо Саши Пушкина: «Я научился читать пяти лет. Первое, что я прочитал, был „Золотой петушок“... „Медного всадника“ я знаю наизусть. А люблю больше всего „Бориса Годунова“»³.

Судьба распорядилась так, что праправнук Пушкина не стал ни поэтом, ни летчиком. Зато рано стал гражданином. В 1941 году началась война, и пятнадцатилетний Саша почти сразу пошел работать на авиационный завод, потому что оказался основным кормильцем семьи. Ведь у матери кроме него было двое детей — двенадцати и трех лет, а муж, Игорь Николаевич, находился на фронте.

Потомки А. С. Пушкина и их супруги (слева направо): в первом ряду — Т. Н. Галина, Г. А. Пушкин, М. А. Быкова, Наташа Пушкина (Харитоновна), А. А. Пушкина, Е. А. Пушкина (Зейлих); во втором ряду — Боря Геринг, Саша Пушкин (Адамов), Гарик Галин, Миша Пушкин (Адамов); в третьем ряду — А. П. Зейлих, Ю. Н. Пушкина, Сережа Геринг, К. С. Пушкина (Мазина), Г. Г. Пушкин с сыном Сашей. Фотография 1938 г.

Александр Георгиевич (слева) и Михаил Георгиевич Пушкины, праправнуки А. С. Пушкина. Фотография 1983 г.

На заводе Александр возглавлял комсомольско-молодежную бригаду, о которой в то время не раз писали газеты. Работая на сборке самолетов, подросток иногда не приходил с завода по трое суток, а если и приходил, то, случалось, не дойдя до квартиры, засыпал прямо на лестнице...

В 1946 году двадцатилетний Александр Георгиевич Пушкин определился на работу в Армейский филиал Московского академического Малого театра, где его отчим, артист И. Н. Харитонов, руководил гастрольной труппой, обслуживавшей части Советской Армии за рубежом. А. Г. Пушкину поручили заведовать машинным цехом. С этим театром он провел за границей несколько лет.

После возвращения на родину Александр Георгиевич работал инженером-механиком и одновременно учился на курсах по повышению квалификации инженерно-технических и руководящих работников Моссовета.

Длительное время А. Г. Пушкин был главным инженером специализированного управления № 191 треста «Мосфундаментспецстрой». Последняя его должность — начальник управления (подразделения) механизации этого же треста. Высоквалифицированный специалист в области свайных работ, Александр Георгиевич нередко публиковал свои статьи в профессиональных журналах. Некоторые его изобретения были приняты к производству.

Из троих детей Е. А. Пушкиной только Александр Георгиевич имел склонности к математическим наукам — в отца, Г. А. Адамова, математика по профессии. В то же время он отлично рисовал, имел отличный музыкальный слух и прекрасный голос.

Умер А. Г. Пушкин в марте 1986 года, похоронен на Ваганьковском кладбище — рядом с матерью Е. А. Пушкиной и бабушкой А. П. Пушкиной (Зейлих). От брака с М. М. Лешуковой у Александра Георгиевича было двое детей — Александр и Анна. Александр окончил факультет русского языка и литературы Московского педагогического института имени В. И. Ленина. Несколько лет работал экскурсоводом на строительной выставке ВДНХ. С июня 1986 года он живёт в Нью-Йорке. Ночной таксист. Иногда Сашу приглашают преподавать русский язык в Берлиц скул — престижное учебное заведение для изучающих русскую словесность.

С детских лет Александр Пушкин пишет стихи. Некоторые из них я читал почти двадцать лет назад (тогда Саша был еще школьником). Они показались мне удачны-

Наталья Игоревна Пушкина, праправнучка А. С. Пушкина. Фотография 1960-х гг.

Александр Георгиевич Пушкин (справа), праправнук А. С. Пушкина, с сыном Александром и дочерью Аней; Михаил Георгиевич Пушкин, праправнук А. С. Пушкина, с дочерью Катей и сыном Мишей. Фотография 1976 г.

Александр Александрович Пушкин, прапраправнук А. С. Пушкина. Фотография 1988 г.

ми, образными. Одно стихотворение Александра опубликовано в антологии американской поэзии с переводом на английский язык и фотопортретом автора.

Сестра Саши — Аня после окончания средней школы работает в сберкассе. Снималась в художественном фильме «Хроника одного происшествия» в эпизодической роли ученицы.

...9 февраля 1937 года* в упоминавшейся выше газетной подборке писем детей даны и строки, написанные восьмилетним Мишей Пушкиным: «Я первый год хожу в школу. Нам читают там стихи Пушкина. Это мой прапрадедушка... Недавно мама водила нас на Арбат. Там живут Боря и Сережа <Геринги>. Они тоже родственники Пушкина. Мы пришли к ним на квартиру и увидели много родственников Пушкина. Они говорили о нем и читали его стихотворения. Про меня сказали, что я похож на Пушкина»⁴.

В довоенном кинофильме «По следам героя» есть массовая сцена, в которой вместе с другими ребятами снят и Миша — «самый маленький... из них», по словам автора уже цитированной заметки.

---

* В этот же день в газете «Правда» была опубликована групповая фотография потомков Пушкина, где среди других родственников поэта сняты и Е. А. Пушкина, и ее сыновья.

Киноактером Миша не стал. Осуществить эту мечту помешала война. В июне сорок первого мальчик окончил пятый класс, а в сорок четвертом, когда исполнилось пятнадцать, он уже работал слесарем-инструментальщиком, получал рабочую карточку.

В 1946 году, окончив семилетку, Михаил поступил в Московское художественно-промышленное училище имени М. И. Калинина на отделение скульптуры по специальности резьба по дереву. С отличием завершив обучение в 1951 году, получил диплом художника народных промыслов. В том же году его зачислили в студенты Московского института прикладного и декоративного искусства (отделение монументальной скульптуры), а в 1957 году он окончил его — тоже с отличием — уже в Ленинграде. Дело в том, что в 1952 году факультет, на котором учился Михаил Георгиевич, слили с Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем имени В. И. Мухомовой (бывшее Училище технического рисования барона А. Л. Штиглица).

Последние три курса М. Г. Пушкин учился у профессора В. Л. Симонова. По признанию Михаила Георгиевича, профессор был «великолепный человек и прекрасный скульптор». В свое время Симонов обучался в Академии художеств вместе с С. Т. Коненковым и известен как автор восстановленной в Петергофе всемирно известной статуи «Самсон, разрывающий пасть льва», которую немецко-фашистские захватчики уничтожили во время Великой Отечественной войны.

Уже три с половиной десятилетия Михаил Георгиевич Пушкин работает в организациях Художественного фонда по профилю монументально-декоративной скульптуры. Он член Союза художников.

Многие из монументальных произведений М. Г. Пушкина (а их насчитывается несколько десятков) — это мемориалы в честь погибших воинов и партизан Великой Отечественной войны. Они установлены в разных городах нашей страны. Михаил Георгиевич работает и в области парковой скульптуры, скульптуры для интерьеров зданий. Ему принадлежит скульптурное оформление помещений посольства Камбоджи в Москве. Работал он и над проектом монументально-декоративного оформления московского стадиона «Локомотив».

В квартире праправнука поэта я видел около десяти его живописных произведений (остальные находятся в мастерской). Работая над портретами и рисунками, художник часто обращается к библейским сюжетам,

образам мифологии, много пишет на исторические темы. Эти произведения особенно впечатляют, хотя, как подчеркнул М. Г. Пушкин в одном из писем ко мне, созданы они «сугубо для себя».

К сожалению, далеко не все, что скульптору и живописцу Пушкину хотелось выразить своим творчеством и к чему лежала его душа, находило поддержку и понимание заказчиков. В течение десятилетий в нашей стране людям творческого труда (как, впрочем, и нетворческого!) нередко диктовали, что и как должно быть сделано в их работах, жестко требовали, например, чтобы в правую руку скульптурной фигуры солдата-победителя был непременно «вложен» автомат, а в левую — снятая с головы каска... Или еще что-нибудь в этом роде. Такой диктат, естественно, сковывал творческое воображение мастера, делал его труд бескрылым, а порой и бессмысленным.

Однако и в этих условиях художнику иногда везло. Такое произошло, например, в преддверии 1000-летия крещения Руси, когда Михаил Георгиевич участвовал в восстановлении древнего Свято-Данилова монастыря, который еще в XIII веке защищал Москву от набегов татар.

С 1958 года скульптурные и живописные произведения М. Г. Пушкина много раз экспонировались на выставках разного ранга — московских, российских, всесоюзных. Но чаще всего художнику сопутствовал успех на спортивных выставках: ему лучше работало и легче жилось, когда рождалось что-то более или менее свободное по духу и сути своей, не зависящее от политической конъюнктуры или прихоти начальства.

На выставках Михаилу Георгиевичу присуждали грамоты, дипломы, медали, включая и золотую — за первое место на всесоюзной выставке «Спорт в изобразительном искусстве».

У М. Г. Пушкина двое детей от брака с Е. С. Михайловой (в первом браке Батурина) — Екатерина и Михаил. Катя окончила медицинское училище, работает методистом по плаванию в московской поликлинике № 63. У нее растет сын Ваня. А Миша Пушкин осенью 1987 года вернулся из армии, в следующем году поступил в СПТУ № 15 на отделение художественной обработки дерева. Его мечта — стать хорошим специалистом-краснодеревщиком, то есть в известном смысле пойти по стопам отца.

Михаил Георгиевич и Наталья Игоревна Пушкины, праправнуки А. С. Пушкина, в Нью-Йорке. Фотография 1988 г.

...Сестра Александра и Михаила Георгиевичей Пушкиных (Адамовых), Наталья Игоревна Пушкина (Хариотонова), в 1960 году окончила Московское театральное художественно-техническое училище, в 1968 году — Всесоюзный институт кинематографии, где получила специальность киноведа-редактора. В 1969 году она опубликовала интересный очерк о народном артисте СССР Игоре Владимировиче Ильинском. Работала заместителем директора Дома художника, старшим искусствоведом в Дирекции художественных выставок при Художественном фонде РСФСР, где занималась экспозицией выставок. Параллельно выполняла частные заказы по реставрации картин и икон.

С 1976 года Наталья Игоревна живет в США. Вначале служила в одной из текстильно-художественных фирм Нью-Йорка в качестве художника по дизайну в текстиле. Но вскоре перешла на работу в «Метрополитен-оперу» гримером, где и прижилась.

В июне 1977 года Н. И. Пушкина выступила с лекцией о предках и потомках Пушкина на кафедре славянской литературы Колумбийского университета. В прессе появились благожелательные отзывы. В последующие годы Наталья Игоревна помогала В. А. Раевскому в работе над его обширным сочинением компиля-

тивного характера «Предки и потомки Пушкина и Толстого», вышедшим вторым изданием в Нью-Йорке в 1983 году.

Осенью 1987 года Н. И. Пушкина приезжала в Москву по приглашению брата — Михаила Георгиевича. А через год он и племянница Аня целый месяц гостили у Натальи Игоревны в Нью-Йорке. Когда люди тянутся друг к другу душой и сердцем, для них не могут быть преградой ни расстояния, ни океаны и государственные границы...

Горсть русской земли в Париже

В аккуратной деревянной коробке, лежащей передо мною на столе,— нагрудный значок лицеиста Михаила Воронцова-Вельяминова. Пушкину он приходился правнуком. И окончил тот самый лицей — бывший Царско-сельский, а позднее Александровский,— где за 90 лет до него учился Александр Сергеевич.

Очередной выпуск воспитанников этого привилегированного учебного заведения, 62-й по счету, состоялся в марте 1906 года, когда Воронцову-Вельяминову шел двадцать первый год. Тогда и был вручен ему лицейский значок, который я держу в руках. Теперь эта семейная реликвия принадлежит внучатому племяннику бывшего ее владельца — Андрею Александровичу Кологривову. В его квартире на одной из окраинных улиц Москвы много вещественных следов былого...

М. П. Воронцов-Вельяминов прожил жизнь, может быть, и не слишком богатую яркими событиями, но полную внутреннего драматизма и очень поучительную.

В ноябре 1912 года его, двадцатилетнего белорусского землевладельца, уроженца Бобруйска, избрали в 4-ю Государственную думу. Будучи самым молодым депутатом Думы этого созыва, Михаил Павлович, человек прямой и честный, по воспоминаниям близко знавшей его М. А. Новиковой-Каллаш, «никогда не боялся отстаивать то, что считал правдой, но и при спорах с инакомыслящими не уязвлял... своих противников, мягко и терпеливо доказывая их заблуждения»¹.

Воронцов-Вельяминов был также членом Бобруйской городской думы, председателем уездной земской управы, а после Февральской революции 1917 года, в период двоевластия, и уездным комиссаром.

Крутые социальные перемены в России той поры не могли не коснуться и Михаила Павловича. 27 февраля

Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов, правнук А. С. Пушкина, с отцом Павлом Аркадьевичем и сыном Георгием. Фотография 1913 г.

1917 года Временный комитет Государственной думы сформировал Временное правительство, 4-я Государственная дума фактически перестала функционировать, хотя формально она существовала до 6 октября. И член Государственной думы Воронцов-Вельяминов оказался не у дел. Лишился он и местных выборных должностей, так как в начале марта Бобруйская городская дума была распущена.

В том же году, 24—25 июня, уездный крестьянский съезд постановил «выразить недоверие уездному комиссару Воронцову-Вельяминову», а полтора месяца спустя крестьяне деревни Савичи Турковской волости разделили между собой его земли².

После Октябрьской революции Михаил Павлович оказался за рубежом. На чужбине ему и его жене, Евгении Самойловне, урожденной Богуславской, пришлось испытать немало лишений*. Но им делает честь то, что

* В Париже М. П. Воронцов-Вельяминов зарабатывал на хлеб инкрустированием шкатулок, портсигаров и коробочек. Потом служил в книжном магазине, разносил молочные продукты.

они и за границей не перестали быть русскими. Супруги сумели побороть в себе чувство обиды на «резкие меры», продиктованные временем, не ожесточились...

Правнук Пушкина всей душой тянулся к своему Отечеству и ненавидел его врагов, особенно германский фашизм. Во время второй мировой войны старший сын его, Георгий Михайлович, сражался в рядах французской армии против гитлеровцев. 31 мая 1940 года под Дюнкерком он был ранен. Дорого заплатил за свои симпатии к Советскому Союзу и сам Михаил Павлович: когда фашистские германские и итальянские войска оккупировали Францию, его арестовали и заключили в лагерь Компьен...

После войны М. П. Воронцов-Вельяминов состоял членом Общества дружбы «Франция — СССР». Умер он в 1951 году и погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем. Через два года там же похоронили Е. С. Воронцову-Вельяминову. К слову сказать, на этом кладбище обрел вечный покой известный русский писатель Иван Алексеевич Бунин.

В цитированной выше статье М. А. Новиковой-Каллаш говорится, что внезапная кончина Михаила Павловича «настоящей болью отозвалась в душе каждого, кто его знал, потому что знать его означало и любить».

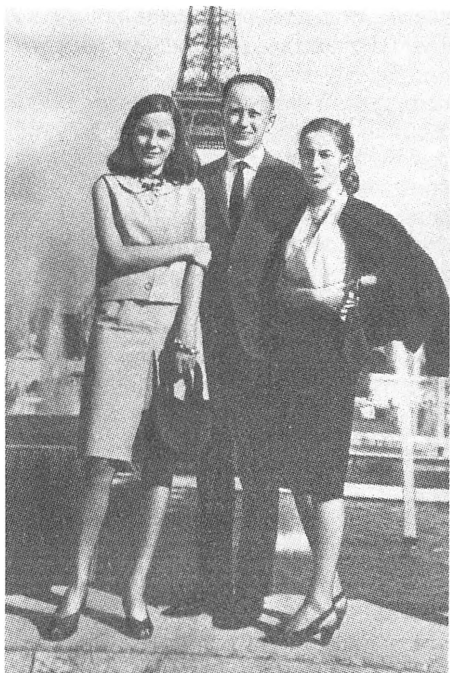
Как большинство потомков поэта (среди них немало тех, кто в разное время и по разным причинам очутился за рубежом), М. П. Воронцов-Вельяминов свято чтит память гениального предка, и этот интерес к Пушкину он сумел передать своим сыновьям. С одним из них, упомянутым выше Г. М. Воронцовым-Вельяминовым, автора книги связывала многолетняя переписка. С 1983 года писали мне также его брат Владимир Михайлович, вдова Тамара Васильевна и старшая дочь Анна Георгиевна.

* * *

...Когда родители покинули Россию, Георгию — или Одику, как ласково звали его с детских лет и до старости все близкие, — шел седьмой год, а его брату Владимиру не было и пяти. Первые четыре года эмиграции Воронцовы-Вельяминовы провели в Германии, затем переехали во Францию.

Георгий и Владимир выросли в Париже. Там они учились, работали, женились, растили детей, дождалось внуков, вышли на пенсию... Чужая, негостеприимная на первых порах Франция стала их второй родиной. А первой и

Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов, праправнук А. С. Пушкина, с дочерьми Аней (слева) и Надей. Фотография 1960-х гг.

главной всегда была Россия. Отец и мать сохранили в семье не только русский язык, но и русский дух, живое, трепетное чувство любви к Отечеству.

Позднее, уже взрослыми, Георгий и Владимир Воронцовы-Вельяминовы и сами всячески поддерживали в своем доме русские традиции, высоко ценили русскую старину и современность, книги и песни России. Каждый из них, став хорошим семьянином, заботливым отцом и добрым дедом, помнил, что его долг — и в Париже быть русским.

Достичь устойчивого служебного положения в столице Франции братьям помогли их упорный труд и завидное терпение в преодолении всякого рода житейских трудностей. Особенно сложно складывалась личная судьба Владимира Михайловича. Правда, ему, как и старшему брату, в 1926 году удалось поступить в лицей*. По

---

* По просьбе их отца, Михаила Павловича, директор школы восточных языков профессор П. Буайе при зачислении Георгия и Владимира Воронцовых-Вельяминовых в лицей выхлопотал им, как потомкам А. С. Пушкина, полный пансион.

окончании его оба получили дипломы бакалавра, и Георгий вскоре был принят в Инженерную школу общественных работ. А Владимиру вплоть до 1937 года пришлось быть и маляром, и столяром, и подсобным кухонным рабочим, и библиотекарем... Потом, поступив в качестве «чернорабочего первого разряда» на металлургический завод в Лотарингии, он смог наконец учиться заочно в Высшем русском техническом институте, который и окончил уже после второй мировой войны. Позднее В. М. Воронцов-Вельяминов много лет работал монтажным инженером-электриком в фирме телефонного оборудования, где его ценили и уважали коллеги.

Братья Воронцовы-Вельяминовы и лицом, и характером, и интересами очень отличались друг от друга. Часто не сходились они и в оценке исторических событий, фактов современной международной жизни, что, случалось, приводило к спорам и даже размолвкам между ними.

Неизменная терпимость Георгия Михайловича к чужому мнению, в том числе к различным политическим доктринам, порой встречала решительный отпор младшего брата, который и теперь придерживается левых взглядов. Однажды (это было лет 25 назад), когда во Франции прокатился вал студенческих волнений, в которых принимали участие и его дети — дочь Ольга и сын Михаил, в то время учившиеся в университете, Владимир Михайлович сказал: «Будь я помоложе, сам бы пошел сражаться на баррикадах».

Г. М. Воронцова-Вельяминова, человека разносторонне одаренного, всегда отличали большие интеллектуальные запросы: он собирал редкие книги, много читал, был в курсе всех сколько-нибудь заметных явлений в литературной жизни, страстно любил театр, музыку, много путешествовал. А В. М. Воронцов-Вельяминов по натуре домосед. Он ближе, чем брат, к земле и природе. Построив по собственному проекту прекрасный дачный домик в Мондетуре, под Парижем, Владимир Михайлович разбил там сад, выращивает фрукты и цветы. Причем делает это с каким-то поэтическим наслаждением, самозабвенно. К слову сказать, он и рисует неплохо. У него есть интересные художественные работы, но, по отзывам специалистов, им не хватает профессиональной «вольности».

Если Георгий Михайлович с юношеских лет собирал по крупицам документальные сведения о своей родословной по пушкинской линии, то Владимир Михайлович —

немножко в пику старшему брату — больше интересуется тысячелетней историей других предков, Воронцовых-Вельяминовых, ведущих происхождение от варяжского князя Якуна, упоминаемого в русских летописях под прозвищем «Слепой».

Несмотря на то что братьев, казалось бы, многое основательно разъединяло, они и в молодости, и на склоне лет понимали и любили друг друга, питали взаимную родственную привязанность.

...Инженер-строитель, специалист по предварительно напряженному бетону, Г. М. Воронцов-Вельяминов не только с успехом работал в частной фирме, строившей мосты во Франции и во многих других странах, но и выступал в печати с научными статьями, участвовал во всех международных конгрессах специалистов этого профиля. Георгий Михайлович находил время и для благотворительных дел. Например, считая, что занятие это «очень полезное и нужное», он многие годы был членом совета одного из эмигрантских старческих домов под Парижем, старался по возможности облегчить положение тех русских, кто, оторвавшись «от ветки родимой», доживал свой век на чужой стороне.

Львиную же долю свободного от работы времени праправнук Пушкина посвящал изучению и популяризации творческого наследия поэта. Эта тема красной нитью проходит через все его письма ко мне: «Пушкиноведением занимаюсь как любитель» (1975), «...года через два думаю выйти на пенсию. Надеюсь, что тогда будет больше времени для занятий пушкиноведением и для путешествий. Давно уже не удавалось побывать в России, и мы с женой порядком соскучились <по ней>. Пока летний отпуск проводим неизменно в Италии у дочери» (1976), «Продолжаю следить за всем, что выходит о Пушкине, и постепенно пополняю мою Пушкиниану, когда нахожу что-либо интересное в книжных магазинах» (1978), «По-прежнему много занимаюсь Пушкиным. Изредка делаю доклады на пушкинские темы в литературных кружках. Вообще же во Франции никого не знаю, кто бы занимался специально Александром Сергеевичем, и поговорить о нем не с кем», «Когда будете в Михайловском, пожалуйста, поклонитесь от нас всем его жителям» (1980)...

Получив от меня первую мою книгу «Потомки А. С. Пушкина», Георгий Михайлович в сентябре 1974 года писал в Пушкинский Дом: «Книгу прочел с большим интересом и узнал из нее много нового. Очень пригодил-

ся мне и список потомков А. С. <Пушкина>, по которому мне удалось пополнить мои собственные записи. Возможно ли достать хотя бы два экземпляра этой книги? Мне бы хотелось очень их иметь для брата и дочери Ани. Хотя я и надеюсь, что она попадет в книжные магазины Парижа, но в этом далеко нельзя быть уверенным, так как многие книги сюда не доходят».

Когда весной 1978 года вышло второе издание «Потомков А. С. Пушкина», Г. М. Воронцов-Вельяминов прислал мне очень ценное письмо. Отметив, что теперь он знает о семье Пушкина во много раз больше, чем знал прежде, праправнук великого поэта особо подчеркнул, что для потомков Пушкина, которых «судьба разбросала по всему свету», моя книга стала «связующим звеном».

Эту мысль Георгий Михайлович углубил в своем письме ко мне от 24 апреля 1982 года: «Теперь Вы как бы вошли в нашу многочисленную семью и стали ее связующим звеном. Благодаря Вашим трудам стало возможным познакомиться со многими родственниками, которых не встречал на жизненном пути. А среди них есть столько замечательных людей. Теперь как будто побывал у них дома вместе с Вами и познакомился по фотографиям».

Незадолго до этого праправнук Пушкина сообщил: «Сам я продолжаю работать над моей основной темой — Пушкин и религия, религиозное в произведениях Пушкина. Тема эта очень широкая, и работы на много лет».

Г. М. Воронцов-Вельяминов проявлял завидную осведомленность во всем, что касалось жизни и творчества Пушкина, знал все серьезные работы пушкинистов и о каждой из них имел свое мнение. Так, авторам популярных книг «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина» И. М. Ободовской и М. А. Дементьеву Георгий Михайлович писал: «Благодаря вашему труду образ Натальи Николаевны, наконец, встает во всей ее душевной красоте... Образ ее по вашей книге совершенно соответствует традиционному семейному взгляду»³.

Человек обязательный и очень пунктуальный, Г. М. Воронцов-Вельяминов, как никто другой из зарубежных потомков Пушкина, много и охотно, от всей души помогал мне в розыске новых материалов для книг, делился собственными знаниями, советовал, куда обратиться в особо затруднительных случаях, предостерегал от возможных ошибок. В течение почти полутора десятков лет письма Георгия Михайловича были для меня основным источником информации о зарубежных потомках

поэта — и здравствовавших, и тех, кого уже не было на свете.

Чтобы ответить на многочисленные вопросы автора книги, праправнук Пушкина расспрашивал своих троюродных сестер Татьяну Владимировну Дурново и Анастасию Владимировну Солдатенкову — праправнучек Пушкина, живущих в Париже; копался в собственных семейных бумагах; искал нужные сведения в Архиве немецкого дворянства (ФРГ); давал адреса своих американских, немецких, бельгийских и итальянских родственников, присылал редкие фотографии, ксерокопии опубликованных за рубежом генеалогических материалов. А весной 1980 года, по моей просьбе, он даже ездил в Англию. Об этой поездке Георгий Михайлович потом рассказывал в письмах: «...я нашел в библиотеке Ливерпульского университета генеалогические сборники, в которых и было большинство интересующих нас сведений <далее следует перечисление всех изданий>. Эти книги помогли мне найти потомство Баттенбергов, Уэрнеров и Меренбергов», «Tony Greenan* ...который помог мне в поисках, сам заинтересовался потомками Пушкина и читал о них доклад для русского кружка в Ливерпуле. По этому поводу он составил родословную схему потомков Зии Уэрнер, фотокопию которой я Вам посылаю».

Приятно сознавать, что мой поиск, поддержанный многими, в том числе Г. М. Воронцовым-Вельяминовым, добрым эхом отозвался и в далекой от нас Англии...

Щедрой своей душой парижский праправнук Пушкина тянулся к людям, которые обращались к нему за помощью или советом. Каждому он умел сказать умное, приветливое слово, для каждого старался сделать все, чего от него ждали, на что надеялись.

Георгий Михайлович считал своим долгом не оставлять без ответа ни одного письма советских школьников, а писали ему отовсюду — из Бурятии и Чувашии, из родной Белоруссии, из Сибири и Одессы...

Учащимся одесской средней школы № 90 Георгий Михайлович подарил свою фотографию 1939 года, когда он был солдатом 351-го артиллерийского полка французской армии, а к этой фотографии приложил деликатное письмо-наставление: «Думаю, что вы не только интересуетесь потомками поэта и его посмертной славой, но и читаете его произведения, изучаете их...»

---

* Тони Гринан (англ.) — родственник младшей дочери Г. М. Воронцова-Вельяминова, профессор Ливерпульского университета.

В другой раз ребята получили от него программу гастролей московского Большого театра в Париже, состоявшихся в начале 1970 года. Из программы они узнали, что артисты прославленного театра порадовали французскую публику оперными спектаклями по произведениям Пушкина «Борис Годунов» и «Пиковая дама», а из письма Георгия Михайловича — и о том, что эти оперы шли в Париже с колоссальным успехом.

Семидесятилетний потомок поэта сообщал юным одеситам, что в Парижской опере из созданий Пушкина поставлен только «Борис Годунов» и что заглавную партию в этом спектакле пел когда-то Федор Иванович Шаляпин, который умер в Париже и похоронен на кладбище Батиньоль*.

Или, к примеру, о том, что недавно он, Георгий Михайлович, и его жена Тамара Васильевна смотрели в театре пьесу английского автора о Моцарте. Сюжет пьесы, рассуждает Георгий Михайлович, тот же, что и сюжет пушкинского «Моцарта и Сальери». «Только какая разница! — пишет он. — Насколько наш Пушкин в своих «Маленьких трагедиях» гениален. Их нужно читать и перечитывать. Там — ни одного лишнего слова. А мыслей — на всю жизнь хватит над ними размышлять».

Иногда послания Г. М. Воронцова-Вельяминова школьникам просты и на первый взгляд обыденны: «Сердечно благодарю всех вас за милое письмо и за набор видов Одессы. Теперь я хорошо вижу, как выглядит в наши дни ваш чудный город-герой. Смотрю на обложку и воображаю себе, что это, может быть, кто-нибудь из вас стоит... у обелиска Неизвестному матросу»⁴. Но эта «обыденность» неназойливо будила добрые чувства и мысли юных, воспитывала их.

Георгий Михайлович был связан перепиской со многими пушкинскими музеями нашей страны. Еще в начале 1969 года, ко дню смерти поэта, он прислал в музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области фотографию, на которой запечатлена раскрытая шкатулка, а в ней два старинных пистолета. В приложенном к фотографии письме праправнук Пушкина сообщал: «Посылаю вам снимок пистолетов. Предполагается, что один из них Пушкин держал в руке».

История этого губительного для поэта оружия представляет значительный интерес, поэтому изложу ее подробнее.

Ученые давно знали, что пистолеты, которые привез на Черную речку секундانت Пушкина Константин Кар-

---

* В 1980-х годах прах Ф. И. Шаляпина перевезен в Москву.

лович Данзас (1801—1871), не сохранились. А если и сохранились, то местонахождение их неизвестно. Пистолеты же Дантеса уцелели. В 1937 году, по случаю 100-летия гибели Пушкина, они были выставлены в Париже, но потом куда-то исчезли. О них и рассказал Г. М. Воронцов-Вельяминов в очерке «Роковое оружие»⁵, напечатанном с предисловием И. Л. Фейнберга.

Автор предисловия сообщает, что летом 1968 года в квартире-музее Пушкина на набережной Мойки, где экспонируется не подлинное дуэльное оружие поэта, а пистолеты пушкинской поры, Георгий Михайлович заверил его в том, что он «знает уже почти наверняка, где находятся пистолеты Дантеса, и надеется в скором времени увидеть их собственными глазами». По возвращении во Францию праправнук поэта продолжил розыск пистолетов и действительно обнаружил их в частном музее, посвященном истории почты, в местечке Лимрэ на берегу Луары.

Владелец этого музея, размещенного в здании бывшей почтовой станции, г-н Пьер Поль, любезно разрешил Г. М. Воронцову-Вельяминову сфотографировать пару дуэльных пистолетов Дантеса. На просьбу же Георгия Михайловича продать оружие последовал отрицательный ответ хозяина.

В очерке «Роковое оружие» обстоятельно, четко и аргументированно излагается история этих пистолетов, принадлежавших некогда барону Эрнесту де Баранту, сыну французского посла при русском дворе, и одолженных им своему другу виконту д'Аршиаку, секунданту Дантеса, на время поединка. После смерти владельца пистолеты перешли к его старшему брату Просперу де Баранту, а от последнего — в семью его сестры, урожденной де Барант, которая была замужем за полковником Луи де Шательпероном.

В 1937 году, продолжает автор, один из Шательперонов предоставил пистолеты для выставки в столице Франции, а в середине 1950-х годов семья Шательперонов продала их с аукциона в Париже. Купил пистолеты г-н Поль. Так они и оказались в Лимрэ. Чтобы хоть как-то связать их с темой своего музея, Пьер Поль выставил их с пояснительной надписью на витринной табличке: «Пистолеты дуэли поэта Пушкина (автора «Станционного смотрителя») с Дантесом»*.

* Теперь собранные Пьером Полем музейные сокровища, в том числе и интересующие нас дуэльные пистолеты Дантеса, находятся в Амбуазе, в муниципальном доме, и завещаны этому городу.

Написанный живо, увлекательно, на должном научном уровне, очерк «Роковое оружие» — новооткрытая страница истории поединка Пушкина с Дантесом, у которого, по меткому определению современницы, Е. Н. Мещерской (урожд. Карамзиной), было «три отечества и два имени».

Г. М. Воронцов-Вельяминов познакомил советских читателей и ученых-пушкиноведов и с другими своими разысканиями, касающимися великого поэта-предка. Две его работы, «Пушкин в воспоминаниях дочери Николая I» и «Медаль в честь Пушкина во Франции», были напечатаны в 1972 и 1979 годах, статья «Истина сильнее царя» вышла в свет вскоре после скоропостижной смерти автора⁶. Остановлюсь кратко на первой из перечисленных публикаций.

В Штутгартском государственном архиве (ФРГ) хранятся мемуары дочери Николая I Ольги. В них, между прочим, рассказывается о дуэли Пушкина с Дантесом. Воспоминания великой княжны неоднократно переводились на русский язык (например, в 1963 году в Париже), но... с серьезной ошибкой. Это было связано с тем, что мемуары переводили на русский язык с немецкого, хотя они написаны по-французски. И по известному в переводах тексту выходило, что Дантес женился на Екатерине Николаевне Гончаровой, свояченице Пушкина, по приказанию царя. Хотя «новая» версия и вызвала сомнения у некоторых пушкиноведов, но воспоминания Ольги Николаевны быстро вошли в научный оборот и на них многократно ссылались исследователи.

Заслуга Георгия Михайловича в том, что он разыскал подлинный французский текст мемуаров, сравнил его с немецким, а затем и русским переводом. И ему (а потом и читателям) стало ясно, что в первом случае были вольно переведены две фразы с французского языка, во втором же — при переводе на русский — эти фразы исчезли совсем.

В подлиннике воспоминаний (Г. М. Воронцов-Вельяминов опубликовал не только перевод записок великой княжны, но и их факсимиле) сообщается: «Бенкендорфу было поручено предпринять поиски автора (пресловутых анонимных) писем (к Пушкину). Друзья* нашли только одно средство, чтобы обезоружить подозрения. Дантес

---

* Одни исследователи считают, что в мемуарах речь идет о друзьях Пушкина; другие находят, что великая княжна имела в виду друзей Дантеса. Последнее предположение, на мой взгляд, представляется более убедительным.

должен был жениться на... сестре г-жи Пушкиной, довольно малоинтересной особе...»

Таким образом, скрупулезно переведенные праправнуком Пушкина воспоминания дочери Николая I вовсе не дают оснований говорить о женитьбе Дантеса на Е. Н. Гончаровой по... распоряжению царя. Имя Николая I в этой части записок вообще не упоминается.

Приведенные выше и другие примеры плодотворных научных исследований Георгия Михайловича свидетельствуют о том, что он обладал задатками серьезного пушкиниста, которые, к сожалению, не успел в достаточной мере реализовать.

* * *

Сорок лет не был Георгий Михайлович в Советской России, не видел родных полей и перелесков, просторного русского неба над городами и селами. В цепкой детской памяти — памяти сердца — навсегда сохранились величие и красота земли, на которой жили предки и где родился сам. Но теперь, когда близилось собственное пятидесятилетие, ему вдруг с неодолимой силой захотелось снова подышать воздухом Родины, окунуться в ее запахи и звуки, дорожке которых нет ничего на свете.

Давнее желание праправнука Пушкина сбылось: в августе 1960 года он и его жена Тамара Васильевна приехали в Советский Союз в качестве туристов*.

В Ленинграде их встретили как долгожданных гостей. В Пушкинском Доме Воронцовым-Вельяминовым показали подлинные рукописи произведений, письма и дневники Пушкина. Их свозили на Черную речку, рассказали о сложных обстоятельствах преддзельных дней Пушкина, по поводу которых ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению. Супругов познакомили и с другими историческими местами города на Неве, хранящими живую память о великом поэте. В печати появились сообщения о пребывании в СССР потомка Пушкина, приехавшего из Франции.

Через год Г. М. Воронцов-Вельяминов был приглашен на французскую выставку в Москве. Там он выступил с докладом по своей инженерной специальности. На этот раз Георгию Михайловичу удалось съездить не только в Ленинград, но и в Михайловское, где он побывал впервые.

---

* Владимир Михайлович Воронцов-Вельяминов также неоднократно приезжал в СССР, последний раз — в 1980 году.

Праправнук поэта привез в дар Пушкинскому Дому драгоценнейшую вещь — печатку, принадлежавшую Н. Н. Пушкиной. Долгие годы печатка хранилась в семье Воронцовых-Вельяминовых. Лишь однажды, в 1937 году, она экспонировалась на Пушкинской выставке в Париже. Эта фамильная реликвия очень изящна: на красивой деревянной ручке — небольшая медная печать, на которой вырезаны две буквы «Н. Н.». Теперь печатка находится на столике Натальи Николаевны Пушкиной в последней квартире-музее поэта.

В Михайловском Георгий Михайлович провел два дня. С волнением осматривал он и дом-музей, «и берег Сороти отлогий, и полосатые холмы, и в роще скрытые дороги», воспетые Пушкиным с такой поэтической силой. Часами бродил Воронцов-Вельяминов в заповедном михайловском лесу. Очарованный его «приветным шумом», радостным птичьим разноголосьем, он наслаждался покоем родного пушкинского уголка.

А перед отъездом он отправился в бывший Святогорский монастырь. У мраморного надгробного памятника Пушкину Георгий Михайлович долго стоял молча. Потом, в благоговейном порыве опустившись на колено, он осторожно взял с могилы прапрадеда горсть земли и бережно положил ее в небольшую коробку. Эту священную землю России Георгий Михайлович увез с собою в Париж.

Позднее Г. М. Воронцов-Вельяминов еще четырежды приезжал в Советский Союз. Был и в Москве, и в Ленинграде, и в Михайловском. В июле 1965 года в Государственном музее-заповеднике А. С. Пушкина он встретился с Татьяной Николаевной Галиной, двоюродной тетей, и другими советскими потомками поэта. В семейном кругу особенно радостно было вновь убедиться в том, с каким триумфом шествует по земле нестареющая пушкинская муза и каким почетом на родине поэта окружены его наследники.

В 1974 году, когда весь мир отмечал 175-летие со дня рождения Пушкина, Георгий Михайлович писал мне: «К сожалению, мне не удалось побывать в России в этом юбилейном году. В июне был в США по делам службы, а затем проводил отпуск... в Италии на берегу моря, где собралась вся моя семья: обе дочки с мужьями и внучата».

Только в мае 1977 года Георгий Михайлович и Тамара Васильевна снова оказались на родине. Они знакомились с Ленинградом; посетили Приютино — бывшую

усадьбу А. Н. Оленина, где многократно бывал Пушкин; в Москве нанесли визит Т. Н. и Г. А. Галиным, И. М. Ободовской и М. А. Дементьеву, были в Государственном музее А. С. Пушкина. Состоялось и новое свидание с Михайловским.

Случилось так, что в бывшее псковское имение семьи Пушкина Воронцовы-Вельяминовы приехали за несколько дней до открытия музея в Петровском. Псковский фотокорреспондент снял Георгия Михайловича на фоне ганнибаловского дома. Праправнук Пушкина сидит на светлом деревянном диване, и кажется, что его задумчиво-сосредоточенный взор устремлен в глубь веков, в те времена, когда здесь, «под сенью липовых аллей» на берегу тихого и ясного озера Кучане, доживал свой век старый Петр Абрамович Ганнибал — сын знаменитого питомца Петра I и двоюродный дед поэта. В годы ссылки сюда навещался и сам Александр Сергеевич. В Петровское Пушкина влекло неудержимо: в жизни Ганнибалов, как и в их доме, все было загадочно, таинственно и интересно.

Подумав об этом, Георгий Михайлович улыбнулся: вспоминает дни Пушкина, а ощущение такое, будто сам только что наговорился с Петром Абрамовичем. Бывшее ганнибаловское гнездо воздействовало на него почти магически...

В Михайловское Воронцов-Вельяминов привез из Франции необычайный подарок — старинную бутылку из-под шампанского фирмы Моэта, которое любил Пушкин и которым по его воле главный герой «Евгения Онегина» угощает своего восторженного приятеля Владимира Ленского:

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.

Покидая музей-заповедник Пушкина, Георгий Михайлович оставил проникновенную запись в книге отзывов: «Каждый приезд в Михайловское — это праздник, это щедрый дар судьбы. Каждый раз в экспозициях заповедника появляются новые вещи... как будто из-под земли встают новые постройки: то мельница, то часовенка, то банька, а то и большой дом, как в Петровском. Заповедник живет! Чудо Михайловского именно в том, что это не мертвый музей, а живая усадьба с радушными хозяевами, в которой незримо, но явно ощутимо присутствует Александр Сергеевич Пушкин и куда со всего Союза,

Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов. Фотография 1982 г.

со всего мира собираются гости и, уезжая, мечтают еще и еще раз вернуться и „вновь посетить“».

Праправнук поэта собирался еще не раз увидеть «тот уголок земли», где его прапрадед, «ссылочный невольник», провел два мучительных и счастливых года...

В октябре 1982 года он писал мне: «Мечтаем весной побывать на родине. Может быть, встретимся в Михайловском...» Увы, нам не суждено было встретиться. Тот, в 1977 году, приезд Георгия Михайловича в Советский Союз — шестой по счету — оказался последним.

...Казалось, ничто не предвещало несчастья. Гостившая у Воронцовых-Вельяминовых летом 1981 года И. Е. Гибшман по возвращении из Парижа говорила мне, что ее двоюродный брат всегда бодр, энергичен, подтянут и что у него очень хорошее здоровье. Когда в начале мая следующего года отмечали его 70-летие, он вполне серьезно сказал: «Даже не верится, что мне так много лет: я чувствую себя молодым». Таким — молодым, подвижным, увлеченным — Георгий Михайлович и оставался до последнего своего часа.

Многие годы Г. М. Воронцов-Вельяминов и его жена поддерживали дружеские отношения с ленинградской художницей Е. В. Бианки, дочерью известного писателя, и ее мужем А. А. Ливеровским, членом Союза писателей СССР. В 1961 году Елена Витальевна вместе с Георгием

Михайловичем ездили в Михайловское. Супруги встречались с Воронцовыми-Вельяминовыми и в следующие их приезды, однажды возили гостей в лесной заказник, где вместе с ними, сидя у костра, любовались красотой и мощью северного леса.

В ноябре 1982 года по приглашению Воронцовых-Вельяминовых Е. В. Бианки и А. А. Ливеровский собрались к ним в гости. Перед их отъездом во Францию я встретился с Еленой Витальевной, просил передать сердечный привет Георгию Михайловичу и Тамаре Васильевне, выяснить ряд вопросов, привезти нужные мне фотографии для новой книги.

Когда через два месяца я снова побывал у Бианки и Ливеровского, меня ждала горестная весть: не стало Георгия Михайловича. Из рассказа Елены Витальевны узнал, что супруги провели во Франции незабываемых 40 дней. И почти все это время они находились в обществе Георгия Михайловича — человека деятельного, неутомимого, умного, тактичного. Он и его брат Владимир Михайлович, также исключительно радушный и внимательный, показали гостям несколько старинных городов и местечек, величественные храмы, замки-музеи. По дороге заехали в Музей почты в Амбуазе, где в специальной витрине выставлены пистолеты, из которых стрелялись Пушкин и Дантес... Побывали у многих других французских потомков Пушкина. Вечерами Г. М. Воронцов-Вельяминов знакомил своих ленинградских друзей с собственной библиотекой, в которой солидное место занимают сочинения его знаменитого предка и книги о нем; показывал собранные им пушкинские сувениры, любопытные семейные бумаги...

— Двадцатого декабря мы ездили в Фонтенбло, — с волнением вспоминала Елена Витальевна. — Как всегда, получили большое удовольствие. Увидели много нового, занимательного. Переполненные впечатлениями дня, радостно-возбужденные, мы вернулись вечером в Париж. Высадив нас возле дома, Георгий Михайлович долго искал место, где можно было бы поставить машину (в Париже сделать это трудно: слишком много автомобилей на стоянках). Потом и он вернулся домой. Сели ужинать. И вдруг Георгий Михайлович почувствовал себя плохо. Вызвали врача, затем «Скорую медицинскую помощь». Но в госпитале, куда доставили Георгия Михайловича, ему ничем уже не смогли помочь — через несколько часов, во время подготовки к операции, он скончался от разрыва аорты.

В течение трех дней тело покойного отпевал священник русской православной церкви в Ванве — предместье Парижа — отец Сергей Шевич. С ним Г. М. Воронцов-Вельяминов, как прихожанин, был знаком и даже дружен. А последнее, перед погребением, богослужение вместе с отцом Сергием совершал и отец Николай Солдатенков — единственный в мире потомок Пушкина в священническом сане.

Похоронили Георгия Михайловича на том самом русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, где в начале 50-х годов были преданы земле останки его родителей. Через десять дней старшая дочь Г. М. Воронцова-Вельяминова, Анна Георгиевна, приехавшая на похороны отца из Италии, писала автору книги: «На папин гроб мама бросила щепотку русской земли с могилы Александра Сергеевича».

* * *

А. Г. Воронцова-Вельяминова (в замужестве Тури) — женщина одаренная. И судьба ее незаурядна. Окончив в Париже среднюю школу, семнадцатилетняя Аня уехала в Англию, где в течение года служила в строительной конторе, с директором которой был хорошо знаком ее отец. В семье директора она и жила, лишь на праздники уезжала домой, в Париж. В конторе Аня писала и переводила на французский язык деловые письма.

Вернувшись затем к родителям, Анна Георгиевна поступила в Парижский университет. В двадцать лет блестяще окончила филологический факультет, а еще через год заняла первое место в конкурсе (agregation) девушек-лингвистов (конкурс для мужчин проводился отдельно), претендовавших на право преподавать русский язык в лицеях и университетах. Причем Анна Георгиевна была самой молодой участницей этого ответственного конкурса.

Получив направление в Тулузский лицей, А. Г. Воронцова-Вельяминова работала там всего год. Выйдя замуж за итальянца, она поселилась во Флоренции. Чтобы получить диплом Флорентийского университета, она должна была сдать несколько экзаменов и защитить исследовательскую работу на итальянском языке о русском писателе Алексее Михайловиче Ремизове (1877—1957), с 1921 года жившем в эмиграции.

В настоящее время Анна Георгиевна — синхронная переводчица на различных конгрессах во Флоренции

(переводит с итальянского, английского и русского языков на французский). Тонкий специалист по русской филологии, А. Г. Воронцова-Вельяминова в совершенстве владеет русским языком, глубоко знает историю родины своего гениального предка, классическую русскую литературу, выдающиеся произведения советских писателей.

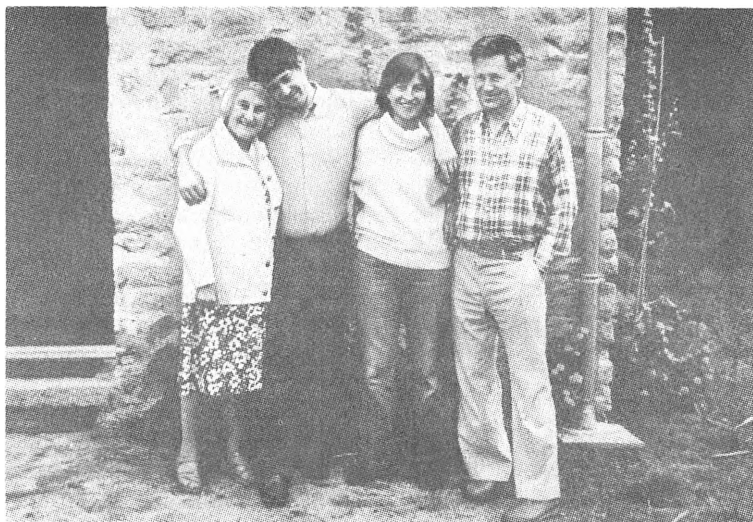
В Советском Союзе Анна Георгиевна была четырежды. Впервые Аня увидела Россию в 1962 году, когда по случаю блестящего окончания средней школы и присвоения первой ученой степени бакалавра, которая дает право поступления в университет, отец поощрил ее туристическим путешествием в нашу страну. Через два года она в составе группы французских студентов, изучавших русский язык, приехала в СССР по приглашению советских студентов, жила в общежитии Московского университета, знакомилась со столицей. В сентябре 1978 года А. Г. Воронцова-Вельяминова с десятилетней дочерью Катей гостила в Советском Союзе по приглашению друзей. В этот приезд потомки Пушкина посетили Михайловское.

Летом 1985 года Анна Георгиевна и ее мать, Тамара Васильевна, провели в Ленинграде почти месяц. О незабываемой встрече с ними в доме Е. В. Бианки и А. А. Ливеровского я подробно рассказал в предыдущей книге.

...С родителями Анна Георгиевна Воронцова-Вельяминова была всегда исключительно дружна. Отец и мать почти ежегодно отдыхали у нее во Флоренции, а она с детьми часто гостила у них в Париже. В феврале 1976 года Г. М. Воронцов-Вельяминов сообщал мне: «На рождество приезжала дочка из Италии со всей семьей... Наши маленькие итальянцы очень любят приезжать к нам в Париж. Дочка старается немного научить их по-русски».

Любимица отца, Анна Георгиевна унаследовала от него благоговейное отношение ко всему, что касается Пушкина. После смерти Георгия Михайловича она стремится сохранить в своей семье, наполовину уже нерусской, ставшее фамильной традицией преклонение перед талантом великого предка.

...Младшая дочь Г. М. и Т. В. Воронцовых-Вельяминовых, Надежда Георгиевна, тоже очень симпатичный человек. В разговоре со мною И. Е. Гибшман сердечно отозвалась о ней: «Мы полюбили друг друга с первых минут нашей встречи в Париже».

Владимир Михайлович Воронцов-Вельяминов, праправнук А. С. Пушкина, с женой Ниной Константиновной, дочерью Ольгой и сыном Михаилом. Фотография 1980 г.

Надежда Георгиевна окончила юридический факультет Парижского университета. Юрист по образованию и ее муж Николай Андреевич Бэр — полурусский-полуэльзасец. До свадьбы он совершенно не говорил по-русски, но потом с помощью жены и ее родителей немного научился языку своих русских предков, в семье Н. Г. и Н. А. Бэров, как и у А. Г. Воронцовой-Вельяминовой, двое детей.

* * *

Дочь В. М. Воронцова-Вельяминова, Ольга Владимировна, окончила в Париже два университетских курса — русского языка и психологии. Она длительное время работала в Парижском педагогическом научно-исследовательском центре, где занималась проблемами детской психологии раннего возраста. Теперь продолжает свою исследовательскую деятельность в Нанте. Периодически ездит за границу на научные конференции. Была в США, Бразилии, Португалии, во многих других странах Европы. Ее муж, Христиан Бодело, с 1966 по 1978 год преподавал в университете в городе Лилле, затем перешел на работу в Национальный институт экономики и

статистики. В 1982—1983 годах он был профессором Государственной школы статистики и одновременно директором лаборатории, занимающейся изысканиями, связанными с положением рабочего класса во Франции. В январе 1984 года доктор социологических наук, профессор Христиан Бодело получил назначение в город Нант на должность заведующего первой во Франции кафедрой социологии. В том же году в Нант переехала его семья. Профессор Бодело читает курс статистики и в Париже.

Михаил Владимирович Воронцов-Вельяминов, высокий, крепко сложенный и обаятельный человек, живет в Конкарно. Он окончил исторический факультет Парижского университета, но работает по другой специальности. Пройдя подготовку директоров баз парусного мореплавания, Михаил Владимирович через три года возглавил Морской институт в Бретани. Его жена, Шанталь, окончила школу сестер милосердия, работает в госпитале.

М. В. Воронцов-Вельяминов собирает русские книги и русские пластинки. По-русски он говорит свободно и грамотно, но стесняется: ему кажется, что родной язык знает недостаточно хорошо. В беседе с Ириной Евгеньевной Гибшман Михаил Владимирович с гордостью признался, что на его долю выпала честь особого рода — быть одним из потомков Пушкина...

Лекарств от ностальгии нет

Уже в детские годы Анечка Быкова чудесно играла на фортепьяно. Ее незаурядные способности к музыке родители всячески развивали. Дарование юной правнучки Пушкина заметили профессора Киевской консерватории, и ее приняли учиться по классу рояля — вне конкурса. Лучшие педагоги консерватории предсказывали Быковой блестящую музыкальную будущность. Восторженно отзывался о таланте Анны Николаевны и дирижер Полтавского оперного театра Александр Гаврилович Ерофеев, впоследствии заслуженный деятель искусств РСФСР, некоторое время дававший ей уроки теории музыки. Он называл свою ученицу «восходящей звездой в музыкальном искусстве».

Еще во время первой мировой войны, когда в Полтаве силами местных артистов и талантливой молодежи из

любителей устраивались концерты, весь сбор с которых шел в пользу раненых воинов и их семейств, Анна Быкова выступала как пианистка. По воспоминаниям ее сестры Т. Н. Галиной, «на публику производило большое впечатление, когда на эстраду выходила почти девочка (она была тогда еще гимназисткой) и прекрасно исполняла трудные классические произведения русских и иностранных композиторов. Ее выступления всегда сопровождалась большим успехом». Однажды известный музыкант, с наслаждением слушавший Анну Николаевну на концерте, сказал своим коллегам: «Эта барышня так же грациозно играет прелюдии Рахманинова, как грациозна она сама».

Оказавшись в 1919 году во Франции, А. Н. Быкова некоторое время еще блистала как музыкант-исполнитель. Живший тогда в Париже известный русский певец Александр Николаевич Вертинский неизменно приглашал ее в качестве пианистки на все свои концерты в городах Франции. Анна Николаевна аккомпанировала ему и во время его гастрольных выступлений в странах Европы и Америки.

Потом наступило столь обычное, почти неизбежное оскудение таланта на чужой стороне. Популярность Вертинского стала быстро угасать — успех вернулся к Александру Николаевичу лишь в годы Великой Отечественной войны, когда Советское правительство разрешило ему вернуться на Родину. Оторванная от родной русской почвы, правнучка Пушкина тоже погубила свое яркое музыкальное дарование. Эмиграция и ее порождение — ностальгия сделали свое черное дело...

В Париже Анна Николаевна познакомилась с графом Н. Е. Апраксиным — потомком известного сподвижника Петра I Федора Матвеевича Апраксина, генерал-адмирала, командовавшего русским флотом в Северной войне 1700—1721 годов. В 1926 году они обвенчались.

Николай Евгеньевич, будучи уже женат, окончил политехнический вуз и некоторое время служил в Париже, но затем, оставив во Франции старую мать, в 1932 году вместе с женой и двумя малолетними детьми переехал в столицу Марокко — Касабланку. Там супруги и прожили вместе около четырех десятилетий.

Сначала глава дома работал на заводе инженером-электриком. Потом, собрав небольшой капитал, открыл собственную мастерскую по ремонту холодильников. Но мастерская приносила мизерный доход и надежд графа

Апраксина не оправдала: материальное положение семьи не улучшилось.

Шли годы. Сын Петр, неудачно женившись на испанке Кристиан Гарсиа, через несколько лет разошелся с нею и уехал во Францию. В начале 1970-х годов он работал техником на судостроительном заводе в Канне. А дочь Мария, жившая с мужем Клодом Морильо в Западной Африке (Берег Слоновой Кости), к середине 1960-х годов развелась с ним, вернулась в столицу Марокко и накрепко прилепилась к родительскому дому. Немолодому уже Николаю Евгеньевичу пришлось содержать и красивую, но неудачливую дочь, и прелестных внучек.

...В июле 1965 года советский транспортный рефрижератор «Тайфун» остановился в порту Касабланки. Потребовался переводчик — и на палубу поднялся высокий худощавый старик. «Граф Апраксин из Балаклавы», — с достоинством отрекомендовался он. На борту рефрижератора оказалась уроженка Балаклавы Валентина Александровна Вилкова, член судового экипажа, впоследствии капитан торгового судна. Граф-эмигрант и молодая женщина из Советского Союза разговорились. В беседе принимала участие и Анна Николаевна Апраксина. Она и сама пришла вместе с мужем, и внучек-подростков привела: Анне была двенадцать лет, а Елене шел одиннадцатый год.

Узнав, что А. Н. Апраксина — правнучка великого русского поэта, капитан «Тайфуна» попросил ее выступить перед личным составом. Весь экипаж внимательно слушал Анну Николаевну. Правда, она очень волновалась, да и говорила не столько о Пушкине, сколько о превратностях собственной судьбы, о том, как ее мужу и ей самой грустно, одиноко жить вдалеке от России¹.

На память о встрече вся команда рефрижератора сфотографировалась вместе с Апраксиными. Анна Николаевна, Николай Евгеньевич и их внучки сидят в первом ряду, рядом с капитаном «Тайфуна». Этот уникальный снимок В. А. Вилкова прислала мне.

Через год туристский маршрут привел в Касабланку и советский теплоход «Армения». Во время осмотра древнего собора к группе экскурсантов подошла пожилая супружеская пара, аккуратно, но старомодно одетая. Дама спросила, нет ли среди советских туристов кого-нибудь из Одессы. Получив утвердительный ответ, Анна Николаевна (читатель, наверное, уже догадался, что это была она) со смехом добавила: «Я — буржуйка, в восемнадцатом году бежала из Одессы». И начался диалог по душам.

В тот же день, вечером, граф Н. Е. Апраксин пришел на теплоход «Армения». Невеселым оказался его рассказ о своем заграничном житье-бытье... По свидетельству туристки этой группы Ирины Иннокентьевны Александровой, инженера-путейца из Одессы, «граф приходит на все советские суда, его знают и пускают. Он смотрит наши кинофильмы и очень тоскует по родине»².

Осенью 1969 года Николая Евгеньевича не стало. Вскоре после смерти мужа Анна Николаевна переехала во Францию, где одиноко доживала свой век в доме для престарелых русских эмигрантов в Ганьи, под Парижем. Скончалась в феврале 1986 года в возрасте 89 лет, похоронена на центральном кладбище в Ганьи.

Судьба графа и графини Апраксиных — явление типичное в среде эмигрантов. Лишившись отечества — самого дорогого, что может быть у человека, эти люди обрекли себя на жизнь в чужих краях и, как правило, впоследствии страдали острыми приступами ностальгии. И никто не в состоянии помочь им избавиться от неизлечимого «заболевания» — тоски по утраченной родине. Ведь лекарств от ностальгии не существует.

Пушкины в Брюсселе

Судьба Александра Николаевича Пушкина, правнука поэта, складывалась необычно. Родился он в Туле, жил во многих других русских городах — по месту службы отца, Н. А. Пушкина. Через несколько лет после революции, когда Саша был еще ребенком, родители покинули Россию. Вместе с отцом и матерью мальчик оказался вначале в Турции, затем в Сербии и, наконец, в Бельгии: там Пушкины-старшие осели в 1923 году.

При поддержке бельгийского кардинала Дезире Мерсье (1851—1926) Александр Пушкин и его сестра Наталья были помещены в одно из лучших учебных заведений Брюсселя. В начале 1930-х годов Александр Николаевич работал вместе с отцом в Брюссельском банке. В столице Бельгии он встретил и свою будущую жену — Луизу Аммель, полуфламандку-полурусскую. В июне 1940 года, когда немецко-фашистские войска уже хозяйничали в Бельгии, Александр Пушкин и Луиза Аммель справили свадьбу. Полтора года спустя у них родился сын Саша — Александр Александрович Пушкин, единственный в наши дни зарубежный потомок поэта по прямой мужской линии.

...После 1945 года Александр Николаевич Пушкин поступил на работу в редакцию бельгийской газеты «Спорт» и проработал там почти четверть века, вплоть до скоропостижной смерти летом 1968 года. Был он не «директором издательства спортивной газеты», как ошибочно полагал М. Л. Поляновский¹, и не журналистом, а счетным работником. Об этом сообщалось в некрологе, опубликованном в газете «Спорт», и в некоторых других печатных источниках.

При встрече с Поляновским в 1965 году Александр Николаевич говорил, что он немного помнит деда, генерала А. А. Пушкина, когда тот еще в Туле читал ему, в ту пору мальчику трех-четырёх лет, сказки Пушкина и рассказывал о своем гениальном отце.

Макс Леонидович сообщил мне любопытный эпизод, связанный с его пребыванием в Брюсселе:

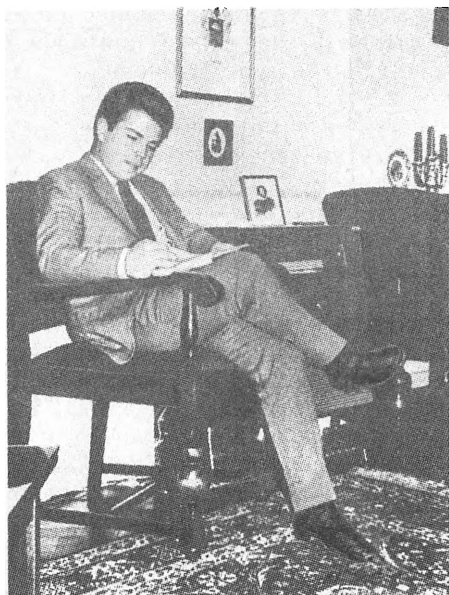
— Из гостиницы, где остановилась наша писательская делегация, я раз десять звонил Александру Николаевичу Пушкину и домой, и на работу. А потом оказалось, что должен уплатить за пользование телефоном 25 франков. Счет предъявили перед нашим отъездом в Советский Союз. Как на беду, ни у меня, ни у других писателей денег уже не было. Мои коллеги стали подтрунивать надо мной: «Пусть Пушкин платит...» Спасибо доброму бельгийцу — шоферу автобуса: выручил, дал денег. А то стыдно было бы. Ведь администрация гостиницы могла заявить в советское посольство: Поляновский, мол, уехал домой должником...

В семье бельгийского правнука Пушкина М. Л. Поляновскому показали два портрета Н. Н. Пушкиной, написанных ее внуком Николаем Александровичем Пушкиным, отцом А. Н. Пушкина, и им же выполненные многочисленные рисунки. Через семнадцать лет сын А. Н. Пушкина, Александр Александрович, прислал мне цветные фотографии обоих портретов, хранящихся теперь у него. К нему же, А. А. Пушкину, после смерти отца перешла огромная семейная коллекция печатных материалов о Пушкине. «Из газет всего мира», — подчеркнул в одном из писем ко мне Александр Александрович. Эту коллекцию начал собирать в 1924 году его дед, Николай Александрович, а затем собирал отец, Александр Николаевич. У Пушкина-младшего находятся и некоторые другие фамильные вещи, в том числе памятный кусок сосны, стоявшей «на границе владений дедовских» в Михайловском при жизни поэта.

Александр Александрович бережно сохраняет и под-

Александр Николаевич Пушкин, правнук А. С. Пушкина. Фотография 1958 г.

Александр Александрович Пушкин, праправнук А. С. Пушкина. Фотография 1960 г.

линный портрет Пушкина работы художника Евгения Фаберже, сына и внука знаменитых петербургских ювелиров, преподнесенный им потомкам Пушкина в 1937 году в Париже, и хорошие копии других его портретных изображений. На стене одной из комнат квартиры — фамильный герб Пушкиных. Он нарисован американским художником Демпсеем Карроллом и им же прислан бельгийским наследникам поэта.

Саша Пушкин с детских лет «нетерпеливою душой» тянулся ко всему пушкинскому. Он впитывал в себя стихи и прозу Пушкина, факты его биографии и семейные рассказы о нем; знакомился с историей России, взрастившей поэта. Чтение произведений Пушкина для бельгийского праправнука поэта, по его собственному признанию, уже в юности было не только постижением великого классика-предка, но и «открытием России, открытием русского характера». Особенно много в этом отношении значили для Александра Александровича пушкинские «Медный всадник» и «Капитанская дочка».

— Насколько я помню себя, — говорил А. А. Пушкин корреспонденту «Известий» В. Кузнецову в 1970 году, — я всегда жил в атмосфере почитания великого прапрадеда и всего русского. Отец бережно хранил семейные предания, у нас даже сохранилась старинная книга родословной Пушкиных. С детства меня учили русскому языку. Очень трудно давались падежи — летом, когда был маленький, частенько прятался от мамы, чтобы не писать диктанты и сочинения².

А. А. Пушкин окончил Брюссельский университет. Специалист по электронике, он не смог, однако, найти работу по своему профилю и служит на одном из предприятий Брюсселя не по специальности.

В январе 1969 года Александр Александрович женился на троюродной племяннице — Марии Александровне Дурново. Это единственный в истории пушкинской семьи брак, когда оба супруга — потомки поэта. Семья сложилась крепкая, дружная. Мать А. А. Пушкина, Луиза Иосифовна недавно умерла. Александр Александрович и его жена Маша днем работают, а вечером занимаются на курсах русского языка, так как считают: «...наша русская орфография настолько плоха, что нам стыдно...» Письма советским школьникам, к примеру, они пишут по-французски, хотя с радостью сообщают им, что дома часто говорят и читают по-русски.

С автором этих строк Александр Александрович Пушкин переписывается только на русском языке. В его

Мария Александровна Пушкина (Дурново), прапраправнучка А. С. Пушкина. Фотография 1970 г.

письмах, конечно, не все гладко, стиль и орфография далеки от совершенства, но все-таки не скажешь, что эти послания написаны иностранцем.

С А. А. Пушкиным я знаком заочно лет двадцать. Александр Александрович помог мне уточнить ряд биографических сведений о бельгийских потомках Пушкина и членах их семей, в первую очередь о дедушке, бабушке, отце, матери и себе; прислал несколько интересных семейных фотографий, две из них были воспроизведены в одной из моих книг. Письма А. А. Пушкина, как правило, лаконичны. Но и в них он не забывает сообщить о прошлом семьи, о дне сегодняшнем своих близких.

Судя по письмам, которые я получаю изредка от бельгийского праправнука Пушкина, он человек мягкий, добродушный и, конечно же, искренне дорожающий своим кровным родством с Пушкиным. По рассказам М. Поляновского, В. Кузнецова и других людей, встречавшихся с А. А. Пушкиным в разные годы, он и внешне напоминает Александра Сергеевича — средним своим ростом, крепким сложением, живостью глаз.

Есть у Александра Александровича Пушкина заветная мечта, которую ему пока не удалось осуществить. Мечта эта — побывать в России, на родине Пушкина, и прежде всего в Москве и Петербурге, где так много живых, волнующих следов бессмертной жизни гения...

Корни русские — характер английский

Как уже рассказывалось в одной из глав книги, внучка поэта графиня София Николаевна Меренберг в 1891 году стала женой великого князя Михаила Михайловича — внука российского императора Николая I и получила титул графини де Торби. Поскольку царствовавший тогда Александр III не признал их брачного союза и объявил его «недействительным», супруги вынуждены были избрать Англию местом своего дальнейшего пребывания.

За прошедшие с тех пор сто лет английское потомство Пушкина широко разветвилось и в наши дни насчитывает более сорока человек, включая умерших.

В теперешней Великобритании потомки поэта занимают особое, привилегированное положение. Разумеется, произошло это не потому, что в их жилах есть еще капля русско-африканской крови Пушкина. Решающее влияние на судьбу английских потомков поэта оказало, безусловно, то, что к пушкинской крови примешалась кровь императорской династии, вследствие чего они вступили в отношения родства едва ли не со всеми дворами Европы, включая и королевский дом Великобритании.

...София Николаевна де Торби и великий князь Михаил Михайлович многие годы жили в усадьбе Кенвуд, расположенной посреди огромного и живописного паркового массива в северо-западной части Лондона. Теперь в их доме размещена картинная галерея.

В ноябре 1916 года младшая дочь графини де Торби, Надежда Михайловна (или — на английский манер — Нада), вступила в брак с германским принцем Георгом (Джорджем) Баттенбергом. С 1917 года он носил фамилию Маунтбеттен (буквальный перевод на английский язык его прежней немецкой фамилии). С 1 июля того же года он, как наследник отца, граф Медина, а с 11 сентября 1921 года (после смерти отца) 2-й маркиз Милфорд-Хейвен. Титул маркизы Милфорд-Хейвен получила и Надежда Михайловна. Впрочем, в высшем

Надежда Михайловна де Торби, правнучка А. С. Пушкина, с мужем Георгом Баттенбергом. Фотография 1916—1917 гг.

лондонском свете она и в дальнейшем больше была известна как графиня де Торби.

Во время первой мировой войны и в течение десяти послевоенных лет маркиз Милфорд-Хейвен, человек значительных способностей, служил офицером в королевском флоте, потом занялся коммерческой деятельностью. А маркиза Нада, как отмечалось в посвященном ей некрологе, «была необыкновенно обворожительна и занимала... выдающееся место в английском обществе эпохи Эдуарда <VIII>»¹. О редкой красоте Надежды Михайловны можно судить по ее фотопортретам, воспроизведенным в журнале «Столица и усадьба» в 1916 и 1917 годах².

В одном английском источнике 1913 года сообщалось, что графиня Нада Торби «высокого роста, брюнетка» и что она отличалась «исключительным красноречием и очарованием». «Воспитанная в Англии,— читаем далее,— она говорит по-английски, как прирожденная англичанка; играет в теннис, хоккей и гольф так хорошо, что может победить своего отца — великого князя (он сам прекрасный игрок в гольф); она хорошая актриса, забавно поет шансонетки и имела большой успех в Каннах на благотворительном вечере...»

Супруги Милфорд-Хейвены жили вначале в Кенвуде. Затем их домом стало поместье Линден, близ Мейден-

хеда. Правда, Надежда Михайловна часто подолгу находилась за границей. Она отдыхала на лучших европейских курортах или сопровождала свою бирманскую золотку, леди Маунтбеттен, в ее зарубежных путешествиях.

Сестра маркиза Милфорд-Хейвена, с которой подружилась леди Нада,— мать греческого принца Филиппа. После того как 25 марта 1924 года в Греции была провозглашена республика и в положении королевской семьи наступили резкие перемены, юный отпрыск знатной греческой фамилии оказался в Англии. У своего высокопоставленного дядюшки маркиза Милфорд-Хейвена и его супруги мальчик обычно проводил воскресные дни. Своим воспитанием он обязан в первую очередь им.

В Великобритании бывший греческий принц Филипп получил титул герцога Эдинбургского. 20 ноября 1947 года он стал супругом принцессы Елизаветы, которая пять лет спустя вступила на английский престол.

Благодаря браку племянника по мужу с королевой Елизаветой II Надежда Михайловна Милфорд-Хейвен, правнучка великого русского поэта, еще больше приблизилась ко двору. Кстати, одним из шаферов на свадьбе их королевских высочеств Елизаветы и Филиппа был ее сын Дейвид Майкл Маунтбеттен, 3-й маркиз Милфорд-Хейвен, участник второй мировой войны.

Интересно отметить, что деверь леди Нады — Луис Маунтбеттен (1900—1979), младший брат ее мужа, также участвовал во второй мировой войне и впоследствии был видным английским военным и государственным деятелем, вице-королем Индии. Не случайно он снят в советском кинофильме «Память» (поставлен Г. Н. Чухраем* в 1970 году). Каждый, кто смотрел этот фильм, вероятно, помнит высокую фигуру британского адмирала лорда Маунтбеттена и его умную, почувствованную речь, в которой он воздал должное подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне, в том числе сражениям на Волге.

Дейвид Майкл Маунтбеттен умер в 1973 году. Двое взрослых сыновей его от второго брака, Джордж Айвар Луис и Айвар Александр Майкл, живут в Лондоне. О сестре Дейвида, Татьяне Элизабет Маунтбеттен, знаю только, что она родилась в декабре 1917 года и умерла в мае 1988 года.

Возвращаясь к рассказу о правнучке Пушкина Надежде Михайловне, маркизе Милфорд-Хейвен, должен сказать, что она, как и ее старшая сестра, Анаста-

сия Михайловна, или Зия (о ней речь впереди), хоть и прожила всю жизнь в Англии, свободно говорила и читала по-русски: языку своих предков сестры научились от родителей. Последующие поколения английских потомков поэта по-русски не говорят.

Овдовев в 1938 году, леди Нада жила уединенно, большей частью за границей. В январе 1963 года она скончалась во Франции, в Канне, где и родилась.

В свое время Надежда Михайловна сделала попытку вернуть в семью английских потомков Пушкина десять его писем к невесте Н. Н. Гончаровой. В одной из глав книги уже говорилось о том, что в конце 1920-х годов великий князь Михаил Михайлович, нуждавшийся в деньгах, продал эти письма антрепренеру С. П. Дягилеву, вскоре умершему. Коллекция Сергея Павловича стала собственностью французского правительства, которое решило распродать ее частным лицам. Самую ценную часть собрания, в том числе письма Пушкина, купил в рассрочку бывший танцовщик, а затем балетмейстер труппы Дягилева Сергей Михайлович Лифарь. Неустанным трудом зарабатывая деньги на сцене парижской «Гранд-Опера», он долгие годы рассчитывался с правительством за дягилевское сокровище. В 1956 году в Лондоне гастролировал московский Большой театр. На одном из его спектаклей в «Ковент-Гардене» присутствовала и Надежда Михайловна Торби. Встретив во время антракта Лифаря, она предложила ему продать пушкинские письма английским потомкам поэта. Но Сергей Михайлович категорически отказался от этой торговой сделки.

Четверть века спустя Николас Филипс, внучатый племянник Нады Милфорд-Хейвен (внук ее сестры Зии Уэрнер), прапраправнук Пушкина, еще раз просил Лифаря о том же. И снова тщетно... Через два года после смерти знаменитого балетмейстера советское правительство приобрело эту коллекцию писем Пушкина за миллион долларов. 31 января 1989 года в Министерстве культуры СССР состоялась церемония передачи двенадцати писем поэта Институту русской литературы*.

...Младшим в семье графини Софии Николаевны де Торби и великого князя Михаила Михайловича был сын Михаил. Как сообщалось в некрологе, граф Михаил де

---

* Кроме десяти писем Пушкина к Н. Н. Гончаровой и одного к Н. И. Гончаровой, писанных по-французски, в собрании Лифаря оказалось еще одно письмо поэта — к А. И. Беклешовой (написано по-русски).

Торби «сохранил манеры и внешность своих предков: его тонкое бледное лицо, высокий лоб и большие глаза, как и умение хорошо одеваться, напоминали традицию великих князей»³.

Британское подданство Михаил Михайлович принял только в 1938 году, когда ему было уже сорок лет. Собственной семьи он не имел и потомства не оставил. Жил граф де Торби в доме сестры Зии Уэрнер. Скончался в 1959 году, шестидесяти лет от роду.

Михаил Михайлович воспитывался в Итонском колледже. Он был одаренным художником, его работы отличались «приятными красками и свободным стилем». Особое пристрастие правнук Пушкина питал к китайским сюжетам и свои произведения создавал в основном на рисовой бумаге в тонком китайском стиле. Он был также известным в Англии коллекционером китайского фарфора, который нередко изображал на натюрмортах.

Долгую, интересную жизнь прожила старшая сестра Надежды Михайловны и Михаила Михайловича де Торби, графиня Анастасия Михайловна (Зия) де Торби и оставила довольно обширное потомство.

Анастасии Михайловне было около двадцати пяти лет, когда она вышла замуж за баронета Харолда Огастеса Уэрнера — второго сына известного в Англии алмазного магната Юлиуса Уэрнера, в прошлом германского подданного. Бракосочетание жениха и невесты состоялось в придворной церкви Сент-Джеймского дворца. Это было в июле 1917 года. В 1920-х годах Харолд Уэрнер имел чин майора, позднее (с 1944 года) он генерал-майор. Преуспевающий бизнесмен, Уэрнер длительное время был председателем правления компаний «Электролюкс» и «Плесси Электроник».

Первого сентября 1917 года, то есть вскоре после свадьбы Уэрнеров, король Георг V специальным указом приравнивал леди Зию, как старшую дочь графини де Торби и великого князя Михаила, во всех гражданских правах с дочерьми английских пэров. Королевская семья и в дальнейшем проявляла к ней подобное же благоволение. Так, в 1946 году Анастасию Михайловну наградили орденом Британской империи 4-й степени, а через десять лет — орденом Британской империи 2-й (офицерской) степени.

Большую часть жизни Зия Уэрнер прожила в поместье Лутон Ху, под Лондоном, которое принадлежало ее мужу с 1945 года, после смерти его матери

(отец умер раньше, в 1912 году). В роскошном дворце Уэрнеров не раз гостили члены королевских фамилий многих европейских государств. В нем и сейчас хозяева принимают своих знатных гостей. Замок-музей открыт и для публики.

Анастасия Михайловна и Харолд Уэрнер были большими любителями и знатоками скаковых лошадей. Им принадлежал знаменитый конь Браун Джек, многократно получавший первые призы за мировые рекорды. Супруги поддерживали скачки крупными денежными суммами.

В годы второй мировой войны в Лутон Ху находился один из штабов действующей английской армии, а сама Зия Уэрнер возглавляла службу «Скорой медицинской помощи» воинам. Ее сын, Джордж Майкл Александр Уэрнер, как уже указывалось прежде, в декабре 1942 года пал в бою с фашистскими захватчиками. Праправнуку Пушкина шел двадцать пятый год...

В 1973 году сэр Харолд Огастес Уэрнер умер, и владелицей Лутон Ху стала его вдова. В замке-музее, состоящем из десятков залов, собраны колоссальные художественные ценности. В картинной галерее — полотна Рубенса, Бермеджа, Гольбейна-старшего, итальянских мастеров XV—XVI веков. Богатейшие коллекции ювелирных изделий и бронзы, итальянской майолики эпохи Возрождения, немецкого серебра...

Еще при жизни леди Зии и ее стараниями в Лутон Ху была подготовлена экспозиция двух «русских комнат» — единственный в своем роде музей русской культуры в Англии. В первой из этих комнат много материалов, посвященных Пушкину. Среди них — портрет поэта работы Евгения Фаберже, выполненный в 1931 году по заказу Зии Уэрнер. Все, кому посчастливилось побывать в Лутон Ху, обращали внимание на то, что по соседству с пушкинским портретом, на противоположной стене, висит (будто по иронии судьбы!) большой — в полный рост — портрет Николая I. Для владельцев замка и тот и другой — чтимые предки.

В экспозиции находятся список пушкинской оды «Вольность», сделанный неизвестным лицом, очевидно, при жизни поэта, копия карандашного рисунка Натальи Ивановны Фризенгоф «Дети Пушкина» (1841), золотые медали в честь Пушкина, отлитые в 1899 и в 1937 годах.

Тут же выставлено придворное платье русской работы, в котором графиня София Николаевна де Торби,

внучка Пушкина и мать леди Зии Уэрнер, представлялась королеве Виктории в 1897 году. В центре зала — копия «Медного всадника», высотой в полметра, отлитая в 1845 году в Англии из серебра.

Во второй «русской комнате» собраны копии широко известных живописных портретов Пушкина и Натальи Николаевны, мраморный бюст и фотографии их младшей дочери — графини Н. А. Меренберг, фотопортреты внучки поэта Софии де Торби и великого князя Михаила Михайловича, снимки нынешних английских потомков Пушкина...

В апреле 1961 года Зия Уэрнер приезжала в Советский Союз. В те дни весь мир облетела радостная весть: гражданин СССР Юрий Алексеевич Гагарин впервые в истории человечества совершил полет в космос на космическом корабле «Восток». В Москве английская правнучка Пушкина оказалась свидетельницей того, как советский народ чествовал своего первого космонавта. В Ленинграде Зия Уэрнер посетила Всесоюзный музей А. С. Пушкина, который размещался тогда в Зимнем дворце, музей-квартиру поэта на Мойке, место его роковой дуэли у Черной речки.

Эта почтенных лет седоволосая дама, русская по происхождению, англичанка по образу жизни и складу ума, привезла в дар Всесоюзному музею Пушкина редкие фотопортреты английских потомков поэта. А сотрудники музея подарили ей неизвестную в Англии фотографию Натальи Александровны Меренберг. Увидев незнакомое изображение бабушки, леди Зия изумленно ахнула: как похожи ее дочери — особенно старшая, Джорджина, — на свою прабабку, младшую дочь Пушкина!..

Правнучка поэта, никогда до того не бывавшая на родине своих предков по матери и отцу, многого в Советской России, конечно, не понимала. Но ее восхищало то, как бережно сохраняется в нашей стране все, что связано с именем Пушкина, с какой преданной любовью и благоговением относятся к поэту и стар и млад.

Седьмого декабря 1977 года английский поэт и переводчик Чарлз Джонстон, в прошлом видный дипломат, отправил по почте в Лутон Ху экземпляр только что вышедшего из печати собственного перевода «Евгения Онегина» на английский язык. Зная, что правнучка Пушкина высоко ценит этот роман, Джонстон хотел доставить ей радость. Но радость опоздала: в тот

Джорджина Филипс, праправнучка А. С. Пушкина. Фотография 1960-х гг.

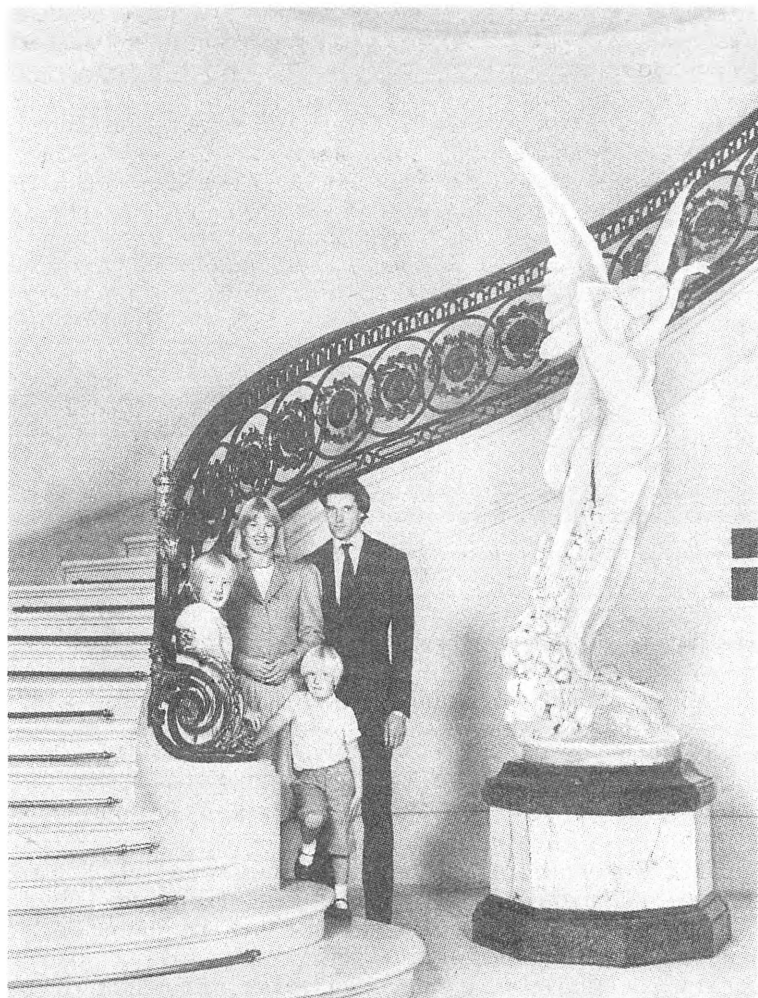
самый день восьмидесятипятилетней леди Зи не стало⁴.

Сейчас в Великобритании живут обе ее дочери, у каждой — по пятеро детей. Самым младшим из них уже за тридцать.

Старшая дочь Джорджины Филипс и полковника Харолда Педро Джозефа Филипса, Александра Анастасия, в 1966 году вышла замуж за одного из богатейших маркизов Великобритании Джеймса Хамильтона (сына 4-го герцога Аберкорнского), а младшая, Наталия Эйша, в 1978 году стала супругой Джеральда Кэвендиша Гросвенора, 6-го герцога Вестминстерского, также очень богатого и знатного, и получила титул герцогини Вестминстерской. Об этих свадьбах высокопоставленных новобрачных писали все английские газеты.

Второго ребенка герцогини Вестминстерской — дочь Эдвино Луизу Гросвенор, родившуюся в конце 1981 года, крестила принцесса Уэльская, жена принца Чарлза, наследника английского престола. Об этом широко сообщалось в английской прессе. Публиковался и сделанный королевским фотографом снимок герцогини Вестминстерской с дочерью⁵. А сама Наталия Эйша является крестной матерью принца Уильяма, внука королевы Елизаветы.

Николас Харолд Филипс, прапраправнук А. С. Пушкина, с женой и детьми. Фотография 1988 г.

Эти факты свидетельствуют о том, что родственные связи английских потомков Пушкина с королевским домом продолжают укрепляться, возрастает и их престиж в большом лондонском свете.

Сын Джорджины Филипс, Николас Харолд, до своей кончины в феврале 1991 года являлся хозяином родового поместья Лутон Ху. Оно известно в истории с XIII века. В 1903 году усадьба была приобретена у прежних владельцев сэром Юлиусом Уэрнером — отцом баронета Харолда Огастеса Уэрнера, прадедом Николаса Харолда. Николас Филипс, очень высокий, стройный, светло-волосый, истинный британец по внешности, ничем не напоминал Пушкина и характером, своей внутренней сущностью. В круг его повседневных забот входило поддержание порядка в поместье, на ферме и в музее, который пользуется большой популярностью в Англии. Но сэр Филипс занимался также предпринимательской деятельностью в текстильной и нефтяной промышленности, разведением скаковых лошадей.

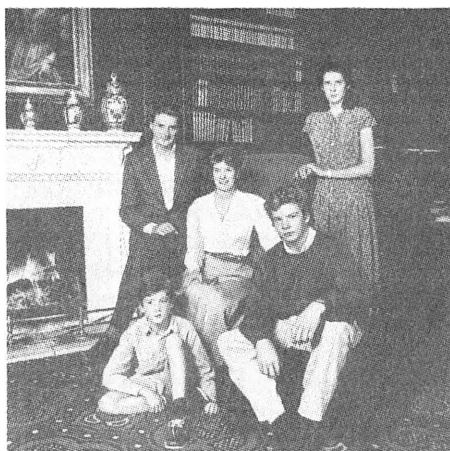
— Профессиональные интересы мои далеки от поэзии, как видите,— говорил Н. Филипс В. А. Скосыреву, корреспонденту «Известий», в 1982 году.— Но я, как и все в нашем семействе, горжусь, что наша родословная восходит к Пушкину.

Хотя Николас Филипс русским языком не владел, он был знаком со многими произведениями Пушкина в английском переводе. Прапраправнук поэта считал, что, читая «Евгения Онегина» и «Капитанскую дочку», он узнавал Россию пушкинской поры, постигал дух русской нации.

В начале 1980-х годов сэр Филипс побывал в Ленинграде. Эта поездка дала ему много новых знаний — и о Пушкине, и об истории России, и о складе русского характера...

В середине мая 1988 года посетили Ленинград и три сестры сэра Николаса — герцогиня Александра (Саша) Анастасия Аберкорн, Фиона Мерсидес Бернет оф Лиз и Марита Джорджина Кроли. Для встречи с ними — по их просьбе — я специально приезжал в Ленинград.

Наше знакомство состоялось в музее-квартире А. С. Пушкина на набережной Мойки, 12. Несколько часов поистине дружеского общения с прапраправнучками поэта из Великобритании, мои бесконечные расспросы о судьбах современных английских потомков русского гения, столь же многочисленные вопросы сестер о том, как живут их советские родственники,— все это оста-

Александра Анастасия
Аберкорн, прапрапра-
внучка А. С. Пушкина,
с мужем и детьми. Фото-
графия 1988 г.

Английские потомки А. С. Пушкина Александра Аберкорн (справа),
Фиона Бернет (слева) и Марита Кроли (в центре) во дворе
музея-квартиры на набережной Мойки, 12, во время встречи со
своими ленинградскими родственниками Александром Данилевским,
его женой Юлией, Николаем Данилевским (второй слева), а также
автором и редактором книг о потомках великого поэта — В. М. Руса-
ковым и Э. Ф. Кузнецовой.

вило в душе самые добрые, радостные, на всю жизнь, воспоминания. Незабываем и наш совместный осмотр квартиры Александра Сергеевича.

Помню, с каким волнением и неподдельным интересом рассматривали сестры убранство дома их великого предка, как по-родственному участливо, с грустью воспринимали они рассказ экскурсовода о последних днях и часах Пушкина. Высокие, стройные, с тонкими талиями и лицами прибалток, они чем-то неуловимым портретно напоминали Наталью Николаевну Пушкину, свою прапрапрабабушку. (А может быть, те, кто был тогда рядом с английскими потомками поэта, желаемое принимали за действительное?!)

Мои спутники и я обратили внимание на то, с каким трогательным, благоговейно-восторженным чувством смотрела на книжные полки в кабинете Пушкина старшая из сестер — Александра Аберкорн. В мягком взгляде и открытом выражении лица этой симпатичной женщины, говорящей по-английски, было что-то русское... Чуть позже герцогиня Аберкорн сказала мне:

— В Ленинграде я уже второй раз. Впервые приехала сюда пятнадцать лет назад, когда мне было двадцать семь. Никогда не забуду первых впечатлений от музея на Мойке: умом и сердцем я сразу ощутила, будто и прежде бывала здесь — в квартире Пушкина все такое родное, близкое...

На следующий день я встретился с Александрой Аберкорн, ее сестрами Фионой и Маритой, а также их спутниками — туристами из Англии, среди которых были князь Георгий Владимирович Голицын (руководитель группы) и известная переводчица критических произведений Пушкина на английский язык Татьяна Марковна Вольф (они родились в России). Встреча произошла в гостинице «Европейская». Накануне прапраправнучки поэта допоздна сидели в гостиничном номере, где с помощью Татьяны Марковны готовили для меня предварительный перечень новых данных для родословной росписи потомков Пушкина, составленной мною в качестве приложения к настоящей книге. Там, в «Европейской», я и получил этот ценный список.

На следующей неделе мы снова были вместе целый день, но уже не в Ленинграде, а на Псковщине — в Михайловском, Тригорском и Святогорском монастыре-музее. Благодаря этим контактам с английскими потомками Пушкина, которые неизменно проявляли дружелюбие и сердечность, у меня, как и у других, роди-

лось ощущение, что пресловутый «железный занавес», еще совсем недавно разъединявший наши страны и народы, широко раздвинулся, открыв новые горизонты, а может быть, и исчез навсегда...

Это взаимное чувство новизны в отношениях в течение нескольких дней окрепло настолько, что при прощании сестры Александра, Фиона и Марита, урожденные Филипс, и их приятельница-друг Т. М. Вольф пообещали через несколько месяцев прислать основные биографические сведения обо всех нынешних английских потомках Пушкина. И слово свое сдержали. В конце декабря того же 1988 года из Лондона пришел объемистый пакет, в котором находились документальные материалы на английском и русском языках, а также прекрасные цветные фотографии почти всех живущих в Великобритании потомков поэта. Надо ли говорить о том, какой радостью был для меня этот предновогодний подарок!.. Честно признаюсь: содержимое пакета превзошло все мои ожидания и надежды. Впервые появилась возможность познакомить читателей с теми, кто в наши дни продолжает пушкинский род и в Англии, и в Шотландии, и в Северной Ирландии.

Праправнучка Пушкина Джорджина Филипс унаследовала профессиональные интересы матери — Зии Уэрнер: она президент Общества скорой помощи имени св. Иоанна, которое обслуживает не только Великобританию, но и 38 иностранных государств. Продолжая фамильные традиции, Джорджина занимается также разведением скаковых лошадей. Живет в Лондоне.

Ее старшая дочь — герцогиня Александра Аберкорн — психолог по образованию. Живет в Северной Ирландии. Последовательница школы швейцарского психолога Карла Густава Юнга (1875—1961), она помогает квалифицированными научными советами и рекомендациями многим своим соотечественникам, особенно тем, кто оказался в трудных жизненных обстоятельствах. Александра занимается и социологией, и проблемами экологии в Северной Ирландии. Она член совета знаменитой частной школы Хароу (Harrow)* для мальчиков. Кроме того, герцогиня учредила в Северной Ирландии призы имени Пушкина для детей до одиннадцати лет. Этими призами поощряются лучшие стихотворения и рассказы юных авторов. О «Пушкинских призах»

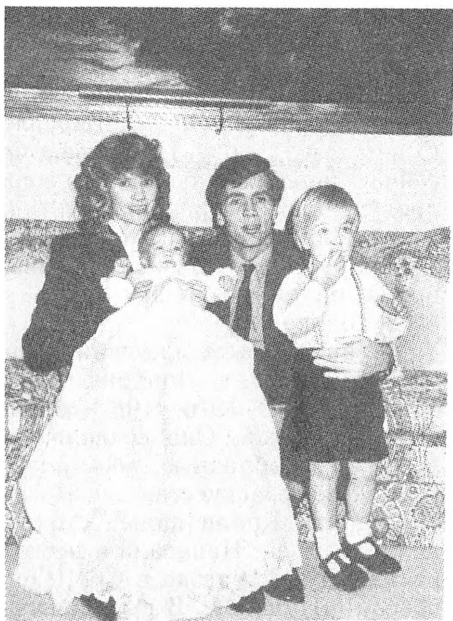
---

* В этой школе учились и поэт-романтик Джордж Байрон, и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Фиона Мерсидес Бернет
оф Лиз, прапраправнучка
А. С. Пушкина, с мужем
и детьми. Фотография
1983—1984 гг.

Марита Джорджина Кро-
ли, прапраправнучка
А. С. Пушкина, с мужем
и детьми. Фотография
1986 г.

герцогини Аберкорн хорошо знают во всех школах Великобритании, и они, эти призы, по достоинству получили высокую оценку общественности, педагогов и самих детей... Литературно одаренные ребята присылают свои первые произведения специальному жюри, в состав которого входят известные писатели. Именно они определяют победителей.

Цель этого творческого состязания юных — научить детей лучше понимать жизнь, шире видеть мир, помочь им развивать в себе добрые, гуманистические начала. Герцогиня Аберкорн мечтает о том, чтобы со временем учрежденные ею «Пушкинские призы» получили ранг международных. По ее замыслам, ребята из разных стран, в том числе из Советского Союза, должны совместно написать большую талантливую книгу...

Вторая дочь Джорджины, Фиона Бернет, жена состоятельного шотландского землевладельца-фермера Комина Амхерста Бернета оф Лиза, до замужества была математиком-программистом. В 1984—1985 годах она занималась сбором пожертвований от частных лиц для строительства роддома при больнице в Абердине (Шотландия). Было собрано 1,25 млн. фунтов стерлингов. Общественной деятельностью Фиона занята и теперь.

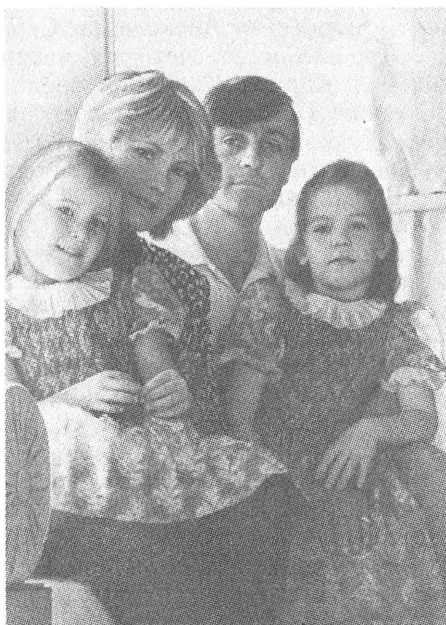
Как и ее сестры, Фиона Бернет читает русскую классику, в первую очередь Пушкина, в переводе на английский язык, так как русским никто из них не владеет. Сестры собираются изучить язык именитых русских предков. Это намерение окрепло после путешествия по Советскому Союзу. По словам Фионы, в Великобритании сейчас проявляют большой интерес к России. Многим она представляется страной романтической, с большим будущим.

— Нам, потомкам Пушкина, особенно неудобно не знать русского языка,— призналась Фиона Бернет во время одной из наших бесед. И сестры согласно кивали головой.

Марита Кроли, младшая из сестер, гостивших в нашей стране, живет в Лондоне. Она человек разносторонне одаренный. В 1976—1982 годах Марита была мимической артисткой. Она создала мимический центр в Лондоне — своеобразную школу танцев, драматического и мимического искусства.

Марита Кроли пишет стихи для современных молодежных песен. Написала и несколько сказок для детей. А незадолго до приезда в СССР она завершила работу над пьесой о Пушкине. В пьесе, высоко оцененной специали-

Наталья Эйша Вестминстер, прапраправнучка А. С. Пушкина, с мужем и дочерьми. Фотография 1988 г.

Майра Элис Баттер, праправнучка А. С. Пушкина, с мужем Дейвидом Хенри Баттером. Фотография 1988 г.

тами, речь идет о последнем, преддуэльном, периоде жизни и творчества Александра Сергеевича.

Прошло менее четырех месяцев после нашей встречи — и Марита Кроли овдовела: тридцативосьмилетний Рандал Стаффорд Кроли погиб в авиационной катастрофе. Их младший сын, Гален Рандал Джордж, родился через два месяца после трагической смерти отца.

В настоящее время Марита — директор общества искусств «Кроли Асквит лимитед» (Crawley Asquith Ltd) и директор балетной школы имени Мари Рамбер. Она же куратор фестивальной балетной школы.

С искусством связана деятельность и самой младшей из сестер Филипс — герцогини Наталии Эйши Вестминстер. Для поощрения поисков начинающих художников-дизайнеров в области создания новых форм промышленных изделий и внедрения их в производство герцогиня создала «Общество помощи молодым дизайнерам» в Итон Хол (Eaton Hall), которое ведет весьма плодотворную работу. Наталия Вестминстер и ее семья живут в Честере.

Живущая в Шотландии сестра Джорджины Филипс Майра Элис Баттер в годы второй мировой войны была еще совсем юной сестрой милосердия. В дальнейшем она посвятила себя активной деятельности в различных общественных организациях, которые оказывают помощь молодежи. Двадцать пять лет работала в международной детской организации Герл Гайдз (Girl Guides). В конце 1988 года Майра Баттер занималась сбором денежных средств для благотворительного общества имени герцога Эдинбургского. Всю жизнь увлекается садоводством.

Старшая дочь Майры Баттер, Сандра Элизабет Зия, замужем за американским адвокатом Уильямом Дейвидом Моррисоном. Живут супруги в Лондоне.

После окончания школы Сандра училась девять месяцев в Париже, затем посещала Школу мод Катинка в Лондоне. Свыше десяти лет (1965—1975) она занималась моделированием женской одежды. Разработанные ею уникальные модели через небольшой магазин, владельцем которого она была, поступали едва ли не во все страны мира.

Сандра Моррисон редактировала — совместно с другими редакторами — опубликованную в 1979 году книгу о лондонских садах. В наши дни она возглавляет исполнительный комитет друзей художественной Тейт галереи (Tate Gallery) в Лондоне, основанной в конце XIX века,

Сандра Элизабет Зия
Моррисон, прапраправ-
нучка А. С. Пушкина,
с мужем и детьми. Фото-
графия 1988 г.

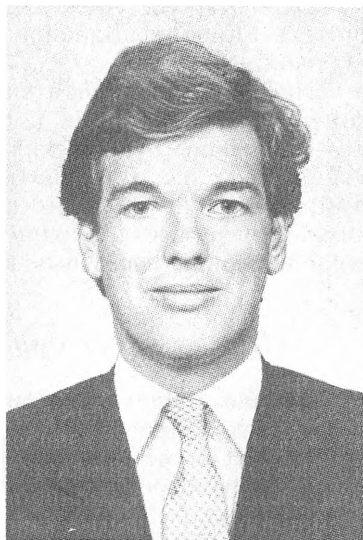
Мэрилин Дейвина Рэмзи, прапраправнучка А. С. Пушкина, с мужем
и детьми. Фотография 1988 г.

Розз Джорджина Голицына, прапраправнучка А. С. Пушкина, с мужем. Фотография 1988 г.

Джорджина Маргерит Пежашевич, прапраправнучка А. С. Пушкина, с мужем и сыном. Фотография 1988 г.

Чарлз Харолд Александр Баттер,
прапраправнук А. С. Пушкина.
Фотография 1988 г.

состоит членом комитета по спасению младенцев в госпитале имени св. Марии (Лондон), а также членом совета Общества по оказанию помощи русским эмигрантам.

Мэрилин Дейвина Баттер — жена лондонского банкира Джеймса Хьюберта Рэмзи. До замужества работала художницей в области дизайна интерьеров жилых зданий. Во время школьных каникул супруги Рэмзи и их дети уезжают в Ангус (Шотландия), где имеют собственный дом. Собираются перебраться туда на постоянное местожительство.

Розз Джорджина Баттер в мае 1988 года вступила в брак с Александром Питером (Александром Георгиевичем) Голицыным, который приходится ей дальним родственником со стороны царской династии Романовых. Александр Голицын — сын князя Г. В. Голицына, с которым я познакомился в Ленинграде. До замужества Розз была воспитательницей в детском саду. Потом занялась росписью стен в жилых домах, а также кафеля и мебели. Муж — бизнесмен. Живут в Лондоне.

Джорджина Маргерит Баттер изучала историю английской литературы в Лондонском университете. Работает внештатным журналистом. Муж, Питер Стивен Лезли Пежашевич, — венгр по происхождению, окончил Кембриджский университет, банкир. Живут в Лондоне.

Чарлз Харолд Александр Баттер также постоянно живет в Лондоне. Банкир. В конце 1988 года работал в Гонконге.

...На смену десятерым внукам Зии Уэрнер на английской земле поднимается и следующее — шестое по счету — поколение пушкинских потомков. На первое июня 1991 года их было двадцать три *. Станут ли они чтить память знаменитого своего предка, восхищаться пушкинскими творениями — плодами его «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», — покажет будущее ⁶.

«Нет, в честь другого Александра...»

Потомки Пушкина по линии его младшей дочери Натальи Александровны Меренберг живут в Швейцарии и Германии. Обе ветви связаны между собой близким родством: их непосредственный общий предок — внук поэта Георг Николай Меренберг, который породнился с царским домом Романовых: в 1895 году он женился на светлейшей княжне Ольге Александровне Юрьевской — дочери Александра II от егоmorganaticкого брака с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой.

У Георга Николая Меренберга, жившего в Висбадене, было трое детей, но старший из них, Александр Адольф Николай, умер в семимесячном возрасте, и о нем, естественно, речь не пойдет. Младшая в семье, Ольга Екатерина Адда (или Ольга Георгиевна) фон Меренберг, родилась в 1898 году. Она и ее брат Георг Михаил Александр фон Меренберг, который был ровно на год старше Ольги, выросли в Германии. Солидные родственные связи в кругах высшей европейской аристократии наложили определенный отпечаток на весь уклад жизни германских правнуков Пушкина.

В 1923 году Ольга Георгиевна вышла замуж за внука и полного тезку известного в свое время русского государственного деятеля Михаила Тариеловича Лорис-Меликова (1825—1888). Граф Лорис-Меликов (дед) в 1877—1878 годах был фактическим руководителем военных действий на Кавказе, а в 1880—1881 годах начальником Верховной распорядительной комиссии и министром внутренних дел России.

Само собой разумеется, что двадцатипятилетняя пра-

---

* По данным на начало 1991 года, в Лондоне жили двое взрослых внуков Нады Милфорд-Хейвен и правнучка Татьяна Маунтбеттен, которой не было еще и года.

внучка Пушкина, она же внучка Александра II (снова странное, как говаривал Пушкин, сближение!), став супругой внука царского министра, еще более укрепила свое привилегированное положение среди знатных особ европейских государств.

Граф Георг Михаил Александр Меренберг в молодости был прусским офицером. Женился он дважды. Первый раз в 1926 году на Паулетте фон Кёвер де Дьёрдьеш-Сент-Миклош. Брак оказался непрочным и через два года был расторгнут. Потом Меренберг в течение двенадцати лет семьей не обзаводился. Наконец летом 1940 года в Висбадене состоялась его свадьба с Элизабет Мюллер-Ури. За месяц до нападения фашистской Германии на СССР родилась их дочь Клотильда. Ныне она и ее семья проживают в Висбадене. В этом же городе, родном для них, похоронены родители Клотильды: оба скончались в 1960-х годах. Муж германской праправнучки Пушкина — доктор медицинских наук Энно фон Ринтелен. Сама Клотильда тоже доктор по профессии. У супругов трое сыновей.

С семьей Клотильды фон Ринтелен связана история одного поиска, итоги которого разочаровали всех действовавших в нем лиц, и в первую очередь Клотильду. Начался этот поиск неожиданно. В 1966 году писатель Б. Н. Полевой, вице-президент Европейского сообщества культуры, узнал о том, что у висбаденских потомков Пушкина находятся какие-то рукописи поэта. Известие заинтересовало Союз писателей СССР. По его поручению в начале 1967 года в ФРГ отправился Ираклий Луарсабович Андроников. В Висбадене он разыскал Клотильду фон Ринтелен.

— Оказалось, что это совсем молодая женщина. Очень высокая, с узкой талией, роскошными плечами и маленькой головой с высокой прической, — так охарактеризовал Андроников внешность Клотильды в своем выступлении на Пушкинских чтениях в Тригорском в августе 1969 года. — В ее облике есть какое-то сходство с женой Пушкина, но лицо у нее скорее приятное, чем красивое. А вот в вырезе и изгибе ноздрей явно чувствуется пушкинская порода...

У Ринтелен был в ту пору один ребенок — первенец Александр. Андроников спросил: «Имя дали в честь Пушкина?» К его огорчению, хозяйка ответила: «Нет, в честь другого Александра...» Она имела в виду своего второго русского предка — императора Александра II.

Наконец нетерпеливому советскому гостю показали «автографы» Пушкина. Стоило Андроникову мельком взглянуть на них, ему стало ясно, что это писарские копии давно известных писем поэта к жене. В семье же Ринтелен по традиции считали (так прежде думали и дед, и отец Клотильды), что обладают подлинными пушкинскими рукописями. Прочсть их они не могли, потому что не знали ни русского языка, ни почерка Пушкина. Выяснить что-либо об этих фамильных бумагах немецкие потомки Пушкина тоже не удосужились. Да и сделать это им было непросто: связи с русской культурой давно утрачены. Так в продолжение многих десятилетий и переходили рукописи от одного поколения семьи к другому. А теперь вот советский литературовед сказал, что ценность их незначительна: копия есть копия, даже если ей за сто лет перевалило.

По просьбе И. Л. Андроникова госпожа фон Ринтелен согласилась подарить Советскому Союзу и «автографы» поэта, столь жестоко обманувшие надежды ее семьи, и несколько других фамильных документов, которые, как выяснилось, имеют куда бóльшую историческую ценность, чем копии писем. Среди переданного Андроникову был и «вид на жительство», выданный ее прабабушке — дочери Пушкина Наталье Александровне, в то время жене М. Л. Дубельта, в 1864 году (об этом документе уже упоминалось в главе «Прекрасная дочь прекрасной матери...»). Пожертвованные западногерманской праправнучкой поэта бумаги приобщены к фонду Пушкина в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР.

Н. В. Измайлов считал, что оказавшиеся в Западной Германии писарские копии писем Пушкина, «по-видимому, делались по указаниям Анненкова, быть может, еще при жизни Н. Н. Ланской-Пушкиной, для предполагавшегося их издания или, вернее, для обработки их в виде «этюда»¹. В дальнейшем они хранились у Н. А. Меренберг, после ее смерти — у Георга Николая Меренберга, ее сына. Когда он в 1948 году скончался, бумаги перешли к его сыну Георгу Михаилу Александру Меренбергу, от последнего — к Клотильде Меренберг. Это было за несколько месяцев до ее замужества. Такова — в общих чертах — история этих рукописей, к которым рука Пушкина, увы, не прикасалась.

Не могу не отметить, что даже в типично немецкой семье Клотильды фон Ринтелен родственник интерес к Пушкину еще не выветрился, хотя и заметно ослабел.

В подтверждение этой мысли приведу на первый взгляд незначительный, но по сути своей важный эпизод.

Приехав однажды в гости к тете Ольге Екатерине Адде Лорис-Меликовой в Швейцарию и узнав от ее мужа, Михаила Тариеловича, что в обоих изданиях первой моей книги «Потомки А. С. Пушкина» значится — в родословной росписи — только старший ее сын Александр (сведений о двух младших у меня еще не было), Клотильда фон Ринтелен весьма огорчилась. Она просила дядюшку «переслать Русакову список всех сыновей для включения в новое издание его книги».

М. Т. Лорис-Меликов исполнил просьбу Клотильды: летом 1979 года он отправил мне перечень юных западногерманских потомков Пушкина. Но сделал это не непосредственно, а через жившего в Тбилиси двоюродного брата своего И. К. Ениколопова, кандидата исторических наук и пушкиноведа. И в следующую книгу я включил и Николаса, и Грегора Ринтеленов. Таким же путем, только в обратном направлении (СССР — Швейцария — ФРГ), пошел в адрес Клотильды фон Ринтелен экземпляр «Потомков А. С. Пушкина». Книга была выслана, как и просила висбаденская праправнучка поэта, с моим автографом.

...Ольга Георгиевна и Михаил Тариелович Лорис-Меликовы в Ботмингене обосновались в середине 1970-х годов. До этого они многие годы жили в Буэнос-Айресе — столице Аргентины. Довольно длительное время там же находился и Георг Михаил Александр Меренберг. Лишь на склоне лет его потянуло в город детства — Висбаден.

Значительно раньше, чем родители, оказался в Швейцарии Александр Михайлович Лорис-Меликов. Сначала он жил в городе Базеле, где родились все его дети — Анна, Доминика, Наталья, Михаил, теперь уже взрослые. Потом Александр Михайлович переехал в Ботминген. Сюда, ближе к сыну и внукам, и перебрались из Аргентины стареющие граф и графиня Лорис-Меликовы. По сведениям, полученным мною в 1977 году из Рима, а в 1980-м — из Парижа, они «спокойно доживают свой век рядом с молодыми членами семьи».

Со смертью И. К. Ениколопова, который состоял в регулярной переписке с Лорис-Меликовыми и изредка сообщал мне через Пушкинский Дом основные сведения о них, всякое общение со швейцарскими потомками Пушкина прервалось. Я даже не знаю, живы ли сейчас Ольга Георгиевна и Михаил Тариелович: возраст-то у них весьма почтенный...

По отзывам зарубежной прессы пятнадцатилетней давности, Ольга Екатерина Адда Лорис-Меликова — «стройная, элегантная, красивая. В ней есть что-то от Таши (Н. А. Меренберг.— В. Р.), говорит по-русски с легким акцентом, тогда как ее муж — без акцента». В этом нет ничего удивительного: Ольга Георгиевна всю жизнь — от рождения до старости — прожила за границей, а Михаил Тариелович вырос в Царском Селе и Россию покинул уже взрослым, после революции 1917 года. Зато графиня Лорис-Меликова свободно владела английским, французским, испанским языками. И, конечно же, немецким — языком своего отца, который совершенно не говорил по-русски.

Ольга Георгиевна читала Пушкина в оригинале. Многие его стихи знала наизусть. Из произведений поэта больше всего любила «Бориса Годунова», «Медный всадник», «Я помню чудное мгновенье»... Швейцарская правнучка Пушкина была знакома с С. М. Лифарем, изучила его коллекцию. Она поддерживала связь и с некоторыми зарубежными учеными-пушкинистами.

Говоря о заграничных потомках Пушкина, в том числе о графине Лорис-Меликовой, итальянская газета рецензировала: «Все они, конечно, знают о своем великом предке, интересуются и гордятся им».

Ольга Георгиевна хорошо помнила свою бабушку Н. А. Меренберг: ей шел пятнадцатый год, когда Натальи Александровны не стало. «Она очень любила нас, внуков, и мы ее любили...» Правнучка поэта О. Г. Лорис-Меликова — еще одно звено в живой, нерасторжимой цепи поколений, связывающей Пушкина — через его потомство — с нами, с днем сегодняшним и завтрашним.

Калейдоскоп лиц и событий

О некоторых потомках поэта удалось собрать лишь самые общие сведения.

...Феодосий Павлович Воронцов-Вельяминов с детских лет увлекался естественными науками и историей народов Востока. С 1907 года он учился в Московском лицее имени цесаревича Николая (на Остоженке). Из-за сильной близорукости Феодосий Павлович был освобожден от воинской повинности, но в 1914 году, когда началась война России с Германией, он ушел добровольцем в действующую армию. В конце августа

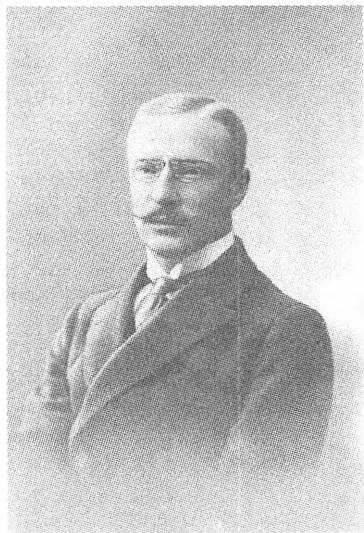
Феодосий Павлович Воронцов-Вельяминов, правнук А. С. Пушкина. Фотография конца 1900-х гг.

1914 года двадцатипятилетний правнук Пушкина погиб в Восточной Пруссии.

...Все, кто знал Веру Павловну Воронцову-Вельяминову, находили, что она более чем кто-либо напоминала Наталью Николаевну Пушкину. И не только лицом, но и мягким голосом, неслышной походкой, плавностью жестов.

В. П. Воронцова-Вельяминова окончила московский Александровский институт. В 1909—1910 годах она работала классной дамой в Полтавском женском институте. В годы первой мировой войны была медсестрой на фронте.

Однажды во время гражданской войны в Бобруйске, временно занятом белополяками, каратели схватили немолодого большевика и, избив, бросили его в подвал дома, в котором жили потомки Пушкина, в том числе Вера Павловна. Ночью на свой страх и риск она выпустила ослабевшего арестованного на волю. Прошло более трех десятилетий — и эту историю он сам рассказал приезжавшей в Бобруйск Софье Павловне Вельяминовой, которую вначале даже принял за ее младшую сестру: «Вера Павловна, это вы?» К сожалению, С. П.

Александр Николаевич Быков, правнук А. С. Пушкина. Фотография 1912 г.

Вера Павловна Воронцова-Вельяминова, правнучка А. С. Пушкина. Фотография 1907—1908 гг.

Вельяминова не запомнила ни имени, ни фамилии старого белоруса, со слезами на глазах говорившего о Вере Павловне как о своей спасительнице.

В 1920 году, когда в город вошли части Красной Армии, Вера Павловна трагически погибла, став жертвой жестокого надругательства группы красноармейцев. Ей было всего тридцать лет.

...О правнучке Пушкина Александре Николаевиче Быкове, жизнь которого оборвалась в тридцать четыре года, известно, что он окончил императорский Александровский лицей и с 1913 года был товарищем прокурора в Симферополе. В начале марта 1917 года, узнав об отречении Николая II от престола, Александр Николаевич отказался присягнуть Временному правительству и покончил жизнь самоубийством. Его вдова, Тамара Михайловна Филатова (в первом браке Франческо), впоследствии стала женой известного советского историка Б. Д. Грекова.

...Многие десятилетия провели во Франции Елизавета Николаевна Савицкая (урожд. Быкова) и ее муж Владимир Андреевич Савицкий, юрист по образованию, в прошлом помещик Киевской и Полтавской губерний.

В годы эмиграции он был в Париже электромонтером, а она зарабатывала на хлеб вышиванием. С 1956 года супруги находились в доме для престарелых русских эмигрантов на юге Франции, в Грасе. Елизавета Николаевна скончалась в 1964 году, Владимир Андреевич — в 1970-м.

Их дочери, Татьяна Владимировна Дурново и Анастасия Владимировна Солдатенкова, живут в Париже. У первой четверо детей: Вера и Елизавета живут в Соединенных Штатах Америки, Мария — в Бельгии (жена праправнука А. А. Пушкина), Петр — во Франции. Петр Александрович Дурново, самый младший из детей Татьяны Владимировны, делает блестящую медицинскую карьеру. Талантливый врач, он заведует отделением реанимации одного из парижских госпиталей. Его жена, Мариана Тибо, тоже медик.

Муж Елизаветы Александровны, живущей в Гонолулу, Родни Лиу, работает авиамехаником в одной из компаний, сын Даниил — в техническом отделе местной телефонной компании, старшая дочь Екатерина — домохозяйка, средняя дочь Рэчел — секретарь на химическом предприятии. А двое младших детей три года назад еще учились. Надежда изучала русский язык в колледже; она мечтала побывать в России, посетить пушкинские места нашей страны. Пятнадцатилетний Александр был тогда школьником. У него, так считает мать, есть определенные литературные задатки; кроме того, он «легко схватывает языки, очень общителен».

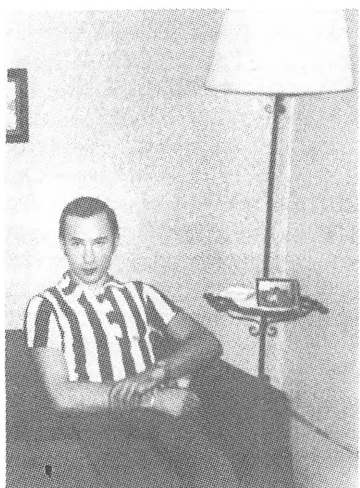
В семье Е. А. Лиу «стихи Пушкина любят и читают, дети — в переводе, она — в оригинале. Эти стихи ей читали по-русски родители еще в детстве. Сейчас госпожа Лиу по-русски говорит плохо, но, по ее словам, понимает русскую речь». Китайского не знают ни дети, ни сам мистер Родни: представитель третьего поколения китайской семьи, когда-то переселившейся в США, «он больше американец, чем китаец»¹.

...У Анастасии Владимировны Солдатенковой двое детей — Николай и Елѐна. Николай Васильевич Солдатенков окончил в Париже лицей, работал в учреждении, занимающемся вопросами кибернетики, посещал курсы английского и русского языков. В январе 1976 года он был посвящен в дьяконы, а два года спустя принял сан священника русской православной церкви и получил приход в Париже, на улице Лекурб.

...В молодости Наталья Николаевна Быкова преподавала в Полтавской гимназии. В годы первой мировой

Елизавета Николаевна Савицкая,
правнучка А. С. Пушкина. Фото-
графия 1910-х гг.

Петр Александрович Дурново,
прапраправнук А. С. Пушкина.
Фотография 1970 г.

Наталья Николаевна Быкова,
правнучка А. С. Пушкина. Фото-
графия 1960-х гг.

войны она, окончив медицинские курсы, работала медсестрой. Медицинской сестрой была и во время гражданской войны. В 1919 году Наталья Николаевна покинула Россию. Долгие годы она жила в Белграде, служила в медицинских учреждениях.

Обладавшая чудесным контральто, Н. Н. Быкова с молодых лет и до старости была хорошей певицей. За блестящую концертную деятельность правительство Югославии наградило ее орденом. После переезда в 1950 году во Францию к сестре Е. Н. Савицкой Быкова еще длительное время работала педагогом и одновременно руководила хором дома для престарелых, с неизменным успехом солировала в нем.

В конце 1960-х годов Наталья Николаевна приезжала в Советский Союз по туристической путевке. В Москве встретилась с родственниками. А в это время из ее комнаты в городе Сент-Женевьев, в 25 километрах от Парижа, похитили принадлежавшие ей фамильные ценности. Умерла Н. Н. Быкова на девяносто первом году.

...Полнокровную, светлую жизнь прожила Мария Николаевна Быкова, которая, говоря словами Л. В. Савельевой, была «бессребреницей, удивительно душевной и красивой женщиной». До революции она работала в Полтавской гимназии в должности классной дамы. Прирожденный педагог, Быкова и в советское время осталась верна своему призванию: до 1924 года она работала в одной из средних школ Полтавы, а затем в течение двадцати лет заведовала детским садом в Киеве.

В начале ноября 1943 года, когда под натиском наших войск немецко-фашистские оккупанты спешно покидали столицу Украины, Мария Николаевна разделила участь многих других киевлян: ее в принудительном порядке отправили в Германию. К счастью, по дороге Быковой и несколькими ее попутчикам удалось бежать. Усыпив бдительность конвойных, они прыгнули с поезда на полном ходу и успели скрыться в лесу, плотной стеной обступившем железнодорожное полотно. Недели через две пятидесятитрехлетняя правнучка Пушкина, истощенная до неузнаваемости, перешла линию фронта и оказалась на освобожденной советской земле. Вскоре она была уже в Киеве.

По воспоминаниям Н. С. Савельевой, Мария Николаевна Быкова сыграла значительную роль в воспитании своих племянников — детей С. Н. Данилевской. В домашних условиях она разучивала с ними не

Мария Николаевна Быкова, правнучка А. С. Пушкина. Фотография 1911 г.

Елена Николаевна Писнячевская, правнучка А. С. Пушкина. Фотография 1928 г.

только классические и современные танцы, но и оперы, оперетки, другие музыкально-сценические произведения. Сама придумывала костюмы для их выступлений. Подготовленные тетей, юные потомки Пушкина давали концерты в полтавских клубах. И им всегда сопутствовал успех.

На склоне лет, вернувшись в Полтаву персональной пенсионеркой республиканского значения, Мария Николаевна по-прежнему была деятельной и жизнерадостной. Она и на седьмом десятке в кругу близких показывала кордебалетные сценки, танцевала умирающего Лебеда...

В сердцах всех, кто знал М. Н. Быкову, эта неизменно веселая, озорная, неунывающая женщина оставила по себе добрую память.

...Совсем по-другому, сумбурно и алогично, сложилась жизнь самой младшей дочери М. А. и Н. В. Быковых — Елены Николаевны. В ее натуре странным образом сочетались незаурядные способности и необыкновенное легкомыслие.

В юности Елена Быкова с золотой медалью окончила Полтавскую гимназию.

В 1920 году она вышла замуж за молодого врача Ивана Александровича Писнячевского, уроженца Полтавской губернии. Но их семейный союз оказался непрочным, и супруги вскоре разъехались. Годовалого сына Алика Елена Николаевна отвезла к родным в Полтаву. В 1920-х годах Е. Н. Писнячевская училась на математическом факультете Луганского педагогического института. Затем успешно прошла подготовку в аспирантуре при кафедре биологии в Киевском университете. Работала на заводе «Большевик».

В 1928 году, приехав ненадолго в Нижний Новгород (с 1932 по 1989 год — Горький), где жил тогда И. А. Писнячевский, Елена Николаевна, по словам близких, «увлеклась там каким-то красавцем мужчиной» и в 1931 году официально развелась с мужем.

М. С. Чалик, вспоминая то далекое время, говорила мне, что в 1937 году Елена Николаевна Писнячевская, получив в Киеве хорошую квартиру, вдруг заявила, что возьмет 16-летнего сына Александра к себе, но потом, когда все уже было согласовано с родней, передумала и никогда больше об этом не заикалась.

В 1930-х годах Елена Николаевна преуспевала как научный работник биологического факультета Киевского университета, плодотворно занималась микро-

биологией в Киевском медицинском институте. Но в период Великой Отечественной войны она оказалась в Центральной Европе, после войны жила во Франции, позднее — в США. За рубежом Елена Николаевна Писнячевская вступила в брак с эмигрантом украинского происхождения Филимоном Яковлевичем Украдыгой и приняла американизированный вариант его фамилии — Окреди (!).

По сведениям, поступившим из Парижа от Татьяны Владимировны Дурново (через Г. А. Галина), в 1975 году Е. Н. Окреди сообщила своим французским племянницам, что ее муж скончался, а со следующего года письма, адресованные ей из Парижа в США, неизменно возвращались с пометой «адресат выбыл». Это дает основание предположить, что Елены Николаевны уже нет в живых.

...Александр Павлов, правнук Пушкина, в 1894 году, когда ему было двенадцать лет, был официально отобран властями у отца — Н. Н. Павлова, морфиниста и карточного игрока, и привезен из Франции в Россию на попечение деда — А. А. Пушкина. В 1905 году он окончил Московский университет. Затем служил в городе Владимире: чиновником особых поручений при губернаторе, непременным членом губернской землеустроительной комиссии. Осенью 1906 года Александр Николаевич женился на дочери владимирского губернатора — Варваре Ивановне Сазоновой. Во время войны с Германией 1914—1918 годов он заведовал передовым отрядом общества Красного Креста. В начале 1920-х годов жил в Болгарии, работал в санатории на Шипке. В 1932 году переселился во Францию, где имел собственную виллу в Карросе, под Ниццей, и занимался куроводством.

В годы оккупации Франции гитлеровскими войсками А. Н. Павлов и его жена помогали продуктами бедствовавшей Е. А. Розенмайер, которая снимала временную квартиру в Ницце. А дочь последней, Светлана, даже жила у Павловых в Карросе. Потом, сдав маленького сына в русский приют под Парижем, она неожиданно и навсегда исчезла... *

---

* Есть сведения, что Александр Розенмайер в дальнейшем работал маляром на каком-то строительном предприятии во Франции. В середине 1970-х годов он приезжал в приют, где воспитывался ребенком с 1943 года. Потом следы его надолго потерялись. И лишь в конце 1983 года Р. Е. Теребенина сообщила мне, что, по слухам, А. Н. Розенмайер недавно объявился в Париже и что у него теперь двое детей.

Покойные Г. М. Воронцов-Вельяминов и его жена Тамара Васильевна хорошо знали семью Александра Николаевича и Варвары Ивановны. Они не раз проводили у них летний отпуск. Но это было уже после войны. Скончался А. Н. Павлов в 1965 году. Его похоронили в Карросе — в одной могиле с матерью, Ольгой Александровной, и женой. Дочь и сын Александра Николаевича в настоящее время живут в Америке.

Николай Александрович Павлов родился в 1922 году в болгарском городе Варне. Потом вместе с родителями жил во Франции. Уехав учиться в США, там и осел. Н. А. Павлов служил пехотным офицером в американской армии. Был женат дважды — на Эльфриде Сьюпсик и Элизабет Хартридж. Оба брака расторгнуты. Детей Николай Александрович не имеет. Он хорошо говорит по-русски, но писать на родном языке не умеет: никогда не учился в русской школе...

Его сестра, Варвара Александровна Павлова, еще девочкой-подростком воспитывалась в семье американки Элис Монтгомери, подруги ее бабушки — О. А. Павловой. В 1926 году восемнадцатилетняя Варвара вышла замуж за сына Элис Монтгомери — Уильяма Дугласа Монтгомери и взяла себе новое имя — Вера. В дальнейшем и мы будем называть ее этим именем.

Через три месяца после свадьбы молодой муж праправнучки Пушкина погиб в авиационной катастрофе. Детей у них не было. От второго брака — с Хьюго Клотцем — у Веры Александровны в 1942 году родилась дочь Каролина. Она с высшей наградой окончила Вашингтонскую школу искусства и науки. Работает фотографом-художником. Кроме английского владеет французским, испанским, итальянским и португальским языками.

В третий раз Вера Александровна была замужем за Джоном Хенри Оверолом, морским капитаном, погибшим во время военных действий США во Вьетнаме в 1967 году. От него остались дочь Марта Роллинз Оверол, 1947 года рождения, и сын Джон Хенри Оверол, годом моложе Марты. После смерти отца они получили значительное наследство.

Марта Оверол окончила экономический факультет известного Редклиф-колледжа в Нью-Йорке, а также юридический факультет Нью-Йоркского университета. Она быстро выдвинулась в ряды адвокатов с солидной репутацией. Занимая должность адвоката в фирме Луис Найзер (Louis Nizer), Марта была и персональным кон-

сультантом американского промышленника доктора Арманда Хаммера, имя которого весьма популярно в России. Марта Роллинз Оверол увлекается живописью, за свои художественные работы она неоднократно получала первые призы. По газетному сообщению 1989 года, Марта переехала в Беркли — пригород Сан-Франциско, где работает телевизионным оператором.

Джон Хенри Оверол-младший был китаист по специальности (в 1970 году окончил Йельский университет). Хорошо владея китайским языком, он даже стихи писал по-китайски. Хотел сделать карьеру на дипломатическом поприще, но вначале стал издателем газеты «Yale Daily News», а затем... бизнесменом. Ему принадлежало крупное винное предприятие с филиалом в Европе. Жил Джон вместе с матерью в Сан-Франциско. Умер в 1986 году.

В отличие от собственных дочерей, совершенно не владеющих русским языком, Вера Александровна Оверол свободно говорит по-русски. Родному языку ее научила бабушка — Ольга Александровна Павлова, первая наставница-друг. Вера Александровна считает, что самые светлые воспоминания ее раннего детства неизменно связаны с образом бабушки, умной, сердечной русской женщины, многое испытавшей на своем веку.

С молодых лет Вера Александровна отличалась неумной энергией и выдающимися деловыми качествами. Этому способствовало отчасти то обстоятельство, что многие годы она жила в доме крупного нью-йоркского банкира Монтгомери. Свою блестящую карьеру Вера Александровна тоже начала с банковской деятельности. И ей сопутствовал такой успех в финансовом мире, что вскоре ее уже считали одним из самых преуспевающих маклеров на Уолл-стрит. Ее высокопрофессиональное умение вести сложные биржевые операции не раз отмечалось в американской прессе. Не случайно даже в начале 1980-х годов, то есть на восьмом десятке лет, В. А. Оверол была консультантом американской компании «Куртис и Гордон».

Праправнучка Пушкина попробовала свои силы и на журналистском поприще. И тоже очень успешно. В 1938 году газета «The New York Advance», которую издавала и редактировала Вера Александровна, по решению Нью-Йоркской ассоциации печати была признана лучшей в стране. А школа журналистики Калифорнийского университета присудила ее газете первый приз.

В. А. Оверол была актрисой, писала сценарии, работала учительницей, получила права на управление самолетом... Ее связывало личное знакомство с тремя президентами США — Франклином Рузвельтом, Гарри Трумэном и Джеймсом Картером... Вера Александровна даже в старости любила дальние путешествия, рыбную ловлю, но более всего — встречи с интересными людьми.

Пылкая, многогранная натура, сила воли и образованность В. А. Оверол, «охота к перемене мест», не ослабевающее с годами внимание ко всем событиям эпохи всегда помогали праправнучке великого сына России быть в гуще деловой и интеллектуальной жизни Америки...²

Пушкин — в сердце народов

155 лет назад безжалостная пуля иноземца оборвала жизнь Александра Сергеевича Пушкина. Но вечно будут жить светлое имя и высокое искусство поэта, в котором воплотились его раздумья о судьбах человеческих, судьбах народных. О тех временах, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Алексей Максимович Горький назвал Пушкина величайшей гордостью нашей и самым полным выражением духовных сил России. Теперь мы с радостью говорим, что «солнце русской поэзии» светит ныне всему человечеству, что Пушкин — одна из вечно живых вершин мировой культуры.

С каждым десятилетием все дальше от нас пушкинская эпоха, а великий поэт все более приближается к нам как добрый наставник, учитель и друг — спутник всей нашей жизни, от рождения до старости.

В стихах, поэмах, повестях, романах, исторических трудах, дневниковых записях, автобиографических заметках и письмах поэта ученые и вдумчивые читатели обнаруживают все новые грани его удивительного таланта, ранее не замеченные или должным образом не понятые мысли и думы Пушкина, его «души прекрасные порывы»...

И как волшебный, никем не превзойденный мастер стиха, как гениальный мыслитель, прозорливый историк и просто как человек земной, доступный, Пушкин становится для нас все дороже, все необходимее.

В благодарном сердце народов ширится, крепнет неувядающая любовь к поэту. На поклон к Пушкину, на встречу с ним едут в Михайловское и Кишинев, в Каменку и Берново, в Одессу и Болдино... Благоговей, переступают порог последней квартиры поэта на набережной Мойки... Подолгу стоят у памятника Пушкину в Москве... Идут к Пушкину и «гордый внук славян», и «друг степей калмык»... Французы и немцы, бельгийцы и итальянцы с душевным волнением повторяют дорогие пушкинские строчки и в древнем Святогорском монастыре, где покоится прах поэта, и в лицейских садах бывшего Царского Села, ныне города Пушкина.

Народная тропа к Пушкину, о которой пророчески писал сам поэт, ныне стала широкой и ясной дорогой миллионов людей в мир классической литературы.

Стали традиционными народные пушкинские праздники поэзии, которые проводятся ежегодно в начале лета, накануне дня рождения А. С. Пушкина, в местах, где жил и творил великий поэт. На эти праздники съезжаются из разных уголков нашей страны писатели, ученые, почитатели поэзии Пушкина, а также многие литераторы со всех континентов земного шара.

Миллионными тиражами издаются в нашей стране и за рубежом произведения Пушкина и книги о нем. Спрос на них постоянно растет. Читатель хочет знать в подробностях творческий путь поэта, плоды его трудов. Его интересуют и великие современники Пушкина — декабристы, окружавшие поэта друзья и недруги, сложнейшие обстоятельства и перипетии последних лет жизни Александра Сергеевича, все, что предшествовало его дуэли.

Особый и с каждым годом растущий интерес проявляют наши современники к семейной хронике Пушкина. С благодарностью отзываются читатели о научных работах И. М. Ободовской, М. А. Дементьева и других исследователей-пушкиноведов, которые настойчивыми поисками своими, увенчавшимися ценными находками, реабилитировали «оклеветанное молвой» имя жены поэта.

Приносят удовлетворение публикации, посвященные предкам Пушкина, его родителям, брату, сестре. Живейшее участие вызывают и судьбы потомков поэта. Некоторые из них и сегодня продолжают оказывать неоценимую помощь ученым в изучении жизни и творчества поэта. Но самая главная заслуга прямых наследников Пушкина в том, что они сохранили, а затем сделали достоянием народа многочисленные его рукописи, письма, библиотеку, портреты, вещи, предметы домашнего обихода.

Когда-то А. С. Пушкин писал: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»

«Благороднейшая надежда» великого поэта сбылась: наши современники относятся к его потомкам с искренним и глубоким уважением.

ПРИМЕЧАНИЯ

«...Дорожу именем моих предков»

¹ *Семевский М. И.* К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки//Русский вестник.—1869.— № 11.— С. 89.

² Из письма правнучки А. С. Пушкина С. П. Вельяминовой от 24 января 1973 года. Цитируемые в дальнейшем письма и записки потомков Пушкина и других лиц адресованы автору книги. Всего их получено в 1962—1990 годах около семи тысяч, в том числе более 1000— от потомков поэта. Приводимые в книге устные рассказы и воспоминания записаны мною в эти же годы. Случаи, когда письма адресованы не автору, оговорены особо.

³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. 12.— С. 111.

⁴ Белинский в воспоминаниях современников.— М., 1948.— С. 361.

⁵ Цит. по ст.: *Хандрос Б.* Левушка Пушкин//Юность.—1979.— № 8.— С. 82.

«Мое семейство умножается, растет...»

Она смеялась по-пушкински звонко...

¹ Сведения о времени и месте крещения всех детей А. С. Пушкина, а также их воспитанниках даются по кн.: *Невзоров Н.* К биографии А. С. Пушкина: Материалы из архивов и других малоизвестных источников.— СПб., 1899.— С. 18.

² См.: *Арапова А. П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская//Новое время (приложение).—1907.— № 11413. В дальнейшем при ссылке на эти воспоминания указываются лишь фамилия Араповой А. П., год их публикации и номер газеты.

³ Русский архив.— 1895.— № 1.— С. 369—370. Там же.—1907.— № 6.— С. 3 обл.

⁴ См.: *Дочь Пушкина//Жизнь искусства.*—1919.—9 мая.

⁵ *Левкович Я.* По неизвестным письмам//Звезда.—1974.— № 6.— С. 182, 188.

⁶ *Лернер Н.* Потомство Пушкина//Биржевые ведомости.—1916.— 5 марта.

⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 171.

⁸ ЦГИА, ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 803, л. 68.

⁹ Директор Государственного архива Тульской области З. М. Баташова и старший археограф Г. А. Савошева отношением от 25 января 1985 года сообщили мне: в хранящемся в архиве списке о семействе и состоянии генерал-лейтенанта Н. И. Гартунга, составленном 30 ноября 1849 года, говорится, что за ним в Тульском уезде Тульской губернии значится благоприобретенное сельцо Федяшево (приход села Баранова) с деревнями, в которых по восьмой ревизии было 426 душ мужского пола и 400— женского, а за его женой в Ефремовском уезде, в сельце Березовке, 80 душ мужского пола и 82— женского (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 489, л. 3—4, 7 об., 34, 54 об.).

То, что сельцо Федяшево после смерти отца было собственностью Леонида Николаевича Гартунга, подтверждается его собственноручным прошением на имя мирового посредника Тульского уезда 1-го участка от 28 февраля 1868 года, в котором он просит выдать ему «свидетельство о количестве всей земли и оставшейся от крестьянского надела, в имении моем состоящем Тульского уезда при селе Баранове, сельце Федяшеве, деревнях Струнине и Нефедове, для представления в присутственные места их должностным лицам» (ГАТО, ф. 310, оп. 1, д. 21, л. 21—21 об.), и еще одним документом от 5 декабря 1867 года (хранится там же, л. 3—3 об.). Ксерокопии обеих бумаг присланы мне З. М. Баташовой и старшим научным сотрудником архива Н. К. Фоминым.

В послужном списке Л. Н. Гартунга, составленном 31 декабря 1877 года (ЦГИА, ф. 412, оп. 8, ед. хр. 12, л. 113—116; уточнения внесены вскоре после его смерти), указано, что «за ним состоит Тульской губернии и уезда 3769 десятин земли».

¹⁰ Эти сведения автору сообщил В. М. Руднев, заведующий отделом краеведения Тульской областной библиотеки.

¹¹ *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания.—3-е изд.— Тула, 1960.— С. 464—465.

¹² Портрет приобретен музеем в 1933 году (Известия.—1934.— 6 окт.) у Е. С. Макаренко, дружившей с дочерью Пушкина. За несколько лет до революции Мария Александровна подарила ей этот портрет и ниточку жемчуга, с которой изображена на нем (жемчуг перешел к М. А. Гартунг от матери).

¹³ *Бибикова Е. Н.* Мои воспоминания о Пушкине и о его потомках (по рассказам матери — Е. П. Бибиковой, урожд. Ланской, и няни).— ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175. В дальнейшем при ссылке на эти мемуары указывается только ИРЛИ и шифр.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Русский архив.—1895.— № 3.— С. 369—370.

¹⁵ *Дьякова Е. Н.* Воспоминания о судебном процессе генерала Гартунга Леонида Николаевича.— Рукописный отдел ГЛМ, осн. ф., № 4180.

¹⁶ Основой для фабулы этого произведения Л. Н. Толстого послужило судебное дело супругов Н. С. и Е. П. Гимеров. Подробнее об этом

см.: *Шамаро А.* Виновник, оставшийся в тени//Наука и религия.— 1971.— № 12.— С. 30—36.

¹⁷ Цит. по кн.: *Ободовская И., Дементьев М.* Пушкин в Яропольце.— М., 1982.— С. 137—138.

¹⁸ У «Дома коннозаводства» (так часто именуют его в печатных источниках) интересная литературная судьба. В 1937 году в нем был открыт музей А. М. Горького, а позже разместился Институт мировой литературы имени А. М. Горького.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

²⁰ Воскресенская Лашма, или просто Лашма,— центральная усадьба имения И. А. Арапова, мужа А. П. Ланской,— входила в Наровчатский уезд Пензенской губернии. В советское время селение стало частью города Ковылкино Мордовской АССР. В Воскресенской Лашме бывали также внуки поэта Анна и Надежда. В километре от нее находилась железнодорожная станция Арапово.

²¹ Ксерокопию очерка «Лашма. Усадьба, где жили дети Пушкина», опубликованного в зарубежной газете на русском языке, прислал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР праправнук Пушкина Г. М. Воронцов-Вельяминов.

²² *Николай Доризо.* России первая любовь. Мой Пушкин: Стихотворения, поэмы, проза.— М., 1986.— С. 267—268.

²³ *Дочь Пушкина//Взаимопомощь.— 1924.— 10 июня.*

Вся жизнь — служение России

¹ Это письмо А. С. Пушкина в 1970 году обнаружили в архиве Гончаровых И. М. Ободовская и М. А. Дементьев.

² См.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского.— Пг., 1924.— С. 126—130.

³ Не исключено, что из-за преступно-небрежного отношения Тарасенко-Отрешкова к своим опекунским обязанностям исчезли и другие автографы Пушкина, не найденные по сей день. Вот что писал, например, в 1878 году хорошо знавший Тарасенко-Отрешкова современник: «Я имею много оснований думать, что Отрешков отнесся к этой обязанности не с должным пониманием важности оной. Хотя он и считался сочинителем неважных брошюр по части разных проектов, но никогда не был литератором в настоящем смысле этого слова. Скажу одно, что вслед за получением им к разбору дел и бумаг Пушкина появились в руках его знакомых толстые рукописные тетради сочинений Пушкина с его собственными, отрешковскими, крайне любопытными пометками» (*Н. М. К.* Письмо в редакцию. По поводу писем А. С. Пушкина к жене//Вестник Европы.— 1878.— № 3.— С. 435—436).

⁴ См.: Русский библиофил.— 1913.— № 6— С. 22—23.

⁵ Как видно из свидетельства о бракосочетании Н. Н. Пушкиной и П. П. Ланского, их венчание состоялось в Благовещенской церкви

лейб-гвардии конного полка.— ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, ед. хр. 516, л. 8.

Подробнее о П. П. Ланском см.: Формулярный список о службе и достоинстве командира лейб-гвардии конного полка генерал-адъютанта Ланского за 1851 год. Составлен 26 августа 1852 года.— ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, ед. хр. 516, л. 4—7; Русский биографический словарь. Лабзина — Ляшенко.— СПб., 1914.— С. 69—70; Петербургский некрополь.— СПб., 1912.— Т. 2.— С. 607.

⁶ Б. М. Александр Александрович Пушкин//Московские ведомости.—1914.—23 июля.

⁷ Послужной список состоящего в запасе армейской кавалерии генерал-лейтенанта Пушкина. Составлен 30 сентября 1890 года.— ЦГВИА, ф. 400, оп. 174, д. 36, л. 26. В дальнейшем сведения о прохождении военной службы А. А. Пушкина приводятся в основном по послужному списку.

⁸ Из письма правнучки Пушкина С. П. Вельяминовой.

⁹ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

¹⁰ Николай Доризо. Ук. соч.— С. 271—272.

¹¹ Арапова А. П.— 1908.— № 11446.

¹² ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

¹³ Пушкин в описаниях своей жены. Беседа с сыном поэта А. А. Пушкиным//Петербургская газета.— 1913.—24 окт.

¹⁴ Рассказ С. П. Вельяминовой записан на магнитофонную ленту ее племянником С. Е. Клименко в начале 1960-х годов.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

¹⁶ Беседа с генерал-адъютантом Александром Александровичем Пушкиным//Петербургская газета.—1912.—29 янв.

¹⁷ См.: Февчук Л. П. Семья Пушкина в портретах и документальных фотографиях//Белые ночи.— Л., 1975.— С. 395.

¹⁸ Сведения о художественных работах С. А. Пушкиной (Ланской) автору сообщили правнучки Пушкина С. Н. Данилевская, Т. Н. Галина и Н. С. Шепелева, а также старший научный сотрудник Полтавского художественного музея Г. И. Брагилевская.

¹⁹ Сестра П. П. Ланского, Мария Петровна, была замужем за генералом Н. И. Васильчиковым (умер в 1855 году). Ему и принадлежало когда-то имение Лопасня, которым Васильчиковы владели с XVI века. Вторая жена А. А. Пушкина, Мария Александровна Павлова, приходилась двоюродной племянницей его первой жене. На одной из дочерей Н. И. Васильчикова и М. П. Ланской, Екатерине Николаевне Васильчиковой, был женат (с 1860 года, второй брак) Иван Николаевич Гончаров — брат Н. Н. Пушкиной. Супруги жили в имении Ярополец, ранее принадлежавшем Н. И. Гончаровой (урожд. Загряжской)— теще А. С. Пушкина. Их сына Николая крестили А. А. Пушкин и М. П. Васильчикова. Позднее Александр Александрович взял его к себе в полк, стоявший в городе Козлове, и всячески заботился о нем. После смерти отца (в 1881 году) Н. И. Гончаров стал владельцем Яропольца, а его сестры Екатерина, Наталья и Надежда Ивановны Гонча-

ровы, двоюродные сестры детей Пушкина, переехали из этого поместья в Лопасню. Когда скончался последний из владевших имением Васильчиковых, Николай Николаевич (1822—1905), Лопасня перешла к его племянницам — сестрам Гончаровым. С того времени усадьба в быту называлась «дом Гончаровых».

Наталья Ивановна и Надежда Ивановна Гончаровы жили в Лопасне постоянно, а их старшая сестра Екатерина Ивановна ведала художественно-ремесленной школой, богадельней и подсобным хозяйством в Троице-Сергиевой лавре. Осенью 1918 года Наталья Ивановна и Надежда Ивановна еще находились в Лопасне. Когда Московский губернский Совет поднял вопрос «о выселении Н. И. Гончаровой из имения в Лопасне», президиум коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения 15 октября 1918 года постановил: «...сделать исключение для помещиков, живущих в означенном музее, как для внуков Пушкина (в действительности племянницы жены Пушкина.— В. Р.)»//За коммунистический труд (г. Чехов).—1969.—21 янв.

До середины 1920-х годов Наталья Ивановна и Надежда Ивановна Гончаровы жили в Москве, потом переехали в город Сергиев. Позднее они жили в Малоярославце. Обе скончались в первой половине 1930-х годов. По другим данным, Надежда Ивановна умерла в Сергиеве в 1920-х годах, а где и когда скончалась Наталья Ивановна — неизвестно.

²⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

²¹ Согласно «Своду военных постановлений» (СПб., 1859, ч. 2, кн. 2, ст. 704), штаб- и обер-офицеры, прослужившие в этом чине не менее года и увольняющиеся от службы по собственному прошению, награждаются следующим чином. В войсках старой гвардии, в состав которой входил лейб-гвардии конный полк, воинских званий майор и подполковник не существовало: после ротмистра шел чин полковника. Поэтому в 1861 году А. А. Пушкин вышел в отставку полковником.

Если бы Александр Александрович вновь поступил на военную службу в гвардейские части, то в соответствии с тем же «Сводом...» (ч. 2, кн. 1, ст. 297) его определили бы не полковником, а ротмистром, то есть прежним, до увольнения, чином. Но А. А. Пушкин при возвращении на службу в 1867 году переводился в армейские части. В таком случае учитывалось, что «чины войск, пользующиеся правами старой гвардии, от прапорщика или корнета до капитана или ротмистра включительно, имеют преимущество противу чинов армейских двумя чинами выше...» («Свод...», ч. 2, кн. 1, ст. 516).

Поскольку в армейских частях после капитана (в кавалерии — ротмистра) следовали звания майор и подполковник, А. А. Пушкин был зачислен на службу в ранге подполковника и дальнейшее повышение в чинах проходил в установленном порядке.

Этой справкой автор обязан генерал-лейтенанту Г. Г. Семенову, заместителю начальника 4-го отдела Института военной истории Ми-

нистерства обороны СССР полковнику Н. Ф. Азясскому, научному сотруднику того же института Ю. Ф. Соколову.

²² См.: *Тихановский* (А. Н.) Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка.— СПб., 1897.— С. 49—50.

²³ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

²⁴ На месте сожженного летом 1877 года турецкого села Ахметли (в некоторых болгарских источниках: Ахметлии) было основано новое болгарское село Константин — по имени русского поручика, уроженца Черниговщины Константина Рудановского, храбро воевавшего под командованием А. А. Пушкина. Подробнее об этом см.: *Куманова А.* Русское село в Болгарии//Болгария.—1976.— № 3.

²⁵ *Манько А. В.* Сын Пушкина — участник освободительной войны 1877—1878 гг.//Ставрополье.—1972.— № 4.— С. 78.

²⁶ Об участии 13-го гусарского Нарвского полка в освобождении Болгарии от турецкого ига см. также: *Медникаров Х.* Полковник Пушкин на болгарской земле//Болгария.—1976.— № 3; *Манько А. В.* (без заглавия)//Военно-исторический журнал.—1967.— № 5.— С. 110; *Он же.* Сын А. С. Пушкина в боях за освобождение Болгарии//Вопросы и ответы.—1967.—№ 3.— С. 55—59; Герои Шипки: Сборник.— М., 1979; Сын Пушкина//Смена.— 1979.— № 8.— С. 22.

²⁷ Из письма И. Л. Попелюхера, учителя 29-й одесской школы, руководителя школьного музея А. С. Пушкина.

²⁸ Пушкинский край (Пушкинские Горы).—1973.—17 нояб.

²⁹ *Прок-ев.* Память Пушкина//Новое время.—1887.—31 янв.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 637, оп. 1, ед. хр. 84, л. 187.

³¹ *Субботин В.* Портрет сына А. С. Пушкина//Сов. Молдавия.—1967.—1 июля.

³² Фотопортреты А. А. Пушкина с его автографами хранили москвичка О. Е. Куртнер, трагически погибшая в 1920 году в Перми, Т. М. Дмитриевская (она окончила Екатерининский институт с золотой медалью в 1912 году), бывшая актриса Московского театра имени Вахтангова В. А. Попова. В 1961 году в Алушке была обнаружена фотография А. А. Пушкина с его дарственной надписью Е. И. Голубятниковой. Сведениями об этом автор обязан С. М. Дмитриевскому (Москва), П. С. Филатову (Бузулук), а также газете «Советский Крым» от 4 июня 1978 года.

³³ Воспоминания М. А. Новиковой-Каллаш опубликованы в одной из парижских газет в июне 1951 года.

³⁴ *Ураноссов Н. Г.* Мои воспоминания.— ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 178.

³⁵ Воспоминания А. И. Барановой приводятся в записи М. Г. Бороздинского, заместителя редактора веневской районной газеты «Знамя» Тульской области (март 1970 года)

³⁶ *Цветаева М.* Мой Пушкин.— М., 1967. Этот отрывок, не вошедший в окончательную редакцию книги, приведен в комментарии к ней на с. 244.

³⁷ См.: *Гард Э. Потомки Пушкина*//Тридцать дней.— 1936.— № 6.— С. 92—96.

³⁸ *Гард (Э.) Пушкины — наши современники*//Красная газета (веч. вып.).— 1933.— 25 авг.

³⁹ *Гольденвейзер А. Б. Из личных воспоминаний о С. В. Рахманинове*//Воспоминания о Рахманинове.— М., 1957.— Т. 2.— С. 12.

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

⁴¹ Фактически раздел имущества между детьми А. С. Пушкина был произведен по полюбовному соглашению еще при жизни их матери, Н. Н. Пушкиной-Ланской, в 1856 году. Официальный же раздельный акт совершен 5 февраля 1870 года в Ковенской гражданской палате, а утвержден Псковским окружным судом 9 сентября 1888 года (исполнительный лист «для ввода во владение» № 2933).

⁴² ИРЛИ, ф. 246, № 73.

⁴³ Иван Васильевич Киреев (1882—1976) — житель Б. Болдина, внук болдинского конторского писаря пушкинской поры П. А. Киреева (1806—1843), к которому поэт относился с большим уважением. И. В. Киреев всю жизнь собирал документальные материалы и предания об А. С. Пушкине и его семье. Частично они опубликованы в книге «Предания и песни болдинской старины».

⁴⁴ Предания и песни болдинской старины.— Горький, 1972.— С. 49.

⁴⁵ По сведениям Т. Н. Галиной, Малое Останкино перешло к М. А. Павловой по наследству от отца, гвардии полковника А. И. Павлова. Соседнее село Марыгино Веневского уезда досталось ее брату штаб-ротмистру Александру Александровичу Павлову, а сестра Софья Александровна получила усадьбу в другом месте.

⁴⁶ Н. С. Шепелева через несколько месяцев после нашей беседы, состоявшейся весной 1987 года, письменно подтвердила свое сообщение. О смерти А. А. Пушкина сообщали читателям: Новое время.— 1914.— 22 июля; Русское слово.— 1914.— 22 июля; Московские ведомости.— 1914.— 23 июля; Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 19—20.— Пг., 1914.— С. VII—VIII; Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии.— 1914.— № 8-9.— Стлб. 150; Наша старина.— 1914.— № 9-10.— С. 896; Искры.— 1914.— № 29.— С. 231 и другие издания.

⁴⁷ *Лернер Н. А. А. Пушкин*//Одесские новости.— 1914.— 23 июля.

⁴⁸ Цит. по кн.: Отчет императорского Московского и Румянцевского музея за 1914 год.— М., 1916.— С. 62.

⁴⁹ Во всех известных мне печатных источниках годом возвращения полка А. А. Пушкина в Россию ошибочно считается 1878-й, тогда как в послужном списке Александра Александровича (л. 36, ч. II) указано, что 13-й гусарский Нарвский полк «перешел Балканы 12 октября 1878 года, выступил из-за Балкан в Россию 8 февраля 1879 года, посажен на пароход в городе Рушук 7 марта 1879 года, высадился в городе Рени 11 марта 1879 года».

⁵⁰ Любимов Д. Из воспоминаний//Вопросы литературы.— 1961.— № 7.— С. 157.

⁵¹ Подробнее о судьбе рукописного наследия Пушкина см.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве//Русская старина.— 1884.— Т. 41—44.— Февр.— дек.; Цявловский М. А. Судьба рукописного наследия Пушкина//Цявловский М. А. Статьи о Пушкине.— М., 1962.— С. 260—275; Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина//Там же.— С. 276—334; Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание.— М.; Л., 1964; Тербенина Р. Е. Фонд А. С. Пушкина в Пушкинском Доме//Нева.— 1974.— № 6.— С. 187—192.

⁵² См., напр.: Пушкинские реликвии//Нива.— 1913.— № 41; Дети Пушкина и предстоящие торжества//Новости и Биржевая газета.— 1899.— 11 апр.

⁵³ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1899 год.— М., 1900.— С. 16.

⁵⁴ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

⁵⁵ Как видно из недатированного письма (указан только май 1899 года) А. А. Пушкина к брату, вначале Григорий Александрович Пушкин предложил вырезать на венке имена всего пушкинского потомства. Обеим дочерям и старшему сыну поэта эта мысль показалась «очень симпатичной». Но из-за чисто технических трудностей, связанных с исполнением венка, от первоначального намерения отказались.

⁵⁶ Онегин А. Ф. Pushkiniana, IV.— С. 89. (ИРЛИ, Пушкинский кабинет.) Вырезка из газеты без указания даты и названия издания.

⁵⁷ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1899 год.— М., 1900.— С. 6.

⁵⁸ У А. А. Пушкина в Москве//Сын отечества.— 1899.— 13 апр.

⁵⁹ Яшвили Н. Мой дедушка, Петр Иванович Бартенев//Прометей.— М., 1969.— Т. 7.— С. 298.

⁶⁰ Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина//Наука и жизнь.— 1971.— № 6.— С. 69.

⁶¹ Более подробно об истории обнаружения дневника А. С. Пушкина см.: Сперанский М. Н. Предисловие//Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.).— Труды Гос. Румянц. музея; Вып. 1.— М.; Пг., 1923.— С. 3—23; Модзалевский Б. Предисловие//Дневник Пушкина. 1833—1835.— М.; Пг., 1923.— С. I—XI.

⁶² Ранее неизвестные воспоминания об А. С. Пушкине обнаружил подполковник в отставке Н. И. Мацкевич (г. Самара). Первым владельцем тома сочинений Пушкина, в котором сделаны записи А. Л. Пушкиным, был, бесспорно, Александр Александрович Пушкин, о чем свидетельствует отпечаток его экслибриса на пустом обороте титульного листа: «Библиотека А. А. Пушкина. Флигель-адъютант его императорского величества». Выше книжного знака почерком автора заметок написано также по-английски: «А. А. Пушкин отверг этот экслибрис

из-за отсутствия в нем изображения родового герба Пушкиных. Настоящий отпечаток экслибриса находится только на нескольких книгах». Подробнее о находке см.: *Мацкевич Н. И.* Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника // Временник Пушкинской комиссии. 1974.— Л., 1977.— С. 20—42.

В тишине деревенского уединения

¹ *Арапова А. П.*— 1908.— № 11425.

² См.: *Левкович Я.* По неизвестным письмам // Звезда.— 1974.— № 6.— С. 189.

³ Из письма праправнука А. С. Пушкина С. Е. Клименко школьникам от 26 марта 1964 года.

⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

⁵ *Арапова А. П.*— 1908.— № 11449.

⁶ *Гейченко С. С.* «Домик няни» в Михайловском.— Псков, 1958.— С. 3.

⁷ Портрет приписывался Жюлю Верне. Авторство Жана Вивьена установлено В. Я. Адарюковым в 1921 году.

⁸ См.: *Руденская М., Руденская С.* Они учились с Пушкиным.— Л., 1976.— С. 179.

⁹ Здесь и далее воспоминания Ю. М. Шокальского цит. по кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 4.— СПб., 1906.— С. 187—195.

¹⁰ Цит. по ст.: *Житомирская С. В.* К истории писем Н. Н. Пушкиной // Прометей.— М., 1971.— Т. 8.— С. 152.

¹¹ Цит. по ст.: *Порудоминский В. И.* «Я полюбил Пушкина еще больше...» // Прометей.— М., 1974.— Т. 10.— С. 209.

¹² *Поляновский М.* Остановись, мгновение... 36 фотоновелл.— М., 1968.— С. 80—81.

¹³ Цит. по ст.: *Вересова Т.* Шокальский — внук А. П. Керн // Псковская правда.— 1977.— 22 мая.

¹⁴ *Леонидов Ф.* Рассказ Федора Ивановича // Пушкинский праздник (спец. вып.).— 1973.— 30 мая — 6 июня; 1976.— 4—9 июня.

¹⁵ Первая часть очерка С. Яблоновского «Поездка в Михайловское» — «У Григория Александровича Пушкина» — опубликована в газете «Сын отечества», 1899, 9, 10, 11 февраля. Перепечатана в газете «Бессарабец» 13 и 16 февраля того же года. Отклики на очерк появились в 19 газетах.

¹⁶ Рассказ Р. С. Копыловой записан для автора книги И. В. Зайцевым в декабре 1975 года. Он же прислал три свидетельства (подлинник и две ксерокопии), которые в 1903, 1907 и 1910 годах В. А. Пушкина выдала А. Е. Романовой. В них удостоверяется, что горничная добросовестно относилась к своим обязанностям. Эти документы переданы в ИРЛИ (фонд В. М. Русакова).

¹⁷ Павлищев Н. По поводу кончины Г. А. Пушкина//Виленский вестник.— 1905.— 25 авг.

¹⁸ Л. Н. Павлищев — Д. Н. Анучину, 8 февраля 1899 года; Из дневника Д. Н. Анучина//Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Труды.— М., 1939.— Сб. 4.— С. 165, 158.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 207.

²⁰ См.: *Философов Д.* Соседи Пушкина по с. Михайловскому//Речь.— 1911.— 26 мая.

²¹ ИРЛИ, ф. 246, № 58.

²² *Гейченко С. С.* У лукоморья.— 3-е изд., доп.— Л., 1977.— С. 192.

²³ Виленский вестник.— 1905.— 17, 18, 19, 23 авг.; Русь.— 1905.— 21 авг.; Новое время.— 1905.— 24 авг.; St. Petersburg Zeitung.— 1905.— № 236 и др.

²⁴ Сведения о П. П. Мельникове сообщил автору доктор технических наук, профессор М. И. Воронин (С.-Петербург).

²⁵ См.: *Храброва Н.* Сокровища усадьбы Маркучай//Огонек.— 1978.— № 23.— С. 19.

²⁶ Выписка из § 2 духовного завещания В. А. Пушкиной, совершенного 31 октября 1935 года. Пер. с польского. Хранится в музее А. С. Пушкина в Маркучае.

²⁷ Об этом см.: Известия.— 1940.— 15 авг.

²⁸ После смерти В. А. Пушкиной о сохранности дома в Маркучае продолжал неустанно заботиться управляющий имением Владимир Леонидович Назимов, в прошлом предводитель дворянства в Пскове. Умер в 1939 году, незадолго до прихода Красной Армии в Вильно.

²⁹ Эти вещи пропали, кажется, не бесследно. В ноябре 1939 года в прессе промелькнуло известие о том, что из Западной Белоруссии привезены в Минск «старинный столик, два кресла и кушетка, которые, как предполагают, также относятся к вещам великого поэта». Предположение, что упомянутые предметы обстановки попали в Минск из Маркучая и что они из числа тех вещей, о которых в свое время писала В. А. Пушкина, косвенно подкрепляется упоминанием в том же сообщении печати, что в составе минского приобретения были «снимки сына Пушкина — Григория, изображенного уже в глубокой старости». См.: Редкое приобретение//Сов. Белоруссия.— 1939.— 23 нояб.

«Прекрасная дочь прекрасной матери...»

¹ И. С. Тургенев — Н. С. Тургеневу, 12 января 1878 года//*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 12.— М.; Л., 1966.— С. 265.

² Петербургская газета.— 1912.— 29 янв.; Столица и усадьба.— 1916.— № 67.— С. 18. В «Дневнике» цензора и литературного критика А. В. Никитенко за январь 1865 года также отмечается, что на ново-

годнем балу в Зимнем дворце среди самых красивых женщин столицы «звездой первой величины сияла» и младшая дочь Пушкина.— См.: *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826—1877).— СПб., 1893.— Т. 3.— С. 1—2.

³ Исторический вестник.— 1900.— № 7.— С. 50—51.

⁴ *Регекамф Е. А.* (урожд. Новосильцова). Из мира теней. 1927.— ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 171.

⁵ *Леже Л.* У памятника Пушкину//Москва.— 1965.— № 8.— С. 206.

⁶ См.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского.— Пг., 1924.— С. 126—130; *Семевский М. И.* Знакомые. Книга автографов. 1886—1890, т. 3.— С. 111.— ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 397.

⁷ *Арапова А. П.*— 1908.— № 11442.

⁸ Цит. по ст.: *Энгель С.* «Душу твою люблю...»//Пушкинский край (Пушкинские Горы).— 1976.— 3 июня.

⁹ Из писем С. П. Вельяминовой. (Ср. воспоминания Е. Н. Бибиковой: «У нас уже <есть> одна старая дева, хочешь и меня просолить!»— ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.)

¹⁰ Подробнее см. в кн.: Сборник биографий кавалергардов. 1826—1908. Составлен под редакцией С. Панчулидзева.— СПб., 1908.— С. 137—138.

¹¹ *Арапова А. П.*— 1908.— № 11442.

¹² *Арапова А. П.*— 1908.— № 11442, 11446, 11449.

¹³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 205.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 484, № 36 (условно).

¹⁵ Подробнее см.: *Лернер Н.* Зарубежное потомство Пушкина//Столица и усадьба.— 1916.— № 67.— С. 18—19.

¹⁶ См.: *Бертенсон В. Б.* За 30 лет (Листки из воспоминаний).— СПб., 1914.— С. 237—240.

¹⁷ Цит. по ст.: *Рабкина Н.* Дочь Пушкина//Неделя.— 1973.— 5—11 февр.

¹⁸ В ряде позднейших работ пушкиноведов упоминается о том, что младшая дочь Пушкина была в России и на юбилейных торжествах, связанных со 100-летием со дня рождения поэта. В газетах же 1899 года, насколько мне известно, об этом не сообщалось. Более того, в Пушкинском кабинете ИРЛИ хранится газетная вырезка без даты (*Онегин А. Ф.* Puchkiniana, IV.— 1899.— С. 46), в которой говорится: «Висбаден, 26 мая (7 июня). Сегодня здесь отслужена была заупокойная литургия по А. С. Пушкину. Русская церковь... была полна молящихся, среди которых находилась дочь Пушкина, гр. Н. А. Меренберг, и две внучки поэта».

¹⁹ *Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская.* Переписка.— Л., 1976.— С. 343.

²⁰ См. цит. выше воспоминания В. Б. Бертенсона. Наталья Александровна в этом письме явно преувеличивает, причисляя себя к

«старикам». М. П. Арапова, правнучка Н. Н. и П. П. Ланских, вспоминала, что когда она, шестилетняя девочка, в 1906 году с родителями и бабушкой, М. Ф. Байо, ездила в Германию, то видела Н. А. Меренберг. Хотя Наталья Александровна носила в то время траур по мужу, она была «по-прежнему голубоглазая, стройная и красивая».

²¹ См.: Московские ведомости.—1913.—12, 14, 22 марта; Русское слово.—1913.—14 марта; Биржевые ведомости (веч. вып.).—1913.—14, 15, 21 марта; Новое время.—1913.—15 марта; Речь.—1913.—13 марта; Утро России.—1913.—16 марта; Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии.—1913.—№ 4.—Стлб. 63; Исторический вестник.—1913.—№ 4.—С. 381—382 и др.

²² ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

²³ Сожжение тела дочери Пушкина//Биржевые ведомости (веч. вып.).—1913.—21 марта.

²⁴ Цит. по кн.: *Тургенев И. С.* Собр. соч.—Т. 12.—С. 302. Подробнее о публикации писем Пушкина Тургеневым см.: *Измайлов Н. В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной//Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева.—Л., 1969.—Т. 5.—С. 399—416.

²⁵ Вестник Европы.—1878.—№ 1.—С. 7—8.

²⁶ Цит. по кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке.—СПб., 1912.—Т. 3.—С. 654.

²⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 27, № 36.

²⁸ В письме из Швальбаха в 1890 году Наталья Александровна Меренберг писала В. Б. Бертенсону: «Мой дорогой доктор, я вас не забыла... обещание мое также помню и потому честь имею поднести вам желанный автограф отца моего». См. цит. выше воспоминания В. Б. Бертенсона.

²⁹ Одно письмо Пушкина к жене — от 24 апреля 1834 года — попало в Пушкинский Дом другим путем. И. С. Тургеневым оно напечатано не было. Уточнением сведений о судьбе писем А. С. Пушкина к Н. Н. Пушкиной (Гончаровой) автор обязан Р. Е. Терехиной.

³⁰ Цит. по ст.: *Филин Михаил.* Забытый эпизод//Лит. Россия.—1987.—6 февр.

«...И обо мне вспомнят»

С думой о счастье народа

¹ *Кологривов А. В.* Белоруссия — детство мое.—ИРЛИ (фонд В. М. Русакова). Опубликовано в сокращении: Беларусь.—1974.—№ 5.—С. 23—24.

² Из письма С. Е. Клименко Т. Б. Лиокумовичу от 4 марта 1968 года (цит. по черновику).

³ Из цит. выше письма С. Е. Клименко Т. Б. Лиокумовичу.

⁴ *Спасская Л. Н.* <М. Е. Салтыков и его вятские друзья Ионины> // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников.— М., 1975.— Т. 1.— С. 75.

⁵ Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года; Вып. 5—6.— 1906.— С. 238—239.

⁶ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т.— М., 1975.— Т. 18.— Кн. 1.— С. 161—162, 167.

⁷ *Арапова А. П.*—1908.— № 11432.

⁸ Н. С. Шепелева, С. Е. Клименко и некоторые другие потомки А. С. Пушкина ошибочно полагали, что Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина (ум. 1893) была женой Федора Николаевича Петрово-Соловова и, следовательно, матерью Натальи Федоровны Петрово-Соловова, в замужестве Ланской,— бабушки Н. А. Воронцовой-Вельяминовой. Эту неточность допустил и я в первом издании книги. На самом деле женой Ф. Н. Петрово-Соловова была княжна Анна Григорьевна Щербатова, а на Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной был женат его сын — Михаил Федорович Петрово-Соловова. Таким образом, Е. В. Сухово-Кобылина приходилась невесткой Н. Ф. Петрово-Соловова. Об этом см.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга.— 2-е изд.— СПб., 1895.— Т. 2.— С. 87; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика.— Т. 1.— Князья Черниговские.— Ч. 3.— М., 1907.— С. 276.— № 43. Уточнением сведений о родстве потомков Пушкина с Сухово-Кобылиными автор обязан А. А. Кологривову.

Род Пушкиных еще раз скрестился с родом Сухово-Кобылиных в 1930 году, когда правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Мезенцова (в первом браке Геринг) вышла замуж за Андрея Михайловича Шепелева — внука Николая Александровича Шепелева, тетя которого, Мария Ивановна Шепелева (в замужестве Сухово-Кобылина), была матерью писателей А. В. Сухово-Кобылина и Е. В. Салиас де Турнемир.

⁹ ИРЛИ, ф. 246, № 75.

¹⁰ *Кологривов А. В.* Белоруссия — детство мое.— ИРЛИ (фонд В. М. Русакова).

¹¹ Из цит. выше письма С. Е. Клименко Т. Б. Лиокумовичу.

¹² До 1903 года имение Вавуличи принадлежало Аркадию Павловичу Воронцову-Вельяминову (1822—1903), которому досталось в качестве приданого за женой. После его смерти Вавуличи перешли к его сыну — Павлу Аркадьевичу.

Как потомки Пушкина породнились с семьей Гоголя

¹ «Брачный обыск» поручика Н. В. Быкова и М. А. Пушкиной, составленный 30 августа 1881 года, передала в ИРЛИ А. И. Коняева (ф. 244, оп. 20, № 160).

² Родители Н. В. Гоголя похоронены в Васильевке (Яновщине) рядом с их усадьбой. Могилы сохранились.

³ У В. А. и М. И. Гоголей-Яновских были также дети Иван (умер подростком в 1819 году), Мария, в замужестве Трушковская (1811—1844), Татьяна (скончалась ребенком). Годы рождения и смерти В. А. Гоголя-Яновского, его жены и детей сообщили М. С. Данилевская и Т. Н. Галина.

⁴ См.: *Машинский С.* Художественный мир Гоголя.— М., 1979.— С. 75.

⁵ Из воспоминаний Т. Н. Галиной.

⁶ *Гиляровский Вл.* Соч.: В. 4-х т. Т. 2.— М., 1967.— С. 405.

⁷ В работе над главой использованы также: *Брайко Г. С., Литвин Н. О.* Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н. В. Гоголя.— 2-е изд.— Харьков, 1975; письмо директора Полтавского краеведческого музея М. Д. Онишко от 5 июня 1978 года.

«...Не любил... визиты к царю»

¹ ЦГВИА, послужной список № 281—582, л. 25—27. Составлен 29 марта 1889 года.

² *Кулешов М.* Редкий экспонат//Ленинское знамя (Москва).— 1972.— 5 нояб.

³ Сведения о земских училищах, цифры и цитата из доклада Бронницкой уездной земской управы приводятся по письму заведующей отделом пропаганды и агитации Раменского райкома КПСС М. Г. Аверьяновой от 20 февраля 1976 года.

⁴ Письмо А. А. Пушкина К. П. Савицкому от 25 марта 1904 года подарено автору книги А. К. Савицким, хранится в ИРЛИ (фонд В. М. Русакова).

⁵ 22 января 1976 года, приехав в Бронницы, чтобы еще раз побывать у В. Д. Терещенко, автор книги непредвиденно оказался... на ее похоронах.

⁶ Перечисляя заслуги скончавшегося А. А. Пушкина, газета «Московские ведомости» (1916, 5 марта) писала: «При нем... началось и развивалось кооперативное движение...»

⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

⁸ *С. И.* Внук поэта (Беседа с А. А. Пушкиным)//Голос Москвы.— 1912.—29 янв.

В заметке «Кража реликвий А. С. Пушкина», напечатанной в тот же день в газете «Утро России», говорилось, что в похищенном у А. А. Пушкина пакете были собственноручно записанные поэтом русские пословицы и поговорки.

⁹ О кончине А. А. Пушкина сообщали: Русское слово.—1916.—4 марта; Биржевые ведомости (утр. вып.).—1916.—5 марта; Московские ведомости.—1916.—5 марта и другие издания.

¹⁰ См.: *Модзалевский Б.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание)//Пушкин и его современники: Материалы и исследования: Предисловие; Вып. 9—10.—СПб., 1910.—С. X—XII, XV.

Любопытно отметить, что в письме А. Ф. Онегина от 19 апреля 1903 года, адресованном академику А. Н. Веселовскому, выражается надежда, что сын Пушкина, Александр Александрович, доставит книги своего отца в будущий Пушкинский Дом (об этом см.: ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 581, л. 18 об.). Из сказанного следует вывод: известному коллекционеру пушкинских рукописей и других раритетов в то время еще не было известно, что библиотека великого поэта находится у А. А. Пушкина-внука.

¹¹ В. А. Рышков и его «Дневник» (Предисловие и примечания В. П. Степанова)//Пушкинский Дом.—Л., 1982.—С. 136—137, 139.

¹² Подробнее о составе личной библиотеки поэта см.: *Теребенина Р. Е.* Фонд А. С. Пушкина в Пушкинском Доме//Нева.—1974.—№ 6.—С. 187—192.

«Живая пушкинская энциклопедия»

¹ И. Внуки А. С. Пушкина//Огонек.—1923.—№ 14.—С. 3.

² *Грандковская И.* Потомки Пушкина//Сов. женщина.—1949.—№ 3.—С. 22.

³ *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина//Наука и жизнь.—1971.—№ 6.—С. 72.

⁴ См.: *Гард Э.* Внуки А. С. Пушкина//Вечерняя Москва.—1933.—15 февр.

⁵ Новое время.—1914.—№ 13782.

⁶ *Чулкова Н. Г.* Анна Александровна Пушкина.—ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 254.

⁷ Оpubл. в газ. «За боевые темпы» (Москва).—1949.—1 июня.

⁸ У внучки А. С. Пушкина, А. А. Пушкиной//Петербургская газета.—1912.—29 янв.

«А я — Пушкин, внук Александра Сергеевича»

¹ ЦГВИА, послужной список № 154—895, л. 11.

² Из рассказа Г. Г. Пушкина.

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 178.

⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 153.

⁵ Подробнее о находке в Лопасне см.: *Фейнберг И.* Незавершенные работы Пушкина.—5-е изд.—М., 1969.—С. 22—26.

⁶ О трудном материальном положении семьи Г. А. Пушкина в начале 1920-х годов свидетельствуют его письма, а также письма его жены, Ю. Н. Пушкиной, в Российскую Академию наук.—ЛО ААН, ф. 150, оп. 1 (1918), ед. хр. 1, л. 135—136, 139—140, 180—181.

Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР отношением от 17 июня 1927 года № 4267 уведомляла Академию наук: «...вследствие Вашей просьбы оказать поддержку потомкам А. С. Пушкина... Г. А. Пушкин, его жена и сын Григорий помещены бесплатно, сроком на месяц, в подмосковный санаторий «Сосновый Бор». В ближайшее время ЦЕКУБУ будет возбуждено ходатайство об увеличении Г. А. Пушкину персональной пенсии.— ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1927), ед. хр. 45, л. 161.

⁷ См., напр., в кн.: *Фейнберг И.* Загадочный набросок Пушкина.— М., 1978.— С. 42—43.

⁸ См.: *Орлов С.* Семья Пушкиных//Горьковский рабочий.— 1935.— 30 авг.

⁹ Оpubл. в газ. «Пролетарская правда» (Калинин).—1937.— 23 февраля.

Страницы шести биографий

¹ Фотографии могилы П. А. Пушкина прислала автору книги жительница г. Новогрудка Д. С. Немцова.

² «Брачный обыск» прапорщика Н. Н. Павлова и О. А. Пушкиной, составленный 23 августа 1881 года, передала в ИРЛИ А. И. Коняева (ф. 244, оп. 20, № 159).

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 114.

⁴ *Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В.* Пушкины. Родословная роспись.— Л., 1932.— С. 61.

⁵ Кончина внучки Пушкина//Новое время.—1915.—17 июня. О смерти Н. А. Пушкиной сообщалось также в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии».— 1915.— № 7.— Стлб. 112.

⁶ ИРЛИ, ф. 246, № 74.

⁷ Там же, № 72.

⁸ Некролог, посвященный В. А. Мезенцовой; был напечатан в кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 11.— СПб., 1909.— С. 119.

⁹ Приводится по письму С. М. Яковлева от 13 февраля 1976 года.

¹⁰ Эта дата стоит в послужном списке самого С. А. Пушкина (ЦГВИА, п. с. № 305—210, л. 152). В послужном списке его отца, А. А. Пушкина, как и на могиле Сергея Александровича в Лопасне, указана другая дата —9 июля 1874 года. В книге Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись» сказано, что С. А. Пушкин — сын А. А. Пушкина от второго брака и что родился он 9 июня 1878 года. Это — явная ошибка, так как первая жена А. А. Пушкина умерла в 1875 году, а на второй он женился только в 1883 году.

И на чужбине оставался русским...

¹ ЦГВИА, послужной список № 114—556, л. 228—229. Составлен 10 ноября 1908 года.

² Ведомость о земских школах Веневского уезда за 1912/13 уч. год.— Тула. 1914.— С. 72—73. Цит. по выписке, сделанной для автора книги М. Г. Бороздинским.

³ Письмо-аттестацию и автобиографию Б. П. Зоркина 1936 года подарила автору В. П. Новикова (Москва). Переданы в ИРЛИ (фонд В. М. Русакова).

⁴ *Татаринов В.* Потомки А. С. Пушкина жили в Кирсанове//Комсомольское знамя (Тамбов).—1962.—30 сент.

⁵ ИРЛИ, № 29396 б 16.

⁶ Благонамеренный (Брюссель).— 1926.— № 1.— С. 140—142.

⁷ Речь Н. А. Пушкина помещена на с. 58—60 книги: Centenaire de Pouchkine, 1837—1937. Exposition «Pouchkine et son époque». Paris (1937).

⁸ См.: *Антокольский П.* Пушкиниана продолжается//Неделя.— 1977.—12—18 дек.— С. 11; *Фейнберг И.* Незавершенные работы Пушкина.—5-е изд.— М., 1969.— С. 26 (сноска 1).

⁹ *Катаев В.* Три поколения Пушкиных//Юность.—1958.— № 8.— С. 23.

¹⁰ См.: *Поляновский М.* В Брюсселе у Пушкиных//Поляновский М. Остановись, мгновение... 36 фотонувелл.— М., 1968.— С. 75—81.

¹¹ Цит. по ст.: *Слобожан И.* Время, запечатленное в бронзе//Белые ночи.— Л., 1978.— С. 76—77.

¹² Копию письма Н. А. Пушкина к И. А. Бунину от 21 сентября 1949 года прислал автору литературовед А. К. Бабореко (Москва).

¹³ Цит. по копии, снятой М. Г. Бороздинским.

Неразгаданная тайна

¹ Эта дата рождения Е. А. Пушкиной значится в послужном списке ее отца, А. А. Пушкина (ЦГВИА, ф. 400, оп. 174, д. 36, л. 35, ч. II). В некоторых источниках (*Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В.* Пушкины. Родословная роспись.— Л., 1932.— С. 62 и др.) ошибочно указано, что Елена Александровна родилась 16 августа 1890 года.

² В кн.: *Фейнберг И.* Загадочный набросок Пушкина.— М., 1978.— С. 40—47. Впервые очерк опубликован в журнале «Огонек».—1962.— № 7.— С. 16—17 (под названием «Неизвестный дневник Пушкина?»).

О своем стабильном отношении к загадочной истории пушкинского дневника № 1 И. Л. Фейнберг писал автору книги 25 мая 1979 года — за три недели до смерти.

³ *Измайлов Н. В.* Источниковедение//Пушкин. Итоги и проблемы изучения.— М.; Л., 1966.— С. 614. И позднее Н. В. Измайлов считал, что вопрос о неизвестном дневнике Пушкина, «пока не явятся новые и

несомненные факты... должен решаться отрицательно» (*Измайлов Н.* О рукописях А. С. Пушкина//Белые ночи.— Л., 1974.— С. 81).

⁴ *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине.— М., 1962.— С. 334 (примеч. 185).

⁵ Е. А. Розенмайер ошибочно считала, что этот портрет Н. Н. Пушкиной написан А. П. Брюлловым. Впоследствии выяснилось, что у нее находилось одно из авторских повторений известного портрета Наталии Николаевны, выполненного В. И. Гау в 1842—1843 годах. На портрете, которым обладала Е. А. Розенмайер, страусовое перо прорисовано с особой тщательностью, отчетливо видна и звездочка на полях шляпки. Позднее Елена Александровна продала портрет С. М. Лифарю.

⁶ ИРЛИ, № 29396 б 16.

⁷ Письмо от 7 января 1923 года.— Там же.

⁸ Письмо от 14 января 1923 года.— Там же.

⁹ В письме к автору книги от 22 апреля 1973 года Н. С. Шепелева, ссылаясь на авторитетные английские источники, утверждала, что Е. А. Розенмайер в Южной Африке «жить не могла», потому что там в то время никаких ее родственников не было. Сэр Юлиус Уэрнер — отец Харолда Уэрнера, будущего мужа правнучки Пушкина графини Зии (Анастасии Михайловны) де Торби,— отправился в Южную Африку в 1871 году, где вскоре стал крупным владельцем алмазных копей. Разбогатев, Юлиус Уэрнер возвратился в Англию, в 1903 году купил замок Лутон Ху (Luton Hoo) под Лондоном, где разместил богатейшую коллекцию картин, скульптуры, гобеленов и других произведений искусства. Впоследствии к редкостям замка Зия Уэрнер присоединила и свою коллекцию ювелирных работ Густава (1815—1893) и Петра Карла (1846—1920) Фаберже, отца и сына, владельцев крупнейшей в России фирмы ювелирных изделий. А после смерти мужа она стала хозяйкой этого уникального замка-музея. Когда Зия Уэрнер скончалась, ее наследники, не желая распылять редкую коллекцию произведений искусства в Лутон Ху, вынуждены были продать Лондонской национальной галерее ценную картину Альбрехта Альтдорфера, чтобы составить капитал, необходимый для содержания замка. Сэр Юлиус Уэрнер скончался в 1912 году. Ни сам он, ни члены его семьи после 1903 года в Южной Африке не только не жили, но и не бывали.

Вторая версия — о том, что Е. А. Розенмайер, возможно, уехала из Стамбула к двоюродной сестре Александре Николаевне Меренберг, которая, «по слухам, вышла замуж за какого-то миллионера — владельца алмазных россыпей в Капштадте», — высказана академиком С. Ф. Платоновым в записке на имя неперменного секретаря Академии наук СССР С. Ф. Ольденбурга от 14 декабря 1928 года. Но она также не подкрепляется никакими документальными данными. Поэтому относящееся к 1923 году сообщение Е. А. Розенмайер о ее намерении переехать из Турции в южноафриканское имение английских родственников до сих пор является загадкой.

¹⁰ М. Л. Гофман — З. Г. Гринбергу. Письмо без даты.— ИРЛИ, № 29396 б 16.

¹¹ Опубликована в Праге в историко-литературном сб. «На чужой стороне».— Цит. по кн.: *Фейнберг И.* Загадочный набросок Пушкина.— М., 1978.— С. 41.

¹² Записка адресована непременно секретарю Академии наук СССР. К ней приложен список зарубежных потомков Пушкина и других лиц, у которых, по мнению академика С. Ф. Платонова, могли находиться пушкинские рукописи, в том числе неизвестный дневник поэта.— ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1928), ед. хр. 29, л. 262—265.

¹³ В 1970 году в Париже была издана на русском языке книга Сергея Космана «Дневник Пушкина. История одного преступления», явно рассчитанная на сенсацию...

Об этой книге см.: *Коровин В.* Что сказали о Пушкине София Николаевна и Михаил Михайлович...//Вопросы литературы.—1972.— № 1.— С. 105—118; *Марьянов Б.* Легенда о блудном сыне//Наука и религия.—1974.— № 2.— С. 91.

¹⁴ *Нечаева Н. С.* Московская пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л. И. Поливанова)//Временник Пушкинской комиссии. 1980.— Л., 1983.— С. 148.

¹⁵ Оттиск воспоминаний И. А. Бунина, среди них и заметки о Е. А. Розенмайер (с. 15—18), Л. Ф. Зуров в ноябре 1962 года прислал в ИРЛИ.

¹⁶ Издан в Вашингтоне в 1967 г. Частично перепечатан в кн.: Литературное наследство.— Т. 84.— Кн. 2.— М., 1973.— С. 251—299.

¹⁷ Л. Ф. Зуров неточно указал дату посещения Буниных Е. А. Розенмайер. О приезде Елены Александровны И. А. Бунин сделал дневниковую запись в тот же день, а именно — 14 июня (у Зурова — 15 мая). Неверно сообщил Зуров и год смерти Е. А. Розенмайер.

¹⁸ Цит. по ст.: Из переписки Бунина с Тэффи. <Предисловие и комментарий А. Бабореко>//Подъем (Воронеж).—1978.— № 3.— С. 130.

¹⁹ Об этом см. также: *Бабореко А.* В потоке событий. Новое о Бунине//Орловский комсомолец.—1974.—7 марта.

²⁰ Наука и жизнь.—1971.— № 6.— С. 74.

И еще о внуках

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

² *Режекамф Е.* Из мира теней.— ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 171.

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

⁴ Там же, № 143.

⁵ *Леже Л.* У памятника Пушкину//Москва.—1965.— № 8.— С. 206.

⁶ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 187.

⁷ Там же, № 116, 187.

⁸ ЛГИА, ф. 11, оп. 1, № 3090 г, л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, № 3224, л. 12.

¹¹ Оригиналы обеих телеграмм по-французски. Перевод приводится по кн.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова.— М., 1966.— Т. 2.— С. 355.

¹² Письмо П. А. Столыпина от 24 июня 1908 года № 6003 на имя наместника на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова, хранящееся в Государственном архивном управлении Грузии, цит. по ст.: *Еникопов И.* Зять Пушкиных//Вечерний Тбилиси.—1967.—15 авг.

¹³ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю.— Молотов, 1951.— Т. 2.— С. 183.

¹⁴ *Зильберштейн И. С.* Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры//Огонек.—1970.— № 6.— С. 22.

Автор указанной статьи допустил досадную неточность. Он пишет, что 30 марта 1928 года на балетном спектакле в Ницце, устроительницей которого была графиня С. Н. де Торби, «в ответ на свою просьбу Дягилев получил обещание, что одно из писем (Пушкина) будет ему завещано». В 1928 году София Николаевна не могла ни быть устроительницей спектакля, ни дать какого бы то ни было обещания, так как она скончалась 14 сентября 1927 года.

¹⁵ См.: *Измайлов Н. В.* Источниковедение//Пушкин. Итоги и проблемы изучения.— М.; Л., 1966.— С. 627.

¹⁶ После смерти в 1880 году императрицы Александр II обвенчался с бывшей фрейлиной супруги княжной Е. М. Долгорукой, которую нарекли светлейшей княгиней Юрьевской.

¹⁷ В годы первой мировой войны в русской печати появились сообщения о том, что родной внук А. С. Пушкина, ротмистр ландвера Георг Николай Меренберг, воюет против России в одной из прусских гвардейских кавалерийских частей. Писали и о том, что, призванный на действительную службу, граф Меренберг «добивался зачисления в армию, действующую против Франции, но ввиду его люксембургских связей это было признано неудобным, и внуку Пушкина приходится участвовать в кампании против русских» (Речь.—1914.—2 дек.).

¹⁸ Об этом см.: *Лернер Н.* Зарубежное потомство Пушкина//Столица и усадьба.—1916.— № 67.— С. 18—19. *М. де Витт.* Внук Пушкина отказался от своих прав на люксембургский престол//Стро России.—1909.—19 дек.; Люксембургское наследство и потомок Пушкина//Московские ведомости.—1912.—18 февр.; «Культурный центр им. А. С. Пушкина» в Люксембурге//Временник Пушкинской комиссии. 1976.— Л., 1979.— С. 176—178.

«России двинулись сыны...»

Воин, ученый, педагог...

¹ Картины А. И. Рошиной после ее смерти были переданы в Полтавский художественный музей и погибли в период Великой Отечест-

венной войны. Сохранившиеся работы экспонировались в 1970-х годах на одной из художественных выставок в Полтаве.

² Подробнее о научной и педагогической деятельности А. С. Данилевского см.: Александр Сергеевич Данилевский <Некролог> // Вестник Ленинградского университета.— № 15; Биология; Вып. 3.—1969.— С. 175—176; *Белозеров В. Н.* и др. Александр Сергеевич Данилевский (1911—1969) <Некролог> // Зоологический журнал; Вып. 11.—1969.— Т. 48.— С. 1753—1754; *Волгин В. И.* и др. Памяти Александра Сергеевича Данилевского (1911—1969) // Энтомологическое обозрение; Вып. 3.—1969. Т. 48.— С. 697—702; *Бей-Биенко Г. Я.* Научный путь А. С. Данилевского (1911—1969) // Защита растений.—1969.— № 11.— С. 62—63; *Полянский Ю. И.* Александр Сергеевич Данилевский // Проблемы фотопериодизма и диапаузы насекомых.— Л., 1972.— С. 3—14; БСЭ.— 3-е изд.— Т. 7.— С. 527.

Эстафета поколений

¹ Приводится по рассказу С. Н. Данилевской.

Три поколения Кологривовых

¹ *Кологривов А. В.* Белоруссия — детство мое.— ИРЛИ (фонд В. М. Русакова). Опубликовано в сокращении: Беларусь.—1974.— № 5.— С. 23—24.

² Е. К. Миллер был женат на Наталье Николаевне Шиповой, внучке П. П. Ланского и Н. Н. Пушкиной-Ланской. Сведения получены от М. П. Араповой. Подтвердил их и В. А. Казачков.

³ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1927), ед. хр. 45, л. 129.

⁴ Там же, л. 161.

⁵ Оба письма цитируются по копиям, снятым А. А. Кологривовым.

⁶ Из письма А. А. Кологривова от 3 декабря 1983 г.

⁷ *Хелемский Я.* На темной ели звонкая свирель.— М., 1971.— С. 250.

⁸ Сведения об А. О. Кологривове автор получал от учительницы из Новой Усмани Воронежской области В. М. Злобиной, Героя Социалистического Труда, от членов ее литературного кружка, а также от некоторых потомков Пушкина.

⁹ Сведения о вступлении в брак А. О. Кологривова и рождении детей получены из органов ЗАГС г. Воронежа.

Он защищал Москву

¹ Из письма С. Е. Клименко киевским школьникам от 1 декабря 1973 года. Приводится по черновику.

² Рукопись своих записок о войне С. Е. Клименко прислал автору книги в мае 1982 года.

³ Письмо М. В. Лопунова, как и три письма зенитчиц от августа — сентября 1943 года, хранится в ИРЛИ (фонд В. М. Русакова).

⁴ Из письма С. Е. Клименко близким Е. Я. Лось (лето 1979 года).— ИРЛИ (фонд В. М. Русакова).

⁵ Приводится в переводе С. Е. Клименко.

⁶ Из письма С. Е. Клименко школьникам от 26 марта 1964 года. Приводится по черновику.

На земле, в небе и на море

¹ См.: *Дворников Е.* Секунда родом с Клязьмы//Правда.—1983.—13 марта.

² См.: *Корепанов С.* Эталон точности//Сов. Россия.—1983.—30 янв.

³ Потомок А. С. Пушкина — моряк советского флота//Морской флот.—1949.—7 июня.

⁴ О его подпольной деятельности см. в кн.: *Некрасов Г. И.* Очной ставки не будет.— М., 1980.— С. 59—61.

У нас и за рубежом

«Нравом я далеко не кроткая»

¹ Из письма С. П. Вельяминовой от 13 августа 1970 года.

Берегут честь смолоду

¹ Из письма к А. В. Марченкову, март 1987 года.

² Из цитированного выше письма к А. В. Марченкову.

С нее все и началось

¹ Этот бюст — одно из авторских повторений скульптурного портрета Гоголя, принадлежащего Русскому музею в Петербурге. Другие авторские копии находятся в Третьяковской галерее (Москва), в Абрамцеве и во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Петербург).

Н. А. Рамазанов близко знал и любил Н. В. Гоголя. На дагерротипе 1845 года оба сняты среди художников в Риме. 21 февраля 1852 года Рамазанов сделал посмертную маску Гоголя (четыре позы), а два года спустя исполнил скульптурный портрет писателя, о котором говорилось выше.

И почетно, и ответственно

¹ Сын Петра Ивановича Воронцова-Вельяминова и Анастасии (Настасьи) Андреевны Болотовой, Павел Петрович, был героем Отечественной войны 1812 года. Сын последнего, Аркадий Павлович,— отец Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова, мужа внучки поэта Натальи Александровны Пушкиной.

² Назову еще две печатные работы Г. С. Усовой, представляющие особую научную значимость: Получение краснолистных клонов у яблони//Сборник докладов Первой Всесоюзной конференции молодых ученых по садоводству.— Мичуринск, 1971.— Т. 2.— С. 236—239; О генетической природе спонтанно возникшего зеленолистного мутантного клона парадизки краснолистной//Спонтанный и индуцированный мутагенез в селекции садовых растений.— М., 1974.— С. 144—145.

³ *Коровин В. А.* Совместимость привоя и подвоя яблони.— М., 1979.

«Поэтом можешь ты не быть...»

¹ Поскольку брак А. П. Зейлих с И. Е. Зейлихом, как и брак А. А. Пушкина с первой женой О. Н. Решетовой, официально расторгнут не был, Кате тоже дали фамилию Зейлих, о чем в церковной книге села Авдотьино Бронницкого уезда 4 декабря 1907 года сделана соответствующая запись. В той же записи родителями девочки значатся «врач надворный советник Исаак Ефремович Зейлих и законная его жена Анна Петровна», хотя фактически они не жили совместной семейной жизнью уже шесть-семь лет.

У Александра Александровича Пушкина и Анны Петровны Зейлих еще до рождения Кати было двое детей. Дочь Соня умерла в мае 1904 года в возрасте четырех месяцев. Сын, которого супруги собирались назвать Сашей, появился на свет в конце 1905 года и через несколько дней скончался.

Когда Екатерине Зейлих исполнилось шестнадцать лет, народный суд Краснопресненского района города Москвы рассмотрел гражданское дело об отцовстве А. А. Пушкина. В постановлении суда от 21 июля 1923 года, № 6631/1139, говорится: «Отцом означенной Екатерины Зейлих признать гр(ажданина) Александра Александровича Пушкина, а потому она имеет право именоваться Екатерина Александровна Пушкина». На основании этого юридического документа в актовую запись о рождении Е. А. Пушкиной (Зейлих), хранящуюся в Московском областном архиве ЗАГС, внесены необходимые поправки.

Многочисленные документальные материалы: свидетельства о браке, прекращении его, перемене фамилии Е. А. Пушкиной и ее детей; напечатанная в газете «Правда» 9 февраля 1937 года (к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина) фотография потомков поэта, где среди других сняты и Е. А. Пушкина с сыновьями; нотариально заверенные

воспоминания В. Д. Терещенко, А. А. Африкановой, М. Д. Казачковой и Т. В. Лазаревой, также подтверждающие, что Екатерина Александровна — дочь А. А. Пушкина от его гражданского брака с А. П. Зейлих; справка Института мировой литературы имени А. М. Горького от 16 ноября 1956 года — о том же, приказ наркома просвещения А. С. Бубнова о назначении в 1937 году «потомкам А. С. Пушкина — Александру и Михаилу Пушкиным... стипендии» и другие документы, находящиеся в моем распоряжении, — неоспоримо доказывают, что Е. А. Пушкина, ее дети и внуки являются законными потомками великого поэта.

О том же свидетельствует и хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР «Список потомков Александра Сергеевича Пушкина в Союзе ССР», который составлен Т. Г. Цявловской при участии правнучек Пушкина С. П. Вельяминовой и Т. Н. Галиной по состоянию на 10 марта 1957 года. Дополнения (карандашом в тексте и на отдельных машинописных листках) внесены в перечень Т. Н. Галиной 14 февраля 1962 года. В этом списке Е. А. Пушкина значится под номером 5, а ее дети Александр, Михаил и Наталья — соответственно под номерами 23/5, 24/5 и 25/5.

Объективности ради следует сказать, что некоторые потомки Пушкина старших поколений относились к гражданскому супружеству А. А. Пушкина и А. П. Зейлих неодобрительно из-за его «незаконности». Самолюбивый, властный характер Анны Петровны тоже, безусловно, давал свойственникам повод относиться к ней неприязненно. Но никто из братьев и сестер, других родственников А. А. Пушкина при его жизни не ставил под сомнение кровное родство между Александром Александровичем и Катей. Напротив, Г. А. Пушкин на суде подтвердил, что Екатерина Зейлих — родная дочь его старшего брата.

Однако в последние два десятилетия (после смерти Е. А. Пушкиной) отдельные недостаточно осведомленные лица, в том числе кое-кто из потомков Пушкина, игнорируют принадлежность Е. А. Пушкиной и ее потомства к пушкинскому роду. В качестве «беспорного аргумента» они приводят тот факт, что в беседе с Б. Л. Модзалевским Александр Александрович Пушкин назвал Катю «своей воспитанницей». При этом забывают (или не знают?), что слово «воспитанник(-ца)» имело тогда значение, ныне утраченное. Вот какую справку дал мне по этому поводу известный лингвист А. М. Бабкин (Институт языкознания АН СССР) в сентябре 1973 года: «В XIX веке и в начале XX века в купеческих и дворянских семьях детей от гражданского брака и внебрачных (побочных) называли воспитанниками. Явление это было привычным и широко распространенным... В таком значении слово «воспитанник(-ца)» очень часто выступало и в юридической практике».

² *Гард Э.* Потомки великого поэта//Красная Мордовия (Саранск).—1937.—9 янв.

³ *Ленинские искры* (Ленинград).—1937.—9 февр.

⁴ Там же.

Горсть русской земли в Париже

¹ Новикова-Каллаш М. А. Правнук Пушкина (Памяти Воронцова-Вельяминова). Опул. в одной из парижских газет в июне 1951 года.

² Об этом см.: Бобруйск. Историко-экономический очерк.— Минск, 1970.— С. 49, 54—55.

³ Кузнецова Н. Новое о Пушкине и его семье//Огонек.—1981.— № 23.— С. 21.

⁴ Ксерокопии писем Г. М. Воронцова-Вельяминова одесским школьникам присланы автору И. Л. Попелюхером.

⁵ Огонек.—1969.— № 41.— С. 30—31.

⁶ См.: Временник Пушкинской комиссии.— Л., 1972.— С. 24—29; 1979.— С. 174—176; Вопросы литературы.—1983.— № 4.— С. 210—216.

⁷ См.: Ленинградская правда.—1960.—11 авг.; Московская правда.—1960.—13 авг.

Лекарств от ностальгии нет

¹ Рассказ В. А. Вилковой о встрече с А. Н. и Н. Е. Апраксиными записан для автора книги жителем Севастополя И. В. Зайцевым в 1976 году.

² ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 253.

Пушкины в Брюсселе

¹ См.: Поляновский М. В Брюсселе у Пушкиных//Поляновский М. Остановись, мгновение... 36 фотонувелл.— М., 1968.— С. 75—81.

² См.: Кузнецов В. У Пушкиных в Брюсселе//Неделя.—1970.— 16—22 марта.

Корни русские — характер английский

¹ Marchioness Nada Milford Haven//The Times.—1963.—23 Jan.

² См.: Столица и усадьба.—1916.— № 67; 1917.— № 83.

³ См.: The Times.—1959.—27 April.

⁴ Lady Zia Wernher//The Times.—1977.—8 Dec.

⁵ Об этом см.: Liverpool Echo.—1982.—3 March.

⁶ В главе использованы также сведения, сообщенные автору профессором Оксфордского университета (Англия) Джоном Симмонсом, Г. М. Воронцовым-Вельяминовым (Париж), Н. В. Измайловым (Ленинград), А. П. Грицкевичем (Минск), и следующие печатные материалы: Burke's Peerage and Baronetage, 105th edition.— London, <1978>.—Р. 3, 67, 719, 1819, 1822, 2796; Gallery pays at least £ 3m for Altdorfer.— The Times.—1980.—13 Nov.; Luton Hoo. The Wernher Collection. This is one of the Pitkin «Pride of Britain» Books.— London;

Джонстон Ч., Кугультинов Д. Диалог о Пушкине//Иностранная литература.—1982.— № 1.— С. 182; Скосырев В. Встреча с потомками Пушкина//Известия.—1982.—31 авг.; Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах.— М., 1987.

«Нет, в честь другого Александра...»

¹ Измайлов Н. В. Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной//Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева.— Л., 1969.— Т. 5.— С. 403—404.

Калейдоскоп лиц и событий

¹ Сведения о семье Лиу в 1988 году сообщил автору П. П. Коровяковский, старший редактор Гостелерадио СССР; найти адрес и телефон Лиу ему помогла Маргарет Скуайр, сотрудница культурного центра при посольстве США в СССР.

² Сведения о трех поколениях семьи Павловых приводятся по письмам праправнуков Пушкина Г. М. Воронцова-Вельяминова, В. А. Оверол (Павловой), Н. И. Пушкиной (Харитоновой).

Условные сокращения

ГАТО — Государственный архив Тульской области.

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив.

ЛО ААН — Ленинградское отделение архива Академии наук СССР.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (С.-Петербург).

А. С. Пушкин и его потомки

Родословная роспись

Роспись составлена по состоянию на 1 января 1992 года. В список включены как прямые потомки А. С. Пушкина, так и их супруги. Имена, отчества и фамилии всех потомков выделены полужирным шрифтом. В скобках указана фамилия, которую данный потомок Пушкина имел при рождении.

Даты рождения и смерти потомков и их супругов, а также вступления в брак, относящиеся к периоду до 1 (14) февраля 1918 года, приводятся по старому стилю.

Слева дается порядковый номер потомка. Справа — номер его отца или матери (в зависимости от того, кто из них по рождению принадлежит к пушкинскому роду). Стоящая за этим номером цифра в скобках указывает, от какого по счету брака (если их было не менее двух) основного — по росписи — родителя произошел данный потомок.

Черным кружком впереди порядкового номера помечены потомки Пушкина по непрерывавшимся мужским линиям, звездочкой — потомки женского пола, принявшие в браке фамилию супруга. При двух и трех замужествах последовательность перемены фамилии обозначена соответствующими номерами брака, стоящими после звездочки в скобках. Вопросительный знак (?) поставлен там, где те или иные сведения неизвестны или вызывают сомнение. В необходимых случаях в скобках даны варианты иноязычных имен и фамилий.

Сокращения: м. — муж, ж. — жена, р. — родился (лась), нач. — начало, ок. — около, вел. кн. — великий князь, св. кн. — светлейшая княжна, пр. — принц, герц. — герцог (иня), марк. — маркиз (а), гр. — граф (иня), вик. — виконт, бар. — барон (есса).

- 1   **Александр Сергеевич Пушкин**
                           (26.V 1799—29.I 1837),
 ж. с 18.II 1831 Наталья Николаевна Гончарова,
 во втором браке Ланская (27.VIII 1812—26.XI 1863)

Первое поколение. ДЕТИ

- *   2   **Мария Александровна Пушкина**
                           (19.V 1832—7.III 1919),   1
 м. с IV 1860 Леонид Николаевич Гартунг
                           (5.X 1832—13.X 1877)
- 3   **Александр Александрович Пушкин**
                           (6.VII 1833—19.VII 1914),   1
 ж. 1) с 8.I 1858 Софья Александровна Ланская
                           (25.VIII 1838*—8.IV 1875)
 2) с 20.VII 1883 Мария Александровна Павлова
                           (4.XII 1852—IX 1919)
- 4   **Григорий Александрович Пушкин**
                           (14.V 1835—5.VIII 1905),   1
 ж. с 24.X 1883 Варвара Алексеевна Мельникова,
                           в первом браке Мошкова
                           (1.XII 1855—11.XII 1935)
- * (1) 5   **Наталья Александровна Пушкина,**
                           во втором браке гр. **Меренберг**
                           (23.V 1836—10.III 1913),   1
 м. 1) с 18.II 1853 Михаил Леонтьевич Дубельт
                           (8.II 1822—6.IV** 1900)
 2) с 1.VII 1867 пр. Николай Вильгельм Нассауский
                           (7.IX 1832—5.IX 1905)

Второе поколение. ВНУКИ

- *   6   **Наталья Александровна Пушкина**
                           (5.VIII 1859—5.XII 1912),   3(1)
 м. с 25.I 1881 Павел Аркадьевич Воронцов-
                           Вельяминов (20.IV 1854—II 1920)
- 7   **Софья Александровна Пушкина**
                           (28.VI 1860—15.V 1861)   3(1)

---

* Дата рождения С. А. Ланской (Пушкиной) приводится по надписи на конверте с цветами из ее гроба), сделанной братом покойной П. А. Ланским (хранится у Н. С. Шепелевой). По другим сведениям, Софья Александровна родилась в 1836 или 1837 году.

** По другим источникам — 8.IV.

- * 8 **Мария Александровна Пушкина**
(5.VII 1862—9.IX 1939), 3(1)
м. с 30.VIII 1881 Николай Владимирович Быков
(19.I 1856—31.XII 1918)
- 9 **Александр Александрович Пушкин**
(3.X 1863—3.III 1916), 3(1)
ж. 1) с 15.XI 1887 Ольга Николаевна Решетова
(?—25.XII 1916)
2) ок. 1902 (гражд. брак) Анна Петровна
Савицкая, в первом браке Зейлих
(1869—1.XII 1944)
- * 10 **Ольга Александровна Пушкина**
(28.XI 1864—16.IV 1933), 3(1)
м. с 23.VIII 1881 Николай Николаевич Павлов
(25.I 1857—до 1916) (разведены)
- 11 **Анна Александровна Пушкина**
(24.IV 1866—5.VI 1949) 3(1)
- 12 **Григорий Александрович Пушкин**
(15.IX 1868—1.IX 1940), 3(1)
ж. с 17.VIII 1911 Юлия Николаевна Бартенева,
в первом браке Катыбаева
(6.VII 1877—23.I 1967)
- 13 **Петр Александрович Пушкин**
(VI 1870—6.XI 1870) 3(1)
- 14 **Надежда Александровна Пушкина**
(10.XI 1871—15.VI 1915) 3(1)
- * 15 **Вера Александровна Пушкина**
(19.XII 1872—8.II 1909), 3(1)
м. с 5.IX 1901 Сергей Петрович Мезенцов
(8.I 1866—15.XII 1945)
- 16 **Сергей Александрович Пушкин**
(9.VI 1874—21.VIII 1898) 3(1)
- 17 **Николай Александрович Пушкин**
(3.IV 1885—18.XI 1964), 3(2)
ж. с 26.V 1906 Надежда Алексеевна Петунникова
(23.IV 1878—24.XII 1974)
- * 18 **Елена Александровна Пушкина**
(16.VIII 1889—14.VIII 1943), 3(2)
м. с 22.XI 1921 Николай Алексеевич фон дер Ро-
зенмайер (1892—ок. 1933*)
- * 19 **Наталья Михайловна Дубельт**
(23.VIII 1854—6.X 1926), 5(1)

* По другим сведениям -- в январе 1945 года.

м. с 18.I 1881 Арнольд Герман Иозеф Иоганн
Непомук Франц Ксавер Леопольд фон Бессель
(16.VI 1826—16.III 1887)

20 **Леонтий Михайлович Дубельт**
(5.X 1855—24.IX 1894), 5(1)
ж. Агриппина Оболенская (?—?)

* 21 **Анна Михайловна Дубельт**
(1861—ок. VI 1919), 5(1)
м. с 1890? Александр Павлович Кондырев
(2.X 1855—11.II 1900)

22 гр. **София Николаевна Меренберг,**
в браке гр. де Торби
(20.V 1868—14.IX 1927), 5(2)
м. с 14.II 1891 вел. кн. Михаил Михайлович
Романов (4.X 1861—26.IV 1929)

* 23 гр. **Александра Николаевна Меренберг**
(14.VII* 1869—29.IX 1950), 5(2)
м. с 1914 Максимо д'Элиа (?—1929)

24 гр. **Георг Николай (Георгий Николаевич)
Меренберг** (13.II 1871—31.V 1948), 5(2)
ж. 1) с 12.V 1895 св. кн. Ольга Александровна
Юрьевская (27.X 1873—10.VIII 1925)
2) со 2.I 1930 Аделаида Моран Брамбер
(?—12.V 1942)

Третье поколение. ПРАВНУКИ

25 **Григорий Павлович Воронцов-Вельяминов**
(25.I 1882—II 1882) 6

* 26 **Мария Павловна Воронцова-Вельяминова**
(10.III 1883—23.VIII 1932), 6
м. с 28.IV 1906 Евгений Ипполитович Клименко
(21.I 1864—15.IV 1932)

* 27 **Софья Павловна Воронцова-Вельяминова**
(11.XII 1884—6.VI 1974), 6
м. с 10.I 1916 Всеволод Александрович
Кологривов (3.II 1881—ок. 1942) (разведены)**

28 **Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов**
(29.XII 1885—19.VI 1951), 6
ж. с 1.VI 1911 Евгения Самойловна Богуславская,
в первом браке Бурнашева
(27.XI 1881—1.IX 1953)

* По другим источникам — 14.XII.

** После расторжения брака С. П. Кологривова приняла фамилию Вельяминова.

- 29 **Феодосий Павлович Воронцов-Вельяминов**
(13.XI 1888—29.VIII 1914) 6
- 30 **Вера Павловна Воронцова-Вельяминова**
(3.VI 1890—29.VII 1920) 6
- 31 **Александр Николаевич Быков**
(7.I 1883—6.III 1917), 8
ж. с 30. IV 1915 Тамара Михайловна Филатова,
в первом браке Франческо (V 1894—VII 1971)
- 32 **Елизавета Николаевна Быкова**
(5.XI 1884—31.V 1885) 8
- * 33 **Елизавета Николаевна Быкова**
(26.XII 1885—13.II 1964), 8
м. с 6.VIII 1912 Владимир Андреевич Савицкий
(18.XII 1885—20.X 1970)
- * 34 **Софья Николаевна Быкова**
(17.II 1887—4.V 1984), 8
м. с 23.II 1907 Сергей Дмитриевич Данилевский
(27.XI 1881—12.II 1919)
- 35 **Наталья Николаевна Быкова**
(29.VI 1888—16.I 1979) 8
- 36 **Мария Николаевна Быкова**
(25.VII 1890—11.III 1955) 8
- * 37 **Татьяна Николаевна Быкова**
(2.III 1894—16.IV 1984), 8
м. с 23.XI 1926 Александр Владимирович Галин
(20.III 1900—18.II 1953)
- 38 **Владимир Николаевич Быков**
(20.IX 1895—V 1921) 8
- * 39 **Анна Николаевна Быкова**
(6.III 1897—9.II 1986), 8
м. с 6.VI 1926 гр. Николай Евгеньевич Апраксин
(1897—25.IX 1969)
- * (1,2) 40 **Елена Николаевна Быкова**
(16.IX 1899—1976 ?), 8
м. 1) с 30.VIII 1920 Иван Александрович
Писнячевский (7.IX 1898—28.VIII 1989)
2) Филимон Яковлевич Окреди* (Украдыга)
(?—1975)
- * (1) 41 **Екатерина Александровна Пушкина (Зейлих)**
(31.X 1907—30.III 1969), 9(2)

* Окреди — американизированный вариант украинской фамилии Украдыга.

- м. 1) с 7.II 1924 Георгий Амазаспович Адамов
(26.V 1904—7.III 1963)*
- 2) с 1936 (гражд. брак) Игорь Николаевич
Харитонов (1.VI 1910—12.XII 1983)
- 42   **Александр Николаевич Павлов**
(24.VI 1882—25.VII 1965),   10
ж. с 1.XI 1906 Варвара Ивановна Сазонова
(ок. 1884—14.VII 1963)
- 43   **Сергей Григорьевич Пушкин**
(28.II 1912—5.II 1920)   12
- 44   **Григорий Григорьевич Пушкин**
(р. 6.XII 1913), Россия, Москва,   12
ж. 1) с VIII 1934 Клавдия Сергеевна Мазина
(р. 22.X 1914)
2) с 1944 Анна Федоровна Леонтьева (р. 1926)
3) с 14.III 1948 Мария Ивановна Осипова
(14.III 1919—6.X 1991)
- * 45   **Марина Сергеевна Мезенцова**
(17.VII 1902—24.III 1935),   15
м. с 12.V 1923 Борис Борисович Геринг
(5.VII 1901—12.IV 1973) (разведены)**
- * (1,2) 46   **Наталья Сергеевна Мезенцова**
(р. 11.XI 1904), Россия, Москва,   15
м. 1) с 12.V 1923 Георгий Борисович Геринг
(27.IV 1900—1.I 1953)
2) с 13.X 1930 Андрей Михайлович Шепелев
(26.VI 1901—5.V 1942)
- 47   **Александр Сергеевич Мезенцов**
(18.I 1908—8.X 1932)   15
- * 48   **Наталья Николаевна Пушкина**
(5.VI 1907—24.XI 1947),   17
м. с 27.VIII 1933 бар. Александр Николаевич
Гревениц (12.VI 1911—20.II 1988)
- 49   **Александр Николаевич Пушкин**
(15.III 1909—25.VI 1968),   17
ж. с 15.VI 1940 Луиза Иосифовна Аммель
(29.XII 1919—13.V 1991)
- 50   **Светлана Николаевна фон дер Розенмайер**
(р. 17.II 1923)***   18

* После расторжения брака Е. А. Адамова приняла фамилию Пушкина.

** После расторжения брака М. С. Геринг приняла фамилию Мезенцова.

*** Пропала без вести во время второй мировой войны.

- 51 **Арнольд Николас Эмиль фон Бессель**
(24.V 1882—19.VII 1945), 19
ж. 1) с 26.IV 1910 Клара Антони(я) Тон
(9.I 1888—10.V 1928)
2) с 23. IV 1926 Анна Клайнхольц
(26.I 1897—27.VI 1928)
3) со 2.VII 1930 Мари(я) Агнес(са) Августа
Маргарет (Маргарита) фон Райбниц
(14.IV 1902—?)
- 52 **Элизабет Георгина Натали(я) Сибилла Клара
фон Бессель** (8.XI 1883—?) 19
- 53 **Павел Александрович Кондырев**
(ок. 1892—1919) 21
- 54 **Наталья Александровна Кондырева**
(ок. 1894—17.VII 1903) 21
- 55 **Александр Александрович Кондырев**
(22.VII 1897—12.IV 1915) 21
- * 56 гр. **Зия (Анастасия Михайловна) де Торби**
(9.IX 1892—7.XII 1977), 22
м. с 17.VII 1917 баронет Харолд Огастес
(Августус) Уэрнер (16.I 1893—30.VI 1973)
- * 57 гр. **Нада (Надежда Михайловна) де Торби,**
в браке марк. **Милфорд-Хейвен**
(28.III 1896—22.I 1963), 22
м. с 15.XI 1916 пр. Георг Баттенберг(ский)
(Джордж Луи(с) Виктор Хенри Серджиус
Маунтбеттен), 2-й марк. Милфорд-Хейвен
(с 1921) (6.XI 1892—8.IV 1938)
- 58 гр. **Михаил Михайлович де Торби**
(8.X 1898—25.IV 1959) 22
- 59 гр. **Александр Адольф Николай фон Меренберг**
(16.IX 1896—27.IV 1897) 24(1)
- 60 гр. **Георг Михаил Александр фон Меренберг**
(4.X 1897—25.I 1965), 24(1)
ж. 1) с 7.I 1926 Паулетте (Полетт) фон Кёвеґ
де Дьёрдьеш-Сент-Миклош (?—?)
2) с 27.VII 1940 Элизабет Мюллер-Ури
(1.VII 1903—18.XI 1963)
- * 61 гр. **Ольга Екатерина Адда (Ольга Георгиевна)
фон Меренберг** (3.X 1898—?) 24(1)
м. с 14.XI 1923 гр. Михаил Тариелович
Лорис-Меликов (8.VI 1900—?)

Четвертое поколение. ПРАПРАВНУКИ

- * 62   **Наталья Евгеньевна Клименко**
(р. 28.IV 1907), Россия, Москва,   26
м. с 10.V 1924 Владимир Иванович Воронцов-
Вельяминов (15.X 1899—XII 1940)*
- * 63   **Ирина Евгеньевна Клименко**
(р. 8.VIII 1908), Россия, Архангельск,   26
м. с 21.XI 1929 Александр Рудольфович
Гибшман (5.XI 1905—2.IX 1987)
- * (1) 64   **Ольга Евгеньевна Клименко**
(р. 9.VIII 1911), Россия, Архангельск,   26
м. 1) с 8.IX 1937 Северьян Иванович Усов
(28.IV 1913—I 1940)
2) с 18.IX 1943 Геннадий Федорович Вещагин
(1.IX 1905—14.XII 1977)
- * 65   **Татьяна Евгеньевна Клименко**
(р. 12.X 1913), Россия, Москва,   26
м. с 12.XII 1937 Александр Рафаилович Гуцко
(р. 1.XII 1902)
- 66   **Марина Евгеньевна Клименко**
(р. 10.V 1915), Россия, Москва   26
- 67   **Сергей Евгеньевич Клименко**
(14.IX 1918—18.III 1990)   26
ж. с 6.IX 1950 Нина Венедиктовна Рыхлик
(р. 17.VII 1924)
- 68   **Александр Всеволодович Кологривов**
(11.XII 1916—24.VIII 1968),   27
ж. с 11.IX 1948 Нина Ефимовна Будченко
(р. 22.II 1924)
- 69   **Олег Всеволодович Кологривов**
(1.IV 1919—1.VII 1984),   27
ж. 1) с 30.IV 1948 Ксения Николаевна
Успенская (р. 27.II 1922)
2) (гражд. брак) Зоя Васильевна
Рылеева (р.?—?)
3) с 25.V 1965 Людмила Алексеевна Кулькова
(р. 27.X 1940)

---

* Позднее Н. Е. Воронцова-Вельяминова приняла фамилию Воронцова.

- 70 **Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов**
(20.IV 1912—20.XII 1982), 28
ж. с 20.II 1944 Тамара Васильевна Дерюгина
(21.XII 1916—20.XII 1986)
- 71 **Владимир Михайлович Воронцов-Вельяминов**
(р. 22.I 1914), Франция, Мондетур, 28
ж. с 30.V 1942 Нина Константиновна Ненюкова
(р. 10.VIII 1911)
- * 72 **Татьяна Владимировна Савицкая**
(р. 30.IX 1913), Франция, Париж, 33
м. с 3.III 1935 Александр Иванович Дурново
(26.VII 1899—18.XII 1974)
- * 73 **Анастасия Владимировна Савицкая**
(р. 28.III 1915), Франция, Париж, 33
м. с 18.IX 1937 Василий Кузьмич Солдатенков
(7.IV 1912—25.X 1973)
- 74 **Мария Сергеевна Данилевская**
(р. 7.II 1908), Украина, Полтава 34
- 75 **Ирина Сергеевна Данилевская**
(20.IX 1909—15.VII 1970), 34
м. с 19.I 1937 Антон Никитич Кононенко
(8.VIII 1903—3.III 1943)
- 76 **Александр Сергеевич Данилевский**
(19.II 1911—27.VI 1969), 34
ж. 1) с 1933 Мария (отчество, фамилия?)
(ок. 1901—?)
2) с 12.IX 1940 Галина Григорьевна
Шельдешова (р. 31.XII 1915)
- * 77 **Наталья Сергеевна Данилевская**
(р. 24.VII 1912), Украина, Полтава, 34
м. с 1.VIII 1933 Владимир Акимович Савельев
(25.VII 1908—24.V 1968)
- * 78 **Марина Сергеевна Данилевская**
(р. 25.IV 1914), Украина, Полтава, 34
м. с 8.VI 1940 Иван Андреевич Чалик
(12.V 1906—26.VI 1964)
- 79 **Георгий Александрович Галин**
(р. 2.II 1929), Россия, Москва, 37
ж. 1) с 24.VIII 1968 Татьяна Валентиновна
Минавичева (р. 26.II 1945)
2) с 17.IV 1975 Татьяна Николаевна Дозорова
(р. 14.IV 1939)
- * 80 гр. **Мария Николаевна Апраксина**
(18.XI 1927—30.XII 1976), 39

- м. с нач. 1950-х Клод Морильо (1926—1976)
(разведены)
- 81 гр. **Петр Николаевич Апраксин** 39
(р. 19.VII 1929), Франция, Канн,
ж. 1) ок. 1948 Кристиан(а) Гарсиа (р.?)
2) с 1963...?
- 82 **Александр Иванович Писнячевский** 40(1)
(25.XII 1921—8.V 1974),
ж. 1) с 1949 Нина Алексеевна Гомозова (?—?)
2) с VI 1956 Альдона Людвика Симоно
Чепайтите (13.X 1925—12.XI 1979)
- 83 **Александр Георгиевич Пушкин (Адамов)** 41(1)
(14.VII 1926—30.III 1986),
ж. 1) с 30.XII 1946 Александра Алексеевна
Колоскова (р. 9.V 1923)
2) с 25.XI 1957 Мария Михайловна Лешукова
(р. 29.V 1931)
3) с 25.II 1979 Лидия Ивановна Никифорова,
в первом браке Лукьянова (р. 28.V 1948)
- 84 **Михаил Георгиевич Пушкин (Адамов)** 41(1)
(р. 26.III 1929), Россия, Москва,
ж. с 9.VI 1961 Евгения Степановна Михайлова,
в первом браке Батурина
(р. 5.IV 1930) (разведены)
- 85 **Наталья Игоревна Пушкина (Харитоновна)** 41(2)
(р. 26.X 1937), США, Нью-Йорк,
м. 1) с 8.VI 1958 Анатолий Сергеевич Ромов
(р. 22.II 1935)
2) с 1.III 1967 Иосиф Леонидович Тохадзе
(р. 30.III 1936)
3) с 3.X 1989 Евгений Владимирович Фридман
(р. 26.VIII 1929)
- * (1,2,3) 86 **Вера (Варвара)* Александровна Павлова** 42
(р. 1.IV 1908), США, Сан-Франциско,
м. 1) с 1926 Уильям Дуглас
Монтгомери (?—1926)
2) Хьюго Клотц (?—?)
3) Джон Хенри Оверол (?—1967)
- 87 **Николай Александрович Павлов** 42
(р. 13.VI 1922), США, Нью-Йорк,
ж. 1) с 1949 Эльфрида Сьюпсик
(Капсик?) (р.?)

* При рождении названа Варварой, позднее имя переменяла.

- 2) с 1972 Элизабет Хартридж
(р. ?) (разведены)
- 88 **Александр Григорьевич Пушкин**
(18.II 1936—7.VIII 1942) 44(1)
- 89 **Юлия Григорьевна Пушкина**
(р. 18.X 1939), Россия, Москва, 44(1)
м. 1) с 23.X 1960 Тихон Николаевич Рябцев
(р. 6.VII 1931)
2) с 21.III 1970 Валерий Александрович
Сухарев (р. 13.VII 1939)
- 90 **Александр Григорьевич Пушкин**
(р. 19.XI 1951), Россия, Москва 44(3)
- 91 **Сергей Борисович Пушкин (Геринг)**
(р. 26.VII 1925), Россия, Москва, 45
ж. с 26.VIII 1949 Ольга Ильинична
Заикина (р. 26.III 1929)
- 92 **Борис Борисович Пушкин (Геринг)**
(р. 13.XII 1926), Россия, Москва, 45
ж. с 22.X 1954 Зинаида Тимофеевна
Макеева (р. 1.XII 1930)
- * (2) 93 **Вера Георгиевна Геринг**
(24.III 1924—23.IX 1988), 46(1)
м. 1) с 1945 (гражд. брак) Владимир Захаренко
(р. ок. 1920)
2) с 1955 Евгений Георгиевич Красенков
(?—?) (разведены)
- 94 **Михаил Андреевич Шепелев**
(22.I 1936—2.III 1939) 46(2)
- 95 бар. **Николай Александрович Гревениц**
(р. 13.XI 1934), Бельгия, Оуэн, 48
ж. 1) со 2.VIII 1959 Ирина Ростиславна Попова
(р. 7.VII 1937)
2) с 27.XII 1972 Мартина Ленс (р. 19.XI 1952)
- 96 бар. **Александр Александрович Гревениц**
(р. 7.IX 1938), Бельгия, Бюллинген, 48
ж. с 24.III 1962 Марина Николаевна Тундутова
(р. 20.III 1940) (разведены)
- 97 **Александр Александрович Пушкин**
(р. 10.X 1942), Бельгия, Брюссель* 49
- 98 **Александр Николаевич фон дер Розенмайер**
(р. ок. 1940), Франция, Париж (?) 50
- 99 **Натали(я) Анна Сибилла Луиза фон Бессель**
(р. 22.VI 1928), ФРГ (?) 51(2)

* ж. с 12.I 1969— см. № 127.

- 100 **Джордж Майкл Александр Уэрнер**
(22.VIII 1918—4.XII 1942) 56
- * 101 **Джорджина Уэрнер.**
(р. 17.X 1919), Великобритания, Лондон, 56
м. с 10.X 1944 Харолд Педро Джозеф Филипс
(6.XI 1909—27.X 1980)
- * 102 **Майра Элис Уэрнер**
(р. 8.III 1925), Великобритания,
Персшайр (Шотландия), 56
м. с 5.XI 1946 Дейвид Хенри Баттер
(р. 18.III 1920)
- 103 **Татьяна Элизабет Маунтбеттен**
(16.XII 1917—15.V 1988) 57
- 104 **Дейвид Майкл Маунтбеттен,**
3-й марк. Милфорд-Хейвен
(12.V 1919—14.IX 1973), 57
ж. 1) с 4.II 1950 Ромэн Далгрэн Пирс,
в первом браке Симпсон
(17.VII 1923—15.II 1975)
2) с 17.XI 1960 Джанет Мерседес Брайс
(р. 29.IX 1937)
- * 105 гр. **Клотильда фон Меренберг**
(р. 14.V 1941), ФРГ, Висбаден, 60(2)
м. с 25.V 1965 Энно фон Ринтелен (р. 9.XI 1921)
- 106 гр. **Александр Михайлович Лорис-Меликов**
(р. 25.V 1926), Швейцария, Базель, 61
ж. с 27.IX 1958 Мишлина Селина Прюнье (р. ?)

Пятое поколение. ПРАПРАПРАВНУКИ

- 107 **Георгий Владимирович Воронцов**
(Воронцов-Вельяминов)
(р. 11.XI 1926), Россия, Иркутск, 62
ж. с 21.VI 1948 Александра Николаевна Захарова
(р. 5.V 1927)
- * 108 **Вера Владимировна Воронцова**
(Воронцова-Вельяминова)
(р. 21.VI 1929), Россия, Москва, 62
м. с 1.V 1956 Григорий Харитонович Сванидзе
(1.X 1931—19.IV 1979)
- 109 **Дмитрий Александрович Гибшман**
(16.I 1932—5.VII 1932) 63
- (1,2,3) 110 **Наталья Александровна Гибшман**
(р. 18.IV 1935), Россия, Москва, 63

- м. 1) со 2.IX 1957 Герольд Сергеевич Егоров
(р. 13.V 1935)
- 2) с 15.IV 1966 Станислав Константинович
Лебедев (р. 2.III 1935)
- 3) с 12.II 1981 Виктор Федорович Кочнов
(р. 26.VII 1948)
- 111 **Эдвин Александрович Гибшман**
(р. 17.VII 1937), Россия, Архангельск, 63
ж. 1) с XI 1962 Тамара Петровна Николаевская
(р. 1.III 1939)
- 2) с 9.I 1970 Татьяна Анатольевна Дерябина
(р. 23.VIII 1948)
- 112 **Галина Северьяновна Усова**
(р. 6.XI 1938), Россия, Мичуринск, 64(1)
м. с 24.VIII 1963 Владимир Александрович
Коровин (25.I 1926—5.IX 1982)
- 113 **Владимир Геннадьевич Вещагин**
(р. 5.VII 1945), Россия, Архангельск, 64(2)
ж. с 10.I 1970 Татьяна Борисовна Козицына
(р. 15.VI 1947)
- 114 **Вячеслав Александрович Гуцко**
(р. 12.XII 1938), Россия, Москва, 65
ж. с 10.VI 1961 Ирина Васильевна Полухина
(р. 17.I 1938)
- * 115 **Татьяна Александровна Гуцко**
(р. 16.VIII 1945), Россия, Москва, 65
м. с 21.II 1964 Владимир Иванович Якунин
(р. 27.III 1937)
- 116 **Александр Сергеевич Клименко**
(р. 28.V 1953), Россия, Москва, 67
ж. с 11.XI 1975 Елена Васильевна Богачкова
(р. 14.VIII 1957)
- 117 **Андрей Александрович Кологривов**
(р. 17.V 1949), Россия, Москва, 68
ж. 1) с 13.XI 1971 Наталья Михайловна Сеземова
(17.VII 1948—20.XII 1981)
- 2) с 4.V 1985 Инна Георгиевна Розенберг,
в первом браке Борина (р. 23.III 1957)
- * 118 **Ольга Александровна Кологривова**
(р. 30.VII 1961), Россия, Москва, 68
м. с 19.I 1985 Искандер Николаевич Бунеев
(р. 14.IX 1961)
- 119 **Александр Олегович Кологривов**
(р. 5.I 1949), Россия, Воронеж, 69(1)

- ж. с 13.VIII 1983 Ольга Борисовна Евсикова
(р. 16.III 1960)
- 120 **Всеволод Олегович Кологривов**
(р. 26.I 1965), Россия, Москва, 69(3)
ж. с 13.X 1984 Наталья Владимировна Углева
(р. 29.V 1963)
- * 121 **Анна Георгиевна Воронцова-Вельяминова**
(р. 6.XII 1944), Италия, Флоренция, 70
м. с 27.VII 1967 Александр Тури
(р. 14.VIII 1937)
- * 122 **Надежда Георгиевна Воронцова-Вельяминова**
(р. 28.I 1948), Франция, Париж, 70
м. с 27.VII 1969 Никола́ (Николай Андреевич)
Бэр (р. 8.X 1944)
- * 123 **Ольга Владимировна Воронцова-Вельяминова**
(р. 26.II 1943), Франция, Нант, 71
м. с 15.VII 1964 Христиан (Кристиан) Бодело
(р. 12.XII 1938)
- 124 **Михаил Владимирович Воронцов-Вельяминов**
(р. 27.VIII 1945), Франция, Конкарно, 71
ж. 1) с 12.XI 1967 Мадлен (Магдалина)
Мелькион (р. 12.X 1945)
2) с 17.VI 1977 Шанталь ле Боэтэ (р. 25.VII 1954)
- * 125 **Вера Александровна Дурново**
(р. 7.XI 1935), США, Чарлстон 72
(Южная Каролина),
м. с 31.III 1956 Джеймс Уэст (р. 6.III 1936)
(разведены)
- * 126 **Елизавета Александровна Дурново**
(р. 29.IX 1941), США, Гонолулу (Гавайи), 72
м. с 5.VII 1958 Родни Лиу (р. 20.IX 1934)
- * 127 **Мария Александровна Дурново**
(р. 21.IX 1943), Бельгия, Брюссель* 72
- 128 **Петр Александрович Дурново**
(р. 10.XI 1945), Франция, Париж, 72
ж. с 20.I 1972 Мариана Тибо (р. 3.VIII 1945)
- 129 **Николай Васильевич Солдатенков**
(р. 16.VIII 1938), Франция, Париж, 73
ж. с 4.IX 1966 Нина Георгиевна Гильшер
(р. 11.VI 1939)
- * 130 **Елена Васильевна Солдатенкова**
(р. 25.XII 1942), Франция, Париж, 73
м. с 21.I 1975 Андрей Владимирович Бразоль
(р. 18.VIII 1932)

* м. с 12.I 1969 — см. № 97.

- 131   **Сергей Александрович Данилевский**
               (р. 22.VI 1941), Россия, Ухта,   76(2)
 ж. 1) с 15.VIII 1960 Галина Борисовна Котова
               (р. 17.II 1939)
               2) с 21.II 1986 Зоя Павловна Склярова
               (р. 9. XII 1955)
- 132   **Николай Владимирович Савельев**
               (р. 2.VII 1934), Украина, Полтава,   77
 ж. с 1.VII 1957 Зинаида Кузьминична Королева
               (р. 29.IX 1935)
- 133   **Лидия Владимировна Савельева**
               (р. 7.VI 1937), Россия, Петрозаводск,   77
 м. с 23.XI 1961 Замир Курбанович Тарланов
               (р. 11.III 1936)
- 134   **Михаил Иванович Чалик**
               (3.XII 1947—22.X 1948)
- * 135   **Татьяна Ивановна Чалик**
               (р. 11.IX 1949), Россия, Клин,   78
 м. с 12.VII 1969 Александр Владимирович Лукаш
               (р. 7.XI 1947)
- 136   **Александр Георгиевич Галин**
               (р. 8.VIII 1976), Россия, Москва   79(2)
- 137   **Михаил Георгиевич Галин**
               (р. 12.X 1978), Россия, Москва   79(2)
- * 138   **Анна Морильо**
               (р. 28.VII 1953), Франция, Париж,   80
               м. Рене Колле
- * 139   **Елена Морильо**
               (р. 15.II 1955), Швейцария, Женева,   80
               м. Серж Фама
- 140   гр. **Петр Петрович Апраксин**
               (р. 15.XII 1952), Франция, Париж   81
- 141   **Елена Александровна Писнячевская**
               (6.XI 1949—25.VI 1950)   82(1)
- 142   **Александр Александрович Пушкин**
               (р. 12.IV 1957), США, Нью-Йорк   83(2)
- 143   **Анна Александровна Пушкина**
               (р. 5.XII 1968), Россия, Москва   83(2)
- 144   **Екатерина Михайловна Пушкина**
               (р. 11.V 1961), Россия, Москва,   84
 м. 1) с 20.I 1979 (гражд. брак) Дмитрий

- Иванович Дёмин (р. 21.X 1951)
 2) с 17.V 1986 Андрей Петрович Власов
 (10.IX 1958—18.VII 1986)
- 145   **Михаил Михайлович Пушкин**
             (р. 28.VII 1967), Россия, Москва,   84
 ж. с 20.II 1988 Ирина Анатольевна Власова
             (р. 4.VII 1963) (разведены)
- 146   **Каролина Клотц-Оверол**
             (р. 8.XI 1942), США, Нью-Йорк   86(2)
- 147   **Марта Роллинз Оверол**
             (р. 21.XI 1947), США, Беркли (Калифорния) 86(3)
- 148   **Джон Хенри Оверол**
             (28.XII 1948—28.III 1986)   86(3)
- 149   **Олег Тихонович Пушкин**
             (р. 1.XII 1961), Россия, Москва,   89(1)
 ж. с 25.XI 1983 Ирина Викторовна Царева
             (р. 1.VII 1965)
- 150   **Константин Валерьевич Сухарев**
             (р. 25.VII 1970), Россия, Москва   89(2)
- 151   **Марина Сергеевна Пушкина**
             (р. 28.IX 1950), Россия, Москва,   91
 м. 1) с 8.II 1974 Виктор Владимирович Голуб
             (р. 31.VII 1945)
 2) с 9.IV 1988 Леонид Александрович Ломов
             (р. 13.III 1942)
- 152   **Сергей Борисович Пушкин**
             (р. 3.VIII 1956), Россия, Москва   92
- 153   **Юрий (Георгий) Владимирович Геринг**
             (р. 19.VIII 1946), Россия, Москва,   93(1)
 ж. 1) с 18.VI 1967 Любовь Викторовна
             Тренкина (р. 28.XII 1947)
 2) с 1.X 1983 Елена Сергеевна Сорокина
             (р. 1.V 1956)
- 154   **Павел Евгеньевич Красенков**
             (р. 8.I 1957), Россия, Москва   93(2)
- 155   бар. **Наталья Николаевна Гревениц**
             (р. 23.III 1960), Бельгия, Брюссель,   95(1)
 м. с 10.VII 1989 Марк Эутерхаген (?)
- 156   бар. **Александр Николаевич Гревениц**
             (р. 3.III 1962), Бельгия, Оуэн,   95(1)
 ж. с 1.IX 1991 Екатерина Кремер
- 157   бар. **Селина Николаевна Гревениц**
             (р. 15.I 1976), Бельгия, Оуэн   95(2)

- 158 бар. **Кира Николаевна Гревениц**
(р. 22.IX 1981), Бельгия, Оуэн 95(2)
- 159 бар. **Надежда Николаевна Гревениц**
(р. 22.IX 1981), Бельгия, Оуэн 95(2)
- 160 бар. **София Александровна Гревениц**
(р. 8.XI 1963), Бельгия, Монс, 96
м.?
- 161 бар. **Сергей Александрович Гревениц**
(р. 19.V.1972), Бельгия, Монс 96
- * 162 **Александра Анастасия (Анастейшия) Филипс**, в браке герц. **Аберкорн(ская)**
(р. 27.II 1946), Великобритания, Ома 101
(Северная Ирландия),
м. с 20.X 1966 Джеймс оф Хамильтон, 5-й герц.
Аберкорн(ский) (р. 4.VII 1934)
- 163 **Николас Харолд Филипс**
(23.VIII 1947—28.II 1991) 101
ж. с 18.X 1975 гр. Луси(я) Мария Чернин
(р. 16.V 1945)
- * 164 **Фиона Мерсидес Филипс**
(р. 30.III 1951), Великобритания, 101
Банкори (Шотландия),
м. с 7.VII 1971 Джеймс Комин Амхерст
Бернет оф Лиз
(р. 24.VII 1941)
- * 165 **Марита Джорджина Филипс**
(р. 28.V 1954), 101
Великобритания, Лондон,
м. с 3.XI 1982 Рандал Стаффорд Кроли
(Кролей) (14.VII 1950—10.IX 1988)
- * 166 **Наталия Эйша Филипс**, в браке герц.
Вестминстер(ская), 101
(р. 8.V 1959),
Великобритания, Честер,
м. с 7.X 1978
Джеральд Кэвендиш Гросвенор, 6-й герц.
Вестминстер(ский)
(р. 22.XII 1951)
- * 167 **Сандра Элизабет Зия Баттер**
(р. 26.VII 1948), Великобритания, Лондон, 102
м. с 16.III 1983 Уильям Дейвид Моррисон
(р. 19.VIII 1940)

- * 168 **Мэрилин Дейвина Баттер**, в браке леди
Рэмзи (Рамзей)
(р. 22.III 1950),
Великобритания, Лондон, 102
м. с 3.X 1973
лорд Джеймс Хьюберт Рэмзи (Рамзей)
(р. 17.I 1948)
- * 169 **Розз Джорджина Баттер**
(р. 9.IV 1952),
Великобритания, Лондон, 102
м. с 7.V 1988 Александр Питер (Александр
Георгиевич) Голицын
(р. 6.IX 1945)
- * 170 **Джорджина Маргерит Баттер**
(р. 9.VII 1956), Великобритания, Лондон, 102
м. с 4.XII 1982 Питер Стивен Лезли
Пежашевич (р. 12.VIII 1954)
- 171 **Чарлз Харолд Александр Баттер**
(р. 10.IV 1960), Великобритания, Лондон 102
- 172 **Джордж Айвар Луи(с) Маунтбеттен,**
4-й марк. Милфорд-Хейвен
(р. 6.VI 1961),
Великобритания, Лондон, 104(2)
ж. с 8.III 1989 Сара Джорджина Валкер
(Уолкер)
(р. 17.XI 1961)
- 173 лорд **Айвар Александр Майкл Маунтбеттен**
(р. 9.III 1963), Великобритания, Лондон 104(2)
- 174 **Александр фон Ринтелен**
(р. 23.III 1966), ФРГ, Висбаден 105
- 175 **Николас фон Ринтелен**
(р. 29.VI 1970), ФРГ,
Висбаден 105
- 176 **Грегор фон Ринтелен**
(р. 13.VIII 1972), ФРГ,
Висбаден 105
- 177 гр. **Анна Александровна Лорис-Меликова**
(р. 22.VII 1959), Швейцария, Базель 106
- 178 гр. **Доминика Александровна Лорис-Меликова**
(р. 24.III 1961), Швейцария, Базель 106
- 179 гр. **Наталья Александровна Лорис-Меликова**
(р. 28.XII 1962), Швейцария,
Базель 106
- 180 гр. **Михаил Александрович Лорис-Меликов**
(р. 18.XII 1964), Швейцария, Базель 106

Шестое поколение. ПРАПРАПРАВНУКИ

- * 181   **Галина Георгиевна Воронцова**
           (р. 30.VII 1949), Россия, Иркутск,   107
           м. с 6.IV 1983 Сергей * Прокопьевич Тарбеев
           (р. 27.XI 1947)
- 182   **Владимир Георгиевич Воронцов**
           (р. 8.III 1957),
           Россия, Хабаровский край,   107
           ж. с 29.IX 1978 Ирина Александровна
           Брусенцова
           (р. 11.VI 1960)
- * 183   **Вера Георгиевна Воронцова**
           (р. 11.V 1959), Россия, Иркутск,   107
           м. с 4.VIII 1984 Алексей Александрович
           Зубенцов (р. 2.III 1960)
- 184   **Андрей Григорьевич Сванидзе**
           (р. 2.II 1957), Россия, Москва,   108
           ж. с 16.XI 1977 Марина Альвиановна
           Шеломкова (р. 31.XII 1956) (разведены)
- * 185   **Ирина Герольдовна Егорова**
           (р. 3.IX 1959), Швеция, Висбю,   110(1)
           м. с 9.X 1980 Карлос Мануэль Блок-Поло
           (р. 4.VI 1956)
- 186   **Ольга Герольдовна Егорова**
           (р. 13.V 1962), Россия, Москва   110(1)
- 187 **Инна Эдвиновна Николаевская (Гибшман)**
           (р. 28.VIII 1963), Россия, Ростов-на-Дону, 111(1)
           м. с 31.I 1989 Сергей Александрович Хиврич**
           (р. 25.I 1964)
- 188   **Мария Эдвиновна Гибшман**
           (р. 12.III 1972), Россия, Архангельск   111(2)
- 189   **Александр Эдвинович Гибшман**
           (р. 15.VI 1974), Россия, Архангельск   111(2)
- 190   **Анатолий Эдвинович Гибшман**
           (р. 19.II 1984), Россия, Архангельск   111(2)
- 191   **Александр Владимирович Коровин**
           (р. 14.VII 1964), Россия, Москва   112
- 192   **Андрей Владимирович Усов**
           (р. 4.II 1977), Россия, Мичуринск   112
- 193   **Сергей Владимирович Усов**
           (р. 4.II 1977), Россия, Мичуринск   112

* До 16 лет — Прокопий.

** При вступлении в брак принял фамилию Николаевский.

194	Алексей Владимирович Вещагин (р. 4.XI 1970), Россия, Архангельск	113
195	Андрей Владимирович Вещагин (р. 4.VII 1975), Россия, Архангельск	113
* 196	Елена Вячеславовна Гуцко (р. 15.IV 1964), Россия, Москва, м. с 14.IX 1983 Игорь Владиславович Шашкин (р. 13.VIII 1960)	114
197	Светлана Вячеславовна Гуцко (р. 27.XI 1969), Россия, Москва	114
* 198	Ольга Владимировна Якунина (р. 30.V 1965), Россия, Москва, м. с 28.VIII 1984 Валерий Евгеньевич Осипов (р. 13.I 1964)	115
199	Сергей Владимирович Якунин (р. 17.VII 1977), Россия, Москва	115
200	Наталья Александровна Клименко (р. 10.IX 1980), Россия, Москва	116
201	Елена Андреевна Кологривова (р. 17.IV 1974), Россия, Москва	117
202	Александр Искандерович Бунеев (р. 31.V 1986), Россия, Москва	118
203	Игорь Александрович Кологривов (р. 24.IV 1984), Россия, Воронеж	119
204	Наталья Александровна Кологривова (р. 24.IV 1984), Россия, Воронеж	119
205	Олег Всеволодович Кологривов (р. 1.VIII 1986), Россия, Москва	120
206	Екатерина Тури (р. 28.I 1968), Италия, Флоренция	121
207	Степан Тури (р. 19.V.1969), Италия, Флоренция	121
208	Дамиан Бэр (р. 25.VIII 1971), Франция, Париж	122
209	Гавриил Бэр (р. 22.XII 1974), Франция, Париж	122
210	Марина Бодело (р. 20.V 1969), Франция, Нант	123

211	Лаврентий Бодело (р. 10.VII 1974), Франция, Нант	123
212	Николай Михайлович Воронцов-Вельяминов (р. 19.X 1978), Франция, Конкарно	124(2)
213	Александр Михайлович Воронцов-Вельяминов (р. 1.II 1989), Франция, Конкарно	124(2)
* 214	Барбара Уэст (р. 17.IX 1956), США, Чарлстон (Южная Каролина), м. Хербрук (р.?)	125
* 215	Анна Маргерит Уэст (р. 9.I 1958), США, Чарлстон (Южная Каролина), м. Григорий (Грегори) Фриц (р.?)	125
216	Джеймс Уэст (р. 11.X 1960), США, Чарлстон (Южная Каролина)	125
217	Сюзанна Уэст (р. 3.IV 1963), США, Чарлстон (Южная Каролина)	125
* 218	Екатерина Лиу (р. 5.VI 1959), США, Гонолулу (Гавайи), м. с 5.XI 1980 Чарлз Маккарти (р. ?)	126
219	Даниил Лиу (р. 20.IX 1960), США, Гонолулу (Гавайи)	126
220	Рэчел Лиу (р. 23.IX 1962), США, Гонолулу (Гавайи)	126
221	Надежда Лиу (р. 19.XII 1969), США, Гонолулу (Гавайи), м. с 22.VI 1991 Константино Ли Эстебан	126
222	Александр Лиу (р. 8.I 1973), США, Гонолулу (Гавайи)	126
223	Наталья Петровна Дурново (р. 4.VI 1973), Франция, Париж	128
224	Юлиан Петрович Дурново (р. 3.VIII 1977), Франция, Париж	128
225	Николай Николаевич Солдатенков (р. 9.VI 1967), Франция, Париж	129

226	Татьяна Николаевна Солдатенкова (р. 12.VII 1969), Франция, Париж, м. с 2.VI 1991 Филипп Гиено (р. 20. VIII 1961)	129
227	Екатерина Николаевна Солдатенкова (р. 20.IV 1975), Франция, Париж	129
228	Сергей Андреевич Бразоль (р. 18.VIII 1975), Франция, Париж	130
229	София Андреевна Бразоль (р. 22.VII 1977), Франция, Париж	130
230	Александр Сергеевич Данилевский (р. 19.XII 1960), Россия, С.-Петербург, ж. 1) с 23.III 1979 Светлана Эдуардовна Иванова (р. 14.VIII 1960) 2) с 18.VI 1986 Юлия Роальдовна Аллик (р. 9.IX 1960)	131(1)
231	Николай Сергеевич Данилевский (р. 13.XI 1965), Россия, С.-Петербург	131(1)
232	Наталья Сергеевна Данилевская (р. 4.IV 1987), Россия, Ухта	131(2)
233	Владимир Николаевич Савельев (р. 17.VII 1958), Украина, Полтава, ж. с 11.X 1978 Наталья Николаевна Тарасенко (р. 2.IV 1958)	132
234	Алексей Николаевич Савельев (р. 8.I 1962), Россия, С.-Петербург, ж. с 28.I 1983 Мария Анатольевна Потехина (р. 27.IV 1961)	132
235	Евгений Замирович Тарланов (р. 24.V 1964), Россия, Петрозаводск	133
236	Елена Александровна Лукаш (р. 30.VI 1970), Россия, Клин	135
237	Игорь Александрович Лукаш (р. 13.VI 1980), Россия, Клин	135
238	Иван Дмитриевич Пушкин (р. 9.VIII 1982), Россия, Москва	144(1)
239	Андрей Олегович Пушкин (р. 30.XI 1984), Россия, Москва	149
240	Анна Викторовна Пушкина (р. 5.XI 1974), Россия, Москва	151
241	Виктор Юрьевич Тренкин (р. 7.V 1968), Россия, Москва	153(1)

- 242   **Сергей Юрьевич Тренкин**
(р. 9.IV 1971), Россия, Москва   153(1)
- 243   **Надежда Юрьевна Сорóкина**
(р. 1.V 1984), Россия, Москва   153(2)
- 244   **Джеймс Харолд Чарлз, марк. Хамильтон**
(р. 19.VIII 1969), Великобритания, Ома
(Северная Ирландия)   162
- 245   леди **София Александра Хамильтон**
(р. 8.VI 1973), Великобритания, Ома
(Северная Ирландия)   162
- 246   лорд **Николас Эдвард Клод Хамильтон**
(р. 5.VII 1979), Великобритания, Ома
(Северная Ирландия)   162
- 247   **Шарлотта Соня Мария Филипс**
(р. 22.XII 1976), Великобритания, Лутон Ху   163
- 248   **Эдвард Пол Николас Филипс**
(р. 2.XI 1981), Великобритания, Лутон Ху   163
- 249 **Александр Джеймс Амхерст Бернет оф Лиз**
(р. 30.VII 1973), Великобритания, Банкори
(Шотландия)   164
- 250   **Элиза Амелия Бернет оф Лиз**
(р. 13.VI 1977),
Великобритания, Банкори (Шотландия)   164
- 251   **Виктор Сесил Тобиас Бернет оф Лиз**
(р. 1.X 1982), Великобритания, Банкори
(Шотландия)   164
- 252   **Айдан (Эйден) Харолд Уинстон Кроли**
(Кролей) (р. 22.X 1983), Великобритания,
Лондон   165
- 253   **Косима Джорджина Кроли (Кролей)**
(р. 31.V 1985), Великобритания, Лондон   165
- 254   **Гален Рандал Джордж Кроли (Кролей)**
(р. 13.XI 1988), Великобритания, Лондон   165
- 255   леди **Тамара Екатерина Гросвенор**
(р. 20.XII 1979), Великобритания, Честер   166
- 256   леди **Эдвина Луиз(а) Гросвенор**
(р. 4.XI 1981), Великобритания, Честер   166
- 257 лорд **Хю (Хью) Ричард Луи(с) Гросвенор**
(р. 29.I 1991), Великобритания, Честер   166
- 258   **Чарлз Николас Моррисон**
(р. 12.XII 1985), Великобритания, Лондон   167

259	Софи Наташа Моррисон (р. 23.X 1987), Великобритания, Лондон	167
260	Лорна Тереза Рэмзи (Рамзей) (р. 6.II 1975), Великобритания, Лондон	168
261	Элис Мэгделин Рэмзи (Рамзей) (р. 10.VIII 1977), Великобритания, Лондон	168
262	Саймон Дейвид Рэмзи (Рамзей) (р. 18.IV 1981), Великобритания, Лондон	168
263	Саша Элис Наталия Голицын(а) (р. 10.II 1989), Великобритания, Лондон	169
264	Надежда Джорджина Голицын(а) (р. 10.VII 1990), Великобритания, Лондон	169
265	Александр Геза Маркус Пежашевич (р. 15.VII 1988), Великобритания, Лондон	170
266	леди Татьяна Маунтбеттен (р. 16.IV 1990), Великобритания, Лондон	172

Седьмое поколение. ПРАПРАПРАПРАВНУКИ

267	Александр Владимирович Воронцов (р. 11.X 1979), Россия, Хабаровский край	182
268	Денис Владимирович Воронцов (р. 7.IX 1980), Россия, Хабаровский край	182
269	Артем Владимирович Воронцов (р. 2.I 1986), Россия, Хабаровский край	182
270	Екатерина Владимировна Воронцова (р. 17.VI 1988), Россия, Хабаровский край	182
271	Юлия Алексеевна Зубенцова (р. 9.VIII 1985), Россия, Иркутск	183
272	Дмитрий Алексеевич Зубенцов (р. 27.V 1987), Россия, Иркутск	183
273	Карлос Блок-Поло (р. 15.I 1982), Швеция, Висбю	185
274	Элин Блок-Поло (р. 15.X 1985), Швеция, Висбю	185
275	Анастасия Сергеевна Николаевская (р. 9.X 1989), Россия, Ростов-на-Дону	187
276	Елена Валерьевна Осипова (р. 28.XI 1985), Россия, Москва	198

277	Александр Питер Хербрук (р. 11.XII 1981), США, Чарлстон (Южная Каролина)	214
278	Кристина Хербрук (р. 1983), США, Чарлстон (Южная Каролина)	214
279	Бенджамен Григорий Фриц (р. 17.IX 1982), США, Чарлстон (Южная Каролина)	215
280	Тамара Фриц (р. 2.II 1984), США, Чарлстон (Южная Каролина)	215
281	Юстин (Джастин) Маккарти (р. 11.IX 1981), США, Гонолулу (Гавайи)	218
282	Александр Александрович Данилевский (р. 22.IX 1979), Россия, С.-Петербург	230(1)
283	Андрей Владимирович Савельев (р. 4.XII 1979), Украина, Полтава	233
284	Николай Алексеевич Савельев (р. 12.XII 1984), Россия, С.-Петербург	234

Дополнение к росписи

После № 237	Татьяна Колле (р. 1991), Франция, Париж	138
	Наташа Фама (р. 1982), Швейцария, Женева	139
	Каролина Фама (р. 1983), Швейцария, Женева	139
	Эрик Фама (р. 1991), Швейцария, Женева	139
	Игорь Эутерхаген (?) (р. 8.VIII 1990), Бельгия, Брюссель	155
После № 243	Александр (р. 1989), Бельгия, Монс	160
	Екатерина (р. I 1991), Бельгия, Монс	160

Основная литература

I

Александр Александрович Пушкин // Отчет императорского Московского и Румянцевского музея за 1914 год.— М., 1916.— С. 60—65.

Архив Опеки Пушкина.— М., 1939.

Бертенсон В. Б. За 30 лет (Листки из воспоминаний).— СПб., 1914.— С. 237—240.

Вегнер М. Предки Пушкина.— М., 1937.

Венок на памятник Пушкину.— СПб., 1880.

Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории // *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев.— М., 1969.— С. 39—139.

Измайлов Н. В. Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной // Тургеневский сборник. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева.— Л., 1969.— Т. 5.— С. 399—416.

Измайлов Н. О рукописях А. С. Пушкина // Белые ночи.— Л., 1974.— С. 52—88.

Киреев И. В. Об Александре Александровиче Пушкине // Предания и песни болдинской старины.— Горький, 1972.— С. 49.

Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование.— Таллинн, 1980.

Модзалевский Б. Л. Род Пушкина // *Модзалевский Б. Л.* Пушкин.— Л., 1929.— С. 17—63.

Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись.— Л., 1932.

Муравьев М. В. Родословие А. С. Пушкина // Пушкинский сборник (В память столетия дня рождения поэта).— СПб., 1899.— С. 655—668.

Невзоров Н. К биографии А. С. Пушкина: Материалы из архивов и других малоизвестных источников.— СПб., 1899.

Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина.— 2-е изд.— М., 1978.

Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма.— М., 1980.

Ободовская И., Дементьев М. Пушкин в Яропольце.— М., 1982.

Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам.— 2-е изд.— М., 1987.

Поляновский М. В Брюсселе у Пушкиных//*Поляновский М.* Остановись, мгновение... 36 фотоновелл.— М., 1968.— С. 75—81.

Полянский Ю. И. Александр Сергеевич Данилевский//Проблемы фотопериодизма и диапаузы насекомых— Л., 1972.— С. 3—11.

Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина.— 2-е изд.— Л., 1978.

Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина.— Л., 1982.

Русаков В. М. Уважены за имя...: Рассказы о потомках А. С. Пушкина.— М., 1987.

Русаков В. Сын поэта//Вече.— Л., 1972.— С. 235—255.

Русаков В. «Род Пушкиных мятежный...»//Устье.— Л., 1981.— С. 196—206.

Русаков В. М. А. А. Пушкин — сын поэта//Записки краеведов.— Горький, 1973.— С. 120—130.

Сперанский М. Н. Предисловие//Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). Труды Гос. Румянц. музея; Вып. 1.— М.; Пг., 1923.— С. 3—23.

Фейнберг И. Пропавший дневник//*Фейнберг И.* Загадочный набросок Пушкина.— М., 1978.— С. 40—47.

Шокальский Ю. Григорий Александрович Пушкин (Личные воспоминания)//Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 4.— СПб., 1906.— С. 187—195.

II

Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская//Новое время (приложение).— 1907.— № 11406, 11409, 11413, 11416, 11421; 1908.— № 11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449.

Бей-Биенко Г. Я. Научный путь А. С. Данилевского (1911—1969)//Защита растений.— 1969.— № 11.— С. 62—63.

Волгин В. И. и др. Памяти Александра Сергеевича Данилевского (1911—1969)//Энтомологическое обозрение.— 1969.— Т. 48.— Вып. 3.— С. 697—702.

Галина Т., Галин Г. Судьба потомков//Литература и ты.— Вып. 3.— М., 1969.— С. 116—127.

Катаев В. Три поколения Пушкиных//Юность.— 1958.— № 8.— С. 22—23.

Лернер Н. Зарубежное потомство Пушкина//Столица и усадьба.— 1916.— № 67.— С.18—19.

Русаков В. О неизвестном дневнике Пушкина//Кодры (Кишинев).— 1973.— № 2.— С. 133—139.

Русаков В. Уважен не только за имя...//Наука и религия.—1978.— № 2.— С. 22—24.

Теребенина Р. Е. Фонд А. С. Пушкина в Пушкинском Доме//Нева.— 1974.— № 6.— С. 187—192.

Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах.— М., 1987.

Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина//Наука и жизнь.— 1971.— № 6.—С.66—76.

Яблоновский <С>. Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина//Сын отечества.—1899.—9, 10, 11 февр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
«...Дорожу именем моих предков»	7

«МОЕ СЕМЕЙСТВО УМНОЖАЕТСЯ, РАСТЕТ...»

Она смеялась по-пушкински звонко...	18
Вся жизнь — служение России	35
В тишине деревенского уединения	73
«Прекрасная дочь прекрасной матери...»	90

«...И ОБО МНЕ ВСПОМЯНЕТ»

С думой о счастье народа	108
Как потомки Пушкина породнились с семьей Гоголя	121
«...Не любил... визиты к царю»	131
«Живая пушкинская энциклопедия»	140
«А я — Пушкин, внук Александра Сергеевича»	148
Страницы шести биографий	156
И на чужбине оставался русским...	167
Неразгаданная тайна	172
И еще о внуках	181

«РОССИИ ДВИНУЛИСЬ СЫНЫ...»

В гостях у правнука	192
Воин, ученый, педагог...	196
Эстафета поколений	211
Три поколения Кологривовых	215
Он защищал Москву	244
На земле, в небе и на море	257

У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

Полтавские потомки поэта	268
В семье Галиных	276
«Нравом я далеко не кроткая»	280
Здесь все дышит Пушкиным...	286
И в буднях — поэзия жизни	290
Берегут честь смолоду	299
С нее все и началось	307
И почетно, и ответственно	313
«Поэтом можешь ты не быть...»	318
Горсть русской земли в Париже	327
Лекарств от ностальгии нет	346
Пушкины в Брюсселе	349
Корни русские — характер английский	354
«Нет, в честь другого Александра...»	374
Калейдоскоп лиц и событий	378
Пушкин — в сердце народов	390
Примечания	392
А. С. Пушкин и его потомки. <i>Родословная роспись</i>	418
Основная литература	443

Русаков В. М.
Р88 Рассказы о потомках А. С. Пушкина.—СПб.:
Лениздат. 1992.— 447 с., ил.
ISBN 5-289-01238-9

Книги В. М. Русакова — «Потомки А. С. Пушкина», «Рассказы о потомках А. С. Пушкина», «Уважены за имя...» — хорошо известны широкому кругу читателей, получили признание известных литературоведов-пушкинистов.

В новом издании книги, посвященной судьбам потомков великого русского поэта, читатель найдет сведения о рукописях и библиотеке Пушкина, его портретах, вещах, узнает, как воспринималось и воспринимается пушкинское творчество его потомками, людьми разных эпох, разных профессий и разного возраста, жившими и живущими в нашей стране и за рубежом, какое значение имеет А. С. Пушкин для развития отечественной и зарубежной литературы и культуры. В книге существенно дополнены многие биографии потомков поэта, подвергшихся незаконным репрессиям, расширена и дополнена родословная роспись.

Адресована широкому кругу читателей.

Р $\frac{4603020101-081}{M171(03)-92}$ 96—92

ББК 63.2

Издание научно-популярное

РУСАКОВ Виктор Михайлович

Рассказы о потомках А. С. ПУШКИНА

Заведующая редакцией *И. А. Орлова*

Художник *Н. Н. Гульковский*

Фотограф *М. М. Петрова*

Художественный редактор *И. В. Зарубина*

Технический редактор *И. В. Бuzдалева*

Корректор *М. В. Иванова*

ИБ № 5720

Сдано в набор 23.08.91. Подписано к печати 13.03.92. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарн. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Усл. кр.-отт. 24,15. Уч.-изд. л. 25,63. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 879. С 97.

Лениздат, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

В. М. Русаков

**РАССКАЗЫ
О ПОТОМКАХ
А. С. ПУШКИНА**

Предыдущие книги автора, посвященные пушкинской генеалогии, хорошо знакомы широкому кругу читателей, получили признание известных литературоведов-пушкинистов. В этом издании читатель найдет много новых сведений о потомках великого русского поэта, узнает, как живут многочисленные потомки А. С. Пушкина за рубежом, познакомится с не публиковавшимися ранее фотографиями, с уточненной и дополненной родословной росписью потомков поэта.